



УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; Scopus Author ID: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь

Майоров Андрей Владимирович — кандидат юридических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0002-8629-9837; Scopus Author ID: 55629771300;
ResearcherID: AAK-3612-2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бархатов Виктор Иванович, доктор экономических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Болдырев Николай Николаевич**, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Бузгалин Александр Владимирович**, доктор экономических наук, профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор университета Париж-Дофин (Франция).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Е. В. Шелестюк, доктор филологических наук, доцент, председатель редакционной коллегии (Челябинск); **Т. В. Борисенко**, кандидат филологических наук, заместитель председателя редакционной коллегии (Челябинск); **Г. К. Валеев**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Воронцова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **И. В. Глухова**, кандидат педагогических наук, доцент (Челябинск); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. Ю. Двинина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **М. В. Загидуллина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Л. А. Месеняшина**, доктор педагогических наук, профессор (Челябинск); **А. А. Миронова**, доктор филологических наук, доцент (Челябинск); **Л. А. Нефёдова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Н. С. Олизько**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Н. Б. Попова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **О. Ю. Редькина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **Ал. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск).

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.
Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129, каб. 350

Адрес редакции научного
направления

«Филологические науки»:
Россия, 454084, Челябинск,
пр. Победы, 162в

Тел.: (351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
www.csu.ru
(раздел Наука/Вестник ЧелГУ)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312

Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректура *О. Е. Шишмаренковой*
Верстка *О. Е. Шишмаренковой*

Подписано в печать 25.04.22.
Выход в свет 04.05.22.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 20,6.
Уч.-изд. л. 16,5.
Тираж 500 экз. Заказ 178.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 57б



FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

A. V. Mayorov, Cand. Sci. (Law), Prof. (Assoc.), Member of ASEP

EDITORIAL COUNCIL

V. I. Barkhatov, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia);
N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia);
Y. A. Bubnov, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia);
A. V. Buzgalin, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Lomonosov Moscow State University, Russia);
E. I. Golovanova, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia);
M. R. Zheltukhina, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia);
R. M. Katchalov, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia);
A. B. Nevelev, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia);
R. M. Nizhegorodtsev, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia);
S. A. Pitina, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia);
J. Richard, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University France).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

E. V. Shelestyuk, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.), Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk);
T. A. Borisenko, Cand. Sci. (Philology), Deputy Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk);
G. K. Valeev, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk);
T. A. Vorontsova, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk);
I. V. Glukhova, Cand. Sci. (Pedagogical), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk);
E. I. Golovanova, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk);
S. Yu. Dvinina, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk);
M. V. Zagidullina, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk);
L. A. Mesenyashina, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (Chelyabinsk);
A. A. Mironova, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk);
L. A. Nefedova, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk);
N. S. Olizko, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk);
S. A. Pitina, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk);
N. B. Popova, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk);
O. Yu. Redkina, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk);
Al. A. Selyutin, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk);
A. A. Selyutin, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk).

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

**The journal is published
12 times per year**

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office address:
of. 350, 129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

“Philological Sciences”
editorial office address:
162v, Prospect Pobedy,
Chelyabinsk, 454084, Russia
Telephone: + 7(351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
www.csu.ru

The Editorial Board may not share the
views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of abstract translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies and
Communications
Certificate ПИ № ФЦ77-66312

Index 33077
in the “Press of Russia” catalog

Proofreader *O. E. Shishmarenkova*
Imposition by *O. E. Shishmarenkova*

Approved for printing 25.04.22.
Date of publication 04.05.22.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 20,6.
Ac.-publ. sh. 16,5.
Circulation 500 copies.
Order 178. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕКСИЧЕСКАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА. СОЦИОЛЕКТЫ

- Архипова И. В.* Концессивный таксис в аспекте межкатегориального взаимодействия 7
- Циньфэй Дун.* Наречия образа действия в русских говорах Приамурья 13
- Захарова Ю. Г.* Семантическая деривация лексики как следствие ее детерминологизации
в русском языке конца XIX в. (на материале писем А. П. Чехова) 22
- Маштакова Е. И.* Лексическое словообразование в социолекте субкультуры дрифтеров 30
- Чэнь Сюэцин.* Грамматикализация конструкции «по адресу» 36

ЯЗЫКИ И ИХ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ

- Контрерас Сарриа Х. О.* Перуанский вариант испанского языка: фонетические,
грамматические, лексические особенности. 43

КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА, ПРАГМАЛИНГВИСТИКА

- Воронцова Т. А.* Речевой стереотип в диалогической коммуникации 51

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, КОНЦЕПТОЛОГИЯ, ЛИНГВОГЕРМЕНЕВТИКА

- Го Т.* Лингвогерменевтический анализ поэтики русской сатиры XIX в. 57
- Зиновьева Д. О.* Концептосфера Средней Азии XIX в. (на материале «Очерков торговли России
со Средней Азией» П. И. Небольсина) 63
- Кандыбина А. В.* Особенности объективации универсальной антиномии «дружба — вражда»
в семантике русских и чешских паремий. 72
- Kislyakova E. U., Madzhaeva S. I., Kasimtseva L. M.* Otherness as a parameter of communicative
interaction 79
- Чжао Ю.* Семантико-смысловые особенности и механизмы повествовательной сатиры
в России начала XX в. 85
- Бурмистрова Л. В.* Концепт «женщина» в интернет-мемах 90

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

- Кушникова Л. В., Гейхман Л. К., Кан С.* Когнитивные стратегии перевода антропонимической
метафоры в художественном дискурсе 98
- Ремхе И. Н., Нефедова Л. А.* Диалектика синтеза когниции и переводческой индустрии 105
- Shelestyuk E. V., Yakovleva E. S.* Ipsocentrism, alterocentrism, linguocultural transfer in translation . . . 115

ДИСКУРСОЛОГИЯ И СТИЛИСТИКА

<i>Пугачева Е. В., Янушкявичене О. Л.</i> Стилиевые доминанты индивидуально-авторского дискурса В. Пелевина (на материале романа «Т»).	131
<i>Селютин Ал. А.</i> Дискурс видеоигр: к вопросу о терминологии.	138
<i>Смакотина Н. А., Телегуз А. А., Трофимова Е. С., Фомин А. Г.</i> Гендерные и профессиональные стереотипы в русско- и англоязычной военной рекламе	145
<i>Ростовцева С. А., Таскаева А. В.</i> Представления о враче-хирурге в языковом сознании россиян.	160
<i>Урванцев Г. В.</i> Реализация фэнтэзийных архетипов в фонетическом облике искусственных языков на примере TES V: Skyrim	168

CONTENTS

LEXICAL AND FUNCTIONAL SEMANTICS AND SOCIOLECTS

- Arkhipova I. V.* Concession taxis in the aspect of intercategory interaction 7
- Qinfei Dong.* Adverbs of manner in the Russian dialects of the Amur Region 13
- Zakharova Y. G.* Semantic derivation of vocabulary as a consequence of its determinologization
in the Russian language of the late 19th century (exemplified by A. P. Chekhov's
letters) 22
- Mashtakova E. I.* Lexical word formation in the sociolect of drifters 30
- Chen Xueqing.* Grammaticalization of the construction “at the address” 36

LANGUAGES AND THEIR REGIONAL VARIETIES

- Contreras Sarria J. O.* Peruvian Spanish: phonetic, grammatical, lexical features. 43

COMMUNICATIVE LINGUISTICS, PRAGMALINGUISTICS

- Vorontsova T. A.* Speech stereotypes in dialogic communication 51

LINGUOCULTUROLOGY, CONCEPTOLOGY, LINGUOHERMENEUTICS

- Guo Tianyu.* Linguohermeneutic analysis of the poetic satire of 19th century Russia 57
- Zinov'eva D. O.* Conceptual framework of 19th c. Central Asia (based on “Essays on Russia's
trade with Central Asia” by P. I. Nebolsin). 63
- Kandybina A. V.* Features of the objectification of the universal antinomy “friendship — enmity”
in the semantics of Russian and Czech paroemiae 72
- Kislyakova E. Yu., Madzhaeva S. I., Kasimtseva L. M.* Otherness as a parameter
of communicative interaction 79
- Yue Zhao.* “Revolution” in the Russian narrative satire of the early 20th century. 85
- Burmistrova L. V.* The concept WOMAN in Internet memes 90

TRANSLATION STUDIES

- Kushnina L. V., Geykhman L. K., Kan X.* Cognitive strategies for translating the anthroponymic
metaphor in artistic discourse. 98
- Remkhe I. N., Nefedova L. A.* The dialectics of the synthesis of cognition and the translation
industry 105
- Shelestyuk E. V., Yakovleva E. S.* Ipsocentrism, alterocentrism, linguocultural transfer in translation . . . 115

DISCOURSE AND STYLISTICS

<i>Pugacheva E. V., Yanushkevichiene O.</i> Dominants in Viktor Pelevin's auctorial idiom (case study of the novel "T")	131
<i>Selyutin Al. A.</i> The discourse of video games: on the question of terminology	138
<i>Smakotina N. A., Teleguz A. A., Trofimova E. S., Fomin A. G.</i> Gender and professional stereotypes in Russian- and English-language military advertising	145
<i>Rostovtseva S. A., Taskaeva A. V.</i> Ideas about the surgeon in the linguistic consciousness of Russians	160
<i>Urvantsev G. V.</i> Fantasy archetypes in the phonetic systems of constructed languages in TES V: Skyrim	168

ЛЕКСИЧЕСКАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА. СОЦИОЛЕКТЫ

LEXICAL AND FUNCTIONAL SEMANTICS AND SOCIOLECTS

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 7—12. ISSN 1994-2796 (print).

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(3(461):7-12. ISSN 1994-2796 (print).

Научная статья

УДК 811.112.2`36

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10301

КОНЦЕССИВНЫЙ ТАКСИС В АСПЕКТЕ МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Ирина Викторовна Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, irarch@yandex.ru

Аннотация. Целью настоящей статьи является рассмотрение явления concessive taxis одновременности в аспекте межкатегориального взаимодействия функционально-семантических категорий taxis и concessivity. Функционально-семантические категории taxis и concessivity взаимосвязаны и находятся в отношении межкатегориальной инклюзии. Явление межкатегориальной инклюзии является интегрирующим фактором конституирования concessive taxis семантических синкрет-комплексов в высказываниях с девербативами и concessive prepositions немецкого, русского, нидерландского и других языков. В результате исследования мы пришли к выводу, что в обследованных высказываниях, репрезентирующих concessive taxis семантические синкрет-комплексы и содержащих monotaxis prepositions с семантикой уступки: *trotz, ungeachtet, несмотря на, невзирая на, вопреки, despite, in spite of, ondanks, ongeacht, trots, mimo, pomimo, wbrew*, — актуализируются concessive taxis категориальные ситуации одновременности.

Ключевые слова: taxis, concessivity, concessive taxis, intercategorical interaction, intercategorical inclusion, concessive taxis semantic syncretic complexes, concessive taxis categorical situations of simultaneity

Для цитирования: Архипова И. В. Concessive taxis in the aspect of intercategorical interaction // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 7—12. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10301.

Original article

CONCESSION TAXIS IN THE ASPECT OF INTERCATEGORY INTERACTION

Irina V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, irarch@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to consider the phenomenon of concessive taxis in the aspect of the intercategorical interaction of functional and semantic categories of taxis and concessivity. The functional-semantic categories of taxis and concessivity are interrelated and are in relation to intercategorical inclusion. The phenomenon of intercategorical inclusion is an integrating factor in the constitution of concessive taxis semantic syncretic complexes in statements with deverbatives and concessive prepositions of German, Russian, Dutch and other languages. As a result of the research, we conclude that in the examined statements representing concessive taxis semantic syncretic complexes and containing monotaxis prepositions with the semantics of concession: *trotz, ungeachtet, несмотря на, невзирая на, вопреки, despite, in spite of, ondanks, ongeacht, trots, mimo, pomimo, wbrew* — concessive taxis categorical situations of simultaneity are actualized.

Keywords: taxis, concessivity, concessive taxis, intercategorical interaction, intercategorical inclusion, concessive taxis semantic syncretic complexes, concessive taxis categorical situations of simultaneity

For citation: Arkhipova IV. Concession taxis in the aspect of intercategorical interaction. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(3(461):7-12. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10301.

Введение

Категория таксиса и вопросы актуализации таксисной категориальной семантики одновременности/разновременности в функционально-семантическом и сравнительно-типологическом аспектах неоднократно освещались в работах И. В. Архиповой, А. В. Бондарко, Я. Коцковой, В. П. Недялкова, Г. А. Отаиной, В. С. Храковского и др. [1—3; 6; 9].

Категория concessivности рассматривается отечественными лингвистами в качестве некоторого функционально-семантического поля, конституируемого равноуровневыми языковыми единицами. Описанию concessивной семантики в разнотипных языках посвящены исследования таких отечественных лингвистов, как: И. В. Архипова, З. Ф. Михайлова, Г. А. Мусатова, В. А. Стегний, В. С. Храковский, Н. С. Черникова и др. [1; 4; 5; 7; 8; 10]. Однако современные исследователи оставляют вне поля рассмотрения вопрос межкатегориального взаимодействия категории concessivности с другими функционально-семантическими категориями, в частности с категорией таксиса, чем и обусловлен наш исследовательский интерес.

Методы и материалы

Работа выполнена в рамках функционально-семантического подхода к рассмотрению категорий таксиса и concessivности.

В ходе исследования использовался комбинированный ономато-семасиологический подход к анализу вышеназванных функционально-семантических категорий: «от семантики к ее формальному выражению» и «от формы к семантике».

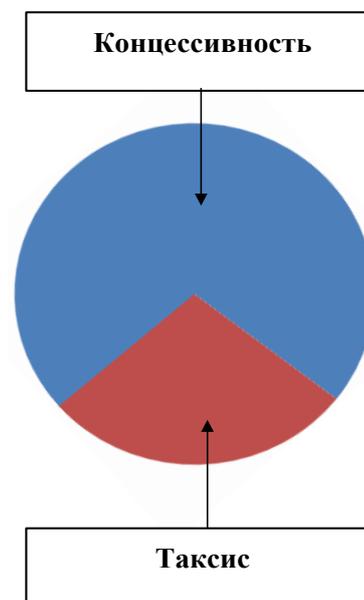
В процессе исследования использовались такие общенаучные и лингвистические методы, как описательный, гипотетико-дедуктивный, индуктивный, метод классификации, контекстуальный метод, метод обобщения и интерпретации языкового материала, а также приемы контекстуального анализа.

Исследование проводилось на материале современного немецкого языка с привлечением обширного языкового материала других разнотипных языков, в частности английского, русского, нидерландского и польского.

Результаты

В ходе исследования мы пришли к выводу, что функционально-семантические категории таксиса и concessivности тесно взаимодействуют между

собой, характеризуясь взаимообусловленностью и взаимозависимостью, и находятся в отношении так называемой *межкатегориальной инклюзии* (см. рисунок).



Таксис и concessivность:
модель межкатегориальной инклюзии

Межкатегориальное взаимодействие, а именно *межкатегориальная инклюзия* (термин наш. — И. А.) функционально-семантических полей таксиса и concessivности детерминирует актуализацию concessивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности в высказываниях с монотаксисными concessивными предложениями.

Concessивно-таксисные категориальные значения одновременности актуализируются в немецких, русских, польских, английских и нидерландских высказываниях с монотаксисными предложениями concessивной семантики: *despite, in spite of, trotz, ungeachtet, несмотря на, невзирая на, вопреку, ondanks, ongeacht, trots, mimo, pomimo, wbrew*. Вышеперечисленные монотаксисные предложения concessивной семантики являются при этом маркерами concessивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности, ср.:

Нем.: Das Erreichen seines großen Ziels ist aber *trotz des starken Auftritts* in Monaco unsicherer als zuvor [11]; Produziert wurde wie schon in der Vergangenheit *trotz eines Rückgangs* vor allem Schweinefleisch [Там же]; Dem Start-Up geht es *trotz Absage* in der Höhle der Löwen gut [Там же]; Der Topscorer aus Kanada ist *ungeachtet der Verwirrung um das Regelwerk* nun doch gesperrt [Там же].

В вышеприведенных высказываниях на немецком языке в качестве маркеров concessивно-таксис-

ных категориальных ситуаций выступают концессивные предлоги *trotz* и *ungeachtet*. Девербативы в сочетании с ними выступают в качестве таксисных актуализаторов (см. следующие предложные девербативы: *trotz des starken Auftritts*, *trotz eines Rückgangs*, *trotz Absage*, *ungeachtet der Verwirrung um das Regelwerk*).

Рус.: В Германии, *несмотря на заверения властей*, в действительности эпидемия не идет на спад [Там же]; В Германию, *несмотря на открытие рынка труда*, с начала года уехало лишь две тысячи человек [Там же]; Париж сделает это, *несмотря на возражения США и ряда других союзников по НАТО* [Там же]; Уотсон отправилась в путешествие, *несмотря на предупреждения официальных лиц* о его опасности [Там же]; И, *невзирая на увеличение затрат авиакомпаний*, цены на авиабилеты продолжают снижаться [Там же]; Но на последнем заседании, *невзирая на несогласие парламентариев*, его все-таки назначил Кабмин [Там же]; Но ремонт *вопреки ожиданиям* во многих образовательных учреждениях далек от завершения [Там же].

В вышеперечисленных высказываниях на русском языке в качестве актуализаторов концессивно-таксисных категориальных ситуаций выступают следующие девербативы в сочетании с концессивными предлогами *несмотря на*, *невзирая на*, *вопреки*: *несмотря на заверения властей*, *несмотря на открытие рынка труда*, *несмотря на возражения США и ряда других союзников по НАТО*, *несмотря на предупреждения официальных лиц*, *невзирая на увеличение затрат авиакомпаний*, *вопреки ожиданиям*.

Польск.: Anna Dziadyk zagrała w nim młodzieutką studentkę odkrywając dowody miłości profesora do żony, czemu uświadomić sobie musiała, że *mimo zapewnień*, nie była wielką miłością profesora, tylko jedną z wielu przygód erotomana [12]; Oskarżony, *mimo wyznaczenia kilkunastu kolejnych terminów*, ani razu nie stawiał się w sądzie [11]; One nie znikną w próżni *mimo milczenia duchownych* [Там же]; Już pierwsza seria zagrań przyniosła punkty za przyłożenie ale *wbrew oczekiwaniu* były to punkty dla [Там же]; Nie funkcjonuje *wbrew zapewnieniom ministra Bogdana Klicha* [Там же].

В приведенных выше высказываниях на польском языке в роли актуализаторов концессивно-таксисных категориальных ситуаций выступают предложно-девербативные конструкции с концессивными предлогами *mimo* и *wbrew* (см.: *mimo zapewnień*, *mimo wyznaczenia kilkunastu kolejnych terminów*, *mimo milczenia duchownych*, *wbrew oczekiwaniu*, *wbrew zapewnieniom ministra Bogdana Klicha*).

Англ.: The cost of borrowing among Tanzanians decreased slightly in June *despite speculations* that the rates would increase [Там же]; Police in Spain said the unscrupulous criminals plied their trade, *despite knowing of the dangers* the drugs posed [Там же]; This fusion band somehow managed to re-create the excitement of their raucous live shows *despite the limitations of technology* [Там же]; But *despite promises* that the White House would pursue some kind of infrastructure legislative package, nothing of the sort ever materialized [Там же].

В вышеперечисленных высказываниях на английском языке в качестве таксисных актуализаторов выступают следующие девербативы в сочетании с концессивным предлогом *despite*: *despite speculations*, *despite knowing of the dangers*, *despite the limitations of technology*, *despite promises*.

Нидерл.: Daarom brengen wij het bewegen binnen De Plataan naar een hoger niveau en maken het toegankelijk voor iedereen, *ongeacht beperkingen* [Там же]; Frans heeft enige tijd, *ondanks bezwaren van Dé Haan*, op Het Bureau gewerkt [Там же].

В приведенных выше высказываниях на нидерландском языке таксисными маркерами концессивного таксиса являются предлоги *ongeacht*, *ondanks*. В роли таксисных актуализаторов выступают предложные девербативы *ongeacht beperkingen*, *ondanks bezwaren van Dé Haan*.

В немецком языке прототипический характер приобретают следующие контекстуальные элементы актуализируемых концессивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности:

- 1) индикаторы концессивности (уступительности), в частности немецкие монотаксисные предлоги концессивной семантики *trotz* и *ungeachtet*: Seit Nic auf der Welt ist, kämpfen Eltern, Verwandte und Freunde *ungeachtet aller Rückschläge* und *Enttäuschung* an allen Fronten für ihn [Там же]; Nach drei Wechseln blieb Kevin Großkreutz in der Schlussphase *trotz Verletzung* weiter auf dem Platz [Там же]; Die Bildqualität ist *trotz des einfachen Auftritts* hervorragend [Там же]; Zwei mutmaßliche Diebe hat ein Ladendetektiv an der Lünener Rennbahn geschnappt, einem dritten gelang *trotz Fahndung durch die Polizei* die Flucht [Там же];
- 2) девербативы различной лексической и словообразовательной семантики (на *-en*, *-ung*, *-e*, *o-*), например: Der europäische Automarkt hat im Juli *trotz des erneuten Rückgangs* in Deutschland zugelegt [Там же]; Über das Wochenende ist *trotz verzweifelter Suche* die Hoffnung auf Überlebende rapide gesunken [Там же];

In diesem Zusammenhang hob er ferner hervor, dass er *ungeachtet seiner Absetzung als Minister* weiterhin Mitglied des Zentralkomitees und Politbüros der Swapo sei... [11]; Nach vier Jahren und *trotz Verlobung* haben Lena Gercke und Sami Khedira das Ende ihrer Beziehung bekannt gegeben [Там же]; Die ganz große Rotation ist *trotz Ankündigung von Thomas Tuchel* ausgeblieben [Там же]; Die Wirtschaft Großbritanniens zeigt *trotz des angestrebten Ausscheidens aus der Europäischen Union* keine Anzeichen von Schwäche [Там же];

- 3) семантика различных глагольных предикатов (статальных, процессуальных, акциональных, событийных): Sie *ernteten trotz ihrer Erklärungen von vielen nur Kopfschütteln* [Там же]; Er *hält trotz des Aufschwungs* [Там же]; Die Loyalität der Sponsoren sei *trotz des Abstiegs* einzigartig gewesen [Там же]; Dem Start-Up *geht es trotz Absage* in der Höhle der Löwen gut [Там же]; Der Pharmakonzern Schering *hat ungeachtet der jüngsten Rückschläge und zeitlichen Verzögerungen* bei der Zulassung neuer Medikamente für die kommenden Jahre weiteres Wachstum *in Aussicht gestellt* [Там же]; Für die Polizei blieb es *trotz des Andrangs* relativ ruhig [Там же].

При наличии итеративных квантификаторов (*mehrmalig, mehrfach, vielmehr, jedesmalig, jeder, immer, ständig, wieder, oft, immer noch, immer wieder* и др.), итеративных девербативов и дистрибутивной множественности субъектных/объектных актантов глагольных действий (*viele, alle, mehrere, manche* и др.) в немецких высказываниях с моноксисными concessивными предложениями актуализируются сопряженные таксисные категориальные ситуации одновременности, а именно:

- 1) сопряженные итеративно-concessивно-таксисные категориальные ситуации, например: *Trotz mehrfacher Aufforderung* und *trotz ihrer Schreie* habe er nicht von ihr abgelassen [Там же]; Apple verweigerte der «SonntagsZeitung» *trotz mehrmaligem Nachfragen* eine Stellungnahme [Там же]; Ein Fünkchen Hoffnung hat der Coburger *trotz seiner Enttäuschung immer noch* [Там же]; Die Zeit der alten Anlage war *trotz ständiger Modernisierungen* abgelaufen [Там же]; Sie sieht *trotz Verstimmungen* weiterhin in Torsten Albig den richtigen Mann als Ministerpräsident [Там же]; Dort gibt es *trotz Absprache zwischen den Bürgermeistern immer noch* Gaststätten, die zu später Stunde Alkohol an Jugendliche ausschenken [Там же];

Pictet setzt *trotz Schwankungen am Markt* weiterhin auf Aktien [Там же]; Doch die Furcht erwies sich *trotz einiger Anschläge und Entführungen* als weitgehend unbegründet [Там же]; Trump rief *ungeachtet der Vorwürfe* zur Wahl Moores auf [Там же];

- 2) сопряженные дистрибутивно-concessивно-таксисные категориальные ситуации одновременности, ср.: Die Insassen blieben unverletzt und beide Autos *trotz der Beschädigungen* fahrbereit [Там же]; Zwei Menschen kamen uns Leben, als sie *trotz Warnungen* in die stürmische See gingen [Там же].
- 3) сопряженные итеративно-dистрибутивно-таксисные категориальные ситуации одновременности, например: In der iranischen Hauptstadt Teheran haben *trotz harscher Drohungen der Behörden wieder* Menschen gegen das Regime demonstriert [Там же]; *Vielmehr* habe er das Verbrechen *trotz überwältigender Beweise* selbst nach seiner Verurteilung noch geleugnet [Там же]; Ich habe *trotz aller Verpflichtungen bei jeder Gelegenheit* an meinem Privathaus gearbeitet [Там же].

В приведенных выше высказываниях (п. 1) актуализация итеративно-concessивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности обусловлена, как правило, семантикой словообразовательно-итеративных девербативов *die Verstimmungen, die Anschläge, die Entführungen, die Schwankungen, die Vorwürfe, die Modernisierungen* (см. девербативы с concessивными предложениями *trotz* и *ungeachtet*: *trotz Verstimmungen, trotz Schwankungen am Markt, trotz einiger Anschläge und Entführungen, trotz ständiger Modernisierungen*). Исключение составляет высказывание с предложным девербативом: *trotz ständiger Modernisierungen*, — в котором семантику итеративно-concessивного таксиса детерминирует также итеративный атрибут *ständig*).

В вышеперечисленных высказываниях с итеративными атрибутами (см. девербативы с concessивными предложениями: *trotz mehrfacher Aufforderung, trotz mehrmaligem Nachfragen, trotz einiger Anschläge und Entführungen*) актуализация итеративно-concessивно-таксисных категориальных ситуаций детерминирована атрибутами *mehrfach, mehrmalig, einige*. Кроме того, актуализаторами категориальной семантики итеративно-concessивного таксиса в приведенных выше высказываниях немецкого языка выступают итеративные адвербиалы *immer noch, immer*.

При актуализации дистрибутивно-концессивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности прототипический характер имеет дистрибутивная множественность субъектных актантов глагольных действий (см. высказывания с предложными девербативами *trotz der Beschädigungen, trotz Warnungen*).

При актуализации сопряженных итеративно-дистрибутивно-концессивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности прототипичностью характеризуются девербативы словообразовательно-итеративной кратности, а также итеративные квантификаторы *vielmehr, wieder, jeder* (см. высказывания с предложными девербативами *trotz harscher Drohungen der Behörden, trotz überwältigender Beweise, trotz aller Verpflichtungen*).

Заключение

Таким образом, межкатегориальная инклюзия функционально-семантических полей таксиса

и концессивности детерминирует актуализацию различных концессивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности в высказываниях с монотаксисными концессивными предложениями.

В фокусе интегрального сегмента, конституируемого в силу межкатегориальной инклюзии функционально-семантических полей таксиса и концессивности, находятся высказывания с монотаксисными предложениями концессивной семантики: *trotz, ungeachtet, despite, in spite of, ondanks, ongeacht, trots, несмотря на, невзирая на, вопреки, mimo, pomimo, wbrew*. Подобные высказывания репрезентируют концессивно-таксисные семантические синкрет-комплексы одновременности. В них актуализируются концессивно-таксисные категориальные ситуации одновременности, а также сопряженные квантитативно-концессивно-таксисные и итеративно-концессивно-таксисные категориальные ситуации при наличии различных итеративных индикаторов.

Список источников

1. Архипова И. В. Категория таксиса в разноструктурных языках: монография. Новосибирск, 2020. 173 с.
2. Бондарко А. В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 7-е. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 234—242.
3. Коцкова Я. Неличные формы глагола как средства выражения таксиса в русском и чешском языках // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2019. Т. 3, № 15. С. 87—110.
4. Михайлова З. Ф. Уступительная связь в сложном синтаксисе современного немецкого языка // Вестник Новгородского государственного университета. 2015. № 4-1 (87). С. 183—186.
5. Мусатова Г. А. Семантика уступки: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 21 с.
6. Недялков В. П., Отаина Г. А. Типологические и сопоставительные аспекты зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским) // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 7-е. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 296—319.
7. Стегний В. А. Уступительные конструкции в английском языке // Типология уступительных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 2004. С. 208—222.
8. Храковский В. С. Уступительные конструкции: семантика, синтаксис, типология // Типология уступительных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 2004. С. 9—91.
9. Храковский В. С. Семантика, синтаксис, типология // Типология таксисных конструкций / ред. В. С. Храковский. М.: Знак, 2009. С. 11—113.
10. Черникова Н. С. Сложноподчиненные предложения, выражающие уступительные отношения: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007. 24 с.
11. LC. Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения 14.10. 2021).
12. НКПЯ. Национальный корпус польского языка. URL: <http://nkjp.pl/poliqarp> (дата обращения 14.10. 2021).

References

1. Arkhipova IV. Kategoriya taksisa v raznostrukturnykh yazykakh = Taxis category in different-structured languages. Novosibirsk; 2020. 173 p. (In Russ.).
2. Bondarko AV. Obshhaja harakteristika semantiki i struktury polja taksisa = General characteristic of semantics and structure of taxis field. In: Teoriya funktsionalnoy grammatiki: Vvedeniye, aspektualnost, vremennaya

lokalizovannost, taksis = Functional Grammar Theory: Introduction, Aspectuality, Temporal Localization, Taxis. Moscow; 2017. Pp. 234—242. (In Russ.).

3. Kotskova Ya. Nonpersonal forms of the verb as a mean of taxis expressing in the Russian and Czech languages. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy = Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research*. 2019;(3-15):87-110. (In Russ.).

4. Mikhailova ZF. Concessionary connection in the complex syntax of the modern German language. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Novgorod State University*. 2015;(4-1(87)):183-186. (In Russ.).

5. Musatova GA. Semantika ustupki = Semantics of assignment. Abstract of thesis. Moscow; 2008. 21 p. (In Russ.).

6. Nedyalkov VP, Otaina GA. Tipologicheskiye i sopostavitelnyye aspekty zavisimogo taksisa (na materiale nivkhskego yazyka v sopostavlenii s russkim) = Typological and comparative aspects of dependent taxis (based on the material of the Nivkh language in comparison with Russian). In: *Teoriya funktsionalnoy grammatiki: Vvedeniye, aspektualnost', vremennaya lokalizovannost, taksis = Functional Grammar Theory: Introduction, Aspectuality, Temporal Localization, Taxis*. Moscow: LENAND; 2017. Pp. 296—319. (In Russ.).

7. Stegnyy VA. Ustupitelnyye konstruksii v angliyskom yazyke = Concessional constructions in English. In: *Tipologiya ustupitelnykh konstruksiy = Typology of yielding constructions*. St. Petersburg; 2004. Pp. 208—222. (In Russ.).

8. Khrakovskiy VS. Ustupitelnyye konstruksii: semantika, sintaksis, tipologiya = Concessional constructions: semantics, syntax, typology. In: *Tipologiya ustupitelnykh konstruksiy = Typology of yielding constructions*. St. Petersburg; 2004. Pp. 9—91. (In Russ.).

9. Khrakovskiy VS. Semantika, sintaksis, tipologiya = Semantics, syntax, typology. In: *Tipologiya taksisnykh konstruksiy = Typology of taxi structures*. Moscow: Znak; 2009. Pp. 11—113. (In Russ.).

10. Chernikova NS. Slozhnopodchinennyye predlozheniya, vyrazhayushchiye ustupitelnyye otnosheniya: na materiale russkogo i angliyskogo yazykov = Complex sentences expressing concessional relations: on the material of the Russian and English languages. Abstract of thesis. Voronezh; 2007. 24 p. (In Russ.).

11. LC. Laboratory of Corpus Linguistics of the University of Leipzig. Available from: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (accessed 14.10. 2021).

12. НКПЯ. Национальный корпус польского языка. Available from: <http://nkjp.pl/poliqarp> (accessed 14.10. 2021).

Информация об авторе

И. В. Архипова — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германских языков.

Information about the author

Irina V. Arkhipova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of the Romance and Germanic Philology.

Статья поступила в редакцию 11.12.2021; одобрена после рецензирования 26.12.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 11.12.2021; approved after reviewing 26.12.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.161.1

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10302

НАРЕЧИЯ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИАМУРЬЯ

Циньфэй Дун

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, qinfei@mail.ru

Аннотация. Впервые проводится семантический анализ диалектных наречий образа действия, используемых носителями русских говоров Приамурья, и предлагается их семантическая классификация. На основе описательно-аналитического анализа и сопоставительного метода автор выявляет собственно лексические диалектизмы, характерные для группы изучаемых говоров. Делается вывод о том, что преобладающими в русских говорах Приамурья являются единицы, выражающие конкретный способ и образ действия.

Ключевые слова: диалекты, русские говоры Приамурья, наречие образа действия, семантическая классификация

Для цитирования: Циньфэй Дун. Наречия образа действия в русских говорах Приамурья // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 13—21. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10302.

Original article

ADVERBS OF MANNER IN THE RUSSIAN DIALECTS OF THE AMUR REGION

Qinfei Dong

Pacific National University, Khabarovsk, Russia, qinfei@mail.ru

Abstract. The research object is the dialectal adverbs of manner extracted by the continuous sampling method from the “Dictionary of the Russian Dialects of the Amur Region”. Despite the scientists’ growing interest in the study of adverbial words, the problem of systematizing this special part of speech has not yet been completely solved. On the one hand, this is due to the fact that the views on semantic classes of adverbs in Russian linguistics are ambiguous. On the other hand, in the modern scientific community, there is a tendency towards the maximum universalization, generalization of semantic features of adverbial words. The article is the first to carry out a semantic analysis of the dialectal adverbs of manner used by the speakers of the Russian dialects of the Amur Region and propose their semantic classification. On the basis of the descriptive-analytical analysis and the comparative method, the author identifies proper lexical dialectisms that are characteristic of the group of dialects under study; it is concluded that in the Russian dialects of the Amur Region units expressing a specific mode of action and manner prevail.

Keywords: dialects, Russian dialects of the Amur region, adverb of manner, semantic classification

For citation: Qinfei Dong. Adverbs of manner in the Russian dialects of the Amur region. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(3(461):13-21. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10302.

Введение

Предметом исследования являются диалектные наречия образа действия, извлеченные методом сплошной выборки из «Словаря русских говоров Приамурья». Несмотря на возрастающий интерес ученых к изучению адвербиальных слов, проблема систематизации этой особой части речи до сих

пор окончательно не решена. Это связано, с одной стороны, с тем, что в языкознании взгляды на семантические классы наречий неоднозначны.

В русском языкознании наречия как неизменяемая часть речи (за исключением наречий, имеющих степени сравнения) является недостаточно изученной группой слов, а исследования ее лексико-семантических групп единичны. К таким исследованиям относятся и работы, посвященные

наречиям образа действия. На материале русского литературного языка проблемы наречия обсуждаются в работах В. В. Виноградова, Ф. И. Панкова, Л. А. Савеловой, А. А. Шахматова, Н. Ю. Шведовой [2; 6; 8; 9; 15]. Однако единой лексико-семантической типологии наречий не разработано, так как при классификации адвербиальных единиц используются различные основания: логико-семантические, семантико-синтаксические, системно-функциональные, функционально-грамматические и др. В частности, А. В. Дегальцева в работе «Наречия образа действия в разных сферах современного русского общения: структурно-семантическая типология и роль в организации смысла предложения» классифицирует наречия образа действия на пять семантических типов: 1) физические параметры и характеристики предметов, живых существ (*высоко, мелко, легко, жидко, ярко, мускулисто, слепо, шепеляво* и др.); 2) субъективно-оценочные характеристики предметов, явлений, качеств человека, проявляющихся в его поведении (*хорошо, странно, естественно, характерно, законно, принципиально, качественно, грамотно, энергично, старательно, решительно, осторожно* и др.); 3) репрезентации и характер реализации действий, процессов, отношений (*окончательно, начисто, дискретно, горячо, прочно, слабо, остро, резко* и др.); 4) характеристики расположения или присутствия предметов в пространстве (*прямо, наклонно, вертикально, вдоль* и др.); 5) связи и отношения между предметами, явлениями, процессами (*системно, последовательно, неотделимо, аналогично, равномерно, показательно* и др.) [5].

В целом можно констатировать, что отмечается тенденция к максимальной универсализации, обобщенности семантических особенности адвербиальных слов.

Долгое время в русской диалектологии отсутствовали научные работы, специально посвященные изучению диалектных наречных лексем. Первой в этом направлении можно считать диссертацию И. А. Попова «Наречия в русских народных говорах», в которой автором рассмотрены структурно-семантические и фонетические особенности данной части речи, описаны семантические характеристики отдельных групп наречий с временным и пространственным значениями [7].

Интерес представляют диссертационные исследования О. А. Глущенко, в которых семантические характеристики наречий образа действия рассматриваются подробнейшим образом. В кандидатской диссертации «Наречия образа действия в архангельских народных говорах: семантический

аспект» автор разграничивает наречия образа действия на лексико-семантические группы в зависимости от их понятийной сферы: наречия с общей семантикой направления, перемещения, состояния, наречия с семантикой оценки и т. п. Автор обращает внимание на тот факт, что в каждой лексико-семантической группе диалектных наречий существует минимум два уровня семантической дифференциации значений: 1) лексико-семантическое множество и подмножество (подгруппа и тематическое объединение); 2) лексико-семантический ряд на основе смысловых отношений сближения или противопоставления (синонимические и антонимические ряды) [3. С. 399]. В следующей работе, докторской диссертации «Наречия образа действия в классификационном и сопоставительном аспектах: на материале архангельских народных говоров и русского литературного языка», О. А. Глущенко впервые проводит сопоставительный анализ группы диалектных наречий с аналогами литературного языка, в результате чего выделяет универсальные типы семантических соотношений значений общерусских слов в литературном языке и в архангельских говорах, а также случаи несовпадения их значений [4].

Структурно-семантическим особенностям диалектных наречий посвящена диссертация Е. В. Бочкаревой «Наречие в донских говорах: лексико-семантический и структурный аспекты исследования», в которой автором рассмотрены адвербиальные лексемы не только с точки зрения их семантики, но и в аспекте этнокультурологии. Как предполагает Е. В. Бочкарева, наречия образа и способа действия в изучаемых говорах следует классифицировать в зависимости от того, *субъект* (то есть одушевленный носитель признака/состояния, испытывающий или инициирующий действие, процесс) или *объект* (то есть неодушевленный носитель признака/состояния, охваченный действием, процессом) характеризует наречие [1].

В донских говорах наречия образа и способа действия, которые определяют *субъект*, составляют следующие лексико-семантические группы: 1) внешний вид человека: *телешóm* 'без одежды, ничем не прикрыв тело', *босика́ми* 'босиком' и др.; 2) речемыслительная деятельность: *в го́рску* 'тихо, невнятно, потаясь (говорить, сказать)', *мо́лчки* 'молча' и др.; 3) физическая деятельность: *запу́дом* 'вид ловли рыбы: одни ловят бреднем, другие загоняют рыбу в бредни', в свал 'способ пахоты' и др.; 4) способ передвижения: *вбе́жки* 'бегом', *по́ползки* 'ползком', *вплынь* 'вплавь' и др.; 5) статичное положение субъекта: *сто́ячью* 'стоя', *на чапочках*

‘на карточках’ и др.; б) состояние субъекта: *взámуж* ‘замуж’, *напоследя́х* ‘на последнем месяце беременности’ и др. [Там же. С. 12].

Наречия, которые характеризуют объект, в донских говорах единичны. Эти наречия образа и способа действия обозначают 1) физическое состояние объекта: *нараствóр* ‘настежь’, в *рóзвесь* ‘жидко разведенное что-либо’ и др.; 2) положение объекта в пространстве: в вертикальном положении — *таркичóм*, *сторчмя́* и др., положение под углом — *зáкось* ‘наискось’ [Там же. С. 13].

Стоит отметить, что А. В. Дегальцева и О. А. Глущенко относят слова категории состояния к разряду наречий образа действия, так как, по их мнению, данные наречные лексемы в высказываниях (предложениях) являются компонентом предикативного центра и репрезентируют состояния предмета (субъекта или объекта) и среды [3; 5].

В нашем исследовании мы будем опираться на семантическое деление наречий, предложенное Н. Ю. Шведовой, поэтому в группу диалектных наречий образа действия мы включали те наречные лексемы, которые имеют в первую очередь значения качественности и свойственности [8. Т. 1. С. 702]. Слова, обозначающие состояние, к наречиям не относим.

Материал для наблюдений

Материалом для наблюдений послужили в основном 278 лексических диалектизмов — наречий образа действия (НОД), которые собраны методами сплошной выборки и описательно-аналитического анализа и являются самой многочисленной группой среди всех зафиксированных в «Словаре русских говоров Приамурья» (СРГП) адвербиальных слов (49.4%): *адиноли́чно* (одноли́чно), *бе́гом* (*бёгом*), *бедне́нко*, *бедно́*, *бори́сто*, *бося́ками*, *бродко́м* (*бры́дко́м*), *бу́сом*, в *двойни́к*, в *деся́тник*, в *долбе́шку*, в *восьму́ху*, в *гладь*, в *гото́ве*, *ве́рхно*, *верхи́*, *ве́ршно* (*вёришно*), *ве́рши́нем*, *ве́ршни*, *верьха́ми*, *вза́пятки* (*вза́пятки*), в *заки́дку*, в *замо́к*, *взámуж*, *взámужем*, *вза́пятни́*, в *зуб*, в *закрой*, в *ла́пу*, *ви́нно*, *вкра́дче*, в *крест*, в *крюк*, в *нахле́стку*, в *нову́шку*, в *обтя́г*, в *обтя́гу*, в *обы́чности*, в *оди́нарку*, в *однору́чку*, *вонта́раты*, *во́стро*, в *охря́н* (в *охра́н*), в *сто́пу*, *внакло́нку*, в *отде́ле*, *вперевёрт*, *вперехре́ску*, *вплотня́к*, *впоперёк*, *вприско́чку*, *впрого́нку*, в *пристя́жни́х*, *вприте́ску*, *впротёску*, *впрямо́к*, в *разбе́жку*, *вразбра́ску*, в *разва́л*, *врасплёт*, *врасполо́х*, в *расхо́де*, *вро́спуск*, *врушну́*, в *сему́ху*, *встыкнóу*, в *сундо́лах*, в *сковорóдку*, *вся́ко-ра́зно*, *вся́ко-я́ко*, в *тыка́т*, в *тычь*, в *уго́л*, в *ча́шку*, в *ча́шу*, в *шпунт*, в *шен* (в *шин*), *вы́ючно*, *го́льно*, *го́л-голо́м*,

голору́чкой, *гужо́м*, *дарма́*, *доброво́льно*, *дорóдно*, *ёри́ком*, *живко́м*, *заёмно*, *зажму́ркою*, *здря*, *зна́тно*, *знов*, *изно́ве*, *из-под колéна*, *исце́льно*, *íхо*, *каба́ном*, *ки́дком*, *космача́ми*, *космачо́м*, *косомá*, *косяко́м*, *кóтом*, *кра́дкой*, *крадучко́й*, *кра́дче*, *на кругля́ху*, *ладо́м*, *лихомáтом*, *лопа́ткой*, *мастеро́во*, *ме́нтом*, *молчако́м*, *мулём*, *набе́гом*, *навзло́м*, *навзна́чку*, *на вина́х*, *навóнта́раты*, *наврóзь*, *навы́вороть*, *нагишкóм*, *нагла́дко*, *наго́ле*, *на́голо*, *наго́лом*, *на ды́бочки*, *нако́сь*, *на живу́льку*, *нака́тником*, *нака́том*, *налегка́х*, *наме́сто*, *намоло́тно*, *наопла́ст*, *на отде́ле*, *напа́лом*, *напла́вь*, *напереча́нку*, *наповáльно*, *напохва́т*, *напримёрно*, *на пятки́*, *нарамня́х*, *нараскоря́ку*, *нарасшара́гу*, *наро́ком*, *наро́спуск*, *на́рочно*, *на сме́ху*, *насилко́м*, *насилóк*, *на скачки́*, *наскоро́пя*, *на сунду́лах*, *на убёг*, *на убóйну*, *науле́жке*, *на чупу́рки*, *нево́ладке*, *нелáдно*, *нимохо́дом*, *ни́чек*, *ныркóм*, *обра́тно*, *оди́ноко*, *оди́ноково*, *опéть*, *осо́бе*, *отде́лом*, в *охря́пку*, *паротя́гой*, *пёхом*, *пешака́*, *пéше*, *пешекá*, *пéшем*, *пешехо́дом*, *пешка́ми*, *пешкодра́лом*, *пинкачо́м*, *плаве́жом*, *плетешко́м*, *пльвóм*, *по-базáрски*, *по-бузу́йски*, *повдо́ль*, *поворо́ть*, *по-грамоти́чному*, *по-гура́нски*, *пода́тно*, *под голо́вашки*, *подле́дно*, *под песо́к*, *по-дразни́ному*, *под ско́бку*, *под чи́х*, *по-живо́му*, *поина́че*, *по-íхому*, *пока́том*, *по молча́нке*, *по-но́нешному*, *пооди́нке*, *поперё́чно*, *посáдно*, *посáдом*, *по-сорóмски*, *пóстатью*, *постепéнко*, в *потёмок*, *потря́сом*, *по-хохла́цки*, *принево́льно*, в *пристя́жах*, в *пристя́же*, *пря́ком*, *разде́жкой*, *раско́лом*, *рысяко́м*, *самоу́ком*, *сбо́рником*, *сбура́*, *своёру́чно*, *с глаз*, *с гла́зу*, *с добра́*, *сдо́броволь*, *сéгой*, *ска́том*, *скоре́ича*, *скро́зь*, *ску́сно*, *скрасна́*, *сла́дно*, *смерте́льно*, *смёртно*, *сохра́нно*, *сошту́чно*, *спанда́лю*, *спёрко*, *с пры́ти*, *сровня́*, *стоячко́м*, *ступочко́м*, *сундо́лашками*, *сундо́лой* (*сунду́лой*(*бю*)), *сухопу́тно*, *сухопу́том*, *сухачо́м*, *сырняко́м*, *таскани́ной*, *таскачо́м*, *таско́м*, *толкачо́м*, *то́лки*, *топко́м*, *тулу́ном*, *тулу́нчиком*, *турко́м*, *тычмя́*, *убёгом* (*убёгом*), *укура́т*, *упо́ром*, *ушло́*, *фо́рно*, *хлы́нцой*, *хо́дом*, *хры́пко*, *че́резь*, *шагушкóм*, *шарко́м*, *штуковáто*, в *шкант*, *шо́хом*, *шорохко́м*, *щупо́м*, *я́тно* [10].

Результаты исследования и их обсуждение

Учитывая, что русские говоры Приамурья представляют собой тип вторичного образования и проблемы семантических различительных признаков диалектных НОД в изучаемых говорах ранее не подвергались рассмотрению, мы предлагаем возможную классификацию НОД на основе выражаемых значений.

Семантическая классификация диалектных НОД в русских говорах Приамурья:

- 1) со значением направления: *наро́ком, набёгом* (в 1-м значении: «мимоходом, походя»), *нимохо́дом*;
- 2) со значением способа перемещения: *бегом* (*бёгом*), *босьяками, бродко́м* (*брыдко́м*), *вѣхно, верхи́, ве́ршино* (*ве́ршино*), *ве́ршинем, ве́ршини, верхáми, вперевёрт, ко́том, пёхом, пешакá, пёше, пешекá, пёшем, пешехо́дом, пешкáми, пешкодра́лом, рысяко́м, сухопу́тно, сухопу́том*;
- 3) со значением положения субъекта и объекта в пространстве: *взадпя́ткí* (*вза́пятки*), *взапя́тнií, ёри́ком, навзнáчку, наопла́ст, наулёжке, ни́чек, пльвко́м, под голова́шки, покáтом, скáтом, ступочко́м, тулуном* (в 3-м значении: «поднявшись вверх, вздувшись»), *турко́м, че́резь, напла́вь, на́кось, попере́чно*;
- 4) со значением субъективной оценки: *наприме́рно, на́рочно, на смеху́, масте́рово, на убóйну, невпола́дке, нелáдно, по-бузýйски, по-грамоти́чному, подáтно, по-дразни́ному, под чих, по-соро́мски, ску́сно, сла́дно, сохрáнно, спо́рко, с устáтку, то́лки, укура́т, ушло, фо́рсно, штуковáто*;
- 5) со значением состояния: *адиноли́чно* (*одноли́чно*), *бе́дненько, бедно́, в гото́ве, взáмуж, взáмужем, в нову́шку, го́л-голо́м, дорóдно, живко́м, ладо́м* (в 1-м значении: «хорошо, как полагается, толково»), *наврóзь, наго́ле* (в 1-м значении: «наготове, со взведенным курком (о ружье)»), *налегкáх, напохвáт*;
- 6) со значением восприятия: *лихомáтом, с гла́зу*;
- 7) со значением межсубъектных отношений: *заёмно, ладо́м* (во 2-м значении: «мирно, дружно»);
- 8) со значением характеристики внешнего вида и формы: *в обтя́г, в обтя́гу, в пристя́жнiх, вро́пуск, в шен* (*в шин*), *вью́чно, го́льно, голору́чкой* (во 2-м значении: «без рукавиц, не предохраняя руки от холода»), *зжму́ркою, знáтно, космачáми, космачо́м, косомá, косяко́м, нагишко́м, наго́лом, на́роспуск, разде́жкой, раско́лом, сбóрником, сбурá, сэгой, скрасна́, сы́рняко́м, я́тно* (в 3-м значении: «ярко (о цвете)»), *гу́жом*;
- 9) со значением сокрытия: *вкра́дче, кра́дкой, краду́чкой, кра́дче, набёгом* (во 2-м значении: «тайком, без согласия родителей (о выходе замуж)»), *по молча́нке, с глаз, убёгом* (*убёгом*) (во 2-м значении: «тайно, скрыто»);
- 10) со значением повторения действия: *знов, изнове́, обрáтно, опе́ть, поворо́ть*;
- 11) со значением скорости: *бу́сом, ви́нно, во́стро, вприско́чку, ме́нтом, на скачки́, наскоро́пя, на убёг, по-живо́му, постепё́нко, хлы́нцой, хо́дом, шагушко́м, шóхом, скорёича*;
- 12) со значением цены: *дарма́*;
- 13) со значением конкретного способа и образа действия: *борiсто, в двоiни́к, в де́сятник, в долбе́шку, в восьму́ху, в гладь, в заки́дку, в замо́к, в крест, в крюк, в нахлётку, в обы́чности, в одина́рку* (в 1-м значении: «в одно полотно, в одну нитку»), *в однору́чку, в охря́п* (*в охрáп*), *вперехрёску, впоперёк, впрого́нку, впритёску, впротёску, вплотня́квпрямо́к, в разбе́жку, вразбра́ску, в разва́л, врасплёт, врасполо́х, врушну́, в сему́ху, встыкную́, в сундо́лах, в тыка́т, в тычь, в уго́л, в ча́шку, в ча́шу, голору́чкой* (в 1-м значении: «голыми руками (делать что-л., брать, не защищая их)»), *здря, исце́льно, кабано́м, кидко́м, на кругля́ху, в ла́пу, лопáткой, молчако́м, на вина́х, навон́тараты, навыворо́ть, вонтарáты, нагла́дко, на живу́льку, нака́тником, нака́том, наме́сто, намоло́тно, напáлом, напереча́нку, на сунду́лах, ныркóм, в охря́пку, паротя́гой, пинкачо́м, плаве́жом, плетешко́м, побазáрски, повдо́ль, подлётно, под песо́к, под ско́бку, поса́дно, поса́дом, по́статью, в потёмок, потря́сом, в пристя́жах, в пристя́же, пря́ком, своёру́чно, смерте́льно, смёртно, сошту́чно, спандало́ю, сундо́лашками, сундо́лой* (*сунду́лой(о́ю)*), *с пры́ти, в сто́пу, стоя́чком, сухачо́м, таскани́ной, таскачо́м, таско́м, толкачо́м, топко́м, тулуно́м, тулу́нчиком, тычмя́, упо́ром, хры́пко, шарко́м, в шкант, шорохко́м, щу́пом, внакло́нку, в сковоро́дку, в зуб, на чупу́рки, напла́вь, в закрой* (*закрой*), *в шпунт, на дыбочки, наго́ле* (во 2-м значении: «целиком, полностью, весь»), *наго́ло, наповáльно, скрозь, му́лём*;
- 14) со значением подобия и различия: *нарамня́х, вся́ко-ра́зно, вся́ко-я́ко, одино́ко, одино́ково, по-гура́нски, пои́наче, по-iхо́му, по-но́нешному, по-хохла́цки, сровня́, iхо*;
- 15) со значением ограничения и преодоления ограничения: *доброво́льно, из-под колéна, навзло́м, насилко́м, насило́к, принево́льно, с добра́, сдоброво́ль, убёгом* (*убёгом*) (в 1-м значении: «тайком, без, согласия родителей (о выходе замуж)»);
- 16) со значением объединения и обособления: *в расхо́де, в отде́ле, в одина́рку* (во 2-м значении: «одинок»), *на отде́ле, осóбе, отде́лом, пооди́нке, самоу́ком*.

Таким образом, большая часть выделенных в русских говорах Приамурья диалектных НОД относится к семантической группе, обозначающей конкретный способ и образ действия, количество таких диалектных адвербиальных слов составляет 119 единиц, в том числе две лексемы (*в одинарку*, *голоручкой*) с первичными значениями и одна лексема (*наголё*) с вторичным значением имеют отношение к этой семантической группе.

Кроме того, в данной семантической группе были выделены 42 языковые единицы, обозначающие конкретные хозяйственные процессы:

- способ прядения льна: **в двойник**, **в десятник**, **в восьмуху**, **в семуху**: *Пряли лён по качеству: в двойник, в семуху, в восьмуху, в десятник* (Поярк. Мих.). Амур. (Мих.) [10. С. 52];
- способ заделки углов: **в потёмок**: *В лапу угол делают, как и в потёмок* (Е.-Ник. Окт.) [Там же. С. 348], **в стóпу**: *В стопу дом срубил* (Пуз. Окт.). Хаб. (Окт.) [Там же. С. 431], **в сковоро́дку**: *В сковородку, как и в охряпку, только большие углы оставляют, большие торчат* (Ин-ка Арх.). Амур. (Арх.) [Там же. С. 74], **в заки́дку**: *Верхняя обвязка не в угол, а в закидку* (Калин. Мих.) [Там же. С. 62], **в замо́к**: *Дом в замок срублен, простым углом* (Джл. Скв.) [Там же. С. 62], **в крюк**: *В крюк — это как в охряпку, только внутри шипы делают* (Черн. Магд.). Амур. (Магд. Скв.) [Там же. С. 66], **в нахлёстку** (во 2-м значении): *В нахлёстку угол заделывается конусом* (Блг. Окт.). Хаб. (Окт.) [Там же. С. 66], **впритёску** (во 2-м значении): *Впритёску чистый угол делают, потом угольники нашивают* (Пашк. Облuch.). Хаб. (Облuch.) [Там же. С. 73], **в лапу**: *Немецкий угол в лапу заделывается, а если концы брёвен выставлены — в охряп* (Пуз. Окт.) [Там же. С. 222], **в ча́шу**: *Это дом в чашу, вынимается в бревне* (Алб. Скв.). Амур. (Скв.) [Там же. С. 75], **в ча́шку**: *Углы в охряпку, в чашку делали, красиво получалось* (Джл. Скв.). Амур. (Скв.) [Там же], **в уго́л**: *Сейчас, например, рубят в угол, в замок* (Черн. Магд.). Амур. (Повсем.). Хаб. (Окт.) [Там же], **в зуб**: *Это есть зубчатая лапа, в зуб зацепятся она с обеих сторон, споднизу, и значит в затяжку выделат надо этот зуб, тогда он не разойдётся* (Пуз. Окт.). Хаб. (Окт.) [10. С. 164], **в шкант**: *Рублен в шканты дом* (Заб. Вяз.). Хаб. (Вяз. Окт.) [Там же. С. 508], **в охря́п** (**в охря́п**): *В охряп дом срубил* (Пуз. Окт.). Хаб. (Бир. Окт.) [Там же. С. 72], **в охря́пку**:

В охряпку если делают, то углы пропускаются (Уш. Шим.) [Там же. С. 305];

- способ обработки досок: **впрого́нку**, **впротёску**: *Впротёску — это топором обтёсывают доски, впрогонку — ножовкой подпиливают* (Ин-ка Арх.). Амур. (Арх.) [Там же. С. 73], **в тыка́т**: *В угол рубили, в охряпку рубили, есь в лапу рубят, а есь в тыкат делают бресся* (Блг. Окт.). Хаб. (Окт.) [Там же. С. 75], **в тычь**: *Плотники знают, как делать: в тычь пошёл и пошёл* (Черн. Магд.). Амур. (Магд.) [Там же. С. 75], **в закро́й** (**закрой**): *Забрки делали в закрой: выберешь с одной стороны доски, и она в паз заходит* (Пуз. Окт.). Амур. (Благ. Скв.). Хаб. (Окт.) [Там же. С. 148];
- способ шитья, вышивания: **бори́сто**: *А шьёт она бористо юбки-то* (Арг. Лазо) [Там же. С. 39], **в крест**: *Вот это в крест, видишь середина тёмная* (Алб. Скв.). Амур. (Скв.) [Там же. С. 66], **в гладь**: *Дорожка в гладь вышита* (Алб. Скв.). Амур. (Скв.) [Там же. С. 54], **на живу́лку** (в 1-м значении): *Ты на живулку шей, а я потом на машинке прошью* (Серг. Благ.) [Там же. С. 261];
- иные способы для осуществления хозяйственной деятельности: **в долбе́шку**: *Кругла чурка, ее выдалбливают, в долбежку делают* (Ам. Окт.). Хаб. (Окт.) [Там же. С. 54], **в одина́рку** (в 1-м значении): *Невод делается в одинарку, а есь двустенна, трёхстенна* (Блг. Окт.) [Там же. С. 67], **вперехрёску**: *Потом столб вперехрёску сделают на две палки* (Алб. Скв.). Амур. (Скв.) [Там же. С. 73], **в разбе́жку**: *В разбежку крыши крыли. Есь крыша кроешь в два ряда, а есь плотно не кладут тесины, а если уже неплотно кладут, то в разбежку* (Серг. Благ.). Амур. (Благ.) [Там же], **в разва́л**: *Бричка делается в развал* (Кас. Арх.). Амур. (Арх.) [Там же], **на кругля́ху**: *Когда земля мочная, в серёдке пашешь на кругляху* (Уш. Шим.). Амур. (Шим.) [10. С. 210], **мулём**: *Гнали лес мулём, мулём сплавляли по речкам, в сплотки не сплачивали* (Благ. Окт.) [Там же. С. 253], **наката́том**: *Накатывали верёвкой два бревна и говорили, что ложат накатом* (Моск. Своб.). Амур. (Своб.) [Там же. С. 262], **намоло́тно**: *В золотом овсе крупное зерно и намолотно, и родно* (Алб. Скв.) [Там же. С. 264], **подлёдно**: *Подлёдно сачком ловили рыбу, и так приспособивались* (Внц. Лен.). Амур. (Мих. Скв.). Хаб. (Бир. Лен.) [Там же. С. 331], **под песо́к**: *Раньше полы не красили, мыли под песок, голиками*

шоркали (Уш. Шим.). Амур. (Шим.) [10. С. 332], **топкóм**: *Молотили конём — топком, и молотилом* (Е.-Ник. Окт.). Хаб. (Окт.) [Там же. С. 449], **в шпунт**: *Обшивали в закройдома, в шпунт. Выбирается шпунт в досках, одна на другую накладывается* (Алб. Скв.). Амур. (Скв.) [Там же. С. 75].

При сопоставлении выявленных диалектных наречий образа действия (НОД) с зафиксированными в других источниках языковыми единицами обнаружено 148 аналогов в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ): *однолично, бедненько, бедно́, бористо, бродко́м, верхи́, ве́ришно, ве́ришем, ве́ришни, взадпя́тки (вза́пятки), взáмуж, взáмужем, в ла́пу, вкра́дче, вонтарáты, вóстро, в сто́пу, вперевёрт, впоперёк, в разбе́жку, вроспу́ск, всяко́разно, гужо́м, дарма́, доброво́льно, дорóдно, живко́м, заёмно, здря, знáтно* и др. [11]. В «Словаре современного русского литературного языка» (ССРЛЯ) и «Словаре русского языка» (СРЯ) выявлено 44 совпадения: *однолично, бегом, бедно́, в замо́к, в ла́пу, в нахлэ́стку, вóстро, внакло́нку, в отде́ле, вперевёрт, вприско́чку, вразбра́ску, в разва́л, в расхо́де, гужо́м, дарма́, ёри́ком, знáтно, косяко́м, ладо́м, набего́м, на́голо, на́кось, на́катом, на́место, на́примерно, на́ро́ком, на́рочно, насилко́м, нелáдно, о́брáтно, одино́ко, опе́ть, пё́хом, подáтно, покáтом, самоу́ком, с глаз, скро́зь, смерте́льно, сме́ртно, сохрáнно, таско́м, убе́гом* [12; 13]. Данные литературные аналоги имеют 28 соответствий в СРНГ: *однолично, бедно́, в ла́пу, вóстро, вперевёрт, гужо́м, дарма́, знáтно, ладо́м, набего́м, на́голо, на́примерно, на́ро́ком, на́рочно, насилко́м, нелáдно, о́брáтно, пё́хом, подáтно, покáтом, самоу́ком, с глаз, скро́зь, смерте́льно, сме́ртно, сохрáнно, таско́м, убе́гом* [11].

Таким образом, общее количество аналогов, выявленных в СРНГ, ССРЛЯ и в СРЯ, составляет 164 языковые единицы, и к собственно лексическим диалектизмам могут быть отнесены 114 диалектных НОД: *в зуб, в закрой, в шпунт, на дыбочки, на чупурки, скорёича, ступочко́м, то́лки, ушло, фо́рсно, хлы́нцой, хры́пко, че́резь, штукова́то, шóхом, шорохко́м, шу́пом, я́тно* и др.

Несмотря на то что большая часть выявленных в СРГП наречных лексем фиксируются в других словарях, немалая часть из них в изучаемых говорах имеют свои собственные лексические значения. Как показывает статистика, число несовпадений составляет 28 единиц: *бегом (бе́гом), бедненько, ве́ришно, в замо́к, в нахлэ́стку, в разва́л, гужо́м, дорóдно, íхо, косяко́м, набего́м, нагла́дко, наго́ле, на́голо, на живу́льку, на́катом, на́рочно, ни́чек,*

о́брáтно, в охря́пку, пешехо́дом, с глаз, с гла́зу, сохрáнно, стоячко́м, тулу́нчиком, турко́м, тычмя́. Например, **бегом (бе́гом)** в СРГП имеет значения: 1. Тайком, без согласия родителей (о выходе замуж). *Мой брат малый в Желтоярово жену взял бегом. Выйдет замуж бегом, а потом родители простят, примут* (Бус. Своб.). 2. Тайно, скрытно. *Он меня привез бегом* (Уш. Шим.) [10. С. 28]. В СРЯ лексема **бегом** трактуется следующим образом: «посредством бега»: *Мальчик вышел, весело спрыгнул с крыльца и пустился бегом, не оглядываясь, через поле в Кистеневку* (Пушкин. «Дубровский») [13. Т. 1. С. 67].

В СРНГ **дорóдно** является многозначным словом: 1. Хорошо, прилично, изрядно, порядочно, достаточно. 2. Много. 3. Крепко, основательно, плотно. 4. За дело, поделом [11. Вып. 8. С. 133]. А в СРГП данная наречная лексема имеет значения: 1. Богато. *Всем же хочется жить дорóдно* (Овс. Зейск.). 2. Легко, беззаботно. *Ума нет, так дорóдно жить* (Ин-ка Кнст.). Амур. (Кнст.). Нов.-Даур [10. С. 119]. **Стоячко́м** в СРНГ: В положении стоя, стоймя. *Шел, шел по лесу, ступил ногою и пролетел в яму; яма та закрылася — улетел он в яму, слово как в овин! Там он стоит ногами стоячком* (Смол., 1891) [11. Вып. 41. С. 268]. В СРГП **стоячко́м** — способ обшивки внешней части дома. *Низ у дома стоячком сделал* (Джл. Скв.). Амур. (Скв.) [10. С. 432] и др.

Кроме того, в ходе сопоставления мы также выявили четыре слова, которые в СРНГ не представляют собой адвербиальные лексемы, а относятся к именам существительным: *верхи́, вонтарáты, поворóть, íхо*. В то же время некоторые слова-совпадения отличаются оттенками значения в определенных контекстах. В частности, лексема **в расхо́де** в СРГП прежде всего используется для выражения семейного состояния: *Вырастила шестерых, и все в расходе, отделились* (Ам. Окт.). *Все дети в расходе, все живы, все выросли* (Сад. Окт.). Хаб. (Окт.) [Там же. С. 73]. В ССРЛЯ данная наречная лексема выражает значения «в потреблении, в использовании» и «место нахождения»: *Все лопаты в расходе. «Прачка, кажется, не приносила еще белья, а для гостей постельное белье все в расходе»*. Л. Толст. Анна Карен. VIII, 7 [12. Т. 12. С. 956]. Значение лексемы **толкачо́м** в СРГП выражается следующим образом: «путем сильного толчка»: *Не убивать с ружья, а толкачом убивать* (Н.-Вскр. Шим.). Амур. (Шим.) [10. С. 448]. В СРНГ данная наречная лексема не имеет такого оттенка значения, как в СРГП.

Для собственно лексических диалектизмов мы предлагаем следующую семантическую классификацию НОД:

- 1) со значением способа перемещения: *босьяками, вёрхно, верхьями*;
- 2) со значением положения субъекта и объекта в пространстве: *взпятнii, навзнáчку, наоплáст, наулёжке, под головáшки, ступочкóм*;
- 3) со значением субъективной оценки: *на смеху, мастерóво, на убóйну, под чiх, слáдно, сохрáнно, тóлки, укурáт, ушло, фóрсно, штуковáто*;
- 4) со значением состояния: *в готóве, в нову́шку, гóл-голóм*;
- 5) со значением характеристики внешнего вида и формы: *в обтя́г, в обтя́гу, в пристяжнiх, в шен (в шин), вы́чно, гóльно, голоручкóй* (в 2-м значении: «без рукавиц, не предохраняя руки от холода»), *зажмúркою, косомá, раздéжкой, ятно* (в 3-м значении: «ярко (о цвете)»);
- 6) со значением сокрытия: *по молчáнке*;
- 7) со значением повторения действия: *изновé*;
- 8) со значением скорости: *бúсом, вiнно, наскоропá, на убéг, по-живóму, постепенкó, хлынци́й, хóдом, шагушкóм, шóхом, скорéича*;
- 9) со значением конкретного способа и образа действия: *в двойнiк, в десáтник, в долбёшкóу, в восьмúху, в гладь, в закiдку, в крест, в крюк, в обýчности, в одинáрку* (в 1-м значении: «в одно полотно, в одну нитку»), *в одноручкóу, в охрiяп (в охрáп), вперехрёску, впрогóнку, впритёску, впротёску, вплотнiяк, впрямóк, врасплёт, врасполóх, врушнóу, в семúху, встыкнóу, в сундолáх, в тыкáт, в тычь, в у́гол, в чáшку, в чáшу, голоручкóй* (в 1-м значении: «голыми руками (делать что-л., брать, не защищая их)»), *исцёльно, кабанóм, на кругляху, лопáткой, на винáх, накатником, намолóтно, напáлом, наперечáпку, на сундулáх, пин-*

качóм, плетешкóм, под песóк, под скóбку, в пристяжé, своёручно, сундолáшками, сундолóй (сундулóй(óю), хры́пко, шаркóм, в шкант, шорохкóм, цу́пом, в сковородкóу, в зуб, на чупурки, в закрой (закрой), в шпунт, на дыбочки, наповáльно;

- 10) со значением подобия и различия: *нарамнiях, по-нонешному*;
- 11) со значением ограничения и преодоления ограничения: *из-под колéна, навзлóм, приневóльно*;
- 12) со значением объединения и обособления: *в одинáрку* (во 2-м значении: «одинокó»), *отдéлом, самоу́ком*.

Стоит отметить, что некоторые собственно лексические диалектизмы в русских говорах Приамурья могут различаться оттенками значения, семантические различия таких наречий передаются описательно. Например, **приневóльно**: Насильно, принудительно, против воли. *Приневóльно заставили фотографироваться* (Н.-Андр. Бел.). Амур. (Бел.) [Там же. С. 354]; **из-под колéна**: Вынужденно. *Много пенсионеров из-под колéна идут работать. А как же прожить?* (Н.-Вскр. Шим.). Амур. (Шим.) [Там же. С. 168]; **по-живóму**: Быстро, скоро. *Убиралась она по-живóму* (Н.-Вскр. Шим.). Амур. (Шим.) [Там же. С. 335]; **на убéг**: Пускаясь в бегство, наутек. *Я оттуда на убéг, когда змею увидела* (Алб. Скв.). Амур. (Скв.) [Там же. С. 271] и др.

Заключение

Таким образом, в русских говорах Приамурья семантика НОД тесно связана с получаемыми их носителями реалиями, которые существуют для выполнения определенных видов занятий: *в крест, в крюк, в зуб, в закрой (закрой), в семúху, встыкнóу, в шпунт, в тыкáт, в тычь* и другие, — и, соответственно, эти лексико-семантические группы лексем очень значимы в живом общении носителей диалекта.

Список источников

1. Бочкарева Е. В. Наречие в донских говорах (лексико-семантический и структурный аспекты исследования): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 28 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / ред. Г. А. Золотова. Изд. 4-е. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
3. Глушченко О. А. Наречия образа действия в архангельских народных говорах: Семантический аспект: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 719 с.
4. Глушченко О. А. Наречия образа действия в классификационном и сопоставительном аспектах: на материале архангельских народных говоров и русского литературного языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Владивосток, 2006. 52 с.

5. Дегальцева А. В. Наречия образа действия в разных сферах современного русского общения: структурно-семантическая типология и роль в организации смысла предложения: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2021. 638 с.
6. Панков Ф. И. Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 47 с.
7. Попов И. А. Наречие в русских народных говорах: дис. ... д-ра филол. наук. Ленинград, 1983. 439 с.
8. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1 / ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 784 с.
9. Савелова Л. А. Семантика и прагматика русского наречия: дис. ... д-ра филол. наук. Северодвинск, 2009. 386 с.
10. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин, Н. П. Шенкевец, 2-е изд., испр. и доп. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. 544 с.
11. Словарь русских народных говоров / ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Вып. 1—47. М.-Л.; Л.; СПб., 1965—2014.
12. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / ред. В. И. Чернышёва. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948—1965.
13. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; ред. А. П. Евгеньева, 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981—1984.
14. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / вступ. ст. д-ра филол. наук, проф. Е. В. Клобукова; ред. и коммент. проф. Е. С. Истриной. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.

References

1. Bochkareva EV. Narechie v donskikh govorakh (leksiko-semanticheskii i strukturnyi aspekty issledovaniya) = Adverb in the Don dialects (lexico-semantic and structural aspects of research). Abstract of thesis. Volgograd; 2008. 28 p. (In Russ.).
2. Vinogradov VV. Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) = Russian language (grammatical doctrine of the word). Moscow: Russkii yazyk; 2001. 720 p. (In Russ.).
3. Glushchenko OA. Narechiya obraza deistviya v arkhangel'skikh narodnykh govorakh: Semanticheskii aspekt = Adverbs of manner in the Arkhangelsk folk dialects: Semantic aspect. Thesis. Moscow; 2001. 719 p. (In Russ.).
4. Glushchenko OA. Narechiya obraza deistviya v klassifikatsionnom i sopostavitel'nom aspektakh: na materiale arkhangel'skikh narodnykh govorov i russkogo literaturnogo yazyka = Adverbs of manner in the classification and comparative aspects: on the material of the Arkhangelsk folk dialects and the Russian literary language. Abstract of thesis. Vladivostok; 2006. 52 p. (In Russ.).
5. Degaltseva AV. Narechiya obraza deistviya v raznykh sferakh sovremennogo russkogo obshcheniya: strukturno-semanticheskaya tipologiya i rol' v organizatsii smysla predlozheniya = Adverbs of manner in different spheres of modern Russian communication: structural-semantic typology and the role in organizing the meaning of a sentence. Thesis. Saratov; 2021. 638 p. (In Russ.).
6. Pankov FI. Funktsional'no-kommunikativnaya grammatika russkogo narechiya = Functional-communicative grammar of the Russian adverb. Abstract of thesis. Moscow; 2009. 47 p. (In Russ.).
7. Popov IA. Narechie v russkikh narodnykh govorakh = Adverb in Russian folk dialects. Thesis. Leningrad; 1983. 439 p. (In Russ.).
8. Shvedova NYu (ed.). Russkaya grammatika = Russian grammar. In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Nauka; 1980. 784 p. (In Russ.).
9. Savelova LA. Semantika i pragmatika russkogo narechiya = Semantics and pragmatics of the Russian adverb. Thesis. Severodvinsk; 2009. 386 p. (In Russ.).
10. Galuza OYu, Ivanova FP, Kirpikova LV, Putyatina LF, Shenkevets NP (eds.). Slovar' russkikh govorov Priamur'ya = Dictionary of Russian Dialects of the Amur Region. Blagoveshchensk: BSPU Publishing House; 2007. 544 p. (In Russ.).
11. Filin FP, Sorokoletov FP (eds.). Slovar' russkikh narodnykh govorov = Dictionary of Russian folk dialects. Vol. 1—47. Moscow, Leningrad; Leningrad; St. Petersburg; 1965—2014. (In Russ.).

12. Chernyshev VI (ed.). Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka = Dictionary of the modern Russian literary language. In 17 vol. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1948—1965. (In Russ.).

13. Evgeniev AP (ed.). Slovar' russkogo yazyka = Dictionary of the Russian language. In 4 vol. Moscow: Russkii yazyk; 1981—1984. (In Russ.).

14. Shakhmatov AA. Sintaksis russkogo yazyka = Syntax of the Russian language. Moscow: URSS Editorial; 2001. 624 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Дун Циньфэй — аспирант, кафедра русского языка и издательского дела.

Information about the author

Dong Qingfei — graduate student, Department of Russian Language and Publishing.

Статья поступила в редакцию 24.10.2021; одобрена после рецензирования 09.01.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 24.10.2021; approved after reviewing 09.01.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'371

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10303

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ ЛЕКСИКИ КАК СЛЕДСТВИЕ ЕЕ ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XIX В. (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ А. П. ЧЕХОВА)

Юлия Георгиевна Захарова

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, zug1977@inbox.ru

Аннотация. Рассматриваются содержание термина семантическая деривация и основные типы деривационных процессов в семантической структуре слова. Путем сравнения писем А. П. Чехова с другими источниками выявляется ряд понятийных сфер, в которых в конце XIX в. наблюдалась детерминологизация лексем, сопровождавшаяся генерализацией, сужением значения или его метафоризацией.

Ключевые слова: семантическая деривация, детерминологизация, метафоризация значения, гиперо-гипонимия, коннотация, модель семантической деривации

Для цитирования: Захарова Ю. Г. Семантическая деривация лексики как следствие ее детерминологизации в русском языке конца XIX в. (на материале писем А. П. Чехова) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 22—29. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10303.

Original article

SEMANTIC DERIVATION OF VOCABULARY AS A CONSEQUENCE OF ITS DETERMINOLOGIZATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE LATE 19TH CENTURY (EXEMPLIFIED BY A. P. CHEKHOV'S LETTERS)

Yuliya G. Zakharova

Pacific State University, Khabarovsk, Russia, zug1977@inbox.ru

Abstract. The article deals with the content of the term “semantic derivation”, the main types of derivational processes in the semantic structure of the word. Semantic derivation refers to both the relations of semantic derivation of the meanings of one word in synchrony and the relations between the meanings of a word at different points in its history. Two basic principles are defined on which the change of the denotative core of meaning is based — analogies and connections. The action of the connection principle includes metonymy and deviation. The action of the principle of analogy includes transfer by similarity (metaphor), figurative-associative transfer, hyper-hyponymy. By comparing the letters of A. P. Chekhov with other sources (literary-critical, journalistic, artistic), a number of conceptual spheres are revealed, in which at the end of the 19th century there was a determinologization of lexemes, accompanied by generalization, narrowing of meaning or its metaphORIZATION: biology, medicine, astronomy, mathematics, handicraft production.

Keywords: semantic derivation, determinologization, metaphORIZATION of meaning, hyper-hyponymy, connotation, model of semantic derivation

For citation: Zakharova YuG. Semantic derivation of vocabulary as a consequence of its determinologization in the Russian language of the late 19th century (exemplified by A. P. Chekhov's letters). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(3(461):22-29. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10303.

Термин *семантическая деривация* стал активно употребляться в лингвистических исследованиях с конца XX в. [9. С. 13]. Он используется для

именования процесса семантических изменений в диахронии и их результата в синхронии. Под семантической деривацией понимаются отношения семантической производности двух типов: между разными значениями одного слова при синхрон-

ной полисемии и между лексико-семантическими вариантами слова в диахронии в разные моменты его истории [Там же. С. 15].

Семантическая деривация как процесс включает два этапа: 1) появление у слова производных значений, семантических коннотаций, то есть расширение семантического объема слова и формирование семантического синкретизма и 2) распад семантического синкретизма, как результат — формирование полисемии [15. С. 36]. В основе семантической деривации лежит когнитивный механизм: вторичное использование языкового знака свидетельствует о том, что слово — это инструмент «когнитивного освоения реальности, средство концептуализации новых объектов и ситуаций, средство не только что-то назвать, но и что-то осмыслить» [12. С. 55]. В результате семантической деривации нередко происходит не только преобразование ядерной части значения, но и «семантическое приращение прагматического характера» [28. С. 198].

Семантическая деривация представляет собой частный случай деривации в широком понимании этого термина: «В процессах деривации происходит изменение формы (структуры) и семантики единиц, принимаемых за исходные. В содержательном отношении это изменение может быть направлено либо на использование знака в новом значении (при так называемой семантической деривации), новой функции, либо на создание нового знака путем преобразования старого или его комбинации с другими знаками языка в тех же целях» [11. С. 129]. Е. В. Падучева полагает, что термин *семантическая деривация* отождествляет в семантическом плане соотношения между значениями слова при полисемии и соотношения между словом и его словообразовательным дериватом. Семантическая деривация «предстает как частный случай обычной лексической деривации — словообразования» [20. С. 147]. Ту же мысль высказывал Ю. Д. Апресян: «Семантические отношения между разными значениями некоторых многозначных слов могут быть подобны семантическим отношениям внутри определенного словообразовательного типа» [2. С. 175]. Сходство семантической и словообразовательной деривации, по мысли А. И. Ольховской, заключается во взаимодействии трех структурных компонентов: производящей единицы, производной единицы и языкового средства, на базе которого производящая единица трансформируется в производную [17. С. 9; 19. С. 21].

Существует два основных принципа, на которых базируется изменение денотативного ядра значения, — аналогии и связи.

Принцип связи охватывает пространственную, временную смежность, имплицативно-логическую, причинную, семиотическую связь [12. С. 56]. К действию принципа связи можно отнести метонимию и девиацию. Девиационные изменения представляют собой перераспределение иерархического статуса ядерных и периферийных сем при сохранении архисемы [16. С. 11]. Потенциальная сема производящего значения преобразуется в ядерную сему производного, семантический сдвиг при этом оказывается очень значительным, вплоть до формирования энантиосемии.

К действию принципа аналогии можно отнести перенос по сходству (метафору), образно-ассоциативный перенос, гиперо-гипонимию [16. С. 11; 18. С. 37] (по другой терминологии, генерализация и специализация, расширение и сужение значения). Выделяют также тип преобразований, который касается прагматического компонента семантики слова [16. С. 12]. Его можно назвать коннотативным. Он представлен двумя вариантами: 1) меняется оценочность лексемы — из положительной превращается в отрицательную или наоборот, 2) нейтральное слово приобретает отрицательную оценочность.

XIX в. характеризуют как эпоху быстрого развития научной мысли, которое достигло особой интенсивности к 1860-м гг., прежде всего в области точных наук и естествознания [27. С. 352]. Вместе с тем в ряде терминологических подсистем наблюдался процесс детерминологизации лексических значений, их выхода за рамки определенной области знаний, появления на фоне основных значений новых, образно-переносных: «С точки зрения чисто количественной, мы имеем здесь дело с так называемым “расширением значения”, во всяком случае с расширением предметной отнесенности слова» [Там же].

Письма А. П. Чехова позволяют проследить деривационные изменения в семантике ряда слов, имеющих отношение к разным предметным областям: биологии, медицине, астрономии, математике, ремесленному производству и др. Письма использовались в качестве основного материала исследования, но для полноты и объективности выводов об истории формирования значений слов привлекались и тексты других авторов (литературно-критические, публицистические, художественные).

Слово *атавизм* фиксируется в словарях с 1860-х гг. Первоначально оно употреблялось в значении термина биологии, это значение приводится первым в Словаре Академии наук (1891):

«1. Биол. Возвращение первоначального типа породы в дальнейших ее видоизменениях» [25. Т. 1, вып. 1. С. 79].

Одно из писем А. П. Чехова говорит о том, что к концу века в речи слово приобрело переносное (метафорическое) значение и стало использоваться для именованья каких-либо особенностей поведения человека, связанных с образом жизни его предков:

«Да, *атавизм* великая штука. Коли деда и прадеды жили в деревне, то внукам безнаказанно нельзя жить в городе» (Ал. П. Чехову, 1892) [29. Т. 5. С. 120].

Такое же употребление слова встречается в повести П. Д. Боборыкина «Однокурсники» [3. С. 54].

Письма А. П. Чехова отражают процесс переосмысления в русском языке конца XIX в. ряда медицинских терминов, связанных с психиатрией. Формируются метафорические модели «психическое заболевание» → «обостренное, эмоциональное восприятие чего-либо», «необычная, странная реакция»; «психически больной человек» → «человек с особенностями поведения».

Реализацию первой модели можно видеть в употреблении, контекстном окружении слов *психоз* и *психопатия*.

Термин *психоз* (фр. *psychose* < *psychē* душа [10. С. 575]) впервые фиксируется в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1898) в качестве синонима к термину *психическое заболевание* [32. Т. 25а. С. 677]. Одно из писем демонстрирует формирование у этого существительного переносного значения «крайне болезненная, острая реакция на что-либо», его детерминологизацию:

«Больные для нее сушая пытка, и с ними она мнительна до *психоза*» (А. С. Суворину, 1888) [29. Т. 2. С. 278].

Слово *психопатия* фиксируется в словарях с 1905 г. со значением термина психиатрии: «Мед. легкое болезненное состояние духа» [7. С. 550]. Письма А. П. Чехова показывают, что в конце века в речи слово стало употребляться в переносном значении, которое впервые получает отражение в словаре иностранных слов А. Н. Чудинова (1910): «В переносном значении употребляется в смысле эксцентричности, странных выходок» [31]. А. П. Чехов использует это слово по отношению к хвалебным речам (Чеховым, 1887) [29. Т. 2. С. 160], изменениям в своем настроении, связанным с равнодушием (А. С. Суворину, 1889) [Там же. Т. 3. С. 203—204].

Вторая модель отражена в семантической структуре феминитива *психопатка*. Это слово впервые

фиксируется в качестве медицинского термина в третьем издании словаря В. И. Даля (1907): «Психопат м., -тка ж. — человек ненормальный, душевно больной, сумасшедший» [6. Т. 3. С. 1400—1401].

Разные источники XIX в., в том числе письма А. П. Чехова, свидетельствуют о деривационном (метафорическом) сдвиге значения слова *психопатка* в конце XIX в.: в кругах, имевших отношение к искусству, литературе, театру, психопатками стали называть экзальтированных поклонниц артистов, писателей, художников и пр.

О начале формирования в обществе такого типа групп и появлении нового значения слова писал в 1895 г. А. В. Амфитеатров («Отравленная совесть») [1]. Н. В. Давыдов в воспоминаниях о Москве 1850—60-х гг. подчеркивал, что понятие *оперные психопатки* в то время еще не появилось [4. С. 62].

А. П. Чехов в 1880—90-х гг. неоднократно использовал слово *психопатка*, называя им восторженных поклонниц литературного творчества, — например, в письмах М. В. Киселевой 1887 г. [29. Т. 2. С. 144] и 1888 г. [Там же. С. 168], А. С. Суворину 1895 г. [29. Т. 6. С. 56].

Та же метафорическая модель выявляется в семантике слова *маньяк*.

Существительное было заимствовано из французского языка (ср. фр. *maniaque* «помешанный, сумасшедший» [13. С. 774]), впервые фиксируется в словаре иностранных слов 1861 г. с тем же значением — «безумный, сумасшедший» [22. С. 293].

Письма А. П. Чехова 1880-х гг. показывают, что в это время на базе семы «одержимый» сформировалось переносное значение «страстно увлеченный чем-либо человек». Слово встречается в новом значении в контекстах, связанных с какими-либо увлечениями, писательской деятельностью: *маньяки-рыболовы* (А. С. Суворину, 1888) [29. Т. 2. С. 277—278]; *маньяки, пишущие книги и пьесы для собственного удовольствия* (А. С. Суворину, 1888) [Там же. Т. 3. С. 98]; *литературный маньяк* (А. С. Суворину, 1891) [Там же. Т. 4. С. 307].

Существительное *пертурбация* было заимствовано в середине века из французского языка в качестве термина астрономии: «*астр.* отклонения планет от их эллиптических путей вокруг Солнца, от действия на них других планет» [22. С. 395].

Эпистолярный А. П. Чехова позволяет сделать вывод о том, что во второй половине столетия у слова наблюдалась генерализация значения и детерминологизация. Новое значение — «резкое изменение в чем-либо» — является основным в современном русском языке. В письмах оно реали-

зуются в контекстах, связанных с психической, умственной, творческой деятельностью человека (А. Н. Плещееву, 1889 г. [29. Т. 3. С. 185, 248]), социальной жизнью (Ал. П. Чехову, 1894 г. [Там же. Т. 5. С. 299]; Я. А. Корнееву, 1894 г. [Там же. С. 279]), физиологическими процессами (И. Л. Леонтьеву (Щеглову), 1891 г. [29. Т. 4. С. 328]).

Интересна история семантики слова *корпуленция* в русском языке XVIII—XIX вв. Судя по данным Словаря русского языка XVIII в., это существительное заимствовано в русский язык из латинского в качестве термина математики: «*Мат. Объем тела*» [24], но в течение XVIII в. вышло из употребления. Материал Национального корпуса русского языка показывает, что с 1870-х гг. оно снова стало употребляться, но уже в нетерминологическом значении. Пример использования слова в новом значении встречается в письме А. П. Чехова: *кувалдистая корпуленция* (Н. А. Лейкину, 1887) [29. Т. 2. С. 113].

Впервые это значение фиксируется в словаре иностранных слов А. Н. Чудинова (1894): «*Корпуленция* (лат. *corpulentia*) — дородность, тучность» [30. С. 423]. В Словаре Академии наук (1913) содержится уточнение: слово имело полушутливый характер и использовалось только по отношению к комплекции человека [25. Т. 4, вып. 7. С. 2240].

Таким образом, можно наблюдать детерминологизацию слова и сужение его семантического объема (гипонимический сдвиг): в новом значении появляются дифференцирующие семы «телосложение», «человек», «крупный», кроме того, формируется коннотативный (эмотивный) компонент. Несмотря на то что в словарях XIX в. в качестве источника заимствования назван латинский язык, по-видимому, его повторное появление в русском языке было связано с влиянием французского языка, ср. «*corpulence* — дородность, дебелость» [13. С. 309].

Интересно употребление существительного *рантье* (*рантьер*) в письмах А. П. Чехова. Это слово в качестве термина социологии было заимствовано из французского языка, впервые (во французской и русской графике) отмечается в Словаре иностранных слов 1861 г.: «*Rentier* (рантье) фр. Живущий своими доходами или процентами» [22. С. 435]. А. П. Чехов называет *рантьерами* (*рантье*) писателей, живущих на доходы от предыдущей литературной деятельности (показа спектаклей по пьесам автора в театрах, продажи литературной продукции): А. Н. Плещееву, 1889 г. [29. Т. 3. С. 254]; Ал. П. Чехову, 1887 г. [Там же. Т. 2. С. 25].

В письмах А. П. Чехова встречается несколько слов, характеризующих художественное творчест-

во и первоначально относившихся только к сфере искусства или ремесла.

Сравнение материала писем А. П. Чехова с другими источниками позволяет увидеть параллельное семантическое развитие слов *архитектура* и *архитектоника*.

Судя по данным Национального корпуса русского языка, 1860-ми гг. датируются самые ранние примеры употребления существительных в переносном значении, с этого времени наблюдалась конкуренция между однокоренными словами, ср.: *архитектоника поэмы* (Ф. И. Буслаев. Русский народный эпос, 1861) [14]; *архитектура трагедии* (А. К. Толстой. Проект постановки на сцену трагедии «Царь Федор Иоаннович», 1868) [Там же].

Впервые переносное (метафорическое) значение фиксируется в Словаре Академии наук (1895) только у одного из слов — *архитектоника*: «2. *Искусство построения системы; художественное расположение» [25. Т. 1. С. 73]. Метафоризация и детерминологизация значения слова *архитектура* в словарях XIX в. и более позднего времени не отражена. Однако неоднократное употребление его в переносном значении разными авторами XIX в. (по данным Национального корпуса) говорит о том, что семантический сдвиг наблюдался и в этом слове. В письмах А. П. Чехова существительное *архитектура* используется в новом значении по отношению к художественным произведениям: *архитектура пьесы* (А. С. Суворину, 1888) [29. Т. 3. С. 93]; *архитектура романа* (Н. А. Лейкину, 1888) [Там же. Т. 2. С. 270]; *архитектура водевиля* (А. С. Лазареву (Грузинскому), 1889) [Там же. Т. 3. С. 273]; *архитектура рассказа* (Л. А. Авилловой, 1892) [Там же. Т. 4. С. 359].

Применительно к текстам художественных произведений А. П. Чехов использовал также глаголы *шлифовать* (*пошлифовать*) и *лакировать* (*полакировать*), которые демонстрируют формирование во второй половине XIX в. в сфере ремесленной терминологии семантической деривационной модели «обрабатывать какой-либо материал, делая его гладким, блестящим» → «совершенствовать что-либо, улучшать»: *пошлифовать и полакировать рассказ* (А. Н. Плещееву, 1889) [Там же. Т. 3. С. 239].

Первый пример использования слова *шлифовать* в переносном значении (применительно к литературному произведению) встретился нам в работе Д. И. Писарева «“Берлин. Осенняя сказка” Генриха Гейне» (1861): *шлифовать стихи* [21].

Судя по примеру из работы В. П. Авенариуса «Юношеские годы Пушкина» (1888), где глагол заключен в кавычки: «вращение в семейном кругу

и женском обществе «*ушлифует*» угловатые манеры» [14], метафоричность значения и его новизна ощущались до конца XIX в.

В речи метафорические сдвиги наблюдались также у глагола *лакировать*. В письме А. П. Чехова слово употреблено в значении «совершенствовать», в Словаре Академии наук (1915) в качестве территориально ограниченного (областного) фиксируется более узкое переносное значение «придавать блестящую внешность, внешний лоск. Петерб. (проф. Шляпкин)», ср. *лакировка* «Переносно: светскость, светский лоск (акад. Соболевский)» [25. Т. 5, вып. 1. С. 139].

По-видимому, переносные значения, отраженные в словаре, возникли под влиянием глагола *полировать*, у которого с XVIII в. в речи существовал метафорический дериват «сообщать кому-либо, чему-либо светский лоск, манеры» [8]. Позднее, в XX в., в качестве узуального в литературном языке закрепилось отрицательно окрашенное значение «приукрашивать, приглаживать; скрывать недостатки» [26. Т. 6. С. 41].

Формирование переносного (метафорического) значения в конце XIX в. было характерно и для существительного *ретушь*.

Судя по данным словарей, сначала в русском языке стал употребляться глагол *ретушировать* (франц. *retoucher*) и производные от него *ретуширование*, *ретушировка*, *ретушер*, *рету-*

шировщик [5. Т. 4. С. 84]. Глагол впервые фиксируется в качестве термина, связанного с искусством, в первом издании словаря В. И. Даля (1866) [Там же]. Производящее существительное *ретушь* (фр. *retouch*) было заимствовано позднее, в конце XIX в., первое отражение оно получило в словаре иностранных слов М. Попова (1904) в значении термина фотографии [23. С. 337].

Письма А. П. Чехова — один из ранних источников, демонстрирующих появление у слова *ретушь* семантического деривата «обработка, отделка чего-либо с целью улучшения»:

«В «Иванове» я радикально переделал 2 и 4 акты. Иванову дал монолог, Сашу подвергнул *ретуши* и проч.» (А. С. Суворину, 1888) [29. Т. 3. С. 15];

«Написал я рассказ, который и посылаю одновременно с сим письмом. Только, голубчик, пришлите мне корректуру, ибо рассказ написан сапозной щеткой и нуждается в *ретуши*» (А. С. Суворину, 1890) [Там же. Т. 4. С. 36].

Итак, письма А. П. Чехова — это ценный лингвистический источник, позволяющий судить о развитии лексико-семантической системы русского языка конца XIX в., в частности о таком процессе, как детерминологизация, которая была связана с формированием в семантической структуре слов метафорических значений или с гиперо-гипонимическими сдвигами.

Список источников

1. Амфитеатров А. В. Отравленная совесть. М.: Росмэн, 2002. URL: http://www.azlib.ru/a/amfiteatrow_a_w/text_0290.shtml.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1995. 472 с.
3. Боборыкин П. Д. Однокурсники // Вестник Европы. 1901. № 1. С. 51—100.
4. Давыдов Н. В. Из прошлого. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1913. 433 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Тип. А. Семена, 1863—1866.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. 3-е изд., испр. и доп. / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Т-во М. О. Вольф, 1903—1909.
7. Дубровский Н. Полный толковый словарь всех общеупотребительных иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием их корней. М.: Изд. А. А. Ступина, 1905. 768 с.
8. Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: ЭТС, 2010. URL: <http://gallicismes.academic.ru>.
9. Зализняк А. А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13—25.
10. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Рус. яз., 2000. 856 с.
11. Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г. Деривация // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Бол. Рос. энцикл., 1990. С. 129.
12. Кустова Г. И. О семантическом потенциале слов энергетической и экспериенциальной сферы // Вопросы языкознания. 2005. № 3. С. 53—79.
13. Макаров Н. П. Полный французско-русский словарь: подгот. по изд. 1884 г. М.: АСТ-Астрель, 2004. 1309 с.

14. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
15. Некипелова И. М. К вопросу о разграничении понятий *семантическая деривация* и *семантическое словообразование* в диахроническом аспекте // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Филология. 2011. № 2 (14). С. 33—46.
16. Никифорова Е. Б. Семантическая эволюция лексической системы русского языка: тенденции, векторы, механизмы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2008. 45 с.
17. Ольховская А. И. Лексическая многозначность в общелингвистическом и лексикографическом рассмотрении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 24 с.
18. Ольховская А. И. О гипонимическом способе развития многозначности // Вопросы лексикологии и лексикографии. 2012. № 3. С. 34—50.
19. Ольховская А. И. Семантическая деривация и иные механизмы формирования лексической многозначности // Вестник ЦМО МГУ. 2013. № 1. С. 21—26.
20. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славян. культуры, 2004. 607 с.
21. Писарев Д. И. «Берлин. Осенняя сказка» Генриха Гейне. URL: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_1861_osennya_skazka.shtml.
22. Печаткин Е. П. Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1861. 574 с.
23. Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1904. 458 с.
24. Словарь русского языка XVIII в. / гл. ред. Ю. С. Сорокин. Вып. 1—19. Л., СПб.: Наука, 1984—2011. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm>.
25. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. Т. 1—4. СПб.: Тип. Император. академии наук, 1891—1916.
26. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М., Л.: Наука, 1950—1965.
27. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-е — 90-е годы XIX в. М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.
28. Хасанов Э. Р. О специфике семантической и лексической деривации в современном русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 6 (416). Филологические науки. Вып. 113. С. 198—203.
29. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 1—9. М.: Наука, 1974—1980.
30. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: изд. В. И. Губинского. 1-е изд. СПб.: Тип. С. Н. Худекова, 1894. 989 с.
31. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: Изд. В. И. Губинского, 1910. URL: <https://dic.academic.ru>.
32. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. 25а. СПб.: Семенов. Типолитография (И. А. Ефрона), 1898. 489 с.

References

1. Amfiteatrov AV. Otravlenyaya sovest = Poisoned conscience. Moscow: Rosmen Publ.; 2002. Available from: http://www.azlib.ru/a/amfiteatrow_a_w/text_0290.shtml (In Russ.).
2. Apresyan YuD. Leksicheskaya semantika = Lexical semantics. In: Selected works. Vol. 1. Moscow: School “Yazyki russkoj kultury”; 1995. 472 p. (In Russ.).
3. Boborykin PD. Classmates. *Vestnik Evropy = Bulletin of Europe*. 1901(1):51-100. (In Russ.).
4. Davydov NV. Iz proshlogo = From the past. Moscow: Printing house of the I. D. Sytin Partnership; 1913. 433 p. (In Russ.).
5. Dal VI. Tolkovyj slovar zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t. = The explanatory dictionary of the living great Russian language. In 4 vol. Moscow: Printing house of the A. Semyon; 1863—1866. (In Russ.).
6. Dal VI. Tolkovyj slovar zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t. = The explanatory dictionary of the living great Russian language. In 4 vol. Moscow: The Association M. O. Wolf; 1903—1909. (In Russ.).
7. Dubrovskij N. Polnyj tolkovyj slovar vsekh obshcheupotrebitelnykh inostrannykh slov, voshedshikh v russkij yazyk, s ukazaniem ih kornej = A complete explanatory dictionary of all commonly used foreign

words that have entered the Russian language, with an indication of their roots. Moscow; 1905. 768 p. (In Russ.).

8. Epishkin NI. Istoricheskij slovar gallicizmov russkogo yazyka = Historical dictionary of the Russian language gallicism. Moscow: ETS; 2010. Available from: <http://gallicismes.academic.ru> (In Russ.).

9. Zaliznyak AA. Semantic derivation in synchrony and diachrony: the project of the “Catalog of Semantic Transitions”. *Voprosy yazykoznanija = Issues of Linguistics*. 2001;(2):13-25. (In Russ.).

10. Krysin LP. Tolkovyj slovar inoyazychnykh slov = Explanatory dictionary of foreign words. Moscow: Russkij yazyk; 2000. 856 p. (In Russ.).

11. Kubryakova ES, Pankrac YuG. Derivaciya = Derivation. In: Yarceva VN (ed.). *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar = Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Bolshaya Rossijskaya enciklopediya; 1990. P. 129. (In Russ.).

12. Kustova GI. On the semantic potential of the words of the energy and experimental sphere. *Voprosy yazykoznanija = Issues of Linguistics*. 2005;(3):53-79. (In Russ.).

13. Makarov NP. Polnyj francuzsko-russkij slovar = Full French-Russian Dictionary. Prepared according to the 1884 edition. Moscow: AST-Astrel; 2004. 1309 p. (In Russ.).

14. Nacionalnyj korpus russkogo yazyka = Russian national corpus. Available from: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (In Russ.).

15. Nekipelova IM. On the question of the delimitation of concepts semantic derivation and semantic word formation in the diachronic aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Filologiya” = Bulletin of Tomsk State University Philology Series*. 2011;(2(14)):33-46. (In Russ.).

16. Nikiforova YeB. Semanticheskaya evolyuciya leksicheskoy sistemy russkogo yazyka: tendencii, vektory, mekhanizmy = Semantic evolution of the lexical system of the Russian language: trends, vectors, mechanisms. Abstract of thesis. Volgograd; 2008. 48 p. (In Russ.).

17. Olkhovskaya AI. Leksicheskaya mnogoznachnost v obshchelingvisticheskom i leksikograficheskom rassmotrenii = Lexical polysemy in general linguistic and lexicographic consideration. Abstract of thesis. Moscow; 2013. 24 p. (In Russ.).

18. Olkhovskaya AI. On the hyponymic way of developing ambiguity. *Voprosy leksikologii i leksikografii = Questions of Lexicology and Lexicography*. 2012;(3):34-50. (In Russ.).

19. Olkhovskaya AI. Semantic derivation and other mechanisms of lexical ambiguity formation. *Vestnik CMO MGU = Bulletin of the MSU CMO*. 2013;(1):21-26. (In Russ.).

20. Paducheva EV. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki = Dynamic models in lexical semantics. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury; 2004. 608 p. (In Russ.).

21. Pisarev DI. “Berlin. Osennaya skazka” Genrikha Gejne = “Berlin. Autumn Fairy Tale” by Heinrich Heine. Available from: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_1861_osennya_skazka.shtml (In Russ.).

22. Pechatkin EP (ed.). Polnyj slovar inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka = Complete dictionary of foreign words included in the Russian language. St. Petersburg: Printing house of the K. Vulf; 1861. 574 p. (In Russ.).

23. Popov M. Polnyj slovar inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkom yazyke = Complete dictionary of foreign words that have come into use in the Russian language. Moscow: Printing house of the I. D. Sytin Partnership; 1904. 458 p. (In Russ.).

24. Sorokin YuS (ed. in ch.). Slovar russkogo yazyka XVIII v. = Dictionary of the Russian language of the XVIII century. Iss. 1—19. Leningrad, St. Petersburg: Nauka; 1984—2011. Available from: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (In Russ.).

25. Slovar russkogo yazyka, sostavlenyj Vtorym otdeleniem imperatorskoj Akademii nauk = The dictionary of the Russian language, compiled by the Second division of the Imperial Academy of Sciences. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences; 1891—1916. (In Russ.).

26. Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 t. = Dictionary of modern Russian literary language. In 17 vol. Moscow, Leningrad: Nauka; 1950—1965. (In Russ.).

27. Sorokin YuS. Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30-e — 90-e gody XIX v. = The development of the vocabulary of Russian literary language: the 30—90th years of XIX century. Moscow; Leningrad: Nauka; 1965. 565 p. (In Russ.).

28. Khasanov ER. On the specifics of semantic and lexical derivation in modern Russian language. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2018;(6(416)):198-203. (In Russ.).

29. Chekhov AP. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pisma: v 12 t. T. 1—9 = Complete works and letters: in 30 vol. Letters: in 12 vol. Vol. 1—9. Moscow: Nauka; 1974—1980. (In Russ.).

30. Chudinov AN. Slovar inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka = Dictionary of foreign words included in the Russian language. St. Petersburg: Printing house of S. N. Khudekov; 1894. 989 p. (In Russ.).

31. Chudinov AN. Slovar inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka [Dictionary of foreign words included in the Russian language]. St. Petersburg; 1910. Available from: <https://dic.academic.ru> (In Russ.).

32. Brokgauz FA, Efron IA. Enciklopedicheskij slovar = Encyclopedic Dictionary. Vol. 25a. St. Petersburg: Semyonovskaya typolithography; 1898. 489 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю. Г. Захарова — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и издательского дела.

Information about the author

Yuliya G. Zakharova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Publishing.

Статья поступила в редакцию 27.09.2021; одобрена после рецензирования 11.12.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 27.09.2021; approved after reviewing 11.12.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'27

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10304

ЛЕКСИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СОЦИОЛЕКТЕ СУБКУЛЬТУРЫ ДРИФТЕРОВ

Екатерина Игоревна Маштакова

Торговый Дом «ЦУМ», Москва, Россия, Astra.kate@bk.ru

Аннотация. Рассматриваются словообразовательные особенности социолекта субкультуры дрифтеров. Словообразовательный анализ 200 лексем социолекта субкультуры дрифтеров помог определить, какие словообразовательные способы являются наиболее продуктивными в данном социолекте. В заключение сформулированы общие выводы, позволяющие составить представление о специфике словообразовательной системы конкретного подъязыка.

Ключевые слова: субкультура, социолект, дрифтеры, словообразовательные модели, способы словообразования

Для цитирования: Маштакова Е. И. Лексическое словообразование в социолекте субкультуры дрифтеров // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 30—35. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10304.

Original article

LEXICAL WORD FORMATION IN THE SOCIOLECT OF DRIFTERS

Ekaterina I. Mashtakova

TD TSUM, Moscow, Russia, Astra.kate@bk.ru

Abstract. The word formation of the Russian language is a complex multilateral system that did not immediately find its place in a number of other linguistic disciplines. The introduction of this article gives the evolution of the attitude to the word-forming system, which at first was not considered separately from etymology or grammar, but since the middle of the 20th century it has been elevated to the status of an independent section of language science. The main part of the article contains practical information about the word-forming system of a particular sociolect — the sociolect of drifters. The word-forming analysis of 200 lexemes of the drifters sociolect helped to determine which word-forming methods are the most productive in this particular sociolect. In the conclusion of the article, inferences are formulated concerning the specificity of the word-formation system of the mentioned sociolect.

Keywords: subculture, sociolect, drifters, word-forming models, methods of word formation

For citation: Mashtakova EI. Lexical word formation in the sociolect of drifters. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(3(461):30-35. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10304.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре представлено два значения термина «словообразование». Во-первых, это «образование слов, называемых производными и сложными, обычно на базе однокорневых слов по существующим в языке образцам и моделям с помощью аффиксации» [8]. Во-вторых, это «раздел языкознания, изучающий все аспекты создания, функционирования, строения и классификации производных и сложных слов» [Там же]. Такой

статус словообразование получило недавно; еще в XX в. оно рассматривалось неразрывно от этимологии, морфологии или лексикологии. Существовали разрозненные исследования отдельных словообразовательных явлений, но не было системного всестороннего описания.

На выделение русского словообразования в отдельный раздел науки о языке во многом повлияли работы А. И. Смирницкого, Г. О. Винокура и В. В. Виноградова. Ученые, развивая идеи младограмматиков Ф. Ф. Фортунатова, Н. В. Крушев-

ского, И. А. Бодуэна де Куртене, сформулировали в своих трудах ряд проблем, поиски решения которых предопределили развитие и становление словообразования как отдельной науки о современном русском языке.

А. И. Смирницкий поднял в своих работах вопросы специфики семантики и грамотной членимости слов и впервые в отечественной лингвистике вынес конверсию за рамки речевых средств, отнес ее к одному из способов словообразования [11]. Г. О. Винокур в статье «Заметки по русскому словообразованию» показал разницу между словообразовательным и этимологическим анализом и представил ключевые принципы членения слова на морфемы, проиллюстрировав их многочисленными примерами из русского языка. Ученым сформулированы понятия производной основы, значение которой определяется значением соответствующей первичной основы, и связанной основы, которая функционирует в языке только в соединении с определенными аффиксами [4]. Именем лингвиста назван критерий определения производящей базы через толкование значения производного слова с использованием однокоренного, которое и является производящим.

Академик В. В. Виноградов понимал словообразование как обширный раздел языковой системы, который выступает в качестве связующего звена между грамматикой (в узком понимании) и лексикой языка [2]. Важнейшая заслуга В. В. Виноградова состоит в том, что ученый впервые в лингвистике продемонстрировал необходимость изучения процессов русского словообразования для понимания истинной истории русского языка.

Труды А. И. Смирницкого, Г. О. Винокура и В. В. Виноградова стали той базой, на которой начиная с 1960—70-х гг. появилась масса исследований, посвященных теме словообразования. В своих работах Е. А. Земская, Н. М. Шанский, М. В. Панов, Е. С. Кубрякова и другие лингвисты поднимали самые разные проблемы, касающиеся словообразовательных процессов русского языка. М. В. Панов обратился к вопросу членимости слов на морфемы и первый предложил определять одну из пяти степеней членимости слова, основываясь на свойствах корней и аффиксов [9]. В «Очерках по русскому словообразованию и лексикологии» Н. М. Шанский дал полную характеристику типов морфем и продемонстрировал ключевые способы деривации, а также разграничил понятия морфемного, словообразовательного и этимологического анализа, исходя из их целей и специфики [12].

Ученица В. В. Виноградова Е. А. Земская ввела понятие словообразовательного типа как определенной формулы или схемы построения новых слов и представила классификацию словообразовательных типов в зависимости от характера деривационного значения [6]. Е. С. Кубрякова понимала словообразовательную систему как сочетание разных словообразовательных моделей, которые не только помогают освоить грамматический строй конкретного языка, но и выступают в качестве готовых форм представления знания о мире [7].

Интенсивное и всестороннее изучение словообразовательных явлений привело к появлению понятийного аппарата, специфической методологии исследования, формулировке новых задач и, как следствие, оформления масштабной словообразовательной теории, которая позволила словообразованию встать в один ряд с другими лингвистическими дисциплинами.

Словообразование сложно представить как статическую совокупность раз и навсегда сложившихся паттернов, которые повторяются в тех или иных словообразовательных рядах. Это, скорее, подвижная, постоянно и неравномерно развивающаяся система с условными границами, которые невозможно четко провести, потому что словообразовательные процессы выходят далеко за рамки синхронного плана. Понимание этих проблем привело к строгому разграничению в описании словообразовательных процессов синхронной и диахронической точек зрения.

Если синхронное рассмотрение словообразовательных процессов сводится к формальному установлению связей между парами слов и определению словообразовательных моделей, по которым образуются новые слова, то исторический экскурс помогает обнаружить причинно-следственные связи между языковыми явлениями и раскрыть словообразовательные закономерности в языке. Изучение словообразовательных процессов с исторической точки зрения может показать, например, степень и характер влияния на изучаемый язык других языков.

Другая особенность словообразовательной системы заключается в том, что она состоит из словообразовательных моделей самых разных типов: живых и мертвых, активных и пассивных, продуктивных и непродуктивных. При этом непродуктивные и пассивные словообразовательные ряды не менее важны, чем продуктивные и активные, и не могут быть исключены из системы. На одной временной плоскости функционируют

самые разные модели, отличающиеся друг от друга и качественно, и количественно, что приводит к смешанному их описанию. Их признаки активности/пассивности, продуктивности/непродуктивности связаны, но не тождественны. Это приводит к тому, что некоторые модели можно назвать активными, но не продуктивными (например, словообразовательный ряд на -ник), а другие, продуктивные, не являются активными (например, виды мяса на -ина). Описание системы словообразования может сводиться к изучению наиболее распространенных и употребительных моделей, однако наиболее полная характеристика возможна, если учитывать все конструкции, воспринимающиеся носителями языка как живые.

Говоря о системе словообразования, необходимо коснуться проблемы способов словообразования в русском языке. Само понятие «способ словообразования» может пониматься по-разному, в зависимости от того, в синхроническом или диахроническом русле оно функционирует. В первом случае способ словообразования отвечает на вопрос, какими средствами выражается словообразовательное значение слова. Во втором случае — дает понимание, с помощью каких средств образовано производное слово.

В русской лингвистике существует несколько классификаций способов словообразования, и первую из них предложил В. В. Виноградов. В статье «Вопросы современного русского словообразования» академик представил классификацию морфологических типов словообразования, к которым отнес суффиксальный, префиксальный, бессуффиксный и смешанный (то есть суффиксально-префиксальный) способы [2]. В масштабный труд «Русский язык» ученый включил список вариантов аффиксального именного и глагольного словообразования в сопровождении многочисленных историко-стилистических комментариев [3].

Е. А. Земская представила свою версию классификации, разбив словообразовательные способы на две большие группы — морфологических и неморфологических способов словообразования. К первым относятся:

- Аффиксальные способы словообразования: *суффиксальный* способ (деривационное значение выражается с помощью суффикса и системы флексий); *префиксальный* способ (деривационное значение выражается с помощью префиксов); *префиксально-суффиксальный* способ (деривационное значение выражается одновременно и с помощью суффиксов, и с помощью префиксов); *сложноссуффиксальный*

способ (деривационное значение производного слова выражается посредством словосложения и суффиксации); *нулевая аффиксация* (деривационное значение производного слова выражается с помощью нулевого суффикса / нулевого суффикса и префикса / нулевого суффикса и сложения).

- Безаффиксные способы словообразования, в которых аффиксы не участвуют: *сложение* (деривационное значение выражается с помощью соединения одной или нескольких основ части речи с самостоятельным словом); *сращение* (деривационное значение выражается устойчивым порядком компонентов и ударением); *аббревиация*; *усечение* производящей основы по аббревиатурному способу, то есть вне зависимости от границ морфем; конверсия, или *субстантивация* (действует, когда образуются существительные, мотивированные по форме и смыслу прилагательными и причастиями).

К неморфологическим способам словообразования Е. А. Земская отнесла *метафоризацию*, *фонетическую мимикрию* (языковую игру со словом, которое уподобляется другому слову) и *заимствования* (дословные и частичные) [6].

Поскольку абсолютное большинство новых слов образуется в языке путем словообразования, оно наиболее наглядно отражает окружающую нас действительность и реагирует на социальные и другие перемены. С одной стороны, задачей словообразования является создание новых слов, описывающих возникающие предметы и явления по уже имеющимся моделям. С другой стороны, количество и характер этих слов всегда зависят от экстралингвистических факторов, то есть от конкретного предметного и понятийного мира.

В этом плане наиболее показателен словообразовательный анализ социолектов, как подвижных коммуникативных систем, не ограниченных строгими рамками нормы, чутко реагирующих на события в общественной жизни, а также демонстрирующих те изменения, которые характерны для русского языка в целом. Их лексический состав постоянно обогащается за счет внутренних ресурсов языковой системы, к которым относятся процессы словообразования: аффиксация, вторичная номинация, заимствования из других языков.

Традиционно социолект обозначает совокупность особенностей языка, характерных для той или иной профессиональной, либо сословной, либо возрастной группы [1]. Другими словами, это «инвариантная социально маркированная система

языка» [5], речь человека, который представляет свою социальную группу [Там же]. Из всех функциональных стилей именно обиходная речь «отличается наибольшим проявлением субъективного начала» [10].

Как и любой другой социолект, социолект субкультуры дрифтеров имеет свою лексическую базу, показательную в словообразовательном, грамматическом и фонетическом аспектах. Анализ двухсот лексических единиц социолекта субкультуры дрифтеров показал, что нем используется несколько способов словообразования. Перечислим их, проиллюстрировав примерами.

Метафоризация (26% от общего числа анализируемых лексем) стала самым продуктивным способом формирования лексического состава изучаемого социолекта. К жаргонным словам, появившимся в результате обогащения основного значения слова новыми смыслами, относятся: *донор* — автомобиль, с которого снимают детали, чтобы поставить их на другой автомобиль; *лидер* — пилот, который в парном заезде едет первым; *преследователь* — пилот, который в парном заезде едет вторым; *морда* — передняя часть автомобиля; *строить* — проектировать и совершенствовать автомобиль для дрифта; *электричка* — автомобиль, приводимый в движение электродвигателем с питанием от аккумуляторов; *сердце* — двигатель; *тапки* — колесные диски; и др. Есть и лексемы, образованные посредством метонимии: *бетон* — бетонное ограждение вдоль трассы; *винил* — виниловая наклейка на кузове автомобиля; *резина* — покрышка автомобиля; *спирт* — спортивное топливо с высоким содержанием биоэтанола.

Вторую по численности группу (21.5% от общего числа лексем) составляют лексические образования, которые появились путем присоединения к производящей основе *аффиксов* русского языка.

Суффиксальным способом (14%) образованы следующие лексемы: *докатка* — небольшое запасное колесо; *разборка* — авторазвал, место, где сломанные автомобили разбирают на запчасти, чтобы продать их; *жигулист* — человек, владеющий и разбирающийся в автомобиле «Жигули»; *держак* — сцепление покрышек с асфальтом; *марковник* — автомобиль Toyota Mark II; *тристасемидесятка* — автомобиль Nissan 370z; *Сайтевич* — японский гонщик Дайго Сайто; и др.

Лексемы, образованные **префиксальным способом** (6%): *отрыгнуть* — сломаться (о детали автомобиля); *отхлебнуть* — сломаться (о детали автомобиля); *перезаезд* — повторный заезд во время соревнований по парному дрифтингу; *переза-*

цеп — слишком сильное сцепление колес автомобиля с дорожным покрытием; *перекладка* — смена направления заноса; *недодержак* — недостаточное сцепление покрышек с асфальтом; и др.

К числу лексем, созданных **префиксально-суффиксальным способом** (1.5%), относятся: *подкапотка* — пространство под капотом автомобиля; *зауглиться* — при скольжении в управляемом заносе допустить больший, чем нужно, угол разворота автомобиля.

Третья группа лексем (22.5%) представлена **заимствованиями** из английского и японского языков. Японские лексемы чаще заимствуются целиком: *манджи* — управляемый занос, в ходе которого пилот несколько раз резко направляет автомобиль от одного края к другому; *мацури* — локальное организованное мероприятие по зимнему или летнему дрифту; *минами* — одна из трасс автоспортивного комплекса Эбису; *Эбису* — автоспортивный комплекс в Японии; *фуридаши* — вхождение в первый поворот трассы в управляемом заносе; и др. К заимствованиям из японского языка, оформленным грамматическими нормами русского языка, можно отнести немногочисленные прозвища японских пилотов: *Сайтевич* — японский пилот Дайго Сайто; *Хибинич* — японский пилот Тэцуя Хибино. Среди заимствований из английского языка есть как освоенные, так и не освоенные грамматикой русского языка элементы. К первым относятся: *андерстирить* — терять передними колесами сцепление с дорогой (об автомобиле); *рестайлинговый* — усовершенствованный с точки зрения внешнего вида и ходовых качеств автомобиль; *топчик* — хороший, лучший; *тюнячки* — запчасти для тюнинга автомобиля; и др.

Лексемы, созданные путем **усечения** (17.5%), образуют четвертую по количеству группу жаргонных образований. К ним относятся: *внешка* — внешний вид автомобиля; *квала* — квалификация; *комбез* — комбинезон; *конфиг* — конфигурация; *нелегал* — нелегальный гонщик; *сцепна* — сцепление; *пневма* — пневматическая подвеска; *турба* — турбина; и др.

Пятую позицию (6.5%) занимает группа жаргонных образований, полученная путем **сложения** производящих основ: *жиговод* — специалист-механик, специализирующийся на автомобилях «Жигули»; *маркообразные* — серия автомобилей Toyota, в которую вошли модели Mark II, Chaser и Cresta. Таким путем образовано немало терминов: *техпарк* — технический парк, зона обслуживания автомобилей во время соревнований по дрифтингу; *техсход* — технический сход, невозможность

участвовать в соревнованиях по причине поломки автомобиля; *турбояма* — промежуток времени, на протяжении которого турбина автомобиля не обеспечивает достаточно высокое давление, необходимое для работы двигателя в турборежиме.

На шестом месте (4%) находится группа лексем, в создании которых участвовала **фонетическая мимикрия**. *Восьмиклоп* — восьмиклапанный двигатель внутреннего сгорания; *Гнильсан* — автомобиль марки Nissan; *Лавр* — автомобиль марки Nissan модели Laurel; *Слива* — автомобиль марки Nissan модели Silvia.

Самую скромную по количеству элементов группу (2%) образуют жаргонные слова, образованные путем **аббревиации**. К ним относятся: *о-эм-тэ* — то же, что *уанмотайм*, повторный заезд во время соревнований; *РДС* — Российская дрифт-серия; *шаэс* — шаровое соединение, деталь, соединяющая элементы подвески и рулевого управления.

Социолект субкультуры дрифтеров, как и любой другой, представляет собой неавтономную подсистему, которая в большом количестве заимствует лексемы из других систем русского языка, обогащая их значения дополнительными смыслами. Ожидаемо метафоризация стала ключевым способом образования новых лексем в социолекте субкультуры дрифтеров.

Нормой для социолекта субкультуры дрифтеров, как и для многих других социолектов, стало употребление заимствований из иностранных языков. Высокий процент таких жаргонных слово-

образований обусловлен спецификой субкультуры дрифтеров, которая зародилась в Японии и прежде, чем появилась в России, получила большое распространение в англоязычных странах. Иноязычные слова почти не выделяются и не воспринимаются как чужеродные: оформленные по правилам фонетической и грамматической систем русского языка, они спрягаются/склоняются, а также изменяются по числам и лицам по аналогии с соответствующими частями речи.

Обширный пласт лексики, появившейся путем добавления к производящей основе суффиксов и аффиксов, демонстрирует, что морфологические словообразовательные процессы, протекающие в социолектах, мало отличаются от словообразовательных процессов русского литературного языка. Большое количество слов, образованных путем усечения и аббревиации, отражает общую тенденцию устной речи к экономии произносительных усилий во время неформального коммуникативного акта. В целом такой богатый лексический материал, представленный в социолекте субкультуры дрифтеров, значительно расширяет синонимическую систему русского языка, поскольку обнаруживает в себе большое количество маркированных дублетов литературных единиц. Эмоциональная окрашенность таких жаргонных элементов делает устную речь более живой и непринужденной, формирует определенный подъязык, принятый в среде общения между носителями субкультуры дрифтеров.

Список источников

1. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 317 с.
2. Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования // Избр. тр. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 155—165.
3. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Изд. 3-е. М., 1986.
4. Винокур Г. О. Избранные работы. М., 1959.
5. Ерофеева Т. И. Социолект как инструмент описания языковой ситуации региона // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 1 (7). С. 21—25.
6. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1973. 303 с.
7. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: РАН, Ин-т языкознания, 2004. 560 с.
8. ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Совет. энцикл. 1990.
9. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. / под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. М.: Языки славян. культуры, 2007. 848 с.
10. Скачкова Е. В. Экспрессивно-оценочная семантика словообразовательных интенсификаторов в современном русском языке (на материале компьютерно опосредованной разговорной речи) // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 116. С. 176—182.

11. Смирницкий А. И. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке // Иностранные языки в школе. 1953. № 5. С. 21—31.
12. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959. 245 с.

References

1. Belikov VI, Krysin LP. Sotsiolingvistika = Sociolinguistics. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet; 2001. 317 p. (In Russ.).
2. Vinogradov VV. Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike = Selected works. Studies on Russian grammar. Moscow; 1975. (In Russ.).
3. Vinogradov VV. Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove = Russian language. Grammatical teaching of the word. Moscow; 1986. (In Russ.).
4. Vinokur GO. Izbrannye raboty = Selected works. Moscow; 1959. (In Russ.).
5. Erofeeva TI. Sociolect as a tool for describing the linguistic situation of the region. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta. Russkaja i zarubezhnaja filologija = Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology*. 2010;(1(7):21-25. (In Russ.).
6. Zemskaya EA. Sovremennyi russkii yazyk. Slovoobrazovanie = Modern Russian language. Word formation. Moscow: Prosveshchenie; 1973. 303 p. (In Russ.).
7. Kubryakova ES. Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke = Language and knowledge: on the way to learning about language. Moscow: RAN, In-t yazykoznanija; 2004. 560 p. (In Russ.).
8. Yartseva VN (ed.). LES — Lingvisticheskii ehntsiklopedicheskii slovar' = LED — Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow: Sovetskaya ehntsiklopediya; 1990. (In Russ.).
9. Panov MV. Trudy po obshchemu yazykoznaniju i russkomu yazyku = Works on general linguistics and the Russian language. Vol. 2. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2007. 848 p. (In Russ.).
10. Skachkova EV. Expressive-evaluative semantics of word-forming intensifiers in modern Russian language (on the material of computer-mediated colloquial speech). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2019;(116):176-182. (In Russ.).
11. Smirnitckii AI. The so-called conversion and alternation of sounds in English. *Inostrannye yazyki v shkole = Foreign languages at school*. 1953;(5):21-31. (In Russ.).
12. Shanskii NM. Ocherki po russkomu slovoobrazovaniyu i leksikologii = Essays on Russian word formation and lexicology. Moscow; 1959. 245 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. И. Маштакова — копирайтер.

Information about the author

Ekaterina I. Mashtakova — copywriter.

Статья поступила в редакцию 30.11.2021; одобрена после рецензирования 26.12.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 30.11.2021; approved after reviewing 26.12.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.161.1

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10305

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ КОНСТРУКЦИИ «ПО АДРЕСУ»

Чэнь Сюецин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, cxq192575181@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются лексикографические описания сочетания *по адресу*, выделяется восемь различных конструкций. Описываются характеристики конструкций разных типов, разделяются омонимичные наречие и предложная единица, предлагается своеобразная шкала грамматикализации. Особое внимание уделено определению степени грамматикализации единиц *по адресу(:) что и по адресу кого-чего* в соответствии с критериями «определенности».

Ключевые слова: грамматикализация, конструкция, предлог, предложная единица, по адресу

Для цитирования: Чэнь Сюецин. Грамматикализация конструкции «по адресу» // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 36—42. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10305.

Original article

GRAMMATICALIZATION OF THE CONSTRUCTION “AT THE ADDRESS”

Chen Xueqing

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, cxq192575181@gmail.com

Abstract. The article is devoted to one of the topical issues of Russian studies — the grammaticalization of the combination of a preposition and content word. We study lexicographic descriptions of the combination *at address*, specifying 8 different constructions. The constructions are further divided into three groups according to the lexical meaning of the name as part of the unit, also the characteristics of these constructions are described that reveal different stages of their transition into prepositional units. We separate homonymous adverbs and prepositional units, propose a peculiar scale of grammaticalization. Particular attention is paid to the analysis of the process of transition from one part of speech to another, the degree of grammaticalization of units *at the address(:) and at the address of* in accordance with the criteria of the class of words called “preposition” and the belonging/non-belonging of these units to this class.

Keywords: grammaticalization, construction, preposition, prepositional unit, at the address

For citation: Chen Xueqing. Grammaticalization of the construction “at the address”. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(3(461):36-42. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10305.

Введение

В последние десятилетия растет интерес исследователей к активным процессам в языке, с одной стороны, и к описанию многокомпонентных языковых единиц — с другой. Контаминация подходов теории грамматикализации и грамматики конструкций позволяет по-новому посмотреть на предлоги как часть речи. М. В. Всеволодова и ее коллеги, разрабатывая грамматику предлога, предложили учитывать не только собственно предлоги, но и единицы, способные выполнять функции

предлога, объединив их понятием «предложные единицы» (ПЕ) [4. С. 12]. Для анализа всех единиц предложного типа используется функционально-грамматическое поле предлога. Ядром этого поля являются ПЕ, выступающие в функции только предлога: немотивированные предлоги (*над, с, в* и т. д.). Приядерную зону ядра формируют мотивированные предлоги (*в связи с, в качестве* и т. п.). В припериферийных зонах поля располагаются эквиваленты предлогов (*на канве, в пределах, диаметром*) [Там же. С. 75]. В русском языке активно идет процесс пополнения функционально-грамматического поля предлогов.

Это объясняется тем, что во флективных языках, в том числе в русском, трудно отделить значение предлога от значения падежа существительного. Связь предлога и падежной формы так тесна, что с развитием языка они могут слиться в одно целое. Этот процесс развития языка изучается в рамках Теории грамматикализации. В ходе грамматикализации лексические единицы и конструкции приобретают грамматические функции, в нашем случае — функции предлога.

Грамматикализация предложно-именного сочетания приводит к появлению многочисленных единиц, находящихся на промежуточных стадиях перехода в определенные части речи, например эквиваленты наречий, эквиваленты предлогов. Все эти единицы: и свободные сочетания предлога и существительного, и эквиваленты, и единицы, которые уже вошли в разряд наречий или предлогов, — в нашей статье рассматриваются как предложно-падежная конструкция, понятие которой охватывает результаты грамматикализации на разных этапах. «Конструкциями считаются языковые единицы любого уровня, если они обладают формой и содержанием, так что их элементами могут быть и морфемы, и слова, и предложения...» [9. С. 19]. В статье детально характеризуются процесс и степень грамматикализации конструкции «по адресу». Прежде всего рассмотрим ее лексикографические описания.

Описание «по адресу» в словарях

Конструкция «по адресу» находится в процессе приобретения новых функций, что зафиксировано в ее словарных описаниях: например, в [1] данная конструкция представлена следующим образом: «**По адресу кого-чего**, в зн. предлога. Офиц. В отношении кого-, чего-л. *Сделано много замечаний по адресу исполнителей.* Разг. *Прошу без намеков по моему адресу, в мой а.* **Не по адресу**, в зн. нареч. Не туда, куда следует».

В [8] также выделяются предложная и наречная конструкции: «**Не по адресу** (разг.) — не туда или не тому, куда или кому назначалось. *Ваше замечание не по адресу.* **По адресу кого-чего**, в знач. предлога с род. п. — относительно кого-чего-н., в адрес кого-чего-н. *Замечания по адресу профкома.*»

Конструкция *по адресу кого-чего* с пометой «в значении предлога» и со значением «в отношении кого-чего-л., относительно кого-чего-н. или в адрес кого-чего-н.» зафиксирована и в [2], [5], [6], [10]. В частности, в [6] выделено ее фразеологическое употребление: «**Пройтись (проехать-ся) по адресу кого-чего-л.** разг. отозваться о ком-

чем-л. или подшутить над кем-чем-л. // От предл. по (см.) и сущ. адрес м.». Особо подчеркнем, что конструкция *по адресу* с прямым значением существительного — «указание на местонахождение человека или учреждения» — не встречается в словарях.

Конструкция *не по адресу* отмечается также в [10], но не только как «в значении наречия» или «наречие», а также «в роли сказуемого»: «**не по адресу**, наречие (разг.), с глаг. обращаться, говорить и т. п. Не туда, куда следует; не к тому, к кому следует. *Вы обратились не по адресу.* — *Обиделся тогда? — Почему? — Я же видел, что не по адресу.* Дудинцев, Белые одежды. | В роли сказ. — *Вопрос не по адресу, задали бы его своему председателю.* Пановко, Старый клен».

Таким образом, в словарях фиксируются две конструкции: *не по адресу* (наречие и/или сказуемое) и *по адресу кого-чего* («в значении предлога»). Для определения реального функционирования конструкций, включающих компонент *по адресу*, нами был проведен анализ всех его употреблений в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ). В НКРЯ всего 3607 случаев употреблений данного компонента. В результате анализа материала было выделено восемь различных конструкций, включающих *по адресу*. Обнаруженные конструкции можно разделить на три группы по лексическому значению имени в составе единицы:

1. Единицы *по адресу*^{1/2/3} с исконным значением «данные о местожительстве или местонахождении» (2382 случая).
2. Единицы *по адресу*⁴ и *не по адресу*⁵ со значением «(не) как следует» (793 случая).
3. Единицы *по адресу*⁶, *по адресу*⁷ *кого-чего* и *по адресу*⁸ *к кому-чему* со значением «относительно кого-чего н.» (432 случая).

На наш взгляд, единицы в группах 2 и 3 представляют собой результаты грамматикализации *по адресу*.

Процесс грамматикализации «по адресу»

Для определения перехода одной части речи в другую в [11] предложены следующие критерии: 1) расхождение в лексико-семантическом значении — потеря прежних или приобретение новых смыслов; 2) выпадение из морфологической парадигмы; 3) разрушение синтагматических связей. В результате грамматикализации у конструкции «по адресу» как свободного предложного сочетания предлога *по* + (прилагательное/местоимение) + существительное *адресу*^{1/2/3} появляются функциональные омонимы (*не*) *по адресу*^{4/5},

употребляющиеся как наречие, и *по адресу*^{6/7/8} (к), выполняющие функцию предлога. Рассмотрим данные трансформации, начиная с более близких к исходной конструкции и заканчивая более грамматикализованными.

1. По + (прилагательное/местоимение) + адресу¹.

В сочетании *по адресу*¹ (примеры 1 и 2) слово *адрес* является собственно существительным со значением местонахождения/местожительства в форме дательного падежа единственного/множественного числа. *По адресу*¹ обычно сочетается с глаголами *отправиться, писать, съездить* и т. п.

1) *Когда наконец поняли, что здорово влипли с домом, набравшись смелости, отправились по старому адресу*¹ (НКРЯ. Новгородские ведомости. 2013).

2) *А пока можешь писать ему по моему адресу*¹ (НКРЯ. Маршак С. Письма. 1950—1964).

Но в следующих примерах существительное *адрес* приобретает управление и сочетается с именительным падежом (примеры 3—5) или родительным падежом (примеры 6—8), что дало возможность слияния *по* и *адресу*. Конструкция *по адресу* начинает претерпевать синтаксические и семантические изменения, начиная с *по адресу*² (: что).

2. По адресу² (: что).

В данной единице у компонента-имени *адрес*² сохраняется лексическое значение «местонахождение/местожительство; надпись на письме, почтовом отправлении, указывающая место назначения и получателя».

3) *За подробной информацией обращайтесь по адресу*²: *Россия, 111141, Москва, Зеленый п-т, 5/12* (НКРЯ. Здоровье. 1997).

4) *Выставка, посвященная творчеству Норштейна и его жены, художника его фильмов Франчески Ябусовой, будет проходить с 15 сентября по 9 октября в московской галерее Altmans Gallery по адресу*²: *Новинский бульвар, 31* (НКРЯ. Данилова А. А., Гупало Г. М., Норштейн Ю. Опять забыли человека. 2016).

5) *С вопросами обращаться по электронному адресу*² *inipst@list.ru* (НКРЯ. Мясная индустрия. 2004).

В данной конструкции форма именительного падежа по функции представляет собой несогласованное определение, а по значению она и компонент *по адресу* взаимозаменяемы, они связаны сочинительными отношениями. Однако ситуация несколько изменяется в конструкции *по адресу*³ *кого-чего*.

3. По адресу³ кого-чего.

В данной конструкции форма родительного падежа по функции также представляет собой несогласованное прилагательное, но у актанта (*кого-чего*) и *адресу*³ подчинительная связь.

6) *Чтобы зафиксировать момент предъявления требований о возврате долга, соответствующий запрос нужно направить заказным письмом с уведомлением о вручении по фактическому адресу*³ *проживания (этот адрес может не совпадать с адресом постоянной регистрации) или работы должника* (НКРЯ. Встреча (Дубна). 2003).

7) *Если покупка мелкая, то магазину невыгодно гонять курьера ради выполнения одной заявки, поэтому он накапливает заказы, выстраивая маршруты курьеров как по адресам*³ *поставщиков, так и по адресам*³ *покупателей* (НКРЯ. Эксперт-Интернет. 2001).

8) *Конкурсная документация предоставляется бесплатно по адресу*³ *организатора конкурса уполномоченному представителю участника конкурса* (НКРЯ. Восточно-Сибирская правда (Иркутск). 2003).

Видимо, в данной конструкции *адресу*³ уже отходит от управляемого им существительного и более скрепляется с *по*. Далее в конструкциях *по адресу*^{4/5} предлог *по* и существительное *адрес* уже употребляются как единое целое (примеры 9—14).

4. По адресу⁴.

У конструкции *по адресу*⁴ отмечаются элементы грамматичности (изменения грамматической функции) в сопоставлении с исходной конструкцией *по адресу*²: синтаксически после *по адресу*⁴ не присоединяется группа, называющая адрес, или определительная группа, семантически не дифференцируется конкретная информация о местонахождении.

9) *Вот что, Гарипов, забирай будущего воина и доставь по адресу*⁴, *передай с рук на руки матери, — приказал комендант солдату, которого отчитывал перед нашим приходом* (НКРЯ. Бельские Просторы. 2011).

10) *Я посоветовал ему тотчас же заняться анатомией и отправиться по адресу*⁴ *к т-те Vogelsang* (НКРЯ. Пирогов Н. И. Вопросы жизни. Дневник старого врача. 1879—1881).

*По адресу*⁴ изолированно употребляется в предложениях как наречие (появляющийся в примере 10 предлог *к*, скорее, управляется глаголом *отправиться*). Антонимичная ей конструкция *не по адресу*⁵ употребляется не только как наречие, но и в некоторых случаях как предикатив.

5. Не по адресу⁵.

Конструкция *не по адресу⁵* уже полностью употребляется как наречие со значением «не туда, куда следует, не к тому, кому следует», она морфологически не изменяется (в частности, не имеет формы множественного числа), примыкает к глаголу *обратиться* и *попасть*, в качестве члена предложения является обстоятельством. В случае когда в предложении опускается глагол, *не по адресу⁵* выступает в роли сказуемого.

11) Но Борис Яковлевич обратился к нам **не по адресу⁵** (НКРЯ. Рыбаков А. Тяжелый песок. 1975—1977).

12) На какое-то мгновение у Анатолия Васильевича родилось ощущение, что он попал **не по адресу⁵** (НКРЯ. Пеунов В. Дело принял адвокат. 1978).

13) Я же видел, что **не по адресу⁵** (НКРЯ. Дудинцев В. Белые одежды. 1987).

14) Но эта мысль скользнула и ушла — она была **не по адресу⁵**: у него ведь был сын «Школьник...» (НКРЯ. Битов А. Лес. 1960—1980).

Семантике имени существительного свойственно категориальное значение «предметность» и полное лексическое значение. Переходя в предлог, компонент-имя в единице подвергается метафоризации: ослабляется лексическое значение данного разряда, появляется элемент релятивности, его значение сливается со значением немотивированных компонентов в единице и изменяется категориальное значение (в случае, если конструкция полностью переходит в предлог). Превращаясь в предлог, полнозначное слово теряет грамматические категории (род, падеж, число) и формы, становится морфологически неизменяемым. Синтаксически имя существительное может занимать позиции разных членов предложения, а переходя в предлоги, конструкция перестает быть членом предложения и принимает на себя «обязанности», свойственные предлогу: служит средством выражения синтаксических отношений между частями речи. Конструкции *по адресу^{6—8}* демонстрируют различную степень определенности.

6. По чьему адресу⁶.

В данной конструкции (примеры 15—16) происходит изменение в семантике, единица *по адресу⁶* приобретает совершенно новое значение «относительно», что прибавляет ей грамматичности. Но морфологически у слова *адрес⁶* сохраняются разные формы числа: *по чьему адресу* — *по чьим адресам*; между словами *по* и *адресу* всегда вставляется притяжательное местоимение, что не харак-

терно для предлога. Синтаксически здесь актант выражен притяжательным местоимением, а не личным местоимением в форме родительного падежа, ср. **по адресу нас*, **по адресу себя*.

15) Конечно, в вопросе калькуляции цен есть обстоятельства, которые могут заслужить упреки **по нашему адресу⁶** (НКРЯ. Радио Всем. 1928).

16) Давид Осипович, благодушно улыбаясь, снисходительно слушал комплименты **по своим адресу⁶** (НКРЯ. Ефимов Б. Десять десятилетий. 2000).

7. По адресу⁷ кого-чего.

Конструкция *по адресу⁷* (примеры 17—18) демонстрирует метафоризацию — изменение значения, а также другие признаки грамматикализации.

17) Ему известен хор обвинений **по адресу⁷** высокомерного автора, чье отношение к большинству и в самом деле своеобразно (НКРЯ. Знамя. 2006).

18) Такие нападки на науку и презрительный тон **по адресу⁷** законов «исторических», «социологических» и других не должны удивлять нас (НКРЯ. Соловьев-Андреевич Е. А. Толстой Л. Н. Его жизнь и литературная деятельность. 1895).

ПЕ *по адресу⁷* имеет значение «относительно кого-чего-н.», единица как единое целое не изменяется по морфологической форме (не имеет формы мн. ч.), не допускает внутрь себя прилагательное, связывает имена типа *обвинение* и *автор*, *тон* и *законов*.

8. По адресу⁸ к кому-чему.

Как показывает языковой материал, грамматикализация идет дальше и иногда к единице *по адресу⁷* в постпозиции прибавляется немотивированный предлог *к* в качестве экспликатора [4. С. 56]. Он семантически незначим, но определяет падежную форму припредложного слова (*по адресу⁷ кого-чего*, но *по адресу⁸ к кому-чему*) (примеры 19—20). Единица *по адресу⁸ к* представляет собой морфосинтаксический вариант *по адресу⁷*, что свидетельствует о наличии морфосинтаксической парадигмы предложной единицы *по адресу⁷* и усиливает ее статус как мотивированного предлога.

19) На крик старика собралась большая толпа, которая начала проявлять угрожающее настроение **по адресу⁸ к евреям** (НКРЯ. Одесский листок. 1913).

20) И я представляю себе, что эта статья кончалась бы вопросом о том, дойдет ли это послание, замурованное в подвалах Большой оперы, **по адресу⁸ к нашим потомкам...** (НКРЯ.

Волошин М. А. Поль Верлэн. Стихи избранные и переведенные Ф. Сологубом. 1907).

Каждой из выявленных конструкций присуще большее или меньшее число признаков грамматикализации.

Анализ языкового материала позволяет сделать вывод о том, что явление грамматикализации происходит как на частеречном уровне (предложное сочетание *по* + (прилагательное) + существительное *адресу*¹ — наречие *по адресу*⁴ — ПЕ *по адресу*⁷ *кого-чего*), так и внутри частей речи (наречия *по адресу*⁴ — *не по адресу*⁵; ПЕ *по адресу*⁷ *кого-чего* — *по адресу*⁸ *к кому-чему*). Различение омонимов обычно не вызывает трудностей в связи с наличием функционально-синтаксических особенностей: наречия *по адресу*^{4/5} не управляют словами других частей речи, а ПЕ *по адресу*^{7/8} (*к*) вводят припредложное слово, исключая ситуации эллипсиса в предложении. Трудность заключается в различении предложного сочетания и ПЕ, особенно в случаях, когда единица находится на промежуточном этапе — не относится к свободным словосочетаниям, но и не полностью входит в разряд предлога, хотя выполняет функцию данного разряда. В связи с этим определение степени грамматикализации ПЕ становится актуальной задачей. Процесс грамматикализации находится в постоянном развитии, для определения степени грамматикализации той или иной единицы необходимо проводить анализ в конкретных текстах и учитывать все аспекты, которыми обеспечивается данный процесс, в частности изменение семантики, морфологии, синтаксиса и фонетики.

Степень грамматикализации ПЕ «по адресу»

Судя по всему, процесс перехода одной части речи в другую в целом можно разделить на два этапа: потеря старых свойств и получение новых. Однако изменения в процессе перехода происходят постепенно. Проанализированные нами примеры лишь свидетельствуют о том, что эти единицы уже отошли от исходной части речи (существительного). Для того чтобы выявить, насколько они отошли от исходной или насколько они вошли / не вошли в разряд новой части речи (предлога), необходимо определить степень грамматикализации ПЕ, используя объективные критерии.

Для определения степени грамматикализации ПЕ мы опираемся на критерии, выявленные в [3]: 1) тип синтаксемы, формируемой предложной единицей, — связанные, обусловленные или сво-

бодные (свободные синтаксемы более склонны к грамматикализации); 2) степень метафоризации — высокая, средняя, низкая (в единице с высокой степенью метафоризации невозможно употребить лексему со словами-партнерами вне конструкции ПЕ); 3) возможность/невозможность присоединять прилагательное-модификатор — ПЕ не «впускает» согласованное определение; 4) наличие морфосинтаксических вариантов — потеря в процессе употребления семантических и синтаксических связей ПЕ является признаком грамматикализации; 5) морфологическая специализация по отношению к другим словам того же ряда. Из предложенных единиц *по адресу*^{6/7/8} основной является *по адресу*⁷ *кого-чего*, остальные представляют ее варианты. Поэтому достаточно определить степень грамматикализации единицы *по адресу*⁷. Для сопоставления обратимся также к конструкции *по адресу*²(:) *что*, которая явилась источником грамматикализации.

1. Степень грамматикализации конструкции «по адресу²(:) что».

Конструкция *по адресу*²(:) *что* обладает следующими характеристиками:

- 1) это свободная синтаксема, которая вне зависимости от контекста имеет самостоятельное значение: (21) 00 часов *по адресу*²: станция метро «Третьяковская», Черниговский пер., дом 9/13, стр. 2 (НКРЯ. Народное творчество. 2004);
- 2) слово *адрес*² имеет исконное значение существительного, метафоризация не происходит;
- 3) конструкция *по адресу*²(:) *что* присоединяет прилагательное-модификатор: *направлять по почтовому/следующим/указанному адресу: 119234, Москва*;
- 4) в процессе употребления у конструкции *по адресу*²(:) *что* не зафиксировано вариативности управления;
- 5) существительное *адресу*² в составе конструкции *по адресу*²(:) *что* не обособилось от слова с его категориальным значением «предметность»: *регистрация по адресу*²: *что* — *регистрация по местонахождению*.

2. Степень грамматикализации ПЕ «по адресу⁷ кого-чего».

У конструкции *по адресу*⁷ *кого-чего* отмечаются следующие особенности.

- 1) Конструкция *по адресу* формирует обусловленную синтаксему, значение у которой вне контекстов не определяется. Например, сочетание *по адресу редакции* может иметь разные значения в конструкциях *прислать конверт*

*по адресу*¹ редакции и похвала *по адресу*⁷ редакции.

- 2) У конструкции *по адресу*⁷ кого-чего высокая степень метафоризации, значение более абстрактное и значительно отличается от исходного существительного.
- 3) В данную конструкцию невозможно «вставить» прилагательное-модификатор (конструкция непроницаема), ср. *критика по знакому/старому/новому адресу редакции; однако есть случаи присоединения местоимения — имени актанта (*по чьему адресу/по чьим адресу/по чьим адресам*), поэтому в таблице поставлен знак +/-.
- 4) Зафиксирован морфосинтаксический вариант *по адресу*⁸ к кому-чему и в адрес кого-чего.
- 5) Существительное *адрес*⁷ обособилось от категориальных признаков существительных, используется только дательный падеж, единственное число.

Для того чтобы более наглядно сопоставить степень грамматикализации конструкций *по адресу*²(:) что и *по адресу*⁷ кого-чего, представим вышеописанные критерии в таблице.

Из таблицы видно, что первая конструкция очень далека от предлогов, а вторая *по адресу*⁷ кого-чего имеет высокую степень грамматикализации и перешла, хотя и не полностью, в разряд предлогов. Выявленные по указанным критериям разные степени грамматикализации *по адресу*⁷ кого-чего и *по адресу*²(:) что, существование у них вариантов говорят о возможности дальнейшего развития грамматикализации конструкции *по адресу*.

Характеристика конструкций на основании операциональных критериев

ПЕ	Тип синтаксемы	Метафоризация	Невозможность присоединения определения	Наличие морфосинтаксических вариантов	Обособление от исходного существительного
по адресу ² (:) что	своб.	–	–	–	–
по адресу ⁷ кого-чего	обусл.	+	+/-	+	+

Заключение

В частях речи протекают глубокие процессы постепенного отмирания «старых» признаков и появления новых, в результате чего становится возможным переход слова или конструкции из одной части речи в другую, то есть происходит процесс грамматикализации. Для определения степени развития данного процесса и отнесенности/неотнесенности той или иной единицы к предлогу необходимо учитывать факторы во всех аспектах языка: в семантическом, формальном и функциональном. Безусловно, процесс грамматикализации сложный, описания процесса перехода и критерии определения степени изменений пока не универсальны. Выделение достаточных признаков предложивания и анализ необходимого количества случаев является актуальной задачей, так как служит целям объективации лингвистического описания предлогов.

Список источников

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
2. Бурцева В. В. Словарь наречий и служебных слов русского языка. М.: Дрофа, 2010.
3. Виноградова Е. Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 25—50.
4. Всеволодова М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц / под общ. ред. М. В. Всеволодовой. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2018. 304 с.
5. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Рус. яз., 2001.
6. Словарь структурных слов русского языка / ред. В. В. Морковкин. М.: Лазурь, 1997.
7. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.
9. Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций / под ред. Е. В. Рахилиной. М.: Азбуковник, 2010. С. 18—79.
10. Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М.: АСТ; Астрель, 2003.
11. Тихомирова Т. С. Процессы адвербиализации форм творительного беспредложного в польском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.

References

1. Kuznetsov SA (ed.). Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo iazyka = A large explanatory dictionary of the Russian language. St. Petersburg: Norint; 1998. (In Russ.).
2. Burtseva VV. Slovar' narechiy i sluzhebnykh slov russkogo iazyka = Dictionary of adverbs and auxiliary words of the Russian language. Moscow: Drofa, 2010. (In Russ.).
3. Vinogradova EN. Grammarization in the Russian language: from the form of noun to preposition (on the basis of somatisms). *Voprosy iazykoznaniiia = Questions of Linguistics*. 2016;(1):25-50. (In Russ.).
4. Vsevolodova MV, Kukushkina OV, Polikarpov AA. Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniiu real'nogo upotrebleniia. Kn. 1: Vvedenie v ob'ektivnuiu grammatiku i leksikografiu russkikh predlozhnykh edinitc = Prepositions and means of prepositional type in the Russian language. Materials for the functional-grammatical description of practical usage. Book 1: Introduction to objective grammar and lexicography of Russian prepositional units. Moscow: LENAND; 2018. 304 p. (In Russ.).
5. Efremova TF. Tolkovyy slovar' sluzhebny'kh chastei rechi russkogo iazyka = Explanatory Dictionary of functional parts of speech of the Russian Language. Moscow: Russian language; 2001. (In Russ.).
6. Morkovkin VV (ed.). Slovar' strukturnykh slov russkogo iazyka = Dictionary of structural words of the Russian language. Moscow: Lazur; 1997. (In Russ.).
7. Natsional'nyy korpus russkogo iazyka = National corpus of the Russian language. Available from: <https://rus-corpora.ru/new/search-main.html>. (In Russ.).
8. Ozhegov SI, Shvedova NYu. Tolkovyy slovar' russkogo iazyka = Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Azbukovnik; 1999. (In Russ.).
9. Rahilina EV, Kuznetsova YuL. Grammatika konstruktsiy: teoriia, storonniki, blizkie idei = Grammar of constructions: theory, supporters, close ideas. In: *Lingvistika konstruktsiy = Linguistics of constructions*. Moscow: Azbukovnik, 2010. Pp. 18—79. (In Russ.).
10. Rogozhnikova RP. Tolkovyy slovar' sochetaniy, ekvivalentnykh slovu = Explanatory dictionary of combinations equivalent to a word. Moscow: AST; Astrel; 2003. (In Russ.).
11. Tikhomirova TS. Protsesty adverbializatsii form tvoritel'nogo bespredlozhnogo v pol'skom iazyke = Processes of adverbialization of forms of instrumental non-prepositional in the Polish language. Abstract of thesis. Moscow; 1972. (In Russ.).

Информация об авторе

Чэнь Сюецин — аспирант кафедры русского языка.

Information about the author

Chen Xueqing — graduate student of the Department of Russian Language.

Статья поступила в редакцию 06.02.2022; одобрена после рецензирования 25.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 06.02.2022; approved after reviewing 25.02.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ЯЗЫКИ И ИХ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ

LANGUAGES AND THEIR REGIONAL VARIETIES

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 43—50. ISSN 1994-2796 (print).

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(3(461):43-50. ISSN 1994-2796 (print).

Научная статья

УДК 81'282.8

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10306

ПЕРУАНСКИЙ ВАРИАНТ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА: ФОНЕТИЧЕСКИЕ, ГРАММАТИЧЕСКИЕ, ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Хасинто Омар Контрерас Сарриа

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия, khasintokontreras@gmail.com

Аннотация. Анализу подвергаются лингвокультурные особенности национального варианта испанского языка, функционирующего на территории Перу. В процессе контактного взаимодействия испанского языка и местных лингвокультур на территории Перу развился такой национальный вариант, как перуанский вариант испанского языка. Процесс влияния автохтонных языков, их диалектов и многочисленных местных культур на состояние испанского языка в Перу позволил выявить ряд уникальных характеристик, типичных исключительно для перуанской лингвокультуры. Анализируемый территориальный вариант обладает рядом свойств на всех языковых уровнях: фонетическом, грамматическом, лексическом, — что проявляется в ряде фонетических, грамматических, лексических трансформаций, выявленных в ходе анализа. Лексические трансформации перуанского варианта испанского языка преобладают над фонетическими и грамматическими изменениями и проявляются в использовании высокочастотных лингвокультурем в формальной и неформальной коммуникации.

Ключевые слова: контактная лингвистика, перуанский вариант испанского языка, лингвокультурология, фонетическая трансформация, грамматическая трансформация, лексическая трансформация, лингвокультурема

Для цитирования: Контрерас Сарриа Х. О. Перуанский вариант испанского языка: фонетические, грамматические, лексические особенности // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 43—50. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10306.

Original article

PERUVIAN SPANISH: PHONETIC, GRAMMATICAL, LEXICAL FEATURES

Jacinto Omar Contreras Sarría

Belgorod State University, Belgorod, Russia, khasintokontreras@gmail.com

Abstract. The article deals with the peculiar features of the Spanish language functioning on the territory of Peru. In the process of contact interaction of the Spanish language and Peruvian local languages and cultures a new hybrid language, named as Peruvian Spanish was formed on the territory of Peru. The adaptation process of the autochthonous languages influence, as well as all their dialects, and numerous local cultures has been the reason of forced naturalization of Spanish to local linguistic and cultural realities. Therefore, the formed language variant — Peruvian Spanish — has revealed a number of unique characteristics that are typical exclusively for the Peruvian language and culture environment. The analyzed territorial variant has a number of peculiarities at all language levels: phonetic, grammatical, lexical, which is manifested in a number of phonetic, grammatical, lexical transformations which are to be identified during the research work. Lexical transformations of Peruvian Spanish according to the research prevail over phonetic and grammatical changes and are manifested in the use of high-frequency language and culture lexemes, and are of use both in formal and informal communication types.

Keywords: contact linguistics, Peruvian Spanish, language and culture, phonetic transformation, grammatical transformation, lexical transformation, language and culture lexemes

For citation: Contreras Sarria JO. Peruvian Spanish: phonetic, grammatical, lexical features. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(3(461):43-50. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10306.

В ходе контактного взаимодействия испанского языка и многочисленных автохтонных языков и культур на территории Перу возник и развивался такой территориальный вариант, как перуанский вариант испанского языка (ПВИЯ). Подвергаясь доминирующему влиянию со стороны местных лингвокультур, испанский язык, функционируя на территории Перу, был подвержен многочисленным изменениям, в результате чего в его фонетической, лексической и грамматической подсистемах возникли существенные трансформации.

В процессе своего становления по причине несоответствия норме — испанскому языку Испании — перуанский вариант испанского языка рассматривался как язык необразованной части населения, средство общения сельских жителей. Принимая во внимание огромное количество местных региолектов и диалектов Перу, говорить о соответствии норме — испанскому языку Испании — становилось еще более проблематичным. Тем не менее есть все основания полагать, что перуанский вариант испанского языка, как и любой другой территориальный вариант, имеет право на существование, так как он обладает официальным статусом, литературной нормой, зафиксированной в словаре, является средством общения подавляющего большинства перуанцев.

Актуальность исследования определяется необходимостью проведения комплексного анализа функционирования испанского языка и его национальных вариантов в период популяризации испанского языка в современном обществе, что может внести определенный вклад в развитие теории языковых контактов.

Объектом нашего исследования является лингвокультурологическая специфика перуанского варианта испанского языка, предметом исследования выступают языковые процессы, происходящие в анализируемом территориальном варианте в ходе осуществления контактного взаимодействия испанского языка и перуанских языков и культур. Целью исследования является выявление ключевых свойств ПВИЯ на всех языковых уровнях с позиции лингвокультурологии. При таком подходе анализу подвергаются языковые процессы, возникающие в ходе влияния культуры на функционирование языка.

В ходе исследования была сформулирована научная гипотеза о возможных языковых изменениях, происходящих в испанском языке, функционирующем на территории Испании, в силу влияния местных языков и культур, в результате чего сформированный территориальный вариант должен иметь существенные отличия от испанского языка Испании.

Научная новизна работы определяется тем, что автор рассматривает специфику языковых изменений перуанского варианта испанского языка с позиции лингвокультурологии. При таком подходе анализируются фонетические, грамматические и лексические трансформационные процессы, происходящие вследствие доминирующего влияния автохтонных языков и культур, и выявляются причины совершения ошибок в формальной и неформальной коммуникации в силу влияния лингвистических и экстралингвистических факторов.

В ходе анализа были использованы методы исследования общенаучные (описательно-аналитический метод и его приемы: интерпретация, обобщение, систематизация явлений и фактов) и специальные (компонентный и трансформационный анализ).

На территории Перу «испанский язык является официальным языком более 400 лет, однако за этот период времени местные языки не только не прекратили свое существование, но и смогли оказать существенное влияние на состояние местной лингвокультуры; в целом в настоящее время на территории Перу существует около 57 индейских языков» [3. С. 15]. Отечественный исследователь Н. М. Фирсова в своих работах отмечает, что «45 % населения Перу составляют индейцы кечуа и аймара, 37 % — метисы, 15 % — белые, 3 % — темнокожее население, китайцы, японцы и другие, испаноязычных перуанцев насчитывается около 60 %» [7. С. 15]. Как показывают данные исследователя, большая часть перуанского населения принадлежит индейской части населения, при этом наиболее частотными автохтонными языками являются *кечуа* и *аймара*.

В своих работах другой исследователь, Ю. Е. Березкин, отмечает, что «инки содействовали распространению *кечуа* на завоеванных территориях, хотя окончательная кечуанизация центральной части Анд произошла лишь в колониальный период;

насильственное распространение норм европейской культуры и испанских порядков, внедренных на территорию Перу испанскими завоевателями, католическими миссионерами способствовало истреблению и вымиранию местных племен, что, в свою очередь, привело к исчезновению многочисленных местных языков, о существовании которых возможно сегодня только догадываться, исходя из топонимических данных» [1. С. 23].

В трудах отечественного исследователя Г. В. Степанова отмечается: «С одной стороны, многообразие индейских языков способствовало распространению испанского языка в качестве определенного койне, или общего языка, но, с другой стороны, соответствовало интересам завоевателей и колонизаторов, что привело к росту престижа наиболее влиятельных индейских наречий» [6. С. 85]. Такого рода «амфотерные действия были продиктованы необходимостью соблюдения испанских политических интересов, заключавшихся в безотлагательной испанизации завоеванных территорий; с другой стороны, в ранг интересов католической церкви входило обращение в христианство коренных жителей американского региона, что в значительной степени препятствовало процессу испанизации местного населения и содействовало сохранению и процветанию автохтонных языков» [3. С. 28—31].

Пребывание испанцев на территории Перу способствовало «закату империи инков, в то же время этот период спровоцировал развитие нового этапа, понимаемого в современной социолингвистике и лингвокультурологии как “синтез языков и культур”, определивший неоднородный характер языковой ситуации» [8. С. 12]. Принимая во внимание фактор сложившегося мультикультурализма перуанского общества, укажем, что языковая ситуация Перу отличается многослойной структурой в силу особенностей сложившегося мультилингвизма, что проявляется в двуязычии населения Перу.

В нашей работе мы исходим из позиции отечественного исследователя Р. А. Будагова, который полагал, что «проблема субстрата, как и его своеобразных разновидностей — суперстрата и адстрата, — это не столько собственно лингвистическая, сколько историческая проблема» [2. С. 273].

Такая позиция многократно была предметом исследования в работах зарубежного исследователя Х. П. Рона [13. Р. 35]. Анализируя лингвокультурологическую специфику ПВИЯ, автор говорит о необходимости рассмотрения влияния географических условий, в которых функциониру-

ет язык. Такую точку зрения разделяют и другие исследователи, заявляя, что «ни в одной другой стране мира, кроме Перу, нет такой связи между очертаниями рельефа и событиями в жизни людей, проживающих на ее территории» [5. С. 249].

Уникальными географическими условиями обладает страна Перу. Вслед за мнением В. Р. Морено, мы считаем необходимым учитывать фактор географических зон и влияния климатических зон при анализе функционирования языков. Так, государство Перу «разделено на три ярко выраженные географические зоны: зона побережья (*costa*), зона горных районов (*sierra*), лесная зона (*selva*)» [3. С. 22—28].

В своих работах зарубежный исследователь Р. Караведо [9] акцентирует внимание на принципе географического положения и силу его влияния на состояние языка. В работах автора была разработана классификация национального испанского языка, функционирующего на территории Перу, согласно которой выделяются такие диалекты, как «андский диалект (*español andino*); прибрежный перуанский испанский диалект (*español costeño*); амазонский испанский диалект (*español amazónico*)» [3. С. 24—28].

Рассмотрим подробнее фонетические особенности ПВИЯ.

К рангу наиболее продуктивных диалектов на территории сельских районов относится *андский испанский диалект (español andino)*. Этот диалект имеет значительное сходство с диалектами Боливии, Эквадора.

В настоящем исследовании анализ фонетических, грамматических и лексических особенностей ПВИЯ проводился на материале современных специализированных словарей (*Lonely Planet Quechua. Phrasebook & Dictionary, Quick Guide to Peruvian Spanish*) и путеводителей для туристов (*Learn Peruvian Spanish Slang*).

К фонетическим характеристикам андского перуанского испанского языка относится своеобразный замедленный ритм по сравнению с быстрым темпом европейского испанского языка, а иногда и других южноамериканских территориальных вариантов испанского языка.

В перечень фонетических особенностей анализируемого диалекта входят:

- трансформация гласного звука испанского языка /e/ в звук в перуанском варианте испанского языка /i'/';
- переход гласного испанского языка /o/ в гласный звук перуанского варианта испанского языка /u/;

- произношение согласного звука /s/ с большей степенью придыхания, по сравнению с прибрежным перуанским испанским вариантом.

К рангу грамматических трансформаций андского испанского диалекта ПВИЯ относятся:

- дублирование притяжательных местоимений, например: «*su casa de Pepe* — дом Пепе (согласно норме — испанскому языку, функционирующему в Испании, — правильным вариантом будет употребление *la casa de Pepe* или *su casa*)» [3. С. 108];
- использование наречий «*no más* — больше/дольше и *pués* — так/тогда после глагола (например, *dile no más pues* — больше не говори этого (обычно не произносится *lo digas más*)» [Там же. С. 117];
- использование настоящего времени для выражения прошедшего времени.

В свою очередь *прибрежный перуанский испанский диалект* (*español costeño*) представляет собой средство общения для представителей высшего общества Лимы и тех, кто долгое время общался с мигрантами, проживающими в крупных городах или на побережье. Несмотря на то что этот диалект является средством коммуникации для языкового меньшинства, рассматриваемый вариант считается наиболее приближенным к норме — испанскому языку Испании.

Фонетические особенности *прибрежного диалекта* ПВИЯ включают следующие особенности:

- гласные звуки произносятся четко, имеют одинаковую долготу;
- согласный звук /s/ опускается при произношении, если перед ним есть другой согласный звук;
- согласный звук /d/ переходит в /t/.
- подобно андскому испанскому диалекту происходит трансформация гласных звуков испанского языка: гласный звук /e/ переходит в /i/, гласный звук /o/ трансформируется в /u/;
- звонкие согласные звуки /b/, /d/ и /g/ оглушаются и произносятся без придыхания, а иногда опускаются (в интервокальной позиции, например: *dado* — /da'o/ — *данный, настоящий*);
- глухие согласные, например /p/, часто озвончаются (*epoca lebocal* — *эпоха, период, сезон*).

Прибрежный диалект ПВИЯ родился более 50 лет назад и представляет собой процесс гибридизации андского и прибрежного диалектов, в котором наблюдается смешение речи андских мигрантов и жителей Лимы. Этот тип является наиболее продуктивным на территории Перу. Особого внимания со стороны лингвистов заслу-

живает «вопрос изучения специфики лексического строя прибрежного перуанского диалекта, так как в его состав входят не только фразы и выражения из Северной и Южной Америки, но также содержится большое количество лексических единиц, заимствованных из языков и диалектов прибрежной зоны Лимы» [Там же. С. 98]. В этот ранг входят наиболее частотные термины и выражения, заимствованные из автохтонного языка *кечуа*, например: *tengo una yaya* — у меня травма, содержащее в своем составе лексему автохтонного языка *кечуа* — *yaya* — *травма*. В рассматриваемом примере испанец употребил бы лексему *lesión* — *травма*: *tengo una lesión*.

Амазонский испанский диалект образовался в результате контактного взаимодействия лингвокультур андского испанского диалекта, испанского языка Лимы и автохтонных амазонских языков. В ранг фонетических особенностей *амазонского испанского диалекта* входит его уникальная тоналная структура.

К фонетическим трансформациям, происходящим в этом диалекте, относятся:

- трансформация звука /j/ в /f/, например: *San Juan* — *San Fuan*;
- глухие согласные звуки /p/, /t/ и /k/ произносятся с активным придыханием, то есть сопровождаются активным выходом воздуха.

Морфологический строй ПВИЯ так же, как и его фонетическая подсистема, подвержен изменениям, что продиктовано интерференционными процессами со стороны автохтонных языков.

Одной из наиболее распространенных и универсальных особенностей ПВИЯ, аналогичной другим южноамериканским версиям испанского языка, является использование в речи перуанцев местоимения *ustedes* (местоимение третьего лица множественного числа) вместо местоимения *vosotros* (местоимение второго лица множественного числа). Например, при приветствии собеседника на улице в Перу принято обращаться при помощи выражения *¿Cómo están?* — *Как поживаешь?* вместо привычного в испанском языке Испании *¿Cómo estás?* — *Как поживаешь?*

Другой особенностью ПВИЯ на морфологическом уровне является добавление уменьшительных суффиксов к существительным, например: *gringuito* — происходит от *gringo* — *гринго, американец*:

¡Soy su gringo favorito! — *Это ваш любимый американец!* [10]

Лексический строй ПВИЯ подвержен трансформациям в наибольшей степени по сравнению

с фонетической и грамматической подсистемами. В речи перуанцев часто используются лексемы автохтонных языков, что объясняется желанием комфортной коммуникации и необходимостью следовать норме и сохранять родную культуру.

В ходе анализа ПВИЯ мы пришли к выводу, что в его лексической подсистеме содержится большое количество (свойственных исключительно для этого территориального варианта) лингвокультурем, что является его уникальным свойством. Под лингвокультуремой мы понимаем «комплексную межуровневую единицу, представляющую собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического; являясь единицей более глубокого уровня, чем слово, лингвокультурема аккумулирует в себе как собственно языковое представление, так и тесно связанную с ней внеязыковую культурную среду и отражает специфику и систематизацию реалий внутри класса предметов, соотношенных с определенным знаком; она может быть выражена словом, словосочетанием» [4].

Анализируемый термин был предложен в лингвокультурологии исследователем В. В. Воробьевым (1997) и широко используется в таких отраслях лингвистики, как лингвострановедение, межкультурная коммуникация, этнолингвистика.

Лексемы автохтонных языков наиболее продуктивны в неформальной коммуникации перуанцев.

Примеры:

1. *Mira, si te lo he ocultado es porque de lo contrario, te habrías **asado**.* — *Послушай, если бы я рассказал тебе, чем занимаюсь, наверняка ты бы сразу сошла с ума **от злости*** [10].

В рассматриваемом примере речь идет о том, что молодой человек не хочет сообщить своей подруге о своем роде деятельности — ему приходится заниматься нелегальным бизнесом. Герой весьма эмоционально заявляет, что реакция девушки может быть весьма неожиданной — *te habrías **asado** — она бы сошла с ума **от злости***.

Анализируемый пример содержит в своем составе лексему автохтонного языка кечуа — *asado* — *злобный*, в данном случае испанец употребил бы наречие *enfadado* — *злобно* (*Mira, si te lo he ocultado es porque de lo contrario, te habrías **enfadado***).

2. *A menudo escuchará esto en los mercados peruanos donde los productos **bamba** están en circulación — Часто можно услышать, что на перуанских рынках используются **поддельные (ненастоящие)** деньги* [12].

Второй пример описывает ситуацию, в которой один собеседник сообщает другому о своем личном отрицательном опыте — *на перуанском рын-*

*ке он столкнулся с тем фактом, что возможно получить поддельные (ненастоящие) деньги — **bamba** — **поддельные** деньги*. В рассматриваемой ситуации испанец употребил бы выражение *falso están en circulación* — *обиход поддельных денег*.

3. *Es mi **pata** — Он мой **друг!***

Необходимо отметить, что в «испанском языке Испании лексема *pata* буквально означает *нога* или *лапа животного* (*pierna* используется только для обозначения человеческих ног)» [3. С. 36]. В ПВИЯ лексическая единица *pata* применяется в неформальной коммуникации между близкими собеседниками и часто заменяет в ежедневной речи лексему испанского языка *amigo*.

Важно заметить, что рассматривая лексема всегда имеет окончание *-a*, независимо от того, беседуют ли коммуниканты с лицом женского или мужского пола. Обращаясь к другу или подруге, можно сказать так: *Ei, **pata**, ¿qué tal? — Привет, **друг/подруга**. Как дела?*

4. *Si tienes un **pisco** de alta gama, disfrútalo directamente; de lo contrario, querrás usarlo en un cóctel para crear... — Если у вас есть высококачественный писко (бренди из винограда), наслаждайтесь им прямо сейчас; в противном случае можно использовать его для приготовления коктейля...* [11].

Приведенный пример содержит в своем составе лексему автохтонного языка кечуа *pisco* — *писко* (бренди, приготовленный на основе винограда). Употребление этого спиртного напитка характеризуется как важное национальное развлечение, о котором обязательно необходимо знать, если вы собираетесь говорить с перуанцами.

В ПВИЯ есть словосочетание *Pisco Sauer*, которое обозначает *национальный коктейль Перу*, например:

*Es por eso que ella le vertió un **Pisco Sauer** — Вот почему она вылила на него коктейль «Писко Сауэр»* [12].

Национальный коктейль *Pisco Sauer* достаточно известен на международном уровне, хотя за право первенства этого национального спиртного напитка часто происходят споры между перуанцами и чилийцами. Коктейль *Pisco Sauer* состоит из *писко* (бренди, приготовленного на основе винограда), яичного белка, лайма и сладкого сиропа. Если вы не распробовали национальный напиток, выпив один бокал, то можно попросить еще, обращаясь к бармену при помощи выражения *¿Puedes darme uara? — Можно мне еще?* В приведенном вопросе содержится лексема автохтонного языка кечуа *uara* — *немного больше, еще*.

Правилом хорошего тона в перуанской культуре считается произнесение слов благодарности в ответ на любую оказанную услугу. Например, в неформальной коммуникации перуанцы, особенно молодежь, используют для этой цели выражение *pitri mitri* (*прекрасно, здорово, спасибо*). Другим способом выразить благодарность может служить восклицание *¡Bacán!* (*здорово, вкусно*) или выражение *qué bacán*, которое означает, что вы выражаете благодарность или согласие с собеседником. В ответ на слова благодарности принято произнести *porfa* — сокращенная форма от *por favor* — *пожалуйста*. В некоторых городах Перу также можно услышать *porfis* — *пожалуйста*.

5. *La tono está a punto de empezar* — *Пора начинать торжество* [12].

Анализируемый пример содержит в своем составе лексему автохтонных языков *tono* — *праздник, торжество*. Рассматриваемое существительное так же, как и в предыдущем случае, отражает национально-культурную специфику перуанцев, которые очень любят различные торжества и праздники.

Следует отметить, что лексема *tono* — *праздник, торжество* часто встречается в средствах массовой информации, а именно в заголовках перуанских газет и журналов, а также в социальных сетях, например: *tono nacional* — *национальный праздник*, *tono dedicada a la Fundación de la ciudad* — *праздник, посвященный основанию города*.

6. *Hagamos chancha* — *делить счет пополам* [10].

Приведенный пример содержит в своем составе существительное женского рода *chancha* — *свинья*. Когда друзья хотят разделить оплату счета в кафе или ресторане между всеми участниками, в Перу принято говорить *hagamos chancha* или *vamos a hacer una chancha*.

7. *Tiene un mote provincial* — *У него провинциальный акцент* [11].

В рассматриваемом примере мы находим существительное автохтонного языка аймара *mote* — *акцент*. Анализируемая лексема может означать как *акцент*, так и *дефект речи*.

С большой вероятностью можно сказать, что у людей, изучающих иностранные языки, может присутствовать в речи небольшой акцент. Интересно отметить, что жителей Северной Америки, говорящих на испанском языке с акцентом, перуанцы называют *mote norteamericano* — *жители Северной Америки, говорящие с акцентом*; а англичан, говорящих на испанском языке с акцентом, принято называть *mote inglés* — *англичане, говорящие с акцентом*.

Жители преклонного возраста часто обладают *провинциальным акцентом* — *mote provinciano*, проживающие в северной части страны имеют *северный акцент* — *mote norteño*, люди, обитающие в горных местностях, могут иметь *горный акцент* — *mote Serrano*.

Лексема *mote* — *акцент* происходит из автохтонного языка кечуа. В современном перуанском варианте испанского языка употребление анализируемой лексемы в речи по отношению к другим людям может носить уничижительный характер, поэтому ее необходимо употреблять с осторожностью в ежедневном общении. Часто рассматриваемая лексическая единица имеет значение *говорить что-либо неправильно, некорректно*, что может обидеть собеседника.

Таким образом, испанский язык, функционирующий на территории Перу, представляет собой территориальный вариант, сформированный в результате контактного взаимодействия испанского языка и автохтонных языков и культур Перу. В результате такого взаимовлияния был сформирован гибридный язык, который мы определяем как ПВИЯ, для которого свойственны уникальные черты, типичные исключительно для этого территориального варианта. Языковая ситуация в стране осложняется за счет языкового разнообразия в Перу: сложный мультикультурный характер общества требует от перуанцев знать не только автохтонные языки и их диалекты, но также владеть на высоком уровне испанским языком.

Доминирующее влияние автохтонных языков и культур на состояние испанского языка, функционирующего в Перу, привело к появлению целого ряда особенностей анализируемого территориального варианта, типичных для всех уровней: фонетического, грамматического и лексического.

Лексические трансформации в ПВИЯ, происходящие в силу влияния интерференционных процессов со стороны местных языков, преобладают над фонетическими и грамматическими изменениями. В ранг трансформационных процессов на лексическом уровне входит преобладающее использование в речи перуанцев лингвокультурем, отражающих реалии местной лингвокультуры, что продиктовано желанием комфортной коммуникации и необходимостью сохранять родной язык и культуру.

К наиболее продуктивным фонетическим трансформациям относятся: оглушение и озвончение согласных звуков, опущение некоторых

согласных, замена гласных звуков испанского языка Испании на аналоги гласных звуков автохтонных языков.

Грамматические изменения в ПВИЯ, вызванные влиянием автохтонных языков, являются наименее продуктивными по сравнению с фонетическими и лексическими трансформациями. К наиболее частотным грамматическим

трансформациям относятся: дублирование притяжательных местоимений, использование настоящего времени для выражения прошедшего времени.

Фонетические и грамматические трансформационные процессы вызваны влиянием фонетического и грамматического строя местных языков.

Список источников

1. Березкин Ю. Е. Инки. Исторический опыт. Л.: Наука, 1991. 232 с.
2. Будагов Р. А. Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. 300 с.
3. Морено В. Р. Стилистические доминанты в индигенистской прозе как объект лингвистического исследования: дис. ... канд. филол. наук. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2015. 224 с.
4. Словари и энциклопедии на Академике. URL: https://methodological_terms.academic.ru/850/ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА (дата обращения 01.08.2021).
5. Спенс Л. Мифы инков и майя. М.: Центрополиграф, 2005. 333 с.
6. Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки. М.: Едиториал УРСС, 2004. 328 с.
7. Фирсова Н. М. Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 352 с.
8. Чавес Уаман М. М. Современная разговорная речь Перу: лингвистический аспект и межкультурная специфика: дис. ... канд. филол. наук М., 2006. 205 с.
9. Caravedo R. Manual de la dialectología hispánica. El español de América // Por la dirección de la obra. M. Alvar. Barcelona: Ariel Lingüística, 1996. P. 152—161.
10. Lonely Planet Quechua Phrasebook & Dictionary. URL: [Lonely Planet Quechua Phrasebook & Dictionary](https://lonelyplanet.com/ru/1743211910/ref=pd_sim_2/137-8415321-9525710?pd_rd_w=d5RKi&pf_rd_p=6caf1c3a-a843-4189-8efc-81b67e85dc96&pf_rd_r=P8TN3W3N0KAT8NJPX4CD&pd_rd_r=6607bf54-fa20-4878-bb6333fe4ca4542d&pd_rd_wg=9E0QE&pd_rd_i=1743211910&psc=1). URL: [Lonely Planet Quechua Phrasebook & Dictionary](https://lonelyplanet.com/ru/1743211910/ref=pd_sim_2/137-8415321-9525710?pd_rd_w=d5RKi&pf_rd_p=6caf1c3a-a843-4189-8efc-81b67e85dc96&pf_rd_r=P8TN3W3N0KAT8NJPX4CD&pd_rd_r=6607bf54-fa20-4878-bb6333fe4ca4542d&pd_rd_wg=9E0QE&pd_rd_i=1743211910&psc=1) (дата обращения 04.08.2021).
11. Quien me llama?: Learn Peruvian Spanish Slang. URL: [Quien me llama?: Learn Peruvian Spanish Slang](https://www.learnspanish.com/1479218359/ref=pd_bxgy_img_1/137-8415321-9525710?pd_rd_w=LueSR&pf_rd_p=c64372fa-c41c-422e-990d-9e034f-73989b&pf_rd_r=ZNY05N4PXVW7X44EVZA0&pd_rd_r=d9f188e7-46d0-4c79-b0a6-cd0f43e715fa&pd_rd_wg=Dlb03&pd_rd_i=1479218359&psc=1). URL: [Quien me llama?: Learn Peruvian Spanish Slang](https://www.learnspanish.com/1479218359/ref=pd_bxgy_img_1/137-8415321-9525710?pd_rd_w=LueSR&pf_rd_p=c64372fa-c41c-422e-990d-9e034f-73989b&pf_rd_r=ZNY05N4PXVW7X44EVZA0&pd_rd_r=d9f188e7-46d0-4c79-b0a6-cd0f43e715fa&pd_rd_wg=Dlb03&pd_rd_i=1479218359&psc=1) (дата обращения 04.08.2021).
12. Quick Guide to Peruvian Spanish (Spanish Vocabulary Quick Guides). URL: [Quick Guide to Peruvian Spanish \(Spanish Vocabulary Quick Guides\)](https://www.learnspanish.com/0983840571). URL: [Quick Guide to Peruvian Spanish \(Spanish Vocabulary Quick Guides\)](https://www.learnspanish.com/0983840571) (дата обращения 02.08.2021).
13. Rona J. P. Algunos aspectos metodológicos de la dialectología hispanoamericana. Montevideo: Univ. de la República, 1958. 36 p.

References

1. Berezkin JuE. Inki. Istoriteski opit = Historical experience. Leningrad: Nauka; 1991. 232 p. (In Russ.).
2. Budagov PA. Sravnitelnosemasiologiteskoie issledovania (romanskie jaziki) = Comparative semasiological studies (Romance languages)]. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta; 1963. 300 p. (In Russ.).
3. Moreno VR. Stilistiteskie dominanti v indihetistskoi proze kak ob'ekt lingvistiteskogo issledovanya = Stylistic dominants in Indigenist prose as an object of linguistic research. St. Petersburg: St. Petersburgski gosudarstvenni universitet; 2015. 224 p. (In Russ.).
4. Slovarei i entciclopedii na Akademike = Dictionaries and encyclopedias on the Academic. Available from: https://methodological_terms.academic.ru/850/ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА (accessed 01.08.2021). (In Russ.).
5. Spens L. Mifi inkov I maia = Inca and Mayan Myths. Moscow: Tsentropolograf; 2005. 333 p. (In Russ.).
6. Stepanov GV. K probleme jazikovogo variirovani'a. Ispanski jazik Ispanii i Ameriki = To the problem of language variation. Spanish language of Spain and America. Moscow: Jeditorial URSS; 2004. 352 p. (In Russ.).

7. Firsova NM. Sovremennii ispanki jazil v Ispanii i stranah Latinskoj Ameriki = Modern Spanish in Spain and Latin American countries. Moscow: ACT: Vostok-Zapad; 2007. 352 p. (In Russ.).
8. Tsaves Uaman MM. Sovremennaia razgovornaia retsh Peru: lingvistiteski aspekt I meskulturnaia spetsifika = Modern colloquial speech of Peru: linguistic aspect and intercultural specificity. Moscow: Moskovski gosudarstveni universitet; 2006. 205 p. (In Russ.).
9. Caravedo R. Manual de la dialectología hispánica. El español de América. In: Por la dirección de la obra. M. Alvar. Barcelona: Ariel Lingüística; 1996. Pp. 152—161. (In Spanish).
10. Lonely Planet Quechua Phrasebook & Dictionary. Available from: Lonely-Planet-Quechua-Phrasebook-Dictionary/dp/1743211910/ref=pd_sim_2/137-8415321-9525710?pd_rd_w=d5RKi&pf_rd_p=6caf1c3a-a843-4189-8efc-81b67e85dc96&pf_rd_r=P8TN3W3N0KAT8NJPX4CD&pd_rd_r=6607bf54-fa20-4878-bb6333fe4ca4542d&pd_rd_wg=9E0QE&pd_rd_i=1743211910&psc=1 (accessed 04.08.2021).
11. Quien me llama?: Learn Peruvian Spanish Slang. Available from: Quien-llama-Learn-Peruvian-Spanish/dp/1479218359/ref=pd_bxgy_img_1/137-8415321-9525710?pd_rd_w=LueSR&pf_rd_p=c-64372fa-c41c-422e-990d-9e034f73989b&pf_rd_r=ZNY05N4PXVW7X44EVZA0&pd_rd_r=d9f188e7-46d0-4c79-b0a6-cd0f43e715fa&pd_rd_wg=Dlb03&pd_rd_i=1479218359&psc=1 (accessed 04.08.2021). (In Spanish).
12. Quick Guide to Peruvian Spanish (Spanish Vocabulary Quick Guides). Available from: Quick-Peruvian-Spanish-Vocabulary-Guides/dp/0983840571 (accessed 02.08.2021).
13. Rona JP. Algunos aspectos metodológicos de la dialectología hispanoamericana. Montevideo: Univ. de la República; 1958. 36 p. (In Spanish).

Информация об авторе

Х. О. Контрерас Сарриа — старший преподаватель кафедры второго иностранного языка.

Information about the author

Jacinto O. Contreras Sarria — senior lecturer at the Department of Second Foreign Language.

Статья поступила в редакцию 22.08.2021; одобрена после рецензирования 09.12.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 22.08.2021; approved after reviewing 09.12.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА, ПРАГМАЛИНГВИСТИКА

COMMUNICATIVE LINGUISTICS, PRAGMALINGUISTICS

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 51—56. ISSN 1994-2796 (print).

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(3(461):51-56. ISSN 1994-2796 (print).

Научная статья

УДК 81'1

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10307

РЕЧЕВОЙ СТЕРЕОТИП В ДИАЛОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Татьяна Александровна Воронцова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, voron500@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается функционирование речевых стереотипов в диалогической коммуникации. Прагматический потенциал речевых стереотипов в диалоге определяется такими параметрами, как способность выполнять функцию самостоятельной реплики в диалоге, прагматическая универсальность; содержательная аксиоматичность для адресанта и адресата, относительная формальная устойчивость. Этим параметрам соответствуют три разновидности речевых стереотипов: «общие места»; тавтологические дефиниции и банальные цитаты. Данные речевые стереотипы выступают в диалоге в качестве реплики-реакции и в зависимости от типа коммуникативного взаимодействия могут решать различные коммуникативные задачи, реализуя соответствующие интенции адресанта: в неконфликтной коммуникации это сигнал смены референта и уход от коммуникативного конфликта, в агрессивном речевом поведении это способ захвата коммуникативной инициативы с целью вытеснения адресата из коммуникативного пространства.

Ключевые слова: речевой стереотип, диалогическая коммуникация, адресант, адресат, интенция

Для цитирования: Воронцова Т. А. Речевой стереотип в диалогической коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 51—56. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10307.

Original article

SPEECH STEREOTYPES IN DIALOGIC COMMUNICATION

Tatyana A. Vorontsova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, voron500@yandex.ru

Abstract. The functioning of speech stereotypes in dialogue communication is viewed in the article. Pragmatic potential of speech stereotypes in the dialogue is defined by such parameters as the ability to perform the function of independent line in the dialogue, i. e. to represent a completed statement that has a structure of a complete sentence; pragmatic universality as the ability to be used in various communicative situations; axiomatic meaningfulness for addresser and addressee; relative formal stability. Three types of stereotypes meet these parameters: 1) general places; 2) tautological units; 3) banal citations. The given speech stereotypes are used in the dialogue as reaction lines, and depending on the type of communicative interaction they can solve different communicative tasks realizing corresponding intentions of the addresser: in non-conflict communication it is a signal to change the referent and to avoid communicative conflict, in aggressive speech behavior it is the capture method of communicative initiative in order to displace the addressee from communicative space.

Keywords: speech stereotype, dialogue communication, addresser, addressee, intention

For citation: Vorontsova TA. Speech stereotypes in dialogic communication. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(3(461):51-56. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10307.

Понятие *речевой стереотип* активно используется в лингвистических исследованиях, однако трактуется весьма неоднозначно. В лингвистических словарях речевой стереотип, как правило, не имеет самостоятельного терминологического статуса и рассматривается в одном ряду с термином *клише* [3; 9; 16]. Значительное количество лингвистических работ посвящено проблеме соотношения таких терминов (и, соответственно, их дефиниций), как *речевой стереотип*, *клише*, *штамп*, *речевой стандарт*, *шаблон* [1; 8; 12 и др.].

Как известно, стереотип — универсальное понятие, которое используется в различных отраслях лингвистики [15]. Так, в лингвокультурологии стереотип рассматривается как отражение типичных особенностей национальной культуры [10]. В социолингвистике — как речевой маркер определенной социальной группы [2]. С позиций психолингвистики стереотип исследуется как феномен языкового сознания [11]. В функциональной стилистике стереотип «представляет собой ядро стилевого узуса, которое соотносится с понятием коммуникативно-стилистической целесообразности речи (высказывания)»; высказывания, в свою очередь, «включаются в стереотип стиля в целом» [13. С. 398].

Несмотря на многообразие подходов, большинство исследователей рассматривают речевой стереотип как речевую формулу различной протяженности, обладающую устойчивостью и регулярной воспроизводимостью [См., напр.: 5; 7; 8; 14]. Предметом лингвистических дискуссий является круг языковых и речевых единиц, которые следует рассматривать как речевые стереотипы. Так, например, не все исследователи включают в число речевых стереотипов цитаты [8], формулы речевого этикета и др.

Притом что количество исследований, связанных с проблемой речевого стереотипа, чрезвычайно велико, проблемы функционирования речевого стереотипа в диалогическом взаимодействии изучены не столь основательно. В теории речевой коммуникации речевой стереотип изучается с точки зрения его отношения к коммуникативной ситуации и его роли в коммуникации [5; 7; 14 и др.]. Однако многие аспекты, связанные с функционированием указанных речевых единиц в коммуникативном процессе, изучены недостаточно полно.

Цель данного исследования — выявить интенции адресанта при использовании речевых стереотипов в диалогической коммуникации и таким образом определить прагматические функции данных речевых единиц.

Основными методами исследования являются метод коммуникативно-прагматического анализа, метод контекстуального и стилистического анализа.

Материалом исследования являются диалогические коммуникативные акты, представленные в различных типах дискурса, были использованы как реальные диалоги, так и диалоги из современных художественных произведений (всего 120 диалогических единиц).

В соответствии с поставленной целью были выбраны речевые стереотипы, которые обладают следующими параметрами:

- 1) способность выполнять функцию самостоятельной реплики в диалоге, то есть представлять собой законченное суждение, соответствующее структуре полного предложения;
- 2) прагматическая универсальность как возможность употребления в разных коммуникативных ситуациях, то есть такие речевые формулы, которыми «можно, что называется, свободно пользоваться независимо от того, какого рода коммуникативный акт предлагается» [5. С. 269];
- 3) содержательная аксиоматичность как для адресанта, так и для адресата. Данные стереотипы представляют собой банальные суждения. По определению В. И. Карасика, «под банализацией понимается сообщение общеизвестных фактов или тех знаний о мире и правилах поведения (о семантических и прагматических пресуппозициях), которые признаются участниками общения само собой разумеющимися» [4. С. 30];
- 4) относительная формальная устойчивость: структура таких стереотипов может несущественно варьироваться.

В типологии, предложенной Е. В. Клюевым, этим параметрам соответствуют три разновидности стереотипов:

- так называемые «общие места», которые автор определяет как «философские» банальности;
- тавтологические дефиниции (например, *дети есть дети*);
- «банальная цитация (обращение к общеизвестным фрагментам классических и современных текстов)» [5. С. 275].

Обратим внимание на то, что все эти речевые единицы становятся стереотипами, то есть приобретают широкую воспроизводимость, по разным причинам.

«Общие места» — это то, что принимается данным социумом как бесспорное суждение, то есть

своего рода ментальная аксиома (*родителей надо уважать, детей надо любить* и др.). Данные стереотипы не имеют жесткой словесной формы и структуры. Их речевое воплощение может варьироваться: *Каждая женщина хочет иметь детей. Все женщины мечтают о детях.* Главное свойство таких стереотипов — лапидарное и очевидное выражение идеи, безоговорочно принимаемой тем или иным сообществом.

Тавтологические дефиниции — это опустошенные с точки зрения прагматики и смысла высказывания, стереотипность которых обеспечивается исключительно за счет структуры: *А есть А*, где *А* — элемент, который обладает неограниченной вариативностью: *зима есть зима; математика есть математика; родители есть родители* и т. п.

То, что Е. В. Клюев называет банальной цитацией, можно определить как тиражируемые цитаты, которые становятся стереотипами именно в силу того, что данные высказывания приложимы к различным ситуациям, и это обеспечивает их повторяемость. Важно отметить, что источниками таких стереотипов могут быть не только произведения художественной литературы, но и публицистический, рекламный, политический дискурс и др. Ср.: *Иногда лучше жевать, чем говорить* (реклама); *Хотели как лучше, получилось как всегда* (В. С. Черномырдин) и т. п. Прагматическая универсальность (отсутствие связи с конкретной ситуацией) и, соответственно, высокая степень употребительности могут приводить к тому, что такие цитаты в сознании носителей языка отрываются от источника, то есть ни говорящий, ни слушающий в процессе коммуникации не связывают данное высказывание с конкретным текстом или автором и не воспринимают его как элемент, выходящий за рамки предложенного дискурса.

В диалоге развитие коммуникации обеспечивается меной коммуникативных ролей адресанта и адресата. Успешность и эффективность диалогического взаимодействия зависят от того, насколько последовательно участники передают друг другу коммуникативную инициативу. Речевые стереотипы, о которых идет речь, с точки зрения структуры и содержания представляют собой речевые единицы, которые фактически блокируют движение диалога. Реплика-стереотип не предполагает ответного речевого хода со стороны адресата, поскольку стереотип не несет для адресата никакой фактической информации и, следовательно, не выполняет никакой иллокутивной функции [6. С. 208; 7. С. 146].

Речевой стереотип как реплика-реакция используется для решения разных коммуникативных задач: 1) смена референта, 2) предотвращение коммуникативного конфликта; 3) захват коммуникативной инициативы; 4) прекращение коммуникации. Интенции говорящего при использовании реплики-стереотипа зависят от характера коммуникативного взаимодействия.

В неконфликтном диалоге говорящий использует речевой стереотип как сигнал смены референта в том случае, если тема разговора для него нежелательна. При этом прекращение коммуникации не является целью адресанта.

В качестве примера такого взаимодействия можно привести фрагмент бытового диалога.

Коммуниканты: А. и Б. — женщины, возраст — примерно 60 лет, давно знакомы, общаются периодически, тема разговора — семейные новости. В данном фрагменте референтом является Маша — взрослая дочь коммуниканта Б.

А. — Маша-то где работает?

Б. — Да пока нигде.

А. — А что так? Она же университет лет пять как закончила.

Б. — Ну она себя еще не нашла.

Очевидно, что для Б. референт (неработающая взрослая дочь) создает определенный коммуникативный дискомфорт, и она «закрывает» тему при помощи реплики-стереотипа: *Она себя еще не нашла.* Данный стереотип представляет собой публицистический штамп (стертая метафора), который явно диссонирует с разговорным стилем диалога. Если собеседник правильно «считывает» интенцию говорящего, то он меняет тему и разговор продолжается. В противном случае диалог может перерасти в коммуникативный конфликт.

В нарративном диалоге, где один из коммуникантов выступает как рассказчик, а второму отводится роль слушателя, реплика-стереотип может использоваться как сигнал того, что собеседнику данная тема неинтересна. Это происходит тогда, когда коммуникант-рассказчик не отслеживает реакцию адресата. Примером может служить реальная коммуникативная ситуация: молодой человек увлеченно рассказывает девушке про устройство одного из видов современного оружия, девушка рассеянно слушает и через некоторое время замечает: *«Да, оружие — штука опасная!»* В таких случаях речевой стереотип реализует тактики толерантного речевого поведения, выступая как косвенный речевой акт с имплицитированной интенцией.

В толерантном речевом поведении речевой стереотип также может быть использован в ситуации

несогласия с собеседником как способ ухода от потенциального конфликта. Как правило, в таких ситуациях говорящий использует неинформативные речевые стереотипы с максимальной степенью банализации: *жизнь — штука сложная; работа есть работа; все люди разные* и т. п. Такие стереотипы предполагают «множественность трактовок, множественность умозаключений о смысле сказанного» [2. С. 123].

Ср.: *Коммуникативная ситуация: бытовой разговор. Коммуниканты: С. и Л. — подруги, женщины 35—40 лет.*

Л. — Свет, а как мама?

С. — Ой, мама нас уже замучила! У нее же дача началась, семена, рассада какая-то... Каждый выходной начинается «а мне надо увезти, а мне надо привезти...». Только и мотаемся туда-сюда. Вот что за удовольствие в земле копать с утра до вечера?!

Л. — Ну... **Все люди разные...**

Реплика-реакция «*все люди разные*» представляет собой неинформативный речевой стереотип с максимальной степенью банализации. Это позволяет адресанту не выражать открыто свое несогласие с позицией адресата по отношению к референту (импликатура: *нет ничего плохого в том, что человеку нравится работать на даче*), в то время как адресат со своей стороны может трактовать такое высказывание как поддержку своей позиции (импликатура: *нет ничего плохого в том, что человеку не нравится работать на даче*).

В агрессивном речевом поведении реплика-стереотип используется для захвата коммуникативной инициативы. Речевой стереотип как закрытая синтаксическая структура с аксиоматическим содержанием реализует интенцию адресанта вытеснить адресата из коммуникативного пространства, то есть заставить его замолчать или прекратить общение. С этой целью чаще всего используются речевые стереотипы, представляющие собой «общие места» или банальные цитаты, которые с точки зрения говорящего призваны выполнить функцию неоспоримого аргумента.

Ср.: *Коммуникативная ситуация: разговор на работе сотрудников небольшой фирмы. Коммуниканты: Н. и Д. — коллеги, равного статуса, примерно одного возраста (около 30 лет).*

Н. — Даш, сделай справку для Н. Елена Николаевна сказала, надо сегодня.

Д. — А почему я? Ты же справки делаешь!

Н. — Какая разница! Я не успеваю!

Д. — А я успеваю?! У меня вон какой завал! **Каждый должен делать свою работу!**

В данной коммуникативной ситуации речевой стереотип «*каждый должен делать свою работу*» закрывает диалог: общение прекращается, коммуниканты расходятся по рабочим местам.

Таким образом, анализ употребления стереотипов в диалогической коммуникации позволяет сделать следующие выводы:

1. В диалогической коммуникации прагматическим потенциалом обладают речевые стереотипы, которые имеют следующие параметры: способность выполнять функцию самостоятельной реплики в диалоге, то есть представлять собой законченное суждение, имеющее структуру полного предложения; прагматическая универсальность как возможность употребления в разных коммуникативных ситуациях, содержательная аксиоматичность для адресанта и адресата, относительная формальная устойчивость.
2. Указанным параметрам соответствуют три разновидности речевых стереотипов: 1) общие места; 2) тавтологические дефиниции; 3) банальные цитаты.
3. Речевой стереотип как реплика-реакция может решать ряд коммуникативных задач, реализуя различные интенции адресанта в зависимости от типа коммуникативного взаимодействия: в неконфликтной коммуникации это сигнал смены референта и уход от коммуникативного конфликта, в агрессивном речевом поведении это способ захвата коммуникативной инициативы с целью вытеснения адресата из коммуникативного пространства.

Список источников

1. Буторина Е. П. Вновь о соотношении терминов стереотип — клише — штамп — норма — языковой стандарт и др. в описании речевой коммуникации // Речевая коммуникация на современном этапе: социальные, научно-теоретические и дидактические проблемы: материалы междунар. науч.-метод. конф.: в 2 ч. Ч. 1. М., 2006. С. 72—76.
2. Водоватова Т. Е. Социолингвистическое исследование функционирования штампов и клише в речевом общении // Вестник Самарского муниципального института управления. 2016. № 4. С. 121—128.

3. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
4. Карасик В. И. Банализация как манипулятивное действие в медиадискурсе // Медиалингвистика: сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. семинара (С.-Петербург, 23—24 апр. 2015 г.). СПб.: СПбГУ, 2015. С. 30—33.
5. Клюев Е. В. Речевая коммуникация: учеб. пособие. М.: Рипол Классик, 2002. 320 с.
6. Кустова Г. И. Псевдovoпросы в псевдиалоге // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2010. С. 208—214.
7. Кутькова А. В. Проблема речевого стереотипа: функциональный аспект // Древняя и Новая Романия. 2015. Т. 15, № 1. С. 141—151.
8. Кутькова А. В. К вопросу о языковом статусе речевых стереотипов // Вопросы иберороманистики. 2011. № 11. С. 86—97.
9. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.
10. Прожилов А. В. К вопросу о стереотипах в лингвистике // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова: политематич. науч. журн. 2013. Вып. 6. С. 78—82.
11. Разумкова А. В. Стереотип в языковом сознании: Психолингвистический аспект // Вестник РУДН. Сер.: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14, № 2. С. 260—266.
12. Сорокина Н. В. Стереотип, клише и штамп: проблема соотношения понятий в лингвообразовательном контексте // Профессиональное лингвообразование: материалы Шестой междунар. науч.-практ. конф. (1—15 июля). Н. Новгород: Нижегород. ин-т упр., 2012. С. 254—259.
13. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.
14. Третьякова Т. П. О лингвистической интерпретации современных стереотипов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 7, № 1. С. 201—208.
15. Щекотихина И. Н. Стереотип: аспекты и перспективы исследования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2008. Т. 1, № 5. С. 69—80.
16. Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник / под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. 852 с.

References

1. Butorina EP. Vnov' o sootnoshenii terminov stereotip — klishe — shtamp — norma — jazykovoju standart i dr. v opisanii rechevoj kommunikacii = Again on the relationship between the terms stereotype — cliché — stamp — norm — language standard, etc. in describing speech communication. In: Rechevaja kommunikacija na sovremennom jetape: social'nye, nauchno-teoreticheskie i didakticheskie problemy = Speech communication at the present stage: social, scientific, theoretical and didactic problems. Moscow; 2006. Pp. 72—76. (In Russ.).
2. Vodovatova TE. Sociolinguistic study of the functioning of clichés and clichés in speech communication. *Vestnik samarskogo municipal'nogo instituta upravlenija = Bulletin of Samara Municipal Institute of Management*. 2016;(4):121-128. (In Russ.).
3. Zherebilo TV. Slovar' lingvisticheskikh terminov = Dictionary of Linguistic Terms. Nazran: Piligrim; 2010. 486 p. (In Russ.).
4. Karasik VI. Banalizacija kak manipuljativnoe dejstvie v mediadiskurse = Banalisation as a manipulative action in media discourse. In: *Medialingvistika = Media Linguistics*. St. Petersburg: SPbGU; 2015. Pp. 30—33. (In Russ.).
5. Kljuev EV. Rechevaja kommunikacija = Speech communication. Moscow: Rpol Klassik; 2002. 320 p. (In Russ.).
6. Kustova GI. Psevdovoproxy v psevdodialoge = Pseudo-questions in a pseudo-dialogue. In: *Logicheskij analiz jazyka. Mono-, dia-, polilog v raznyh jazykah i kul'turah = Mono-, dia-, polylogue in different languages and cultures*. Moscow: Indrik; 2010. Pp. 208—214. (In Russ.).
7. Kut'kova AV. The Problem of the Speech Stereotype: The Functional Aspect. *Drevnjaja i Novaja Romanija = Ancient and New Romance*. 2015;(1):141-151. (In Russ.).
8. Kut'kova AV. On the question of the linguistic status of speech stereotypes. *Voprosy iberoromanistiki = Issues of Iberoromanistics*. 2011;(11):86-97. (In Russ.).
9. Matveeva TV. Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov = Complete dictionary of linguistic terms. Rostov-on-Don: Fenix; 2010. 562 p. (In Russ.).

10. Prozhilov AV. On the Question of Stereotypes in Linguistics. *Vestnik Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Khakass State University named after N. F. Katanov: polythematic scientific journal*. 2013;(6):78-82. (In Russ.).

11. Razumkova AV. Stereotype in linguistic consciousness: Psycholinguistic aspect. *Vestnik RUDN. Voprosy obrazovaniya: jazyki i special'nost' = Bulletin of RUDN University. Series: Educational Issues: Languages and Specialty*. 2017;(2):260-266. (In Russ.).

12. Sorokina NV. Stereotip, klishe i shtamp: problema sootnosheniya ponjatij v lingvoobrazovatel'nom kontekste = Stereotype, cliché and stamp: the problem of the relation of the concepts in a linguistic and educational context. In: Professional'noe lingvoobrazovanie = Professional linguistic education. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskij institut upravleniya; 2012. Pp. 254—259. (In Russ.).

13. Kozhina MN (ed.). *Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka = Stylistic Encyclopaedic Dictionary of the Russian Language*. Moscow: Flinta: Nauka; 2003. 696 p. (In Russ.).

14. Tret'jakova TP. On linguistic interpretation of modern stereotypes. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina = Bulletin of Leningrad Pushkin university*. 2015;(1):201-208. (In Russ.).

15. Shchekotihina IN. Stereotype: aspects and perspectives of research. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina = Bulletin of Leningrad Pushkin university*. 2008;(1-5):69-80. (In Russ.).

16. Skovorodnikova AP (ed.). *Effektivnoe rechevoe obshhenie (Bazovye kompetencii). Slovar'-spravochnik = Effective Speech Communication (Basic Competences). Reference Dictionary*. Krasnoyarsk: Sibirskij federal'nyj universitet; 2014. 852 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Т. А. Воронцова — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the author

Tatyana A. Vorontsova — Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 25.12.2021; одобрена после рецензирования 15.01.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 25.12.2021; approved after reviewing 15.01.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, КОНЦЕПТОЛОГИЯ,
ЛИНГВОГЕРМЕНЕВТИКА
LINGUOCULTUROLOGY, CONCEPTOLOGY,
LINGUOHERMENEUTICS**

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 57—62. ISSN 1994-2796 (print).

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(3(461):57-62. ISSN 1994-2796 (print).

Научная статья

УДК (82-312.1)

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10308

**ЛИНГВОГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЭТИКИ
РУССКОЙ САТИРЫ XIX В.**

Тяньюй Го

Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан, ctac89go163@mail.ru

Аннотация. Цель данной статьи — описание и толкование поэтической сатиры, ее роли в формировании и изменении нравственных устоев Российского государства. Важными сатирическими жанрами в России XIX в. являлись эпиграмма, пародия, каламбур и некоторые другие сатирические жанры. Историография сатиры и проведенный лингвогерменевтический анализ поэтического жанра этого вида литературы демонстрируют специфику влияния творчества сатириков на читательскую аудиторию: выступая в роли информационного инструмента воздействия, сатира оказывает влияние на решение общественных и политических задач. Сатира — это зеркало общественных реалий, изображаемых поэтическим языком.

Ключевые слова: сатира, сатирическая поэзия, Д. Д. Минаев, русская литература, эпиграмма, пародия

Для цитирования: Го Т. Лингвогерменевтический анализ поэтики русской сатиры XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 57—62. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10308.

Original article

**LINGUOHERMENEUTIC ANALYSIS OF THE POETIC SATIRE
OF 19TH CENTURY RUSSIA**

Guo Tianyu

Uzbek State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan, ctac89go163@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to describe and interpret poetic satire, its role in the formation and change of the moral foundations of the Russian state. Important satirical genres in 19th century Russia were the epigram, the parody, the pun and some other satirical genres. Satire mirrored social realities and grotesquely portrayed them in the poetic language. The historiography of satire and the linguohermeneutic analysis of the poetic genre of this type of literature demonstrate the specifics of the influence of satirists' work on the readership. Acting as an information tool of influence, satire pinpointed public challenges and influenced political decisions.

Keywords: satire, satirical poetry, D. D. Minaev, Russian literature, epigram, parody

For citation: Guo Tianyu. Linguohermeneutic analysis of the poetic satire of 19th century Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(3(461):57-62. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10308.*

Введение

Целью данного исследования является определение жанровой природы сатиры и ее роли в общественной жизни и нравственных устоях российского государства в XIX в. Литературный анализ русской сатиры произведен посредством социологического, историко-генетического и сравнительно-типологического методов, а также психологического подхода. Выводы, которые изложены в статье, могут быть полезны в исследованиях по проблемам герменевтики, стилистики и историографии поэтики русской сатиры XIX в. Теоретическая и/или практическая значимость исследования заключается в раскрытии специфики сатиры как психоэмоционального феномена, способного оказывать определенное психологическое давление на адресата и, как следствие, реализовывать конструктивное воздействие на решение общественно значимых проблем, а именно под давлением общественного мнения и афиширования проступков отдельных лиц или группы деятелей, адресат (объект сатиры) стремился исправить ситуацию, чтобы более не оказываться в глазах читателей мишенью для насмехательства.

Сатира в России XIX в. и ее цензура

Первая половина XIX в. характеризуется противоречивыми мнениями относительно сатиры и ее целесообразности в русской литературе. Эпатирующие произведения, выражавшие (как правило, отрицательное) отношение к оппоненту, обличавшие общественно значимых деятелей и организации посредством жесткой комической формы описания реалий, например «псевдопатриотизма» [1. С. 101], а также общественных пороков, публиковались, как правило, в периодических изданиях — газетах, вестниках и журналах. В роли сатириков себя пробовали поэты и писатели, журналисты и беллетристы, что позволяло существенно обогатить «спектр методов и подходов при создании сатирических жанров» [4. С. 92].

Литературные критики нередко давали пессимистические прогнозы относительно становления сатиры как жанра, а также касательно перспектив развития сатирических изданий. Литературный критик и поэт Н. А. Добролюбов давал негативную оценку сатирическим журналам, которые действовали, по его мнению, по «указке властей» и не принимали во внимание важность изобличения социально значимых проблем, пороков устройства социально-политических институтов и общества в целом. Решение данной

проблемы в России, на взгляд Н. А. Добролюбова, повлекло бы положительные изменения на государственном уровне [13. С. 8]. А именно — оказывая положительное влияние на психоэмоциональное состояние людей и корректируя их мнение в отношении определенных задач, сатира могла бы добиться преобразования общественно-политических институтов в целом. Писатель, историк и публицист Д. Л. Мордовцев подчеркивал бесполезность журнальной сатиры, однако отмечал ее положительную роль в становлении издания, а именно в его популяризации. Литератор М. Н. Логинов был солидарен с Н. А. Добролюбовым и полагал, что сатира пишется исключительно под давлением властей [Там же].

Интересно рассмотреть роль цензуры сатирических произведений в России XIX в. На официальном уровне русским литераторам дозволялось писать в ограниченных государственной цензурой рамках. Это тем не менее вполне позволяло сатирикам полно раскрыть свой комический потенциал и охватить весь актуальный для общества спектр проблем. Дело в том, что в достаточно либеральной атмосфере XIX в. официальный запрет легко обходился и нарушался. Например, А. С. Пушкин, к которому благоволил двор, писал об Александре I в популярном уже в ту эпоху романе «Евгений Онегин» уничижительные строки: «Властитель слабый и лукавый, / Плешивый щеголь, враг труда, / Нечаянно пригретый славой, / Над нами царствовал тогда»; известны и другие его едкие эпиграммы и высказывания о высоких сановниках. Еще более дерзкими высказываниями о властях знаменит М. Ю. Лермонтов. Вспомним и резкие, обличающие старые порядки и самодержавие строки А. С. Грибоедова, Н. А. Некрасова, сочинения В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. А. Чернышевского и пр. Заметим, что, хотя оппозиционные высказывания и взгляды могли в определенной степени затрагивать карьеру и творческую деятельность литераторов, их произведения пользовались популярностью среди современников. Фронда стала своеобразной модой, многие дворяне и люди творческих профессий бравировали оппозиционностью.

Во время правления Николая I была попытка запрета на публикацию литературных произведений на политические темы. Писатели и литературные критики обратились к популяризации наук. Вместе с тем, как подчеркивает А. И. Рейтблат, часть читательской аудитории ожидала от публикаций не столько художественных текстов, сколько поэзии, в контексте которой прослеживалась на-

зидательность и дидактичность [11. С. 21]. Когда эпоха правления Николая I закончилась, власти пересмотрели свое отношение к сатирическим изданиям. С 1855 по 1863 г. в русской литературе начали популяризоваться афоризмы, пародии и поэтические произведения малых форм, которые можно было легко запомнить и «лозунговать», превратив их, таким образом, в массово цитируемые фразеологические обороты. Например:

*Он стар и сед, а в старых черепах
Мысль движется едва ль быстрее черепах...*
(Д. Д. Минаев, 1863 [12])

*По Невскому бежит собака,
За ней Буренин¹, тих и мил...
Городовой, смотри, однако,
Чтоб он ее не укусил!*
(Д. Д. Минаев, 1872 [Там же])

*Лукавый дедушка с гранитной высоты
Глядит, как резвятся вокруг него ребята,
И думает себе: «О милые зверята,
Какие, выросши, вы будете скоты!»* [12]
(П. В. Шумахер, 1866 [Там же])

Ярким примером сатиры тех лет являются публикации, издаваемые за подписью Козьмы Пруткива. Данный литературный персонаж представлял из себя обобщенный образ чиновника-бюрократа времен Николая I, позиционировавший себя как образец мудрости. Острая сатира Пруткива была ориентирована на разоблачение бюрократии, чванства, пошлости и недалекости [16. С. 118]. После псевдокончины писателя (в целом прожившего на страницах газет и журналов 12 лет) сочинением афоризмов занялся еще один литературный персонаж — «сын» Пруткива, произведения которого в итоге были опубликованы в едином с его «отцом» сборнике [Там же. С. 119].

Последние десятилетия XIX в., когда заметно усилилось «влияние интеллектуальных и индивидуальных стилей на литературный язык» [3. С. 10], в изданиях начали активно публиковаться произведения различных сатирических жанров, преимущественно полемического характера: «фельетоны и басни, сатирические куплеты и “перепевы”, “газеты в газете” и др.» [4. С. 92].

Ярким представителем писателей-сатириков XIX в. был Д. Д. Минаев — сторонник радикально-демократических взглядов, «основным идейным принципом которого было «обличительство»» [5. С. 57]. Д. Д. Минаев реализовывал свой «комически»-творческий потенциал посредством поэзии, журналистикой и переводческой деятельнос-

ти и литературной критики. Следует подчеркнуть, что поэт считал «смыслом своей деятельности публичность и открытую декларацию политических принципов» [Там же. С. 58], что свидетельствует о том, что конец XIX в. характеризуется изменениями в регламентации тем, допускаемых правительственной цензурой.

В качестве основных объектов критики Д. Д. Минаев преимущественно выбирал лиц, рьяно провозглашавших актуальность традиций славянофильства. Писатель иронизировал на предмет несуразности и гиперболизации консервативно-патриотических общественных настроений, коррелирующих, на его взгляд, с устаревшими взглядами на общественную жизнь. Также он выражал саркастическое отношение к религиозно-философским мыслителям, высказывающим взгляды о самобытности России и не приемлющим западноевропейские принципы бытия.

В качестве примера объектов минаевских насмешек следует выделить П. Д. Юркевича, резко негативно настроенного в отношении принципов западного капитализма, «псевдопатриота» В. Д. Скарятина (редактора консервативных газет «Весть» и «Русский листок») и поэта-юмориста Н. Ф. Щербина, работавшего в редакциях «Сына Отечества» и «Отечественных записок» и пр. [1. С. 109].

Поэт-обличитель бичует пороки групп людей и отдельных личностей также посредством авторских сказок, пронизанных злой сатирой. Например, «Сказка о славном виконте Сыр-Бри» (1872) изобличает правого публициста — князя В. И. Мещерского [14. С. 36]. При этом сатирические произведения Д. Д. Минаева пропитаны разговорным языком и просторечием, а также конкретизирующей и сниженной лексикой:

*Вкруг себя глядит он в оба,
Зги не видно, хоть смотри:
Настоящая трущоба!..
И струхнул виконт Сыр-Бри* [7].

Эпиграммы помогали поэту-демократу разделять литературных деятелей XIX в. на талантливых и бесталаных писателей, к первым он относил представителей «гражданской поэзии», ко вторым — сторонников «чистого искусства». Например, Д. Д. Минаев знаменит резкими и агрессивными сатирическими нападками в адрес А. А. Фета, которые были нацелены на обличение писателя-лирика как посредственного «бумагомарателя» с минимальным лексическим запасом и растушеванной идеологией (ср. эпиграмму «Гоняйся за словом тут каждым!» [12. С. 485]). В попытке принизить ценность творчества А. А. Фета Д. Д. Минаев

¹ Виктор Петрович Буренин — русский публицист.

переходил на личность писателя (например, «ин-вектива» «Грезит у камина Афанасий Фет» [Там же]), чем спровоцировал мнение литературных критиков о том, что сатирик не столько пытался обличить сам талант А. А. Фета, сколько недолюбливал его из личностных соображений как «анакреонтического» поэта [5. С. 57, 61].

Свой сатирический потенциал Д. Д. Минаев реализовывал также посредством переводческой деятельности. Здесь следует упомянуть перевод сборника стихотворений *Révolte* («Цветы зла») Ш. Бодлера. Опубликованный в «Отечественных записках» перевод изначально был воспринят читателями как работа, написанная самим Д. Д. Минаевым [8. С. 26]. Книга посвящена изображению испорченности и развращенности социума, пороков и грехов человечества [2. С. 10], при этом она «отличается пафосом борьбы двух поколений чернорабочих и белоручек» [8. С. 26].

Сатирические эффекты Д. Д. Минаева, используемые писателем при создании произведений, строились:

- на пародировании (напр., «*Лирическое художество*», 1863), цитатах оппонентов, негативно репрезентирующих их творчество (напр., «*Грезит сонный пруд*» [12. С. 485] — видоизмененная цитата стихотворения А. А. Фета «*И грезит пруд, / И дремлет тополь сонный...*», «обличающая» писателя как чрезмерно сентиментального и бесполезного литературного деятеля);
- критике (напр., «*Гоняйся за словом тут каждый...*», 1863);
- сарказме: «*Не гордись, о смертный, Быстротой развитья: Господином Бланком Сделано открытье*» (Бланк. *Все люди — скоты*, 1861);
- агрессивной манере изложения «обличительных» фактов и домыслов: «*Все начальство пропахло здесь взятками...*» [10];
- резкой и безапелляционной оценкой чуждой деятельности или какой-либо личности, идеологии или творчества: «*О, если б мычаньем протяжным / Сказаться душе можно было*» [Там же. С. 166] (о наивно-сентиментальной манере писания А. А. Фета);
- литературной мистификации: виконт Сыр-Бри; юнкер Звонкобрюхов и др.;
- намеренно подчеркнутой патетичности: «*Чудная картина! / Грезы всюду льнут: / Грезит кустик тмина / Грезит сонный пруд*» (пародирование популярного лирика А. А. Фета) [10. С. 33; 15. С. 221].

В лингвистическом плане писатель часто прибегает:

- к параллелизму (напр., «*Грезит у камина / Афанасий Фет / <...> О «звенящей дали» / Афанасий Фет*», 1863 [12. С. 485]);
- контрасту: «*Холод терпим мы, славяне, / В доме месяц не один. / А в причудливом романе / Топят деньгами камин*» [10. С. 300];
- эмфатическому синтаксису (обильное использование восклицательных знаков);
- повторам, в том числе анафорическим конструкциям («*Грезы всюду льнут: / Грезит кустик тмина*» [5. С. 57—61; 10. С. 33; 16. С. 221].

Говоря о сатире XIX в., важно подчеркнуть ее сочетание с пафосом. И литературные деятели прошлого, и современные исследователи интерпретируют сатиру как особый вид пафоса [6. С. 28; 9. С. 112; 17. С. 14], проистекающего «из сознания глубокого несоответствия между комическими свойствами наблюдаемых характеров и высоким нравственным идеалом юмориста» [9. С. 113].

Отметим, что с годами позиции литературных юмористов только укреплялись, вследствие чего Серебряный век рубежа XIX—XX вв. ознаменовался сатирическими произведениями А. Аверченко, Н. Тэффи, О. Дымова, О. Оршера и других писателей [3. С. 10].

Выводы

Становление сатиры XIX в. характеризуется сменой литературной парадигмы. В начале исследуемого периода писатели-сатирики стремились изобличать преимущественно общественные пороки, а к концу столетия сатира приобрела социально-политический аспект. При этом выбор данной тематики был детерминирован регламентированием государственной цензурой текстов, которые допускались в печать: в период правления Николая I было запрещено касаться политических тем, а с 1855 г. политические принципы открыто декларировались поэтами и журналистами.

В качестве поэтов-сатириков пробовали свое перо беллетристы, журналисты, переводчики и писатели. Одним из ярких представителей сатирической поэзии является В. Д. Минаев. Посредством различных сатирических жанров и переводческой деятельности поэт-демократ обличает как отдельных лиц (П. Д. Юркевича, В. Д. Скарятин, В. И. Мещерского, А. А. Фета, Н. Ф. Щербини и др.), так и целые группы общественно или культурно значимых людей (славянофилов, противников западноевропейских принципов, сторонников «чистого искусства», черносотенцев и пр.).

Лингвогерменевтический анализ показал, что вопросы, освещаемые в сатирической поэзии, носили остросоциальный характер, в частности затрагивали проблематику славянофильства, склонность к ура-патриотическому пафосу знаковых деятелей России, состояние российского общества, пошлость и скудоумие, человеческие пороки и слабости.

Поэты и цензоры XIX в. понимали истинную трансцендентность сатиры и ее способность оказывать психоэмоциональное воздействие на адре-

сата. А именно: сатирики помогали не только развлекать читателей литературными произведениями комического характера, но прежде всего привлекать внимание к насущным для государства и общества задачам, конструктивно решать их либо менять отношение социума к той или иной проблематике, тем самым корректируя курс мышления общественности и, как следствие, оказывая влияние на социально-политические институты и ход истории.

Список источников

1. Александров Л. Г. Собираательный образ псевдопатриота в сатирической поэзии // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 2 (36). С. 99—110.
2. Бодлер Ш. Цветы зла: сборник; пер. с фр. М.: АСТ, 2020. 348 с.
3. Вороничев О. Е. Русский каламбур: семантика, поэтика, стилистика: монография. М.: Флинта, 2016. 608 с.
4. Жилиякова Н. В. «Обличать, колоть и жалить»: сатирическая журналистика Томска конца XIX — начала XX века. Томск: ИД Томс. гос. ун-та, 2020. 388 с.
5. Ковалева Т. В. Крупнина И. В. А. А. Фет в эпиграммах Д. Д. Минаева // Ученые записки ОГУ. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 1 (90). С. 57—61.
6. Коновалов С. М. О сатире // Art Logos. 2020. № 2 (11). С. 24—35.
7. Минаев Д. Д. Сказка о славном виконте Сыр-Бри. URL: <https://bibra.ru/composition/skazka-o-slavnom-vikonte-syr-bri/> (дата обращения 18.09.2021).
8. Козлов А. Е. Сатирический еженедельник «Искра»: опыт реинтерпретации // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2021. Т. 20, № 6. С. 19—34.
9. Поспелов Г. Н. Теория литературы: учеб. для филол. спец. ун-тов. М.: Высш. школа, 1978. 351 с.
10. Поэты «Искры»: сб. стихов / подгот. текста, предисл. и примеч. И. Ямпольского. Л.: Совет. писатель, 1950. 500 с.
11. Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое лит. обозрение, 2009. 447 с.
12. Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в.: сборник: свыше 2000 образцов / сост., подгот. текста и примеч. В. Е. Васильева, М. И. Гиллельсона, Н. Г. Захаренко; вступ. ст. Л. Ф. Ершова. Л.: Совет. писатель. Ленингр. отд-ние, 1975. 968 с.
13. Трахтенберг Л. А. Русские сатирические журналы XVIII века: очерки поэтики: монография. М.: МАКС Пресс, 2016. 431 с.
14. Философские формы в культуре: монография к 70-летию доктора филологических наук, профессора, ректора Омской гуманитарной академии А. Э. Еремеева / А. М. Агальцев, И. А. Айзикова, Е. А. Акелькина [и др.]. Омск: Изд-во ОмГА, 2021. 404 с.
15. Целикова Е. В. Пародийная личность А. А. Фета в творчестве поэтов «Искры»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Череповец, 2007. 267 с.
16. Шерих Д. Ю. История газеты «Санкт-Петербургские ведомости» от Петра до Путина. СПб.: С.-Петербург. ведомости, 2018. 268 с.
17. Шиллер Ф. О наивной и сентиментальной поэзии. URL: https://filosoff.org/schiller/wp-content/uploads/sites/150/2015/11/shiller-f.-o-naivnoj-i-sentimentalnoj-poezii-filosoff.org_pdf (дата обращения 18.09.2021).

References

1. Aleksandrov LG. The collective image of a pseudo-patriot in satirical poetry. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* = *Sign: problematic field of media education*. 2020;(2(36):99-110. (In Russ.).
2. Bodler SH. *Cvety zla* = *The flowers of Evil*. Moscow: AST; 2020. 348 p. (In Russ.).
3. Voronichev OE. *Russkij kalambur: semantika, poetika, stilistika* = *Russian pun: semantics, poetics, stylistics*. Moscow: Flinta; 2016. 608 p. (In Russ.).

4. Zhilyakova NV. “Oblichat’, kolot’ i zhalit’”: satiricheskaya zhurnalistika Tomsk konca XIX — nachala XX veka = “To expose, stab and sting”: satirical journalism of Tomsk at the end of the XIX — beginning of the XX century. Tomsk: Izdatel’skij dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta; 2020. 388 p. (In Russ.).
5. Kovaleva TV, Krupinina IV. A. A. Fet in epigrams by D. D. Minaev. *Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i social’nye nauki = OsU Scholarly Notes. Series: Humanities and Social Sciences*. 2021;(90):57-61. (In Russ.).
6. Konovalov SM. About satire. *Art Logos*. 2020;(2(11):24-35. (In Russ.).
7. Minaev DD. Skazka o slavnom vikonte Syr-Bri = The Tale of the Glorious Viscount Cheese-Brie]. Available from: <https://bibra.ru/composition/skazka-o-slavnom-vikonte-syr-bri> (accessed 18.09.2021). (In Russ.).
8. Kozlov AYe. Satirical weekly “Iskra”: experience of reinterpretation. *Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologiya = Vestnik NSU. Series: History and philology*. 2021;(20(6):19-34. (In Russ.).
9. Pospelov GN. Teoriya literatury = Literary theory. Moscow: Vyssh. shkola; 1978. 351 p. (In Russ.).
10. Poety “Iskry” = Poets of “Iskra”. Leningrad; 1950. 500 p. (In Russ.).
11. Rejtblat AI. Ot Bovy k Bal’montu i drugie raboty po istoricheskoj sociologii russkoj literatury = From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature. Moscow: Novoe lit. obozrenie; 2009. 447 p. (In Russ.).
12. Russkaya epigrama vtoroj poloviny XVII — nachala XX v. = Russian epigram of the second half of the XVII — early XX century. Leningrad; 1975. 968 p. (In Russ.).
13. Trahtenberg LA. Russkie satiricheskie zhurnaly XVIII veka = Russian satirical magazines of the 18th century: essays on poetics. Moscow: MAKS Press; 2016. 431 p. (In Russ.).
14. Agaltsev AM, Aizikova IA, Akelkina EA [et al.]. Filosofskie formy v kul’ture = Philosophical forms in culture]. Omsk; 2021. 404 p. (In Russ.).
15. Celikova EV. Parodijnaya lichnost’ A. A. Feta v tvorchestve poetov “Iskry” = The parody personality of A. A. Fet in the works of the Iskra poets. Cherepovec; 2007. 267 p. (In Russ.).
16. Sherih DYu. Istorija gazety “St. Petersburgskie vedomosti” ot Petra do Putina = The history of the newspaper “St. Petersburg Vedomosti” from Peter to Putin. St. Petersburg: S.-Peterburgskie vedomosti; 2018. 268 p. (In Russ.).
17. Shiller F. O naivnoj i sentimental’noj poezii = About naive and sentimental poetry. Available from: https://filosoff.org/schiller/wp-content/uploads/sites/150/2015/11/shiller-f.-o-naivnoj-i-sentimentalnoj-poezii-filosoff.org_pdf (accessed 18.09.2021). (In Russ.).

Информация об авторе

Го Тяньюй — магистр гуманитарных наук, докторант PhD, кафедра русской литературы и методики обучения.

Information about the author

Guo Tianyu — Master of Arts, Doctoral PhD, Department of Russian Literature and Teaching Methods.

Статья поступила в редакцию 30.11.2021; одобрена после рецензирования 26.12.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 30.11.2021; approved after reviewing 26.12.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 1751

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10309

КОНЦЕПТОСФЕРА СРЕДНЕЙ АЗИИ XIX В. (НА МАТЕРИАЛЕ «ОЧЕРКОВ ТОРГОВЛИ РОССИИ СО СРЕДНЕЙ АЗИЕЙ» П. И. НЕБОЛЬСИНА)

Дарья Олеговна Зиновьева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, dasha.zinoveva.2016@mail.ru

Аннотация. Представлен способ описания концептосферы «Средняя Азия» на основе научно-публицистического текста, а именно «Очерков торговли России со Средней Азией» П. И. Небольсина. Описаны концепты ГОРОДА СРЕДНЕЙ АЗИИ и ТОРГОВЛЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ, которые являются ключевыми в отражении фрагмента картины мира, относящегося к Средней Азии, в языковом сознании компетентного носителя русского языка Российской империи XIX в. Метод концептуального анализа, используемый в исследовании, состоит из этапов семантического (SEO) анализа, выделения и ранжирования концептов, приведения контекстов, в которых они используются, их интерпретации и выявления концептуальной структуры.

Ключевые слова: концепт, концептуальный анализ, ядро концепта, периферия концепта, Средняя Азия, слоты, SEO-анализ

Для цитирования: Зиновьева Д. О. Концептосфера Средней Азии XIX в. (на материале «Очерков торговли России со Средней Азией» П. И. Небольсина) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 63—71. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10309.

Original article

CONCEPTUAL FRAMEWORK OF 19TH C. CENTRAL ASIA (BASED ON “ESSAYS ON RUSSIA’S TRADE WITH CENTRAL ASIA” BY P. I. NEBOLSIN)

Daria O. Zinovieva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, dasha.zinoveva.2016@mail.ru

Abstract. The article presents a method of the description of a conceptual framework as represented in a scientific, journalistic, imaginative or any other text. The method of conceptual analysis used in the study consists of the stages of semantic (SEO) analysis, clustering and ranking concepts, giving contexts in which the related words are used, interpreting them, and identifying their features. The text under study is “Essays on Trade in Russia with Central Asia” by P. I. Nebolsin. We analyze and interpret the concepts of CENTRAL ASIAN CITIES and TRADE IN CENTRAL ASIA, which are key in reflecting the slice of the world picture related to Central Asia in the mind of this 19th century competent native speaker of the Russian language.

Keywords: concept, conceptual analysis, concept core, concept periphery, Central Asia, slots, SEO analysis

For citation: Zinovieva DO. Conceptual framework of 19th c. Central Asia (based on «Essays on Russia’s trade with Central Asia» by P. I. Nebolsin). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(3(461):63-71. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10309.

Введение

Объектом данного исследования является концептуально-фреймовый состав историко-этнографических источников, предметом — концепты и фреймы в русскоязычных нарративах о Средней Азии, важный этнографический источник, посвя-

щенный исследованиям культуры и жизнедеятельности Средней Азии. Актуальность избранной темы заключается в глобальном значении разработки лингвоконцептологических методов, приемов для анализа исторических, этнографических, географо-экономических и других текстов, в данном случае отражающих восточные реалии с позиций Российской империи. Анализ концептов и фреймов,

выраженных в русскоязычном этнографическом нарративе о Средней Азии, проводится на аутентичном текстовом материале, что может служить доказательством научной обоснованности и достоверности исследования. Научная новизна исследования состоит в том, что в работе изучен концептуально-фреймовый состав текстов о Средней Азии.

Цель исследования — изучение в рамках российской историографии культуры, социума, политики и иных сфер жизнедеятельности Средней Азии.

В задачи исследования входит следующее:

1. Определить ценность исторических, этнографических, экономико-географических и других источников как свидетельств событий и отношений в определенную эпоху.
2. Очертить понятие концептологии и описать ее методы.
3. Комбинировать анализ отдельных концептов с выявлением фреймов.
4. Исследовать концептуально-фреймовый состав текста о Средней Азии в российской публицистической литературе (экономико-географии, этнографии).

Исследование имеет определенное теоретическое значение для развития концептологии как научной методологии анализа понятий и представлений сознания и лингвоконцептологии как ее направления и истока развития, а также практическую значимость — использование ее результатов, объективно отражающих картину мира носителей языка в этнографических, экономико-географических, публицистических, историографических и других работах.

Методами исследования являются концептологический (включая подметоды: семантический (SEO) анализ, выборку контекстов и интерпретацию актуализируемых в них концептов) в совокупности с применением принципов и определенных процедур текстологии и историографии.

Концептуальный анализ работы П. И. Небольсина «Очерки торговли России со Средней Азией»

Концептология позволяет вывести из фактологического материала концепты — понятия и идеи, разделяемые людьми той или иной нации и эпохи. Текстология является высокоперспективной и точной отраслью в истории. Историческая концептология — наука о концептах, сложившихся в историческом дискурсе в связи с усиливающейся потребностью в новой целостности истории, в переходе от фрагментации, релятивистского интерпретационизма, связанных с анализом исторических событий, к синтезу, холизму

и конструктивному нарративизму. В отличие от теоретического мышления, оперирующего научными понятиями, концептуальное историческое мышление базируется на концептах как когнитивных моделях исторической реальности рационально-ценностного содержания.

Концепты как формы исторического мышления являются, с одной стороны, результатом квантификации и категоризации исторического знания, с другой — способом и формой абстрагирования, модели которого задаются самим историческим мышлением. Исторические концепты, формируемые речью в процессе дискурсивных практик, не только описывают, но и конструируют свои объекты. Являясь формами исторического мышления, концепты, направленные на схватывание смыслов в единстве речевых высказываний, действуют в режиме диалога говорящего и слушающего, пишущего и читающего и поэтому всегда сохраняют открытые пространства для иных трансфлексивных обобщений [4. С. 231—233]. В исторических концептах безличные и объективистские понятия авторизуются в процессе производства личностно-ориентированного знания об исторической реальности. Одновременно — как со стороны автора, так и реципиентов — происходит осмысление информации в ценностной перспективе, то есть ее аксиологизация, антропологическая теоретизация и объективизация в виде последующих ментефактов и артефактов.

Подчеркнем, что в основе исторической (как и этнографической, экономико-географической, мемуарно-публицистической и пр.) концептологий лежат, по сути, лингвостатистические (SEO-, контент-анализ) и лингвистические (контекстуальный, интерпретационный) методы, поэтому мы можем считать концептологию во многом лингвистической наукой, точнее, лингвистическим метазнанием и универсальным методом, позволяющим анализировать любой нарратив. Исходя из этого, мы публикуем данную статью именно в лингвистическом журнале.

Как упоминалось выше, принципы и вспомогательные процедуры нашему исследованию предоставляют текстология и историография. Текстология представляет собой филологическую отрасль, которая имеет возможность восстановить, изучить и исследовать различные произведения письменности с некоей историей, а также помогает установить оригинальность текста работы автора. Текстология подразумевает проработку истории работы, предпосылок, источников, на основе которых она составлялась [1]. Представляется, что в числе текстологичес-

ких методов особое значение имеет анализ интертекстуальных отсылок в тексте или ряде текстов. Историография подразумевает фиксацию и сравнительное изучение совокупности трудов в области истории, посвященных определенной исторической эпохе, ее методы позволяют сопоставить данные текстологии и концептологии с историческими данными. Принципы текстологии и историографии учитываются нами при контекстуальном анализе и интерпретации имен концептов.

Концепт — это совокупность понятийных и коннотативных признаков, которые характеризуют определенную реалию, персоналию, представление; эти концептуальные признаки находят свое воплощение в текстах и отражаются в семантических признаках, актуализируемых у соответствующих имен в тех или иных контекстах. Как правило, реалия, персоналия и представление могут иметь отношение ко всему, что известно человеку: духовная сфера, политическая сфера, экономическая сфера, жизнь человека в обществе и многое другое. Концептуальный анализ — это исследование текстового материала путем семантического и контекстуального анализа лексики, которая так или иначе соотносится с концептом [6].

Материалом концептуального анализа является труд российского этнографа, историка, экономиста и государственного деятеля П. И. Небольсина (1817—1893) «Очерки торговли России со Средней Азией» [5]. Эта работа составила содержание книжки X научного географического журнала «Записки Императорского Русского географического общества» и была опубликована в Санкт-Петербурге в 1855 г. Редактором журнала в то время был И. П. Арапетов, несколько позднее П. И. Небольсин сам стал редактором упомянутого издания. «Очерки» представляют собой дневниковые записи, которые автор делал во время командировок по Средней Азии по поручению Императорского Русского географического общества, преобразованные в научную (географо-этнографо-социополитическую) публицистику. П. И. Небольсин описывал торговые процессы, торговые маршруты внутри Средней Азии и многое другое.

Первым этапом является SEO-анализ, с помощью которого мы рассчитали частотность значимых слов, на основе частотности и семантического веса разделили их на периферии: центральную, ближнюю и дальнюю — и выделили важнейшие из них. Таким образом был выявлен «каркас» семантических нуклеусов, эквивалентных концептам.

Первый этап, собственно автоматический SEO-анализ, произведен с помощью программы семанти-

ческого анализа (на сайте <https://istio.com/text/analyz#>), обрабатывающей тексты значительных объемов и дающей информацию о частотности слов, их релевантности содержанию текста, проценте по отношению к другим значимым словам текста и всем словам в целом. Вторым этапом исследования является разделение выбранных нами концептов на центр, ближнюю и дальнюю периферии. Исходя из того, что объем выбранной книги довольно обширный, мы из всей SEO-развертки выбрали первые по семантической значимости лексические единицы, которые можно приравнять к основным концептам книги. Третьим этапом проводится контекстуальный анализ, который позволяет выявить структуру большинства концептов, их признаки и свойства. Совокупность признаков и свойств того или иного концепта с разной степенью структурированности (четкой фреймовой или размытой абстрактно-обобщенной) можно рассматривать как «слоты» или семантические признаки конструкта концепта. Помимо характеристики собственно концептов, синтез полученных слотов также позволяет разделить концептосферу «Средняя Азия» на тематические поля: экономику, географию, культуру и т. д. Приводится анализ основных концептов работы П. И. Небольсина.

SEO-развертка «Очерков торговли России со Средней Азией» имеет следующий вид:

- Общее количество слов: 11 668.
- Количество уникальных слов: 2405.
- Количество значимых слов: 1932.
- Количество символов: 79 977.

Ядро SEO-развертки работы П. И. Небольсина «Записки Императорского Русского географического общества»

№	Слово	Кол-во	Рел.	% в ядре	% в тексте
1	Товар	387	8.16	0.9	0.5
2	Бухара	328	6.92	0.9	0.5
3	Караван	262	5.52	0.7	0.4
4	Дорога, путь	254	5.35	0.6	0.3
5	Город	231	2.86	0.5	0.3
6	Серый	160	3.37	0.4	0.2
7	Коканд	129	2.72	0.3	0.2
8	Хива	121	2.55	0.3	0.2
9	Год	117	2.46	0.3	0.2
10	Тилля	113	2.38	0.3	0.2
11	Верблюд	113	2.38	0.3	0.2
12	Купец	112	2.36	0.3	0.2

За ядро лексико-семантического пространства книги П. Ф. Небольсина условно взяты слова с высокой частотностью, большой встречаемостью

в качестве главных членов предложения, большим количеством зависимых членов предложения. Релевантность этих слов превышает 2 по SEO, они в основном отражают содержание книги. В число имен — центральных семантических нуклеусов входят преимущественно топонимы и конкретные понятия, которые в условиях разнообразных контекстов приобретают многомерность и рассматриваются как обобщенные концепты. Центральные семантические нуклеусы сопоставимы с центральными концептами анализируемого нами текста.

Интерпретируем два основных концепта, выведенных из анализа SEO развертки на основе контекстуального анализа лексем — семантических нуклеусов.

- Концепт ГОРОДА СРЕДНЕЙ АЗИИ, семантические нуклеусы в ядре семантического пространства — Бухара, Хива, Кокан(д) (в ближней периферии — Ташкент, Ак-Мечеть и др.).

Павел Федорович Небольсин рассказывает о среднеазиатских странах и народах прежде всего на примере городов. Из его нарратива мы узнаем об облике городов, быте и культуре, образе жизни населения, торговых обычаях среднеазиатских купцов. Небольсин отмечает, что жители Бухары, Хивы и Коканда вежливы, ласковы, общительны и говорливы, это «оседлые мужи», приобретшие «лоск гражданственности». В отношении Хивы и Коканда Небольсин отмечает, что эти города превосходят Бухару «подозрительностью правителей и бедностью жителей». Либерально-демократические и социалистические мотивы звучат в записках Небольсина (1855) в полной мере, эти записки полны антиэксплуататорского и антикоррупционного пафоса: заместники грабят народ и «снимают по несколько раз в году овчинку» с жителей, во главе которых «поставлены пастырями», будучи на «кормежной должности», капиталист, в свою очередь, делится с эмиром и окружающими его сановниками. Небольсин говорит о том, как трудно выгадывать простым людям копейку, отмечает, что торговцы занимают скупом в продажу всего, «что случится под рукою», барышничают или занимаются подручной промышленностью. К основным капиталистам на Востоке со значительными торговыми оборотами Небольсин относит министров и сановников, родственников эмира и самого эмира. Цитируя тайного советника Г. О. Генса, более 30 лет жившего в Оренбургском крае, Небольсин отмечает: «Бухарцы, приезжающие в Россию, суть по большей части приказчики, торгующие по кредитам

капиталистов, почти безотлучно живущих в Бухаре». Кредит дается под 30%, так, торговец, взяв при отправлении из Бухары на тысячу червонцев товару, «по возвращении из России платит своему кредитору 1300 червонцев». Также есть разряд торговцев, называемых комиссионерами. Они получают товар по продажной цене, но тридцати процентов кредиторам не платят, а «делятся с хозяевами барышами пополам».

Отдельное место в книге отводится аспектам восточного образования, искусства, быта, нравов, пищи, внешнего облика, армии, органов правопорядка и т. д. Небольсин говорит о том, что Бухару часто называют Афинами Средней Азии, однако не без иронии отмечает, что бухарское медресе мало похоже на европейские университеты (о которых в то время бытовало идеалистическое представление в России), поскольку «студентами там являются ребятишки, а профессора — муллы, которые задают слушателем урок из Корана или из стихов Хафиза и Саади. Курс в университете состоит в основном из обучения грамоте и заучивания наизусть стихов Корана». Среди музыкальных инструментов восточных народов упоминаются балалайка, кобыз (род скрипки или виолончели), бандура, бубен, гармоника, железный варган¹, органчики в ящиках и табакерках («как предметы драгоценные, встречаются только у богачей»). Дома в центре городов в несколько этажей, комнаты украшены ляпислазуридом и расписаны золотом. Но двери, рамы и стекла — редкость, они только у эмира и у немногих богачей. Дома никогда не строятся на улице, но всегда среди дворов, обнесенных высокими стенами. Улицы кривы и узки, и нередко два встретившихся выючных верблюда вынуждены отступать вспять. Пища среднеазиатских народов включает плов, бешбармак, баранину, щедро приправленную пряностями, лепешки, копченая конина и колбасы из конины подаются редко.

Описываются обмундирование и снаряжение восточных военных. Портные, казанские татары, выписанные в Бухару, шьют для тамошних солдат островерхие шапки из черного каракуля без околыша, бешметы «на манер казачьих чекменей» из красного сукна и черные штаны с лампасами, надеваемые под высокие, до колен сапоги. У регулярного отряда есть полный комплект ружей и сабли на перевязях. Они комплектуются персами и узбеками. При регулярном отряде есть барабанщики и суренщики. Небольсин скептически отно-

¹ Музыкальный инструмент в виде свободно колеблющегося в проеме рамки язычка, приводимого в движение пальцем или дерганием за нитку.

сится к стойкости и храбрости восточного войска, пишет, что пушкари «ни за что в цель из пушки не попадут». Городские власти в Бухаре суть: «казы», судья, на решение которого нет апелляции, он «судит и рядит все гражданские дела по Корану. Но исполнительной власти он не имеет, а наказывает, «угощает своих клиентов» палочными ударами, «рейс» — полицейский начальник.

Сопоставляя народы Средней Азии, Небольсин различает обычаи и особенности быта узбеков, киргизов (казахов), таджиков («сартов»), приезжих татар (ногайцев), описывает нравы каждого из народов. Например, киргизы (казахи, киргиз-кайсаки) — особенно едущие в караванах — весьма редко помещаются на ночь в раскинутой кибитке; чаще всего они ложатся спать на голой земле, так как даже по ночам погода бывает теплой. Иногда мужчины и женщины снимают с себя даже полушубки и покоятся на чистом воздухе в одном нижнем платье. Небольсин упоминает деятельность мятежного киргизского султана Кенисары Касимова (в то время жившего в Ак-Мечети), который ранее помог бухарцам в войне против кокандцев и грабил ташкентских купцов «из неутолимой ненависти к Ташкенту и вообще к целому кокандскому владению».

- Концепт ТОРГОВЛЯ (между городами Средней Азии и других стран, прежде всего Российской империи со Средней Азией), семантические нуклеусы в ядре семантического пространства — товар, караван, верблюд, купец, дорога/путь, тилля.

Небольсин подробно описывает экономическую конъюнктуру и деловые характеристики среднеазиатских купцов. В целом он критически отзывается о качестве хивинских товаров: «Все усовершенствования, какие хивинские уроженцы в течение нынешнего столетия у себя допустили, заключаются в том, что у народа начинает проявляться потребность покупать и ситцы с рисунками, и ситцы с новейшими узорами, а это был дорогой товар».

Россия посылала в Среднюю Азию товары, которые в Туране «составляют предметы первых, самых необходимых потребностей всего народонаселения. Из России туда шли золото, серебро, медь, чугун, железо, металлические изделия, кожа, краски, сахар, сукно, ситец, бумажные и шелковые изделия. Небольсин подчеркивает, что «дорогих и недорогих товаров, каковы металлы, юфть¹, сукна и ситцы, Средней Азии трудно

¹ Юфть или юхть, русская кожа — выделанная кожа исторически растительного (лиственница, ива) дубления, выработанная из шкур крупного рогатого скота, конских, оленьих и свиных.

получить по нашим ценам от какой-либо другой страны». Что касается товаров, получаемых в обмен из Средней Азии, то естественные богатства Средней Азии (прежде всего Бухары), состояли только в хлопчатой бумаге, шелке, марене, садах и богатых виноградниках и, наконец, в произведениях скотоводства и звероловства.

Небольсин отмечает, что среди бухарских купцов нет настоящих капиталистов: «не успеют привезти товар, как уже спешат обратить его в наличные деньги, закупить новый товар и отправить его в караванах в соседние государства. Таким образом, не имея возможности дожидаться возвышения цен на свои товары, купцы часто бывают принуждены продавать их с убытком, или со слишком малою для себя пользою». Правда, есть купцы, которые, отправляясь с караванами, поручают в свое отсутствие доверенным людям скупать для себя товары по дешевой цене, но большею частью это производится в долг или с малою уплатою денег при покупке, и потому, возвратясь домой, купец почти всегда вынужден «продавать свои товары как можно поспешнее, только бы скорее выручить деньги, если не для нового закупа товаров, то по крайней мере для расплаты с долгами».

Перевозка товаров зачастую осуществлялась по пустыням и степям, поэтому, согласно Небольсину, наиболее часто перевозчиками товаров выступали киргизы, использовавшие в качестве тягловой силы верблюдов и лошадей. Перевозчик «без чувствительной потраты сил и без особенных хлопот, хотя и с привычным умением... кладет ему (верблюду) ношу и кое-как перепутывает ее веревками, не опасаясь, что они развяжутся по дороге от движения животного и что чужой товар может свалиться с горбатого “корабля пустыни”». Ценные товары — мануфактура или заводская медь — требуют особой бдительности, охраны от грабежей и «мелочных хищников», поэтому цена перевозки повышалась. При этом «вожатые верблюдов, не имея надобности думать, что время для купца дорого и что сами они, в качестве наемщиков, должны состоять в зависимости от хозяев товара и их приказчиков, распоряжаются дорогою, смотря по личным расчетам, и, пользуясь своим положением и знанием местности, сворачивают с прямого пути, и заходят для своих надобностей в знакомые аулы, замедляя следование каравана. Прежде это случалось весьма часто; нынче гораздо реже, но все-таки случается».

Если купец ехал в караване сам, то все свои более или менее ценные товары он вез в «порталах», то есть в авангарде каравана, на собственных верблюдах и лошадях. Портал, по свидетельству

Небольсина, редко подвергался всей строгости таможенных законов Российской империи, поскольку купцы объявляют товары, находящиеся в портале (шали, бирюза, жемчуг, ковры, английские ситцы), вещами, необходимыми для личного употребления купца. Отыскивать купцам покупателей и производить расчеты покупателей с торговцами помогали маклеры, которые получали полпроцента с суммы проданного товара, то есть за факторство на 10 тилля маклеру полагается 1 тяньга в вознаграждение за хлопоты.

Описывается и торговля российских купцов, сбывавших товары в Бухару и другие среднеазиатские города. С нижегородской ярмарки оренбургские, троицкие, московские и казанские купцы «торопятся застать движение коммерческих оборотов на вздвиженской ярмарке в городе Бугульма 14—22 сентября, где между прочими товарами главную роль играют железо, чугунные изделия и бумажный товар невысокого сорта. С этой уже ярмарки купцы возвращаются в Оренбург или Троицк и готовятся к отправке своих караванов».

В Ташкенте на встречу каравана выезжает сам бек с отрядом сборщиков в числе около тридцати человек. Торговцы принимают бека с почетом, угощают его обедом и чаем и приносят в дар, каждый отдельно, «несколько аршин, а иногда и половину сукна»; таможенным чиновникам, особенно старшим, тоже делаются более или менее ценные приношения; «бек тут же отдаривает купцов полушелковым или красным суконным халатом “сарпаем”; потом развязывает тюки, пересматривает весь товар (иногда, впрочем, довольствуясь одною фактурой), назначает ему цену выше базарной и уезжает, отдав сборщикам наказ, окончить досмотр на законном основании». Количество пошлины, взимаемой с иноземных купцов, посещающих рынки Бухары, Хивы или Ташкента и Коканда, определяется Кораном; «счет ведется сороками», в Хиве и Ташкенте пошлину могли брать сукном и плисом; а в Бухаре — «и вещами и звонкою монетой».

Довольно много внимания в работе у Небольсина уделяется конкуренции России с англичанами. С первой половины XIX в. Англия начала так называемую «большую игру» (the Great (Grand) Game) — геополитическое противостояние с Российской империей в Средней Азии, четко обозначив эту стратегию как понятие около 1840 г. Небольсин освещает большей частью экономическую сторону этого соперничества, констатируя, что «у русского купца всюду соперники англичане: много изворотливости и ума надо употребить нашему торговцу, чтобы суметь подыскать товар,

годный для среднеазиатского населения разного состояния, лстящийся их вкусу и сообразный с их желаниями, иметь его лучших наружных качеств, но по дешевейшим ценам... расположить в свою пользу покупателей; воротить все свои издержки; наконец, получить столько барыша, чтобы и прожить на него приличным образом известный период времени, обеспечить им существование своего семейства, и покрыть издержки».

Вместе с тем Небольсин отмечает и сходство качеств русских и английских купцов, а также их общие трудности проникновения на среднеазиатские рынки: «Англичане и русские бывалые люди... но причина та, что все дела по закупу и продажу товаров наших купцов заканчиваются совершенно на этих трех среднеазиатских рынках, Предположим, что наш торговец навез в Бухару железа, меди или чугуна. У него в скором времени раскупят весь этот товар и обменяют его на местные произведения страны, с которыми наш купец и спешит поспеть на нижегородскую ярмарку. Если же купец раздумает распродавать весь свой товар в обычных местах оптового торга и захочет, не изучив потребностей того края, который к нам ближе, пуститься с караваном далее, то... он будет добровольно терять и время, и барыши, потому что в мелких среднеазиатских владениях много товара у него не купят по неумению обратить его в дело». При этом Бухара, как «средоточный коммерческий пункт целого Турана», снабжает своих соседей разного рода товарами, частично русского, частично собственного местного, частично английского и индийского происхождения.

В книге неоднократно упоминаются торговые сношения стран Средней Азии и через них — России с Индией, отмечается, что возможности торгового оборота с этой страной ограничены, в том числе по причине ее разграбления и недостатка подходящих товаров. Небольсин пишет: «Когда Надир-Шах разграбил далекие страны Востока, вся масса их богатств, за неимением иного выхода, полилась к нам в Россию. Времена Надир-Шаха миновали; настали времена торговой политики и распространения английского влияния на Индию; последние остатки ее богатств наличною монетою полились в Англию. Время и усовершенствования русских фабрик имели свое влияние. И что ж отправлять к нам из Индии? Жемчуг? Употребление его у нас уменьшилось. Алмазы? Они полновластной рукою забираются англичанами. Золотые парчи? Но парчи московских фабрик едва ли уступают индийской парче, да и потребности у нас на нее не в такой степени обильны. Индийские кисеи? Но мы сами из Москвы

шлем кисеи в Среднюю Азию». Впрочем, в отношении торговли с Индией через Среднюю Азию в книге Небольсина выражается оптимизм: «С водворением устройства в Киргизской степи можно доставлять индийские товары в Россию, а русские — в Индию с большою выгодною, которою одни только англичане пользуются. . . Многие путешественники заметили, что русские товары в величайшем уважении, а именно юфть, которую тамошние жители. . . с удовольствием покупают; (швейные) козлы и сафьяны, тонкий холст, разные изделия стальные и железные полированные, хрустальные вещи, часы, тонкие армячины¹, делаемые в городе Уральске и в Оренбургском уезде, бить², пряденное золото и другие товары. По этому пути ездят на верблюдах, ишаках и на конях, можно также довольно удобно и на телегах ехать до самой Калькутты».

Кроме Индии Небольсин упоминает среднеазиатскую торговлю и с другой важной восточной страной — Персией. «Главную статью сбыта бухарских произведений в Персию составляют каракулевые мерлушки³, сбыт которых особенно усилился с 1844 г., когда эмир бухарский для прекращения англичанам возможности вывозить из его владений звонкую монету строго запретил своим купцам торговать с ними на наличные деньги. Вследствие этого англичане, при посредстве персидских купцов, вывозят из Бухары мерлушки и выменивают на них в Персии товары. Английских купцов и их комиссионеров, из природных англичан, в 1847—1851 ни в Бухаре, ни в Хиве, ни в Ташкенте, как слышно, не было».

Впрочем, большой обеспокоенности экономическим вытеснением России из Средней Азии англичанами в книге не выражается. Небольсин рассуждает: «. . . Обратим внимание на зависимость Бухары от торговли с Россией. Металлы, преимущественно медь, железо и чугунные изделия, юфть, кашениль⁴, сукна и даже ситцы, и другие бумажные ткани имеют для Бухары, как это было, по крайней мере, до настоящего времени, единственный источник — Россию; а поэтому уничтожение или уменьшение ввоза этих товаров в Бухару совершенно стеснит эту страну. Смело можно сказать, что чем более стеснится торговля бухарцев с Россией,

¹ Армячина — ткань из верблюжьей шерсти, употреблявшаяся преимущественно для армяков.

² Бить — старинное название тончайшей плоской металлической (серебряной или золоченой) нитки.

³ Мерлушка — шкурка ягненка грубошерстной породы овец.

⁴ Кошениль — вид насекомых, из которых изготавливают красный краситель — кармин.

тем менее для нас будет опасно соперничество английских мануфактурных товаров».

Продолжая рассуждение, автор аргументирует: «Здесь рождается вопрос: в случае временного уменьшения торговли нашей с Бухарой, не войдут ли там английские мануфактурные товары во всеобщее употребление и не поведет ли это за собой уменьшение сбыта наших товаров и на будущее время? На этот вопрос следует отвечать отрицательно по следующим причинам. Во-первых, если бы бухарцы и обратились к покупкам английских товаров, то они не в силах поддержать этого рода потребления по причине дороговизны товаров этих. Во-вторых, не целая масса бухарского народонаселения имеет средства приобретать английские товары, как бы ни были они необходимы. В-третьих, при прекращении нашей торговли с Бухарой непосредственными путями товары наши будут проходить туда посредством других путей: ввоз наших ситцев и других товаров, необходимо нужных бухарцам, будет произведен со стороны Хивы, хивинскими купцами; по всей вероятности, цены на наши товары поднимутся незначительно, а потеря бухарцев будет состоять лишь в том, что они лишатся выгод, приобретаемых ими от непосредственной с нами торговли — но и того довольно».

Ситцы английской выработки «идут в соседние к нам ханства двумя путями: из Персии через Машад и из Кандагара через Герат. Ситец, вывозимый первым путем, считается самым добротным, но весьма дорогим и не могущим соперничать с русскими ситцами, а товар, доставляемый англичанами через Кандагар и Герат, — никуда не годен по ненадежности выработки, совершенно схожей с выработкой наших кустарных произведений, из последнего из самых низких сортов». В книге приводится интересный факт: по рассказам бухарцев, англичане, «в желании совершенно подорвать сбыт русских товаров навезли в 1841 г. и особенно в 1842 г. в Бухару такое множество своих изделий и пустили их по такой низкой цене (в явный для себя убыток), что весь народ кинулся на эту новинку и не обращал уже внимания на наши ситцы, на коленкоры и сукно. Удалив таким образом наших торговцев, которым, кроме металлических изделий и юфти, нечем уже стало больше торговать, англичане через год или два разом подняли цену на свои изделия более чем вдвое — и бухарцы тогда только узнали, что за народ эти инглиз-адам и как сомнительны и подозрительны все связи с этими, по их словам, отнимателями земель и разорителями народов

Азии... Вследствие этой причины бухарцы опять обратились к русским бумажным изделиям».

На основании приведенных контекстов можно вывести фреймовую (тематическую) структуру концептов, отраженных в книге П. И. Небольсина «Очерки торговли России со Средней Азией».

ГОРОДА СРЕДНЕЙ АЗИИ: центры — Бухара, Хива, Коканд, Ташкент и другие; внешний вид городов — узкие улочки, дома среди дворов, обнесенных высокими стенами; национальности — узбеки, киргизы (казахи), таджики, туркмены и другие; социальная ситуация — бедность населения, поборы наместников, эмира, беков; образование, основанное на Коране; национальная музыкальная культура (балалайка, кобыз, бандура, бубен, гармоника, варган и т. д.) и кухня (плов, бишбармак, баранина, лепешки, пряности, чай и т. д.); оседлость и у ряда народов — кочевой образ жизни; армия со специфическим обмундированием и музыкантами; правоохранительная система — судьи (казы) и полицейские начальники (рейсы); поведенческие черты — обходительность, говорливость, гостеприимство.

ТОРГОВЛЯ СО СРЕДНЕЙ АЗИЕЙ: характеристика торговцев — барышничество, быстрый оборот капитала нередко в убыток себе; товары — сырье и обработанные изделия (ввоз в Среднюю Азию — металлы, кожи, сукна, ситцы и др., вывоз — хлопок, шелк, марена, фрукты и др.); таможня — налоги, пошлины; перевозка товаров — по пустыням и степям, перевозчики-киргизы, верблюды и лошади, трудности перевалов, грабежи; соперничество с англичанами в Средней Азии, ведущими «большую игру».

Заключение

В результате исследования можно сделать следующие выводы:

1. Анализ концептов позволяет рассмотреть представления и понимание тех или иных реалий в определенный период, выявить признаковый состав концептов, определить их фреймовую (тематическую) структуру и составить более или менее объективную характеристику реалий на основе приводимых фактов и оценок [8].

2. Предлагается производить концептуальный анализ на основе статистических методов (SEO-, контент-анализ текстов); проведен автоматический SEO-анализ «Очерков торговли России со Средней Азией» П. И. Небольсина и с опорой на SEO-развертку выявлены актуализируемые концепты, которые по числовым показателям распределены на центр, ближнюю, дальнюю периферии концептуальной структуры текста.
3. Важнейшими этапами концептуального анализа являются контекстуальный и интерпретационный. Заключительный этап предполагает выявление фреймовой (тематической) структуры концептов.
4. Характеристики реалий, событий и других сфер жизнедеятельности, которые были даны в работе П. И. Небольсина «Очерки торговли России со Средней Азией», упорядоченные с помощью концептуального анализа, приобрели четкую структуру, логичную расстановку акцентов, научный характер, продемонстрировали причинно-следственные связи.
5. Концептуальный анализ в сочетании с точными статистическими методами (SEO-анализа, контент-анализа) является одним из наиболее функциональных способов изучения аксиологических и предметно-логических характеристик повседневных реалий, отраженных в текстах и зафиксированных нарративах и фрагментах дискурсов прошлого, которые так или иначе отображают все явления социума.

Итак, разработка концептуально-фреймового анализа на основе статистических методов имеет глобальное значение как для лингвистики, так и для других наук; на его основе можно достоверно интерпретировать и понимать историческую картину, проводить анализ тех или иных событий, которые как-то повлияли на становление современных реалий России и мира. Данная работа и приведенная в ней методика могут служить подспорьем при анализе концептов и фреймов в области художественной литературы, публицистики и широкого круга наук.

Список источников

1. Бельчиков Н. Ф. Литературное источниковедение. М.: Наука, 1983. 271 с.
2. Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М.: Изд. МГУ, 1973. 248 с.
3. Лаврентьева Т. В. Структурная организация концептуального поля оппозитивности. Челябинск, 2005. 175 с. URL: <http://www.lib.csu.ru/local/diss/002583.pdf> (дата обращения 04.02.2022).
4. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2014.
5. Небольсин П. И. Очерки торговли России со Средней Азией // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. X. СПб.: Типографии Император. Академии наук, 1855. 373 с.

6. Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2016. 176 с. URL: https://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_id=84602 (дата обращения 10.01.2022).

7. Прядеин В. С. Историческая наука в условиях обновления: философские основы, принципы и методы исследования (историографический анализ). Историография, источниковедение и методы исторического исследования. Екатеринбург, 1996. 39 с.

8. Теслинов А. Г. Концептуальное мышление в разрешении сложных и запутанных проблем. СПб.: Питер, 2009. 286 с.

9. Шелестюк Е. В. Изучение концептосфер русскоязычной и англоязычной военной поэзии (с применением автоматизированных методов) // Мир языка и национальная культура: взгляд из современности: монография / Т. А. Воронцова, Е. И. Голованова, О. Н. Ковалева, С. А. Питина, Е. В. Шелестюк. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. С. 170—240.

References

1. Belchikov NF. Literaturnoye istochnikovedeniye = Literary source studies. Moscow: Science; 1983. 271 p. (In Russ.).

2. Zvegintsev VA. Yazyk i lingvisticheskaya teoriya = Language and linguistic theory. Moscow: Moscow State University; 1973. 248 p. (In Russ.).

3. Lavrentieva TV. Strukturnaya organizatsiya kontseptual'nogo polya oppozitivnosti = Structural organization of the conceptual field of oppositiveness. Chelyabinsk; 2005. 175 p. Available from: <http://www.lib.csu.ru/local/diss/002583.pdf> (In Russ.).

4. Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki = Theory and methodology of historical science. Terminology dictionary. Moscow; 2014. (In Russ.).

5. Nebolsin PI. Ocherki torgovli Rossii so Sredney Aziyey = Essays on trade in Russia with Central Asia. In: Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva = Notes of the Imperial Russian Geographical Society. V. X. St. Petersburg: Printing houses of the Imperial Academy of Sciences; 1855. 373 p. (In Russ.).

6. Pimenova MV, Kondratiev ON. Kontseptual'nyye issledovaniya = Conceptual studies. Introduction. Moscow: FLINTA; 2016. 176 p. Available from: https://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_id=84602 (In Russ.).

7. Pryadein VS. Istoricheskaya nauka v usloviyakh obnovleniya: filosofskiye osnovy, printsipy poznaniya, metody issledovaniya (istoriograficheskiy analiz) = Historical science in the conditions of renewal: philosophical foundations, principles and methods of research (historiographic analysis). Yekaterinburg; 1996. 39 p. (In Russ.).

8. Teslinov AG. Kontseptual'noye myshleniye v razreshenii slozhnykh i zaputannykh problem = Conceptual thinking in solving complex and confusing problems. St. Petersburg: Piter; 2009. 286 p. (In Russ.).

9. Shelestyuk EV. Izuchenie kontseptosfer russkoiazыchnoy i angloiazыchnoy voennoy poezii (s primeneniem avtomatizirovannykh metodov) = Study of the conceptual spheres of Russian and English-language military poetry (using automated methods). In: Mir yazyka i natsional'naya kul'tura: vzglyad iz sovremennosti = World of Language and National Culture: View from Modernity. Chelyabinsk; 2021. Pp. 170—239. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. О. Зиновьева — магистрантка кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the author

Daria O. Zinovieva — MA student of the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 04.02.2022; одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 04.02.2022; approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10310

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВАЦИИ УНИВЕРСАЛЬНОЙ АНТИНОМИИ «ДРУЖБА — ВРАЖДА» В СЕМАНТИКЕ РУССКИХ И ЧЕШСКИХ ПАРЕМИЙ

Анастасия Викторовна Кандыбина

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, av.kandybina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме отражения этнического мировоззрения в семантике языковых единиц. В исследовании описаны общие и специфические структурно-семантические и стилистические особенности русских и чешских паремий в рамках антиномии «дружба — вражда». Рассмотрены пословицы и поговорки с основным компонентом значения «образ животного», «религиозные представления», «явления природы». Выявлены наиболее частотные образы, участвующее в формировании семантического ядра данных паремий разных славянских языков. Обнаружены преобладающие конструкции, определяющие структурную организацию паремий родственных линвокультур.

Ключевые слова: лингвокультурология, паремия, дружба/вражда, антиномия, пословица, поговорка, язык, культура

Для цитирования: Кандыбина А. В. Особенности объективации универсальной антиномии «дружба — вражда» в семантике русских и чешских паремий // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 72—78. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10310.

Original article

FEATURES OF THE OBJECTIFICATION OF THE UNIVERSAL ANTINOMY “FRIENDSHIP — ENMITY” IN THE SEMANTICS OF RUSSIAN AND CZECH PAROEMIAE

Anastasiya V. Kandybina

Volgograd State University, Volgograd, Russia, av.kandybina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of reflecting the ethnic worldview in the semantics of linguistic units. The study describes the general and specific structural-semantic and stylistic features of Russian and Czech paremic units within the framework of the antinomy “friendship — enmity”. Proverbs with the main component “animal image”, “religious ideas”, “natural phenomena” are described. As a result, the most frequent images participating in the formation of the semantic core of paremias of different Slavic languages were identified. The predominant constructions, that determine the structural organization of the paremias of related linvocultures, are discovered. The dominant features of the worldview picture of the world of the compared ethnic groups are established, which are fixed in the elements of the paremiological fund of the Russian and Czech languages.

Keywords: cultural linguistics, paremia, friendship/enmity, antinomy, proverb, language, culture

For citation: Kandybina AV. Features of the objectification of the universal antinomy friendship-enmity in the semantics of Russian and Czech paroemiae. *Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(3(461):72-78. (In Russ.).* doi: 10.47475/1994-2796-2022-10310.

Полипарадигмальность современной науки о языке и тенденция к интеграции различных областей научного знания привели к возникновению и стремительному развитию ряда меж-

предметных дисциплин. Интенсивное проникновение психологических, социологических, этнокультурных, когнитивных, антропологических элементов в поле лингвистических исследований дает богатый материал для расширения

круга наук, смежных с языкознанием. В этом отношении лингвокультурология приобретает актуальность и значимость как дисциплина, изучающая сложный симбиоз языка и культурного сознания носителей этого языка. Обращаясь к данному вопросу, Е. Е. Юрков называет лингвокультурологию «своеобразным “интегратором” научных поисков, посвященных проблемам взаимодействия языка и культуры» [10. С. 5].

Стремление исследователей найти нити взаимовлияния языка и культуры привело к различным трактовкам соотношения этих понятий. Закрепленное лексикографическими изданиями классическое определение языка преподносит человека как единственного субъекта, которого обслуживает языковая система, «предназначенная прежде всего для целей коммуникации» [8]. Следовательно, языковые единицы включают в свой состав систему идей, понятий и воззрений человека, в том числе культурно окрашенных. Как утверждает Е. В. Перехвальская, «культура — это мысли людей, а также действия и результаты этих действий» [7. С. 17]. Каждый индивид как представитель того или иного народа помимо персонализированных установок имеет в своем сознании общую систему ценностей, характерную для всех членов взятой этнической группы. Именно здесь культура начинает взаимодействовать с языком, стремясь получить распространение и закрепление в его единицах. Обращаясь к рассматриваемой проблеме, И. Г. Ольшанский пишет: «Культура — часть картины мира, закрепленной в языке» [6. С. 14].

Интенция исследователей-лингвистов к расшифровке культурного кода того или иного народа через знаки языковой системы приводит к необходимости поиска областей, которые содержат элементы, имеющие наиболее «культуроносную» сущность. Одной из таких сфер признается паремиологический фонд языка, включающий в свой состав пословицы и поговорки [4. С. 79]. Под паремией мы понимаем небольшое по объему идиоматическое высказывание, главной функцией которого является дидактическая; паремия может иметь различные формы выражения. Паремии являются своего рода прецедентными штампами и обладают символично-метафорическим, образным, эталонным значением в речевом дискурсе. По словам В. О. Чернощековой, «их употребление упрощает процесс общения, экономя силы коммуникантов, что служит подтверждением существования соответствующей стереотипной, культурно обусловленной информации в сознании представителей определенного этноса» [9. С. 83].

Однако зашифрованная в пословицах и поговорках информация может иметь полностью или частично эквивалентное значение в разных языках. В связи с данным феноменом возникает интерес к сопоставительному изучению паремий разных языков, что обуславливает прогрессирующее развитие сравнительной лингвокультурологии.

Особенный интерес в данного рода исследованиях представляет изучение родственных языков, имеющих общую праоснову, генетическую базу. В этом отношении пословицы и поговорки разных родственных языков служат источником необходимой для сопоставления информации. В. М. Мокиенко утверждает: «... Жанр пословицы предполагает бережное сохранение культурных и языковых традиций...» [5. С. 7]. Слово сочетание «языковые традиции» позволяет говорить о наличии в паремиях языкового ядра, заложенного изначально, но подверженного в некоторых языках трансформации. Именно этим объясняется зарождение славянской сравнительной паремиологии.

Особую ценность в данном отношении представляют понятия, отражающие наиболее значимые для человека аспекты жизнедеятельности, так как они обнаруживают непосредственную связь с универсальными антиномиями. Язык по своей сущности — «система живая, и как средству межкультурной коммуникации языку присущи такие качества, как спонтанность и антиномичность» [3. С. 257]. Обычно антиномии трактуются как системный феномен в языке, внутренние законы языка, которые обуславливают его саморазвитие [См., напр.: 1]. Опираясь на данное определение, можно сказать, что язык строится на сочетании противоположностей, выражающих две предельные стороны одного явления, составляющих в совокупности гармоничное единство. Поэтому в различных разделах лингвистики нередко применяется способ исследования в рамках антиномий: «антиномичный подход оказывается наиболее адекватным самому объекту изучения (языку) и обеспечивающим надлежащую эффективность исследования и надежность его результатов» [2. С. 3]. В связи с этим исследование антиномий в рамках паремиологического пространства является обоснованным и перспективным.

В настоящей работе предметом изучения послужили структурно-семантические особенности русских и чешских паремий в рамках универсальной антиномии «дружба — вражда». Общеизвестность, широкий функциональный потенциал и активное употребление в речевой практике пословиц и поговорок, принадлежащих к рассматриваемому

«антиномичному полотну», открывает обширное поле для исследования проблем взаимовлияния этнокультурной информации и языка.

Антиномия «дружба — вражда» фиксирует систему ценностей, которая выражает взаимоотношения между людьми. Человек как социальное существо имеет потребность в контакте с обществом; в некоторых ситуациях этот контакт является необходимым условием жизнедеятельности. Необходимость общения с другими людьми часто приводит к возникновению конфликтных точек, которые могут послужить началом враждебных отношений между членами социума. С другой стороны, полное соответствие одного субъекта общения ожиданиям другого приводит к взаимной симпатии и доверию. В связи с этим представленность рассматриваемой антиномии в произведениях народной словесности отличается пестротой и разнообразием.

Использование **образов животных** часто служит наиболее точным средством выражения вражды или дружбы, так как характерное качество животного способно интегрировать семантические оттенки явлений, выражающих различные степени симпатии или антипатии. Например, в русском языке употребление лексемы *крылья* в паремии «*Птицы сильны крыльями, а люди дружбой*» дает представление о самой важной для птиц части тела. В данном контексте дружба рассматривается как необходимое явление в жизни человека. При этом параллелизм понятий выражается при помощи композиции противопоставления с союзом *а*, наличие которого позволяет не повторять идентичное сказуемое дважды, во втором предложении оно опускается, что приближает семантические образы, делает их единым компонентом значения. В данном случае понятие дружбы не завуалировано, как, например, в пословицах: *Свои собаки грызутся, чужая не суйся*; *Два медведя в одной берлоге не живут*; *Ближняя собака скорее укусит*. В подобных паремиях не используется лексема, обозначающая понятие амбивалентной пары. Это понятие не лежит на поверхности, его необходимо открыть, обнаружить, вычленить из общего «смыслового сгустка».

Известно, что в сознании русского человека образ собаки имеет «амфотерную» ассоциацию. С одной стороны, это животное характеризует такие качества, как верность и ум, с другой — агрессию и злость. Обычно вторая группа особенностей поведения лежит в основе паремий, репрезентирующих вражду. Например, представленные выше пословицы и поговорки выполняют дидактическую, предупреждающую функцию.

Об этом свидетельствует глагол в повелительном наклонении «*не суйся*»; при этом он имеет просторечный оттенок, что придает пословице усиленную коннотацию. Здесь заключена своего рода мораль: при чужом конфликте следует соблюдать дистанцию, не вмешиваться. Особо отметим случаи, когда образ животного уточняется за счет прибавления квалифицирующего компонента, чаще всего выраженного прилагательным: *ближняя собака*. В данном словосочетании значимость приобретает зависимый компонент, значение поговорки снова сводится к предостережению: близкий человек при ссоре может сделать большее, чем посторонний, так как ему известны самые тайные уголки души.

В чешской лингвокультуре частотными являются образы волка и овцы как универсальные репрезентанты вражды и дружбы: *Jest na něho laskav, co vlk na berana* (*Любезен, как волк с бараном*); *Neměj nikdy nepřítelů za ovci, a vždy za vlka* (*Никогда не принимай врага за овцу, но всегда за волка*). Противопоставление данных животных в последней пословице дает четкое представление об отношении человека к своему врагу; раскрывается палитра сопутствующих эмоций: ненависть, недоверие, тревожность, подозрительность.

Кроме того, в чешском языке активно используются лексемы, обозначающие названия насекомых, особенно в структурной организации противопоставления: *Za včelkou na med, a za ovadem na vřed* (*От пчелки мёд, от овода укусы*). Характерные свойства пчелы и овода помогают показать оппозицию характеров и индивидуальных качеств человека, определяющих его поведение.

В русской лингвокультуре одночастные паремии могут вступать в отношения семантического противопоставления. Например, поговорки: *Агнец с бараном — едино племя* и *Конь корове не товарищ* — являются антонимичными по значению. Выражение положительных отношений между людьми осуществляется при помощи лексемы старославянского происхождения *агнец*, что придает пословице оттенок возвышенности. Кроме того, можно выделить системные и контекстуальные синонимы: *друзья — едино племя*, *друг — товарищ*.

Следует отметить, что в чешском языке поговорки с одночастной структурой отражают определенные закономерности животного мира: *Nepřizývej vlka ku pomoci na psy* (*Не зови волка на помощь собаке*); *Velké ryby malé požírají* (*Большая рыба ест маленькую*); *Vlk koží platí* (*Волк платит кожей*). Метафорическое перенесение законов природы на жизнь людей становится распространенным примером образования чешских паремичных выражений.

Религиозные представления обычно регулируют сферу контактов между людьми, что позволяет говорить о расширенных семантических границах паремий с данным компонентом. В русском сознании воплощением всеобъемлющей дружбы является Бог, проявляющий любовь и заботу как основные компоненты дружеских взаимоотношений: *Друг о друге, а Бог обо всех*. Важно отметить, что истинная дружба возможна только со стороны божественных сил, на что указывает структура противопоставления. Кроме того, если человеку угрожает опасность в мирской жизни, Бог становится покровителем, помощником, оберегающим от врагов: *Враг хочет голову снять, а Бог и волосы не даст*. Интересно, что внутри паремии используется фразеологическое словосочетание *снять голову*, которое демонстрирует связь между фразеологией в узком смысле и паремиологией.

В чешском паремичном фонде обнаруживаются эквивалентные по значению пословицы и поговорки, репрезентирующие отношение Бога к людям как высшее проявление дружбы: *Kde člověk není, tam bůh pomáhá (Где человек бессилен, там помогает Бог)*. Такого рода паремии как в русском, так и в чешском языке расширяют понятие дружбы, указывая на качества, сопутствующие данному явлению: забота, взаимопомощь, понимание, любовь и др. Однако встречаются среди чешских единиц пословицы, в которых верный друг приравнивается к Богу или действует совместно с ним: *Přítel příteli bůh (Друг другу бог)*; *Dokud bůh a dobří přátelé ničeho se báti netřeba (Пока Бог и добрый друг рядом, нечего бояться)*. Во втором случае зависимая часть использует придаточное времени, что ограничивает временные границы спокойной жизни.

Душа как элемент, аккумулирующий перечисленные духовные субстанции, часто служит показателем дружеских отношений. Например, в пословице: *Dvě, tři věrní přátelé, jedna duše v rozdílném těle (Два, три верных друга — одна душа в разном теле)* — свойство души находится в одном теле метафорически переосмысливается при помощи сравнительного оборота, что указывает на единство мировоззрения и ценностных установок настоящих друзей. В то же время вражда всегда приводит к отрицательным последствиям для души, обрекает ее на страдание, вечные муки: *Klneš-li bližního, duši svou v základ dáváš (Проклинать ближнего — свою душу в заклад давать)*. Использование формы от глагола *klít* и лексемы *duše* в рамках одной паремии указывает на совмещение языческих и христианских понятий.

С религиозной точки зрения в русской лингвокультуре самыми главными врагами в жизни человека являются дьявол и грехи, нарушение заповедей: *С людьми мирись, а с грехами бранись*. В данном случае композиция противопоставления снова подчеркивает превосходство внутренней духовной борьбы с греховностью над земными недоговоренностями между людьми. Особого комментария требуют паремии, использующие библейские образы: *Адам Евы послушал да яблочко скушал*. Выражение христианских представлений через употребление имен собственных позволяет за малым количеством языковых единиц «запечатать» целую прецедентную ситуацию. Уменьшительно-ласкательный суффикс *-чок* в слове *яблочко* и разговорная словоформа *скушал* в сочетании с союзом *да* придают поговорке саркастический оттенок.

В чешском языке борьба с представителями антибожественных сил представляется подобно русскому языку высшей степенью вражды: *Svojně a společně přemfžem i čerta konečně (Совместно можно победить и черта)*. Тем не менее общий союз, объединение единомышленников способны преодолеть любые трудности. В пословице прослеживается явная отсылка к идее христианского единства, коллективной молитвы, собора.

Паремичные единицы, раскрывающие **природные образы**, в русском языке представлены через лексемы *гора, ночь, месяц, вьюга* и др. Наиболее ярко противопоставленность объектов природы и человека как социального существа выражена в русской пословице *Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется*. Взаимонаправленные отношения субъектов, выраженные моделью N+ с N5, усиливают антиномичность структуры. Человек воспринимается в качестве способного на компромисс рефлексировующего элемента коммуникации. В большей степени здесь представлены возможности установления контакта между людьми, чем дружественные отношения. Однако отсутствие данных способностей может привести к отсутствию гармоничного взаимодействия. Личная неприязнь одного человека может нейтрализоваться уравновешенностью другого: *Всю ночь собака на месяц пролаяла, а месяц того и не знал*. Лексема *месяц* служит репрезентатором образа неконфликтного человека.

В чешской лингвокультуре дружба может рассматриваться в широком понимании и выражать оптимальную степень симпатии и дружелюбности, достаточную для поддержания нейтрального межличностного контакта. Например, в паремии:

Jak se do lesa volá, tak se z lesa ozývá (Как лес зовет, так и он отзывается) — через лексему *les* представляется такое явление, как эхо, отражающее «золотое правило нравственности».

В русском языке сущность неискренней дружбы проявляется в пословице со сложной структурной организацией: *В друге стрела, что в пне; а в себе, что в сердце*. Совмещение сравнительных оборотов и противопоставления частей паремии дает яркое представление о безразличии к близкому человеку, на первое место ставятся собственные благополучие и здоровье. Данный эффект достигается за счет лексической пары *пень — сердце*, которая в приведенном контексте становится антонимичной. Лексема *сердце* употребляется и с лексической единицей *вьюга* в пословице «*Без друга на сердце вьюга*». Однако в данной поговорке постулируется необходимость дружбы в жизни человека, а природное явление символизируется с грустью, вызванной отсутствием дружеских отношений.

В чешском языке отмечается «ложная дружба», которая вызвана потребностью в получении выгоды, поэтому отличается кратковременностью и нестабильностью, на что указывает сравнительный оборот *jak v březnu led: Mířené přátelství jak v březnu led* (Намеренная дружба как мартовский лед). Уточняющее словосочетание констатирует свойства именно весеннего льда.

В чешской лингвокультуре вражда может выражаться в словесной форме: *Lidská mluva, mořská vlna* (Людская молва, как морская волна). Происходит метафорический перенос стихийности природного явления на возможное неожиданное негативное обсуждение какого-либо поступка, совершенного человеком. Частотностью отличается лексическая единица *kámen*, несущая негативную семантическую нагрузку и ассоциирующаяся либо с орудием борьбы: *Kdo do tebe kamenem, ty do něho chlebem* (Кто на тебя с камнем, ты на него с хлебом), либо с отрицательными чертами характера: *Uhodila kosa na kámen* (Угодила коса на камень). В первом примере представлена структура развертывания со схемой: *Kdo do tebe..., ty do něho...*, — раскрывающая особенности народного мировоззрения: устранить конфликт можно мирным путем. Вторая паремия имеет полностью эквивалентные семантические и структурные свойства с русской поговоркой *Угодила коса на камень*, что указывает на возможный общий паремичный «прафонд» славянских языков.

Таким образом, анализ исследуемого материала показал, что понятия вражды и дружбы мо-

гут быть выражены при помощи разнообразных языковых единиц, позволяющих проследить особенности отражения национальной специфики в семантике русских и чешских паремий. Среди паремий с семантическим центром «образ животного» отмечается использование образов *волка* и *собаки* в качестве репрезентантов враждебных отношений в обеих лингвокультурах. Вражда раскрывается через сопутствующие особенности характера и темперамента человека, что обычно выражается сравнительными или противопоставительными конструкциями. В чешском языке особое распространение получают образы разнообразных *насекомых*, поведенческие черты которых позволяют символически осмыслить влияние характера человека на установление контакта с членами социума.

В религиозном аспекте обнаруживаются полностью эквивалентные семантические звенья: как в русском, так и в чешском языке отношение Бога к людям олицетворяет идеал истинной дружбы; грех же как отвержение Божьих заповедей представляется главным врагом человека, с которым необходимо вести борьбу. В первую очередь это объясняется общими христианскими постулатами, составляющими базу как для римско-католической, так и для православной ветвей христианства. Однако выявлены и особые элементы в значении паремий: в русском мировоззрении особую роль приобретают прецедентные христианские имена; в чешском выявляется семантика отождествления истинного друга и Божественных сил. При этом в русском языке ярко выражена ироническая коннотация, подчеркиваемая при помощи структурной организации поговорки с союзом *да* в значении *и*. В чешском сознании человеку возможно оказаться на одной ступени с Богом, что нехарактерно для русского мышления, где Бог всегда предстает недоступным.

В паремиях, использующих природные образы в качестве метафорических элементов значения, в русском языке представлены структуры сравнения и противопоставления, а также совмещения данных конструкций. Выявляется такая особенность человека, как способность к мирному урегулированию конфликтной ситуации или полному игнорированию инициатора ссоры. В чешской лингвокультуре отмечено такое понятие, как «ложная» дружба — завуалированное использование приятеля в корыстных целях, для личной выгоды.

В целом релевантной характеристикой рассмотренных паремичных единиц является «консервирование» в их составе реалий, которые отражают

уникальный мир русской и чешской действительности и помогают передать колорит национальной культуры. Выбор языков разных славянских групп в качестве объекта сравнительного изучения открывает новое поле для исследования языковой системы.

Список источников

1. Голембовская Н. Г. Лингвокультурные антиномии в русских и литовских паремиях: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 26 с.
2. Грузберг Л. Антиномия. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mnum_2 (дата обращения 20.09.2021).
3. Егорова С. Б. Павел Флоренский об антиномиях языка // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2006. № 1. С. 256—262.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология как наука о наиболее культураносных языковых сущностях // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16. С. 78—90.
5. Мокиенко В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 6—20.
6. Ольшанский И. Г. Лингвокультурология в конце XX века: итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX в.: сб. обзоров. М., 2000. С. 14—30.
7. Перехвальская Е. В. Этнолингвистика: учеб. для акад. бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. 351 с.
8. Русский язык: энциклопедия / сост. Ю. Н. Караулов. 2-изд., перераб. и доп. М.: Бол. Рос. энцикл., 1997. 722 с.
9. Чернощекова В. О. Лингвокультурный аспект пословиц // Язык и культура. 2009. № 1. С. 80—85.
10. Юрков Е. Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2012. 56 с.

References

1. Golembovskaja NG. Lingvokul'turnye antinomii v russkikh i litovskikh paremijah = Linguocultural antinomies in Russian and Lithuanian paremics. Abstract of thesis. Volgograd; 2014. 26 p. (In Russ.).
2. Gruzberg L. Antinomija = Antinomy. Available from: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mnum_2 (accessed 20.09.2021). (In Russ.).
3. Egorova SB. Pavel Florensky on the antinomies of language. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta = Bulletin of Saratov State Technical University*. 2006;(1):256-262. (In Russ.).
4. Maslova VA. Linguoculturology as a science of the most culture-bearing linguistic entities. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogičeskoj lingvistiki = Actual problems of philology and pedagogical linguistics*. 2014;(16):78-90. (In Russ.).
5. Mokienko VM. Modern paremiology (linguistic aspects). *Mir russkogo slova = The world of the Russian word*. 2010;(3):6-20. (In Russ.).
6. Ol'shanskij IG. Lingvokul'turologija v konce XX veka: itogi, tendencii, perspektivy = Linguoculturology at the End of the 20th Century: outcomes, trends, perspectives. In: *Leengvisticheskie issledovaniia v kontce XX v. = Linguistic research at the end of the twentieth century*. Moscow; 2000. Pp. 14—30. (In Russ.).
7. Perehval'skaja EV. Etnolingvistika = Ethnolinguistics. Moscow: Jurajt; 2016. 351 p. (In Russ.).
8. Russkij jazyk: enciklopedija = Russian language: encyclopedia. Moscow: The Great Russian encyclopedia; 1997. 722 p. (In Russ.).
9. Chernoshhekova VO. Linguocultural aspect of proverbs. *Jazyk i kul'tura = Language and culture*. 2009;(1):80-85. (In Russ.).
10. Jurkov EE. Metafora v aspekte lingvokul'turologii = Metaphor in the aspect of linguoculturology. Abstract of thesis. St. Petersburg; 2012. 56 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А. В. Кандыбина — студентка 4-го курса бакалавриата направления подготовки «Филология» (профиль «Отечественная филология») Института филологии и межкультурной коммуникации (кафедра русской филологии и журналистики).

Information about the author

Anastasiya V. Kandybina — 4th year student of the bachelor's degree in the direction of training "Philology" (profile "Domestic Philology") of the Institute of Philology and Intercultural Communication (Department of Russian Philology and Journalism).

Статья поступила в редакцию 12.10.2021; одобрена после рецензирования 31.10.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 12.10.2021; approved after reviewing 31.10.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Original article

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10311

OTHERNESS AS A PARAMETER OF COMMUNICATIVE INTERACTION

Evgenia U. Kislyakova¹, Sanya I. Madzhaeva², Lubov M. Kasimtseva³

¹Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

^{2,3}Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russian Federation

¹kisjen@rambler.ru

²sanya-madzhaeva@yandex.ru

³bouchmanova@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to identify the linguistic means of expressing the implicit category of otherness as a communicative parameter. The main methods of research are: descriptive, taxonomic, contextual and discursive analyses. Linguistic means of alterity as a parameter of real and fictional communication and their ecolinguistic impact are identified. The research results contribute to ecolinguistics, cognitive linguistics and theory of communication.

Keywords: alterity, implicit category, communicative parameter, linguistic manifestation of alterity, textual manifestation of alterity, (non)ecological impact of alterity

For citation: Kislyakova EU, Madzhaeva SI, Kasimtseva LM. Otherness as a parameter of communicative interaction. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2022;(3(461):79-84. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10311.

Научная статья

УДК 81.1

ИНАКОСТЬ КАК ПАРАМЕТР КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

**Евгения Юрьевна Кислякова¹, Санья Ибрагимовна Маджаева²,
Любовь Михайловна Касимцева³**

¹Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

^{2,3}Астраханский ГМУ Минздрава РФ, Астрахань, Россия

¹kisjen@rambler.ru

²sanya-madzhaeva@yandex.ru

³bouchmanova@yandex.ru

Аннотация. Цель данной статьи заключается в выявлении языковых средств объективации латентной категории инакости как параметра коммуникации. Рассмотрены англо- и русскоязычные примеры объективации инакости как параметра общения. При проведении исследования применены описательный и таксономический методы, а также методы контекстуального и дискурсивного анализа. Выявлены факторы, объективирующие имплицитную категорию инакости в процессе коммуникации, а также рассмотрены особенности реализации данной категории как параметра общения в реальной и художественной коммуникации и ее лингвоэкологические последствия. Результаты исследования вносят вклад в эколлингвистику, когнитивную лингвистику и коммуникологию.

Ключевые слова: инакость, латентная категория, параметр коммуникации, языковая объективация инакости, текстовая объективация инакости, (не)экологичность инакости

Для цитирования: Kislyakova E. U., Madzhaeva S. I., Kasimtseva L. M. Otherness as a parameter of communicative relationship // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 79—84. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10311.

© Кислякова Е. Ю., Маджаева С. И., Касимцева Л. М., 2022

Introduction

The concept of *otherness* has already been fixed in modern humanitarian knowledge. The extensive theoretical base on this topic in philosophy, art history, sociology and psychology proves it [3; 5; 9]. Otherness (from Greek *heteros*, from Latin *alteritas*) is a term of Plato's philosophy. As any term, it performs an orienting and pragmatic functions [6. P. 32].

In any case, there are categories in the content of this concept. These categories are used in various scientific paradigms. The key features of the interaction of subjects are also reflected there and show the interpretation of the communicative activity of a speaker. The problem of otherness is multifaceted and presented in various forms. James N. Britton rightly notes that otherness exists at many levels in complex relationships of different representatives of human society [13. P. 570].

Theoretical comprehension of the content of this interdisciplinary category according to the phenomena of language and speech allowed us to adopt it in linguistics as one of the basic communicative categories. This category is understood as the category of relationship subject-subject and/or subject-object within the opposition "Me — Other" [4].

The formats of knowledge are understood as communicative categories in our research. They show certain cognitive-discursive patterns of using of linguistic units. As a result, such categories act as parameters for the description and interpretation of communicative processes [10; 11].

In particular, otherness can be a communicative parameter that objectifies the features of the communicative consciousness of participants of the discourse. First of all, it is noticeably in the aspect of the participants of communication, of their intentions and goals, of the changes of their communicative roles, of the using of appropriate communicative strategies and tactics, of fluctuations of the emotional-evaluative tonality etc. This relationship can be realized in the process of self-identification of the speaker and also in interpersonal, intergroup and intercultural communication.

Linguistic objectivation of the parameter of otherness

As a result of our research, it was determined that this parameter has mainly implicit nature in communication [4]. Nevertheless, the latent category of otherness is objectified because of certain geopolitical, social, psychological and communicative factors and leads to the transformation of the verbal and action-

al behavior of communicants — both with the same linguistic culture or different ones.

During the process of communication, the universal parameter of otherness can be explicated through the following features: *unity — plurality, identity — similarity, sameness — difference, normativity — nonnormativity, natural — unnatural, certainty — uncertainty, reality — hypothesis* [4].

The parameter of otherness may vary because of different communicative situations. As a result, the main categorical features can be supplemented and defined by a whole range of shades of meaning because of the plot-thematic correlation of the speaker with the situation of communication. This correlation defines the content of otherness. For example, such categorical features as *unification* and *dissent* are found in the media discourse and political discourse.

An interesting example is the present state of British society in connection with the Brexit which has led the country to a split. For several years, society is in a state of conflict. There is no constructive dialogue between generations: more progressive layers of the people do not support Britain's exit from the European Union, because it is the reason of many economic and political difficulties (for example, the situation with the border control between Ulster (as a part of the United Kingdom) and Ireland (as a member of the European Union)). Such a national-political and socio-economic situation, in which otherness becomes a recognized category, modifies the communication styles, strategies and tactics of the subjects of communication. In particular, the rhetoric of the authorities is changing. Their manipulative leverage is the topics about the most painful issues and problems of society.

For example, for a long time one of the most effective means of propaganda for Britain's exit from the European Union was the Brexit Bus. The Brexit Bus is a double-decker bus with the slogan which offers to send £350 million (that Britain pays to the EU every week) to support the National Health System, and also to return control over the situation to the state, as it was when the country was a colonial empire. Despite the fact that there is a partial privatization of the healthcare system in the country, the idea of leaving the European Union attracted the middle-aged and senior citizens.

This contingent won the referendum with a small margin. It is explained by the successful attempt of the authorities to appeal to colonial values that unite senior citizens, but separate them from more tolerant young people who are used to coexisting with representatives of other nationalities and cultures who have

the opportunity to live in the country thanks to the European Union. So young people who understand it and speak out seem differently minded as compared to senior citizens¹.

In this communicative and emotional situation, the parameter of otherness is reflected at the verbal level in the following linguistic means — political slang, blending and neologisms: Brexiters, remoaners (supporters of Brexit) / Brexiteers, remainers (supporters of the European Union), Hard Brexit (it has serious geopolitical consequences and means complete British independence from the European Union and strict limits and customs control) / Soft Brexit (nominal Brexit), Brexiety (anxiety about Brexit), Brexodus (This is a reference to the Biblical exodus of Jews from Egypt in this blending — Exodus means mass migrations of the non-British population outside Britain as a result of Brexit), the Will of the People (linguistic euphemism nominates the main strategy of the authorities), Brussels bureaucrats, etc.

Britain's exit from the Eurozone had not only significant political and economic consequences, but also changes at the language level. The political sphere has been enriched by a number of terms, which have been published by the Library of the House of Commons in the form of a glossary of *Brexit related terms*². These terms indicate completely new processes which are taking place in politics. For example, *Blind Brexit* — Britain was leaving the EU with no clarity on the terms of a future trade deal. So, negotiators from Britain and from the European Union had time to sign a future trade deal until December 31, 2020, during which Britain practically was a member of the EU, but without voting rights. The words, which are related to a certain political topic and have limited use in time, social and local aspects, have become the main terms in political communication [8. P. 233].

There is another example: the medical term *COVID* and its derivatives became new political words. This term attracts attention and has an emotional impact because it is connected with life and health. The functioning of its derivatives is caused by social conditions. The wide use of this term indicates the process of intellectualization of the language [1. P. 48]. In our opinion, it is a “linguistic imprint” of the mental picture that exists in peoples' minds. This medical term is a manipulator in politicians' hands: “COVID-19 infection is used to intimidate, to make us obedient in front of the global elite, who wished dramatically expand control over our lives...” It may be used as a metaphor and “realizes a whole range of functions. For, example, it can actualize cognitive function in its nominative-evaluative variety” [2].

Features of the realization of the parameter of otherness in text communication

The communicative parameter of otherness is determined by the feature of the use of communicative strategies and tactics, generalized in the hyperstrategies of confirmation and disproof [7]. These strategies and tactics allow to realize the conscious or unconscious organization of communicative interaction (same status: subject-subject (confirmative) and different status: subject-object (disproving).

Confirmative and disproving strategies and tactics are integral components of the communicative consciousness of speakers and manifest in various communicative situations: the ability of native speakers to use various scripts of communicative behavior, taking into account the prescriptions, attitudes and communication rules which are included in the content of otherness as a parameter of communication.

In addition, this parameter includes such a communicative feature as the Other-image of the interlocutor/interactant. This Other-image is a variable, situational image of the communicative partner. This feature is a significant component of the communicative act because it determines the process of forming of a unified communication center of interaction.

For example: an extract from the novel *The Taxi-driver's Daughter* written by the modern British writer Julia Darling demonstrates a quarrel between the father and the daughter as a result of the father's unsuccessful attempt to influence the behavior of his child. For an obvious reason the father is interested in what his daughter is doing but this interest is the reason of the teenage girl's rejection. So, it leads to a conflict. These speech partners begin to form new, negative ideas about each other (*The idea of Mac in George's house is so horrible*). The neutral tone of the communication changes to an aggressive one. First of all, it is reflected at the non-verbal level (*sneers, sobs, shouts, bursts into tear*).

Such a communicative structure of interaction is explained by the fact that a different, strange for the father Me of the daughter is realized, it means that the Other-image of his daughter has not yet been formed in his communicative consciousness. Fifteen-year-old Caris, whose mother goes to prison, is too vulnerable and weak to firmly accept new circumstances. Caris estranges from her family. She has left school and begun a new life in the world which was previously strange and inaccessible for her — the world of love affairs, easy money, irresponsible actions. This situation has changed her attitude towards her relatives and towards life in general. Her former Me has become

latent and is replaced by an aggressive, non-contact Me, which causes communicative failures and complicates the relationship with others. Her father realizes that his daughter's inner world has changed, so he draws her attention to it (*You can't look after yourself; Look at you!*). This phrase of her father is an introductory indication for the following implicit meaning which is derived from the context — “you are different, it's difficult for me, and sometimes even impossible to build a relationship with you” [3. P. 51].

What have you been up to, Caris?’ says Mac.

‘I was with a friend.’

‘George?’

Caris shrugs. <...>

‘I don't want you seeing that George again,’ he tells her. ‘I've been round. I've told his parents.’

‘What are you talking about?’ sneers Caris.

‘I told you. I've been to his house.’

‘What did you do that for?’

The idea of Mac in George's house is so horrible that Caris bursts into tears.

‘Why don't you leave me alone?’ she sobs. ‘I don't want you messing in my life.’

‘You can't look after yourself,’ shouts Mac. ‘Look at you!’⁴.

Ecological factor of the parameter of otherness

The parameter of otherness is one of the important points in the determination of the mode of ecological and non-ecological model of communication, because the intersection of the spheres (Me and Other) can affect the emotional space of communicants in different communicative situations [12].

For example:

I shouldered my way through the crowd, I was almost past it when I heard someone shout: “Hey, stalker!” Well, that had nothing to do with me, so I went on... Someone caught up with me and took me by the sleeve...

— *Hold it, stalker...Just two questions...*

I looked up at him. It was Captain Quarterblad...

— *Ah, greetings, captain. How's the liver?*

— *Don't try to talk your way out of this, stalker...*

— *Were you calling me, captain?... You were calling some stalker...*

— *Are you trying to tell me that you're not a stalker?*

— *Once the time I spent thanks to you was over, I went straight...*

— *Forgive me, Schuhart. I didn't expect it of you... I'm glad to see that my advice wasn't wasted on you...*

— *Well, I'm glad I met you, Honest Mr. Schuhart⁵.*

This extract reflects the process of reappraisal of personality: the ex-offender as a reformed citizen

meets the prosecutor. As a result, the communicative structure of their interaction has changed: the strict accusing communicative style of the captain changes to the encouragement and to the glorification, and the ex-offender takes an equal position of the interlocutor in the described situation, so the strategies of confirmation begin to dominate [4].

The communicative mode of ecological and non-ecological model of communication is determined by the method of creation Other-image of the interlocutor: adequate, wrong, incomplete. Both the effective communicative interaction, in which communicative risks are prevented, and ineffective communication take place depending on the situationally conditioned Other-image.

For example, the following situation is described in the novel *Possession* by A. S. Bayette: two philologists from different British universities, examine the work of two poets (Christabel LaMotte and Randolph Henry Ash). During their research they visit the manor that belongs to the poetess LaMotte. The residents of this manor are the descendants of LaMotte. They lead a lonely life and do not want to receive guests, especially unexpected visitors who are interested in the life of a famous person. Their philistine consciousness does not allow them to correctly and adequately understand the attempts of others to know better the situation in which the poetess worked. The owner of the house says:

We had a sort of poet in this house once. I expect you'd think nothing to her. Terrible sentimental stuff about God and Death and the dew and fairies.

Nauseating ... Funny old bird. Lately we get people round asking if we've got any of her stuff. I send them packing. We keep ourselves to ourselves, Joan and I. There was a frightful nosy American in the summer who just turned up out of the blue and told us how honoured we must be, having the old bat's relics up here. Covered with paint and jangling jewellery, a real mess, she was. Wouldn't go when I asked her politely. Had to wave a gun at her. Wanted to sit in Joan's winter garden. To remember Christabel. Such rot⁶.

This example shows that the appearance of these people and their curiosity have formed a misconception of the Other-image of the interlocutor. It turns into hostile behavior of the owner (*Had to wave a gun at her*).

Thus, the parameter of otherness has top-priority importance. It determines the success/failure of communication, satisfaction/dissatisfaction by one's own communicative behavior. As a result it can influence psycho-emotional health and a person's life in general.

Conclusion

The research and its results lead to the conclusion that otherness is an important parameter of communication, and it influences the communicative structure of interpersonal interaction.

This parameter is important for both Russian- and English-speaking communicative consciousness and it has its own defined categorical features which are variable, concretized and supplemented in various communicative situations.

The parameter of otherness is interconnected directly with the communicative norm. During communication the parameter of otherness have an impact on the choice of communication strategies and tactics and linguistic tools that implement them. The communicative parameter of otherness also determines the mode of ecological and non-ecological model of communication, its effectiveness/inefficiency. So, the theoretical understanding of the content of the parameter of otherness is necessary for the implementation of the applied aspect of communicology, which consists in the possible prevention of communicative risks in the process of communication.

References

1. Golovanova EI, Madzhaeva SI. On the vocabulary of the coronavirus pandemic epoch. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2020;(7):48-57. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-10707. (In Russ.).
2. Kameneva VA, Rabkina NV. Functional potential of the discourse of political meetings. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021;(4 Philological Sciences Iss. 124):57-64. (In Russ.).
3. Kislyakova EYu. Kommunikativnaya kategoriya inakosti = The communicative category of otherness. Volgograd; 2018. 250 p. (In Russ.).
4. Kislyakova EYu. The category of alterity via communicative strategies and tactics. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika = Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*. 2018;(1):8-17. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-1-8-17. (In Russ.).
5. Malakhov VS. Paradoxes of multiculturalism. *Inostrannaya literatura = Foreign literature*. 1997;(11):171-174. (In Russ.).
6. Madzhaeva SI. Specificity of medical terms in medical discourse. *Nauchnii rezultat. Ser. Voprosi teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki = Scientific result. Series: Problems of Theoretical and Applied Linguistics*. 2015;(3(5):28-32. (In Russ.).
7. Mat'yash OI. Iazyk v mezhlichnostnoy kommunikatsii = Language in interpersonal communication. In: *Mezhlichnostnaya kommunikatsiya: teoriya i zhizn' = Interpersonal communication: theory and life*. St. Petersburg: Rech Publ.; 2011. Pp. 211—273. (In Russ.).
8. Nesterova YaA, Chernukha TV. Term and terminology. Political vocabulary. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Science Journal of Tula State University. Humanities*. 2008;(2):226-236. (In Russ.).
9. Polovtsev DO. Inakovost' kak filosofsko-literaturnaya kategoriya = Otherness as a philosophical and literary category. Available from: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/111206> (accessed 22.11.2020). (In Russ.).
10. Sternin IA. Tolerantnost' i kommunikatsiia = Tolerance and communication. In: *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti = Philosophical and linguoculturological problems of tolerance*. Ekaterinburg, Ural University Publ.; 2003. Pp. 331—344. (In Russ.).
11. Takhtarova SS. Communicative categories in the cognitive-discursive paradigm. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie = Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2017;(16-2):189-196. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.2.21. (In Russ.).
12. Shakhovskii VI. Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krugue: chelovek, yazyk, emotsii = Dissonance of environmental friendliness in the communicative circle: person, language, emotions. Volgograd; 2016. 504 p. (In Russ.).
13. Britton JH Sermon. Beneath the Cross of Jesus: Finding the Other. *Anglican Theological Review*. 2004;(86-4):567-571.

Список источников

1. Голованова Е. И., Маджаева С. И. О словаре эпохи пандемии коронавируса // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 7. С. 48—57. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-10707.

2. Каменева В. А., Рабкина Н. В. Метафоризация совещательного политического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 4 (450). Филологические науки. Вып. 124. С. 57—64. DOI 10.47475/1994-2796-2021-10408.
3. Кислякова Е. Ю. Коммуникативная категория инакости: монография. Волгоград: Перемена, 2018. 250 с.
4. Кислякова Е. Ю. Реализация категории инакости в коммуникативных стратегиях и тактиках // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2018. № 1. С. 8—17. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-1-8-17.
5. Малахов В. С. Парадоксы мультикультурализма // Иностранная литература. 1997. № 11 С. 171—174.
6. Маджаева С. И. Специфика медицинских терминов в медицинском дискурсе // Научный результат. Сер.: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2015. № 3 (5) С. 28—32.
7. Матяш О. И. Язык в межличностной коммуникации // Межличностная коммуникация: теория и жизнь. СПб.: Речь, 2011. С. 211—273.
8. Нестерова Я. А., Чернуха Т. В. Термин и терминология. Политическая лексика // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. № 2 С. 226—236.
9. Половцев Д. О. Инаковость как философско-литературная категория. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/111206> (дата обращения 22.11.2020).
10. Стернин И. А. Толерантность и коммуникация // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 331—344.
11. Тахтарова С. С. Коммуникативные категории в когнитивно-дискурсивной парадигме // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2017. Т. 16, № 2. С. 189—196. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.2.21.
12. Шаховский В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции: монография. Волгоград: Поликарпов И. Л., 2016. 504 с.
13. Britton J. H. Sermon. Beneath the Cross of Jesus: Finding the Other // Anglican Theological Review. 2004. Vol. 86, no. 4. P. 567—571.

Information about the authors

Evgenia Yu. Kislyakova — Doctor of Philological Sciences, Associate professor, Professor of the Department of English and teaching methods.

Sanya I. Madzhaeva — Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Latin and Foreign languages.

Lubov M. Kasimtseva — Senior Lecturer of the Department of Latin and Foreign Languages.

Информация об авторах

Е. Ю. Кислякова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка и методики его преподавания.

С. И. Маджаева — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой латинского и иностранных языков.

Л. М. Касимцева — старший преподаватель кафедры латинского и иностранных языков.

Статья поступила в редакцию 29.12.2021; одобрена после рецензирования 10.01.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 29.12.2021 approved after reviewing 10.01.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК (82-312.1)

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10312

СЕМАНТИКО-СМЫСЛОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И МЕХАНИЗМЫ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ САТИРЫ В РОССИИ НАЧАЛА XX В.

Юе Чжао

Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан, zhaoyueleo@mail.ru

Аннотация. Цель статьи — определить языковую специфику антибуржуазной повествовательной сатиры в контексте русской литературы начала XX в. Результаты: повествовательная сатира претерпела языковые изменения и под эгидой правительства выступила в роли инструмента, позволяющего формировать в обществе определенные идеологические принципы, что в начале XX в. сделало более эффективным проведение в России социально-политических трансформаций.

Ключевые слова: сатира, юмор, сатирическая повесть, комический жанр, комическая проза, Октябрьская революция

Для цитирования: Чжао Ю. Семантико-смысловые особенности и механизмы повествовательной сатиры в России начала XX в. // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 85—89. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10312.

Original article

“REVOLUTION” IN THE RUSSIAN NARRATIVE SATIRE IN THE EARLY 20TH C.

Yue Zhao

Uzbekistan State World Languages University, Tashkent, Uzbekistan, zhaoyueleo@mail.ru

Abstract. The late 19th — early 20th centuries in Russia are marked by the human life restructuring in all spheres, including the literary strategies of the creative professionals, writers, artists, acting under the influence of prevailing political and ideological attitudes. The collapse of the Russian Empire was followed by the emergence, subsequent grand-scale advances and flourishing of the USSR. The establishment of Communist convictions was accompanied by ideological struggle. The new epoch appealed to anti-bourgeois narrative satire, which has become one of the main ideological and political tools in the formation of the ideological consciousness in early 20th c. Russia. The goal of our research is to determine the specificity of this satire in the context of Russian literature. We conclude that the narrative satire thriving under the government’s auspices and acted as an instrument allowing the formation of certain ideological principles in society, which made effective the implementation of socio-political transformations in Russia in the early 20th c.

Keywords: satire, humor, satirical story, comic genre, comic prose, October Revolution

For citation: Yue Zhao. “Revolution” in the Russian narrative satire in the early 20th century. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(3(461):85-89. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10312.

Введение

Согласно концепции, предложенной Л. Ф. Ершовым, «сатира и юмор со времен седой древности и по сей день непрерываемо свидетельствуют о душевном здоровье, бодрости и силе народа» [3. С. 17]. Однако большинство российских изданий начала XX в., «заявлявших себя как сатири-

ческие... сочетали на своих страницах комическое с патетикой, гражданским пафосом, мортальными и макабрическими мотивами» [7. С. 41]. В текстах их публикаций в роли объектов сатирического изображения выступали господствовавшие прежде классы, эгоистически и неправомерно эксплуатирующие, по мнению проправительственных писателей, труд людей более низкого уровня дохода. «Особенностью сатиры стала бескомпромиссность

суждений о предмете осмеяния... и тенденциозность...» [5. С. 25].

Анализ научной литературы, проведенный в рамках настоящего исследования, продемонстрировал, что ученые (Л. Ф. Ершов, С. Я. Гончарова-Грабовская и др.) дифференцируют такие понятия, как «юмор» и «сатира», прежде всего выделяя их эмоционально-экспрессивные отличия. «Юмор — отрицание частного, второстепенного в явлении, а сатира есть отрицание общего, основного» [2. С. 137; 3. С. 17]. В то время как юморист высказывает свою мягкую, светлую, трогательную оценку на предмет существования каких-либо жизненных социальных пороков, типических недостатков и слабостей общества, «преимущественное чувство у сатирика — негодование, презрение и гнев» [3. С. 17].

При этом отметим, что, согласно концепции З. Фрейда, сатира как тенденциозная острота обладает наибольшим эффектом воздействия на адресата, так как приносит ему больше удовольствия, в то же время являясь агрессивным методом коммуницирования с ним [10. С. 12], что, очевидно, обусловило ее использование в России в качестве информационного оружия и инструмента политической борьбы в периоды ведения Первой мировой войны (28 июля 1914 г. — 11 ноября 1918 г.), Октябрьской революции (1917) и Гражданской войны (1917—1922).

Непосредственно для русского художественного слова рубеж XIX—XX вв. характерен отображением социально-политических коллизий, преимущественно идеологии народнического и марксистского социализма, которые транслировались в массы сквозь призму сатирических мотивов, что обуславливает актуальность исследования данной научной проблемы.

Целью данного исследования является определение специфики антибуржуазной повествовательной сатиры в контексте русской литературы начала XX в.

Методы и материалы

Данная статья включила ряд методов, прежде всего структурно-семантический, сравнительно-типологический, сравнительно-исторический анализ, а также герменевтический и метод целостного стилистического анализа литературных произведений.

Теоретический анализ комедиографии свидетельствует о том, что сатирический жанр и юмор не просто выступают в роли развлекательного инструмента, но прежде всего отображают поли-

тические и социальные настроения определенной эпохи, свидетельствуют о ментальных особенностях народа, общности культурных и национальных фоновых знаний, характеризуют специфику его традиций и обычаев, а также интеллектуальные особенности людей.

Выводы, изложенные в статье, могут служить для подтверждения или опровержения научных гипотез в аналогичных исследованиях других авторов по проблеме формально-содержательной «революции» русской повествовательной сатиры начала XX в.

Результаты и обсуждение

Анализ эволюции «революционной» сатиры

В Российской империи XVIII — начала XIX в. сатира служила преимущественно инструментом познания прошлого, позволявшим аксиологизировать общественно значимые события. Историография печатного дела середины XIX — XX в. свидетельствует о том, что сатира в тот период общественного развития стала выступать в качестве инструмента идейно-политического противоборства. Со второго десятилетия XX в. революционные мотивы и рычаги воздействия на общественное мнение были детерминированы тремя «переменными», которые спровоцировали потоки новаторских воззрений на сложившееся социально-политическое положение России: Первая мировая война, Октябрьская революция и Гражданская война. «В сатирических изданиях 1917 г. практически не было беззлобного юмора. Публиковалась только злая и беспощадная сатира, не просто ставшая орудием политической борьбы, но и, по сути, разрушившая все традиционные морально-нравственные устои общества» [6. С. 105].

Сатирические произведения времен революций начала XIX в. и постреволюционной эпохи отражали духовно-нравственную деградацию общества. В массовых изданиях активно публиковались карикатуры и сатирическая проза, «обличавшие» экс-императора, членов его семьи и приближенных лиц как недостойных уважения людей. Так, они интерпретировали Николая II как низко падшего человека, слабого и трусливого, готового ради бутылки спирта на любые низменные поступки, сплавившего мужиков, хитрого и коварного торговца и пр. Сатирические произведения были пропитаны ненавистью к семье монарха, что превратило юмор в жестокую сатиру, целью которой стало «прямое подстрекательство к безжалостному возмездию» [Там же], что впоследствии помогло революци-

онерам оправдать не только арест, но и расстрел императорской фамилии.

В период Гражданской войны 1917—1922 гг. идеологическая борьба за окончательное низвержение монархического и капиталистического строя в отдаленных от Москвы и Санкт-Петербурга городах реализовывалась преимущественно через средства информационной войны, чему «белое движение долгое время не придавало должного значения» [13. С. 22], вследствие чего потерпело полный крах.

Сказанное подтверждается, например, тем, что среди народонаселения Сибири классовая борьба осуществлялась посредством газетной прессы, которая включала в себя не только освещение новостных событий, но и художественную литературу, в том числе отрывки больших по объему эпически-повествовательных произведений, напитанные острополитическими аллюзиями и пронизанные новым революционным пролетарским духом, саркастическим смехом и комическим преувеличением [8. С. 89; 13. С. 14]. Соответственно, «Первая мировая, а затем Гражданская войны явились прародительницами эпохи информационных войн, поворотным пунктом в развитии теории и практики информационного противоборства» [13. С. 22].

Сатирические произведения малых и крупных форм активно публиковались в сатирических изданиях по всей России. Причем «композиционное единство было присуще сатирическим журналам в столь значительной мере, что они отчасти сближались с такими крупными литературными формами, как роман» [11. С. 27]. Согласно мнению Л. А. Трахтенберга (2016), в сатирических изданиях XIX—XX вв. роман проявлял себя наиболее ярко.

Эволюция и консолидация сатирических мотивов

В постреволюционный период осталась необходимость укреплять власть большевиков, поэтому правительственные информационные структуры активно продолжали распространение релевантной пропаганды. Например, роман сатирически-памфлетного характера С. С. Заяицкого «Красавица с острова Люлю» [4] (1926) выступил в роли травестийного орудия разоблачения порочного гедонистического образа жизни белогвардейцев, которые совместно с представителями буржуазного общества тщетно и легкомысленно прожигали свою жизнь во Франции в увеселительных мероприятиях. Это кульминировалось в девизе одного из балов во фразе «Все дозволено!». Организатор праздника призывал веселиться так, «чтобы

слышала Москва», тем самым, сатирически противопоставляя аскетический коммунистический интернационал, центром которого была столица России, и фривольный Париж: «Пасторальные коннотации, “работая” на дискредитацию бонвиванов всех стран, проливали свет и на античеловеческую сущность их политических оппонентов. Однако комический статус героя... актуализировал иное: жизнелюбие уподоблялось прожиганию жизни и оценивалось как порок» [12. С. 95]. Таким образом, сатирический роман С. С. Заяицкого драматизировал противоречие между политическими реалиями, порядком, цивилизацией и пасторальными иллюзиями, легкомысленностью и гедонизмом.

Основной целью русской повествовательной сатиры начала XX в. (в особенности в 1920-х гг.) становится создание или пересоздание идеологически нового человека в новом времени. В качестве примера служит авантюрно-фантастическая повесть А. В. Шишко «Конец здравого смысла» [14] (1927), сатирически обрисовывающая будущее потенциальной буржуазной Европы, капиталистическое общество потребления и эпатажную олигархию, высмеивая при этом мечты писателей-утопистов (например, таблетки, заменяющие сон и еду или способствующие омоложению). Тем не менее буржуазность, изображаемая писателем, имеет декларативный контекст, а классовая борьба больше напоминает бунт человечества против механизированной цивилизации. Таким образом, представляя элиту в негативных красках, А. В. Шишко тем самым акцентирует внимание на целесообразности труда рабочего класса, его положительных аспектах и счастье, а именно что простое и, на первый взгляд, тривиальное бытование человека приносит гораздо больше счастья, чем жизнь богатой буржуазии.

В. П. Катаев был знаменит сатирической прозой белогвардейцев и патетическим изображением красноармейцев, о чем свидетельствуют, например, рассказы «Опыт Кранца» (1919); «Золотое перо» (1920); «Записки о Гражданской войне» (1924) и т. д. В постреволюционный период автор обращался преимущественно к социально-психологической сатире, изобличавшей мещанскую пошлость и культ собственничества [1. С. 319] (например, комедия «Квадратура круга» (1928) или роман-хроника «Время, вперед!» (1932)). Однако после смерти Сталина с каждым годом идеология В. П. Катаева менялась в противоположную сторону, о чем свидетельствует его повесть 1979 г. «Уже написан Вертер», рассказывающая читателю «об ужасах красного террора. Повесть, названная критиками, раскрывала другого Катаева»

[9. С. 122], тем самым подтверждая тот факт, что «революционная» сатира выступала в роли идеологического и классового противоборства в большой степени с подачи властей, а личная интерпретация реальности драматургов-сатириков варьировалась в зависимости от личного положения, настроения автора, а главное — в зависимости от общественной и политической конъюнктуры.

Таким образом, повествовательная сатира под эгидой правительства выступала в роли инструмента, позволяющего формировать в обществе определенные идеологические принципы, что в начале XX в. позволяло оптимизировать проведение в России социально-политических трансформаций.

Информационно-пропагандистская политика революционеров реализовывалась посредством литературы крупных и малых форм, что совершенно не учли представители белого движения, вследствие чего потерпели поражение в Октябрьской революции и Гражданской войне. Между тем сатирические произведения отличались эклектичностью, дерзостью, пафосностью и интертекстуальностью.

Заключение

На изломе XIX—XX вв. в России произошли сильные потрясения, коснувшиеся всех народов, чьи земли входили в состав Империи, что обусловило обращение к сатире как наиболее

релевантной форме коммуникации средств массовой информации и драматургов с читательской аудиторией.

Русская агитационная сатира начала XX в. сквозь призму описания комических явлений общественной жизни, преимущественно монархических устоев и традиций, буржуазного общества потребления и противников «красного движения», сформировала в сознании россиян коммунистическую реальность посредством обличения пафоса и развенчивания культа наживы и «красивой» жизни, тем самым психологически мотивируя их придерживаться определенной идеологии в становлении нового общественного строя.

Повествовательная сатира начала XX в. выступала в роли предикта стратегий и подоплеку действий противника (то есть технологией общественной аналитики, которая помогала определять мотивы, результат и качество действий оппонентов, а также выступать оружием борьбы с буржуазным обществом и классовой несправедливостью), а объект смеха стал предикатом сатиры (буржуазное общество, император Николай II, его приближенные и пр.).

Таким образом, специфика «революции» повествовательной сатиры в контексте русской литературы начала XX в. отличается контрастным изображением советских реалий, патетическим представлением большевиков и их идеологии и отрицанием устоев и традиций монархического строя.

Список источников

1. Быков Д. Л. Советские писатели. М.: ПРОЗАиК, 2020. 479 с.
2. Гончарова-Грабовская С. Я. Комедия в русской драматургии конца XX — начала XXI века: учеб. пособие для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов. М.: Вел. Луки: Флинта: Наука: Великолук. гор. тип., 2006. 278 с.
3. Ершов Л. Ф. Советская сатирическая проза. М.: Л.: Художеств. лит., 1966. 296 с.
4. Заяицкий С. С. Красавица с острова Люлю. М.: Nobel Press, 2020. 64 с.
5. Коновалов С. М. О сатире // ART LOGOS. 2020. № 2 (11). С. 24—35.
6. Константинова Е. Д., Медведева Н. Н. Революция 1917 года: взгляд через столетие // Катановские чтения-2019: сб. науч. тр. студентов. Абакан: Хакас. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 2019. 318 с.
7. Николаев Д. Д. Русский сатирический афоризм 1905—1907-х гг.: поэтика и типология // Вестник ТГПУ. 2019. № 1 (198). С. 38—48.
8. Поэтика комического в русской литературе XX—XXI вв.: коллектив. моногр. / Т. А. Александрова, О. Белькеддар, Г. Н. Воронцова [и др.]; сост., ред. Д. Д. Николаев. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 558 с.
9. Репида В. Б., Сайко О. А. История государственности в русской литературе. Кн. 3: Государство — это мы. 1917—1991 годы. Кишинев, 2019. 592 с.
10. Самыгина Л. В. Ирония: метатекстовый потенциал в рассказах С. Д. Довлатова: монография. М.: Русайнс, 2017. 165 с.
11. Трахтенберг Л. А. Русские сатирические журналы XVIII века: очерки поэтики: монография. М.: МАКС Пресс, 2016. 431 с.
12. Фоминых Т. Н. С. С. Заяицкий «Красавица с острова Люлю»: пасторальные аспекты романа и его инсценировки // Пастораль. Идиллия. Утопия. М.: Ин-т науч. инф. по обществ. наукам РАН, 2002. С. 94—106.

13. Шилова О. С. Информационная политика противоборствующих сил во время Гражданской войны в Сибири (на материалах Иркутской губернии 1918—1920 гг.): монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. 167 с.
14. Шишко А. В. Конец здравого смысла. Екатеринбург: Тардис, 2010. 20 с.

References

1. Bykov DL. Sovetskie pisateli = Soviet writers. Moscow: Prozaik; 2020. 479 p. (In Russ.).
2. Goncharova-Grabovskaya SYa. Komediya v russkoj dramaturgii konca XX — nachala XXI veka = Comedy in Russian drama of the late XX — early XXI century. Moscow, Velikie Luki: Flinta: Nauka: Velikolukskaya gorodskaya tipografiya; 2006. 278 p. (In Russ.).
3. Ershov LF. Sovetskaya satiricheskaya proza = Soviet satirical prose. Moscow, Leningrad; 1966. 296 p. (In Russ.).
4. Zayaickij SS. Krasavica s ostrova Lyulyu = A Beauty from the Island of Lulu. Moscow: Nobel Press; 2020. 64 p. (In Russ.).
5. Konovalov SM. About satire. *ART LOGOS*. 2020;(2):24-35. (In Russ.).
6. Konstantinova ED, Medvedeva NN. Revolyuciya 1917 goda: vzglyad cherez stoletie = Revolution of 1917: a look through the century. In: Katanovskie chteniya-2019 = Katanov Readings-2019. Abakan; 2019. 318 p. (In Russ.).
7. Nikolaev DD. Russian satirical aphorism of 1905—1907: poetics and typology. *Vestnik TSPU = Bulletin of TGPU*. 2019;(1(198)):38-48. (In Russ.).
8. Aleksandrova TA, Bel'kedar O, Voroncova GN [et al.]. Poetika komicheskogo v russkoj literature XX—XXI vv. = Poetics of the comic in the Russian literature of the 20th — 21st centuries. Moscow: IMLI RAN; 2019. 558 p. (In Russ.).
9. Repida VB, Sajko OA. Istoriya gosudarstvennosti v russkoj literature = The history of statehood in Russian literature. Kishinyov; 2019. 592 p. (In Russ.).
10. Samygina LV. Ironiya: metatekstovyy potencial v rasskazah S. D. Dovlatova = Irony: metatext potential in the stories of S. D. Dovlatov. Moscow; 2017. 165 p. (In Russ.).
11. Trahtenberg LA. Russkie satiricheskie zhurnaly XVIII veka = Russian satirical magazines of the 18th century. Moscow: MAKS Press; 2016. 431 p. (In Russ.).
12. Fominyh TN. S. S. Zayaickij “Krasavica s ostrova Lyulyu”: pastoral'nye aspekty romana i ego inscenirovki = S. S. Zayaitzky “Beauty from the Island of Lyulu”: pastoral aspects of the novel and its dramatizations. In: Pastoral'. Idilliya. Utopiya = Pastoral. Idyll. Utopia. Moscow; 2002. Pp. 94—106. (In Russ.).
13. Shilova OS. Informacionnaya politika protivoborstvuyushchih sil vo vremya Grazhdanskoj vojny v Sibiri (na materialah Irkutskoj gubernii 1918—1920 gg.) = Information policy of the opposing forces during the Civil War in Siberia (based on materials from the Irkutsk province 1918—1920). Irkutsk; 2021. 167 p. (In Russ.).
14. Shishko AV. Konec zdravogo smysla = The end of common sense. Ekaterinburg: Tardis; 2010. 20 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Чжао Юе — магистр гуманитарных наук, докторант PhD, кафедра русской литературы и методики обучения.

Information about the author

Zhao Yue — Master of Arts, PhD doctoral student, Department of Russian Literature and Teaching Methods.

Статья поступила в редакцию 05.09.2021; одобрена после рецензирования 30.11.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 05.09.2021; approved after reviewing 30.11.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.161.1

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10313

КОНЦЕПТ «ЖЕНЩИНА» В ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ

Лариса Валерьевна Бурмистрова

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия, larisa.burmistrova1@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается концепт «женщина» в соответствии с современными реалиями, а именно: его черты, отраженные либо сформированные в интернет-пространстве. В результате исследования выявлены отрицательные и положительные качества женщины, комически отраженные адресантами в интернет-мемах разных типов и структуры и отличающиеся от традиционного, стихийно сложившегося социального стереотипа женщины.

Ключевые слова: интернет-мем, концепт «женщина», образ женщины, комический эффект

Для цитирования: Бурмистрова Л. В. Концепт «женщина» в интернет-мемах // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 90—97. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10313.

Original article

THE CONCEPT “WOMAN” IN INTERNET MEMES

Larisa V. Burmistrova

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia, larisa.burmistrova1@yandex.ru

Abstract. In connection with the increased social position of women in society, the concept WOMAN is today of considerable research interest. The purpose of this article is to analyze the stereotype conceptual features of a modern woman, to identify the role of the Internet as a specific culture and environment in the formation of the concept in question. We investigate the image of a modern woman in Internet memes, mass and highly popular phenomena in the Internet space, characterized by wide distribution and wide replication among Internet users. As a result of the study, negative and positive qualities of a woman are revealed, comically reflected in Internet memes. The differences between the concept WOMAN, formed in the virtual environment, and the real stereotype of woman inherent in the society are also revealed.

Keywords: Internet meme, concept WOMAN, image of a woman, comical effect

For citation: Burmistrova LV. The concept “woman” in internet memes. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(3(461):90-97. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10313.

Изучение концепта проводилось в рамках психолингвистики (А. А. Залевская, А. А. Леонтьев), когнитивной лингвистики (Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Е. С. Кубрякова, М. Н. Коннова, Р. Джэкендофф, М. Джонсон, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Ч. Филлмор), лингвокультурологии (В. В. Виноградов, В. И. Карасик, С. Г. Воркачев).

Концептом считается основная единица сознания, имеющая овеществление (репрезентацию, объективацию, овнешнение, вербализацию) языковыми средствами [10. С. 4]. Будучи мыслительной категорией, концепт включает в себя значения

и смыслы, содержащиеся в сознании носителей одного языка. Являясь также элементом культуры, он представляет сведения о психических впечатлениях, эмоциях и ценностях человека [15. С. 124—125].

Концепт «женщина» представляет значительный исследовательский интерес в связи с возросшим социальным положением женщины в обществе, формирующем образ преуспевающей в карьере женщины, получившей высокое признание. Образ женщины-матери при этом отходит на второй план [14. С. 126].

Целью данной статьи является анализ образа современной женщины в сети Интернет, выявляе-

ние роли Интернета как специфической культуры и среды в формировании концепта «женщина» и выяснение того, отличается ли концепт, сформированный в виртуальной среде, от социального стереотипа, стихийно сложившегося, традиционного и рассматривающего социальную роль женщины как роль матери, жены, хозяйки дома. Семиотически образ женщины представлен такими знаками феминности, как «любовь, бескорыстие, внутренняя и внешняя красота, изысканность, тонкость, изящество, гармоничность, вдохновение, материнство, доброта, сострадание, умение “чувствовать сердцем”, эрудированность, творчество, интуиция, стремление к обустройству комфортного хабитата, практичность, организованность, эффективность в делах, семейственность» [1. С. 14].

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи: проанализировать концепт «женщина» в интернет-мемах, определить основные личностные качества женщины, которые выражены с помощью комической интенции адресанта в интернет-мемах.

Актуальность данной работы заключается в слабостью изученности репрезентации концепта «женщина» в интернет-мемах.

Материалом нашего исследования послужили данные, полученные в социальных сетях «ВКонтакте», Twitter и др.

Объектом исследования стали различные типы интернет-мемов, их структуры, раскрывающие образ современной женщины, ее положительные и отрицательные качества, взаимодействие с окружающими ее людьми.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые рассмотрение данного концепта осуществлено на материале интернет-мемов, популярных социальных сетей. Ранее были исследованы образы женщины в пословицах [6], антипословицах [12], комических трансформациях паремиологических единиц [3], фразеологических единиц [2], афоризмах [17], современной рекламе [11; 16], журналах [7], образ женщины-политика [8], в том числе в социальных сетях [18], в медийном дискурсе [5; 13], образ женщины в культуре [4].

Базу исследования составили 200 единиц, выбранных из числа самых популярных интернет-мемов, имеющих количество лайков более 400. Под словом «лайк», произошедшем от английского глагола like (нравиться), подразумевается одобрение сообщения, которое можно выразить с помощью специальной кнопки, расположенной под каждым постом или комментарием. Большое

количество лайков является показателем популярности, успеха мема [18].

Нами выявлено, что в форумах просматривается образ уверенной, терпимой, практичной, хозяйственной, настойчивой женщины, имеющей чувство юмора. Не зафиксированы традиционно приписываемые женщине негативные черты, такие как низкий уровень интеллекта, сварливость, болтливость, обидчивость, зависть, жадность, ревность.

Рассмотрим положительные качества женщины, формирующие образ современной женщины в интернет-мемах:

1) *Уверенность*. Данное качество женщины проявляется в том числе в уверенности в крепости брака.

В текстовом меме «*Когда я говорю своему мужу, что навеки будем вместе, — он начинает плакать. Такой ранимый*» вера женщины в крепкий брак неожиданно переходит к комичной развязке, показывающей с помощью обманутого ожидания, что проявление эмоций мужчины связано не с осознанием своего счастья жизни рядом с женщиной в браке, а с пониманием безысходности ситуации, в которой он оказался. Эффект обманутого ожидания создает комический эффект.

Абсурдность мысли женщины в понимании причины нерушимости брака вызывает улыбку в следующем текстовом меме: *От хороших жен мужья уходят, думая, что другая будет лучше. А от меня не уходит — боится, что другая еще хуже окажется!* Комизм ситуации усиливается благодаря специфическому ритму и снижению стиля.

Вера женщины в нерушимость брака может отличаться от мнения мужа. Таким примером служит текстовый мем, показывающий пессимистически настроенного мужа, который считает себя невольником в браке с женщиной: *Каждая жена обязана кормить мужа, потому что, согласно женевской конвенции, каждый пленный имеет право на горячую еду* (https://vk.com/photo-64033486_457342608). В данном меме комический эффект создается за счет совмещения противопоставления буквального и косвенного значения «пленный». В буквальном значении «пленный» рассматривается как человек, находящийся в плену, с помощью косвенного значения показывается муж, который воспринимает брак как жизнь в неволе и требует соблюдения женевской конвенции.

2) *Терпение*. Данное качество выражается в преодолении трудностей, связанных

с материнством, и комически переосмысливается в демотиваторе:

Когда Лена тащит на 5-й этаж в одной руке коляску 16 кг, в другой сына 6,5 кг, а в зубах пакет с продуктами, мысль о том, что она счастливая женщина, придает ей силы... — фразы на фоне девушки, с трудом толкающей вверх коляску по специальному пандусу (https://vk.com/photo-64033486_457346025).

Нелегкая жизнь женщины, ставшей мамой, раскрывается и в следующем текстовом меме: *Сначала я была девочкой, стала девушкой, потом — женщиной, затем — мамой, а теперь я стала Попугаем! Целый день только и повторяю: нельзя, не бери, отойди, положи, закрой...* (https://vk.com/photo-64033486_457344086). Комизм в данном меме усиливается за счет дискредитирующего уточнения.

Рождение ребенка и появившиеся вместе с ним «преимущества» показаны в интернет-меме, построенном на гибридной модели, основанной на соединении вербального и визуального компонентов интернет-мема [9. С. 21—22]. Вербальный компонент состоит из фраз *Me doing my taxes: I have a child*. Визуальный компонент представляет собой фотожабу: герой кинофильма «Титаник» держит на руках ребенка, лицо которого представлено мордой собаки (https://twitter.com/womenshumor/status/1490445356903149570?t=tefX_2P1qlp8VoVrAuyfeg&s=19). Комический эффект построен в данном меме на взаимодействии вербального и визуального компонентов. Смысл этого мема в том, что женщина хочет избежать уплаты налогов с помощью ребенка, как и герой фильма, пытающийся спасти свою жизнь, забравшись в спасательную лодку вместе с ребенком.

3) *Практичность*. Практичность женщины является в ее предприимчивости.

Комически переосмысливается предприимчивость женщины, ее способность выкручиваться из любой ситуации, представленная в виде завершающего текстовый мем риторического вопроса: *Галя вышла замуж за электрика. Потом за сантехника. Потом за маляра. А как иначе недорого сделать в доме ремонт?* (https://vk.com/photo-64033486_457348808). Предприимчивость женщины проявляется и в отношении к своей семье.

В креолизованном меме: *«Таня заняла деньги у любовника и купила гараж. Оформила на брата и сдает в аренду мужу. Крутится женщина как может!» — фразы на фоне задумавшейся женщины, подсчитывающей гору денег* (https://vk.com/photo-64033486_457347304), — эффект обманутого ожидания в вербальной части

мема создает парадокс, показывающий способность женщины приумножать финансовые возможности с помощью тщательно продуманного плана за счет членов своей семьи. Парадокс данной ситуации усиливает комизм.

В следующем примере предприимчивость женщины касается выстраивания отношений с мужчинами таким образом, что невозможно остаться одной. В креолизованном меме *«Чтобы не грустить из-за мужика, их должно быть несколько. Кто-то да poraduet!»* (https://vk.com/photo-64033486_457348827) эффект обманутого ожидания усилен последней фразой в вербальной части мема. Невербальная часть мема, изображающая главную героиню романа Скарлетт «Унесенные ветром», отличающуюся легкостью поведения с мужчинами, сидящую и отдыхающую в окружении поклонников, позволяет визуализировать образ, связанный с ситуацией, созданной при прочтении последней фразы мема.

4) *Хозяйственность*. Постоянная работа женщины дома представлена в креолизованном меме: *А в воскресенье женщины отдыхают по системе «все включено»! Включена стиралка, плита, духовка, пылесос и утюг — фразы на фоне домашней кошки, одетой в домашнюю одежду и готовящей еду у плиты* (https://vk.com/photo-64033486_457350887). Игра слов в текстовой части изображения, основанная на полисемии, создает комический эффект путем использования разных значений выражения «все включено». Фраза «все включено» обозначает стоимость проживания в гостинице, в которую включены завтрак, обед и ужин. Значение этого выражения приобретает другое значение только при прочтении второй фразы текстовой части, из которой становится понятно, что «все включено» рассматривается как включение всех электрических приборов, необходимых женщине для наведения порядка дома («Включена стиралка, плита, духовка, пылесос и утюг!»).

Женщине самой приходится выполнять домашнюю работу и не рассчитывать на помощь мужчины. В креолизованном меме абсурдность фраз в текстовой части мема создает комический эффект, так как под тяжелой мужской работой понимается времяпровождение на диване: *«Решила по дому мужскую работу сделать сама, легла на диван, смотрю телевизор, тяжело, не спорю, но надо» — фразы на фоне женщины без сил, лежащей на диване с пультом от телевизора в руке, в окружении разбросанных вещей и еды* (https://vk.com/photo-64033486_457345944).

В то же самое время женщина всегда мечтает об отдыхе и готова использовать любую появившуюся возможность для отдыха: *aww the plans cancelled? I really wanted to go maybe next time... — фразы на фоне улыбающейся женщины, лежащей на диване, укрытой пледом* (<https://twitter.com/womenshumor/status/1470166686024314883?t=sL2f70KiwPJpLaZvdNBjtw&s=19>). Комизм возникает благодаря совмещению прошедшего *really wanted* (очень хотела) и будущего времени *maybe next time* (может быть, в следующий раз) в текстовой части мема.

5) *Настойчивость*. Настойчивость проявляется в желании быть стройной.

Стремление женщины к потере веса представлено в текстовом меме: *Did you know 14 muscles are activated when opening a bottle of wine? Fitness is my passion*. Эффект обманутого ожидания создает комический эффект при прочтении второй фразы, в которой занятие спортом приравнивается к открытию бутылки. Риторический вопрос в текстовом меме *«Сколько ночей нужно пролежать на краю, чтобы серенький волчок обгрыз мои бока до размера XS?!?»* и отсылка к детской колыбельной усиливает комизм и вызывает улыбку (https://vk.com/photo-64033486_457349920).

6) *Чувство юмора*. Чувство юмора выражено в преувеличении негативного отношения женщины к своей физической форме и представлено в следующем текстовом меме:

If a woman asks if she looks fat, it's not enough to say "no". You must also act very surprised by the question. Jump backward if necessary. Преувеличение в данном меме достигается абсурдностью совета.

Та же самая проблема видна в гибридном интернет-меме, состоящем из текстового мема *When you are trying to get dressed to go out but none of your clothes fit anymore* и интернет-карикатуры. Визуальный элемент карикатуры представляет собой жабу (мужского пола), одетую в домашнюю одежду, стоящую перед открытым шкафом, в котором висят пиджаки и рубашки. Вербальный элемент карикатуры представлен монологическим высказыванием в форме речевого облака: *Welp, plans are cancelled, I'm fat*. Использование сленгизма *Welp (oh well)* подчеркивает эмоциональное состояние героя карикатуры, которая олицетворяет излишние трагические мысли женщины по отношению к своему весу (<https://twitter.com/womenshumor/status/1436027023961563140?t=6KEpKxMokuEUDTf8nO788A&s=19>).

В ходе изучения интернет-мемов выявлены отрицательные качества, формирующие образ современной женщины:

1) *Трусость*. Трусость проявляется в пассивности и боязни вступить в брак.

В креолизованном меме вербальная часть представляет собой фразы: *«Замуж? О, нет!!! Бывала там... Обслуживание не соответствует преискуранту!»*, сопровождающиеся изображением героини из фильма «Москва слезам не верит», лежащей в кровати в бигуди и с маской из клубники на лице. Развязка создается с помощью эффекта обманутого ожидания, который в данном меме производит комический эффект. Использование знаков препинания, а именно восклицательных знаков, в фразах усиливает эмоциональную составляющую женщины.

В следующем креолизованном меме: *«Слишком поздно женщина понимает, что в ЗАГСе она получает не свидетельство о браке, а вторую трудовую книжку!»* — эффект обманутого ожидания возникает при прочтении непредсказуемой развязки, показывающей торжественный день, который может омрачиться пониманием предстоящего тяжелого труда в браке (https://vk.com/photo-64033486_457345945). Эффект обманутого ожидания усилен невербальным компонентом, состоящим из изображения героини — Мама из рисованного мультфильма «Трое из Простоквашино», стоящей на кухне и держащей полотенце и половник в руках.

В следующем примере риторический вопрос и игра слов (гражданский брак — гражданская война) в вербальной части мема усиливают комизм: *«Трижды была в гражданском браке... Подскажите, какие льготы положены ветерану гражданской войны?»* — фразы на фоне героини, потрепанной жизнью, из фильма «Москва слезам не верит», сидящей на диване в домашней одежде и курящей сигарету (https://vk.com/photo-64033486_457339798).

Неспособность женщины возразить мужчине и провести свое свободное время по своему усмотрению высмеивается в демотиваторе: *«Наконец-то муж начал доверять и отпустил с подружками на море»* — фразы на фоне трех пожилых женщин, держащих доски для серфинга и идущих по берегу моря (https://vk.com/photo-64033486_457347189).

В эдвайсе фраза *«Когда твой мужчина не отпускает тебя на посиделки с подругами»* и фразы *«У Добби нет хозяина. Добби — свободный эльф»*, сопровождающиеся изображением домашнего эльфа Добби, персонажа из саги о Гарри Поттере, исполняющего все приказы своих хозяев, преувеличивают

излишнюю строгость мужчины и ущемление женщины в отношении ее свободного времени. Неспособность женщины возразить мужчине прямо, отождествление ее с безвольным вымышленным персонажем вызывают улыбку.

2) *Авторитарность*. Данное качество отображается в текстовом меме с помощью дискредитирующего уточнения, показывающего способность женщины влиять на настроение всех членов семьи, когда она пребывает в плохом настроении.

Авторитетность мужа уже не является первостепенной: *Неверно говорить: «У женщины выдалось плохое утро»... Правильнее: «Утро не задалось у всей семьи»* (https://vk.com/photo-64033486_457340194).

В следующем текстовом меме так же карнавально переворачивается мнимая авторитетность мужа: *Каким бы авторитетным ни был папа, но когда мама не в духе, вся семья по стеночке ходит* (https://vk.com/photo-64033486_457345222).

Однако женщина может быть и надежной опорой в семье, что подвергается высмеиванию в демотиваторе: *A good wife can bring balance to your life — фраза на фоне едущей пожилой пары на тракторе, у которого отсутствует левое колесо* (<https://twitter.com/memeadikt/status/1406136427738501121?s=20&t=FxNP6NV8JksfQhGZHIZ5qg>).

Авторитарность женщины может привести к возникновению фобий у мужчины. В текстовом меме эффект обманутого ожидания, неожиданная развязка создает комический эффект, показывающий боязнь мужа начать разговор с женой: *Сказала мужу, что когда он выйдет из душа, мы поговорим о том, что я нашла у него в телефоне! Четвертый день моется...* (https://vk.com/wall-64033486_1388264).

Снижение стиля создает комическое преувеличение страха мужа за свою жизнь в браке и в следующем примере: *Месяц назад жена бросила есть мучное, три недели назад бросила пить кофе, две недели назад бросила курить... Похоже, я следующий*.

3) *Бесцеремонность*. Бесцеремонность отражена в негативном отношении женщины к мужу.

В текстовом меме «Жена в последнее время часто использует модное слово “гаджеты”. Только произносит его как-то странно, по слогам...» (https://vk.com/photo-64033486_457349124) — данное отношение завуалировано посредством каламбура и приводит к созданию комизма. Слово «гаджеты», произнесенное по слогам, превращается в фразу «гад же ты» и приобретает совсем другое значение.

Неожиданное отождествление мужа с несчастьем и бедой («карой небесной») проявляется в развязке в текстовом меме, в котором вербальной составляющей является диалог между дочерью и матерью. Эффект обманутого ожидания создает комический эффект в данном меме:

— *Мамааа! Твой телефон звонит!*

— *Посмотри, кто это.*

— *Пишет «Кара небесная»...*

— *Дай сюда! Это папа...*

Бесцеремонность женщины проявляется и в организации скандала. Намеренное рассогласование между возвышенной темой и ее неожиданно приземленной конкретизацией представлено в текстовом меме: *«Решили с женой выпить вина за нашу любовь! Разнимала нас уже полиция...»*, — начальная фраза ориентирует на романтические чувства, но последняя фраза заземляет эту тему, и становится понятно, что проявление чувств уступило место крупному скандалу. Данная ситуация не может не вызвать улыбку.

В следующем примере: *Ссора с женой — как концерт. Сначала новинки, а под конец самые популярные хиты* — метафора и снижение стиля создают комическое впечатление. Неудовлетворение женщины мужчиной всегда начинается с маленьких претензий, а потом перерастает в ссору. Ссора в данном примере приравнивается к показу концерта, в котором сначала певцы исполняют новые песни, а потом свои хиты. Снижение стиля способствует усилению комического эффекта.

4) *Скрытность*. Креолизованный текст в посте с фотоподборкой:

When she says “fine go ahead and do whatever you want” — сопровождается фотографией дорожных знаков, запрещающих проезд в любом направлении (<https://twitter.com/memeadikt/status/1444081706911379456?s=20&t=FxNP6NV8JksfQhGZHIZ5qg>). Иконическая часть противоречит смыслу высказывания женщины и подразумевает, что мужчине надо рассматривать смысл ее фразы совершенно иначе. Эффект обманутого ожидания создает противопоставление вербальной и невербальной частей мема и приводит к созданию комического эффекта.

Данное качество женщины можно увидеть и в следующем креолизованном меме: *Женщину понять легко: она как открытая книга. Книга по квантовой физике на китайском языке. Но ведь открытая же! — фразы на фоне изображения мальчика, смотрящего, как девочка слизывает мороженое с верхней губы, и сидящей рядом девочки с мороженым в руке*.

5) *Мнительность*. Женщина никогда не забывает о событиях, которые произошли в отношениях с мужчиной в прошлом и анализ которых приносит ей удовольствие.

В креолизованном меме высмеивается привычка женщины постоянно возвращаться к прошлому: *Fun fact: a majority of archeologists are women due to their natural ability to dig up the past — фразы на фоне изображения улыбающейся девушки, производящей раскопки* (<https://twitter.com/memeadikt/status/1423787987020746753?s=20&t=FxNP6NV8JksfQhGZHIZ5qg>).

Мнительность женщины проявляется и в ее отношении к своему здоровью. В креолизованном меме вербальная часть представлена в форме диалога на фоне лежащей на кровати нездоровой девушки, укутанной в плед, на тумбочке которой стоит стакан воды:

— *Что тебе на 30 лет подарить?*

— *Кальций Д3, магне В6, рыбий жир, солгаровские таблетки для кожи и ногтей, кардиомагнил и мазь с ядом гадюки.*

Данная ситуация абсурдна, так как возраст после тридцати считается рассветом сил и проблем со здоровьем нет, поэтому принимать лекарства нет необходимости (https://vk.com/wall-64033486_1393081).

В следующем примере высмеивается чрезмерное волнение женщины о своем состоянии здоровья в преклонном возрасте, при котором естественная реакция организма может привести к неожиданным последствиям: *«Чем старше я становлюсь, тем аккуратней чихаю, чтобы ничего не отвалилось и не посыпалось» — фразы на фоне перекошенной морды ламы* (https://vk.com/photo-64033486_457351398).

6) *Меркантильность*. Несбыточные желания женщины отражены в креолизованном меме:

Представила, что выиграла миллион. Мысленно распределила — куда потрачу. Не хватило (https://vk.com/photo-64033486_457349192). Абсурдность вербальной части вызывает улыбку. Иконическая часть представляет собой грустную мартышку, олицетворяющую женщину, которой даже огромная сумма денег не может помочь реализовать ее желания.

Желания женщины также зависят от финансовых средств, которые часто у нее отсутствуют. В текстовом меме *«Решила путешествовать так долго, пока не закончатся все деньги. Вышла из дома, дошла до остановки... И пошла обратно»* (https://vk.com/photo-64033486_457346957) — эффект обманутого ожидания усилен неожиданной развязкой, показывающей, что материальное положение не может поспеть за любым капризом женщины.

7) *Расточительность*. Неспособность расходовать финансы рационально показана в креолизованном меме:

All I spend money on is food and clothes but I'm still hungry and can't find anything to wear — фразы на фоне плачущей женщины (<https://twitter.com/womenshumor/status/1397192033064914952?s=20&t=3PGdJxrVN4iHpbTizEY3Fw>). Комизм возникает благодаря парадоксальности вербальной части, показывающей, что, несмотря на потраченные деньги на еду и одежду, женщина остается голодной и раздетой.

8) *Леность*. Леность женщины проявляется в излишней медлительности при выходе из дома, что и высмеивается в демотиваторе:

Legend says the husband was waiting in the car for his wife to get ready — фразы на фоне старого автомобиля, стоящего около дома, укрытого распросеицей зеленью (<https://twitter.com/memeadikt/status/1406136427738501121?s=20&t=FxNP6NV8JksfQhGZHIZ5qg>).

Таким образом, концепт «женщина» в интернет-мемах раскрывает такие качества, как уверенность, терпение, практичность, хозяйственность, настойчивость, трусость, авторитарность, бесцеремонность, скрытность, мнительность, меркантильность, расточительность и леность. Результаты проведенного обзора применимы для изучения гендерных типов личности, характеристик прагматических признаков интернет-мемов. Данные исследования могут быть использованы и в дальнейших лингвистических изысканиях. В настоящее время Интернет пестрит противоречивой информацией о роли женщины в обществе, в семье, поэтому материал, взятый для анализа, может быть реализован на занятиях со студентами для ознакомления с образом современной женщины или для разработки методического пособия.

Список источников

1. Барашян В. К. Языковая репрезентация гендерных концептов: когнитивно-дискурсивный, семиотический и лингвокультурный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2019. 24 с.
2. Белая Е. Н. Образ женщины в английских, французских и русских фразеологических единицах // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2018. № 3 (33). С. 62—70.

3. Бурмистрова Л. В. Концепт «женщина» в комических трансформациях паремииологических единиц // Ценности в лингвокультурном аспекте: языковое сознание, коммуникация, текст: материалы междунар. науч. конф. Тяньцзинь, 2017. С. 159—163.
4. Волкова Е. А., Пуляева А. Д. Образ женщины в культуре // Евразийский союз ученых. 2015. № 11-1 (20). С. 86—87.
5. Ворошилова О. Н. Образ женщины в современном мире (по материалам современных российских женских журналов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (67). С. 54—57.
6. Гринченко Л. В. Образ женщины в русских и английских пословицах // Гуманитарные и социальные исследования. 2017. № 4. С. 107—114.
7. Гуцуляк Д. А. Образ современной женщины на страницах женских журналов // Медиаисследования. 2020. № 7. С. 315—318.
8. Дуброва О. А. Образ женщины в политике: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2002. 21 с.
9. Канашина С. В. Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 27 с.
10. Карасик В. И., Стернин И. А. Антология концептов. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. 352 с.
11. Кейзик А. С. Управление образом «идеальной женщины» в косметическом дискурсе рекламы // *Paradigmata poznani*. 2015. № 4. С. 169—171.
12. Кирсанова М. А. Роль антипословиц с гендерным компонентом в формировании юмористического образа женщины (на материале русского и английского языков) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3, т. 18. С. 87—102.
13. Никифорова Э. Ш. Образ женщины-политика в медийном дискурсе // Электронный научно-просветительский журнал. 2019. № 1. С. 45—48.
14. Охотницкая Е. М. Эволюция образа женщины в условиях социокультурной динамики // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Е: Педагогические науки. 2021. № 15. С. 122—127.
15. Павлова Г. Ш., Варламова Е. К., Бегина А. О. Значение концепта в современной лингвистике // Гуманитарные исследования. 2020. № 4 (76). С. 120—126.
16. Потапчук Е. Ю., Авдюшина К. С. Образ женщины в современной рекламе: основные тенденции 2016—2019 гг. // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 4 (72). С. 59—64.
17. Тамерьян Т. Ю., Чехоева Т. С. Когнитивная метафора как способ формирования образа русской женщины в авторских афоризмах // Филология и культура. 2018. № 3 (53). С. 98—107.
18. Товкес М. Ю. Стереотипное представление о женщине-политике в языковом сознании пользователей «Твиттера» // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2, т. 19. С. 118—132.

Лексикографический источник

19. Кронгауз М. А. Словарь языка интернета.ru. М.: АСТ-Пресс книга, 2016. 288 с.

References

1. Barashjan VK. Jazykovaja reprezentacija gendernyh konceptov: kognitivno-diskursivnyj, semioticheskiy i lingvokul'turnyj aspekty = Language representation of gender concepts: cognitive-discursive, semiotic and linguocultural aspects. Abstract of thesis. Maykop; 2019. 24 p. (In Russ.).
2. Belaja EN. The image of a woman in English, French and Russian phraseological units. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovanija = Human Science: Humanitarian Studies*. 2018;(3(33):62-70. (In Russ.).
3. Burmistrova LV. Kontsept “zhenshchina” v komicheskikh transformaciiakh paremiologicheskikh edinitc = The concept of “woman” in comic transformations of paremiological units. In: Cennosti v lingvokul'turnom aspekte: jazykovoje soznanie, kommunikacija, tekst = Values in linguocultural aspect: linguistic consciousness, communication, text. Tientsin; 2017. Pp. 159—163. (In Russ.).
4. Volkova EA, Puljaeva AD. The image of a woman in culture. *Evrazijskij sojuz uchenyh = Eurasian Union of Scientists*. 2015;(11-1(20):86-87. (In Russ.).
5. Voroshilova ON. The image of a woman in the modern world (based on the materials of modern Russian women’s magazines). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovede-*

denie. *Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice.* 2016;(5(67)):54-57. (In Russ.).

6. Grinchenko LV. The image of a woman in Russian and English proverbs. *Gumanitarnye i social'nye issledovanija = Humanities and Social Studies.* 2017;(4):107-114. (In Russ.).

7. Guculjak DA. The image of a modern woman on the pages of women's magazines. *Mediaissledovanija = Media studies.* 2017;(7):315-318. (In Russ.).

8. Dubrova OA. *Obraz zhenshhiny v politike = The image of a woman in politics. Abstract of thesis.* Rostov-on-Don; 2002. 21 p. (In Russ.).

9. Kanashina SV. Internet-mem kak novyj vid polimodal'nogo diskursa v internet-kommunikacii (na materiale anglijskogo jazyka) = Internet-meme as a new type of polymodal discourse in Internet communication (on the basis of the material of English language). Abstract of thesis. Moscow; 2016. 27 p. (In Russ.).

10. Karasik VI, Sternin IA. *Antologija konceptov = Anthology of concepts.* Volgograd: Paradigma; 2005. 352 p. (In Russ.).

11. Kejzik AS. Managing the image of the "ideal woman" in the cosmetic discourse of advertising. *Paradigmata poznani.* 2015;(4)169-171. (In Russ.).

12. Kirsanova MA. The role of anti-women with a gender component in the formation of a humorous image of a woman (based on the material of Russian and English). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication.* 2020;(3(18)):87-102. (In Russ.).

13. Nikiforova ESh. The image of a female politician in media discourse. *Elektronnyj nauchno-prosvetitel'skij zhurnal = Electronic scientific and educational journal.* 2019;(1):45-48. (In Russ.).

14. Ohotnickaja EM. The evolution of the image of a woman in the context of socio-cultural dynamics. *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Serija E. Pedagogicheskie nauki = Bulletin of Polotsk State University. Ser. E: Pedagogical sciences.* 2021;(15):122-127. (In Russ.).

15. Pavlova GSh, Varlamova EK, Beginina AO. The meaning of the concept in modern linguistics. *Gumanitarnye issledovanija = Humanitarian studies.* 2020;(4(76)):120-126. (In Russ.).

16. Potapchuk EJu, Avdjushina KS. The image of a woman in modern advertising: the main trends of 2016—2019. *Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy.* 2020;(4(72)):59-64. (In Russ.).

17. Tamer'jan TJu., Chehova TS. Cognitive metaphor as a way of forming the image of a Russian woman in author's aphorisms. *Filologija i kul'tura = Philology and Culture.* 2018;(3(53)):98-107. (In Russ.).

18. Tovkes MJu. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication.* 2021;(2(19)):118-132. (In Russ.).

Dictionary

19. Krongauz M. A. *Slovar' jazyka interneta.ru = Internet Language Dictionary.ru.* Moscow: AST-PRESS KNIGA; 2016. 288 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Л. В. Бурмистрова — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для экономических специальностей.

Information about the author

Larisa V. Burmistrova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English for Economic Specialties.

Статья поступила в редакцию 03.01.2022; одобрена после рецензирования 19.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 03.01.2022; approved after reviewing 19.02.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ TRANSLATION STUDIES

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 98—104. ISSN 1994-2796 (print).

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(3(461):98-104. ISSN 1994-2796 (print).

Научная статья

УДК 81'25

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10314

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Людмила Вениаминовна Кушнина¹, Любовь Кимовна Гейхман², Синьюнь Кан³

^{1,2,3}Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

¹lkushnina@yandex.ru

²lyubageykhman7@gmail.com

³kangxinyun1994@163.com

Аннотация. Обсуждается проблема функционирования антропонимической метафоры в оригинале и переводе на материале художественного дискурса. Цель исследования — проанализировать процесс трансляции антропонимических метафорических смыслов из франкоязычной лингвокультуры в русскоязычную на примере говорящего имени, прозвищного имени, precedentного имени. Методология исследования базируется на концепции переводческого пространства Л. В. Кушнина как синергетической модели перевода. В результате лингвопереводческого анализа установлено, что данный процесс приводит к транскультурной модификации исходной метафорической модели, что выражается в трех когнитивных стратегиях перевода: реметафоризации, деметафоризации, нейтрализации. Согласно концепции переводческого пространства, гармоничной признается стратегия реметафоризации, означающая, что в новой языковой и культурной среде происходит воссоздание метафорических смыслов, сопровождаемое синергетическим приращением новых смыслов, приемлемых и понятных иноязычным и инокультурным реципиентам.

Ключевые слова: ономастическое пространство художественного дискурса, антропонимическая метафора, переводческое пространство, гармоничный перевод, реметафоризация, деметафоризация, нейтрализация

Для цитирования: Кушнина Л. В., Гейхман Л. К., Кан С. Когнитивные стратегии перевода антропонимической метафоры в художественном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 98—104. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10314.

Original article

COGNITIVE STRATEGIES FOR TRANSLATING THE ANTHROPONYMIC METAPHOR IN ARTISTIC DISCOURSE

Liudmila V. Kushnina¹, Lyubov K. Geykhman², Kang Xinyun³

^{1,2,3}Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia ¹lkushnina@yandex.ru

¹lkushnina@yandex.ru

²lyubageykhman7@gmail.com

³kangxinyun1994@163.com

Abstract. The article discusses the functioning of anthroponymic metaphor in the original text and its translation on the basis of literary discourse. The authors analyze the translation of anthroponymic metaphorical meanings from the French-speaking linguistic culture into the Russian-speaking one on the example of the speaking name, the nickname, the precedent name. The research is based on the concept of translation space as a synergetic model of translation (L. V. Kushnina). The result of the linguistic translation analysis proved the use of transcultural mod-

ification of the original metaphorical model, expressed in three cognitive translation strategies: remetaphorization, demetaphorization and neutralization. According to the concept of translation space, the strategy of remetaphorisation is recognised as harmonious. This means that metaphorical meanings are recreated in a new linguistic and cultural environment and accompanied by a synergetic accretion of new meanings acceptable and understandable to the foreign-language and foreign-cultural recipient.

Keywords: onomastic space of literary discourse, anthroponymic metaphor, translation space, harmonic translation, remetaphorization, demetaphorization, neutralization

For citation: Kushnina LV, Geykhman LK, Kang X. Cognitive strategies for translating the anthroponymic metaphor in artistic discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(3(461):98-104. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10314.

Введение

Лингвистическая ценность антропонима в оригинальном и переводном художественном дискурсе является неотъемлемым свойством концептуальной и языковой картин мира независимо от принадлежности к той или иной лингвокультуре. Особую роль в антропонимическом, шире — ономастическом, пространстве текста/дискурса играет антропонимическая метафора.

Современная ментальная парадигма опирается на исследования метафоры в триаде: дискурс — мышление — общение. Согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, метафора является лингвокогнитивной единицей, которая в той или иной степени репрезентирует содержание дискурса в акте общения. Механизм метафоризации заключается в том, что один объект представлен в терминах другого посредством переноса качеств с «области-источника» на «область-мишень», в результате чего происходит прагматическое воздействие на реципиента [9].

В центре нашего исследования — такие разновидности антропонимической метафоры, как говорящее имя, прозвищное имя, прецедентное имя, которые эксплицитно или имплицитно участвуют в тексто- и смыслопостроении, что позволяет высвечивать заложенные автором смыслы. Так, в юмористических рассказах А. П. Чехова мы встречаем следующие антропонимические метафоры: девицы Клянчины, исправник Арцыбашев-Свистаковский, корнет Кляузов, учитель чистописания Ахинеев и др.

Цель проводимого исследования — проанализировать процесс трансляции антропонимических метафорических смыслов из одной лингвокультуры в другую на примере говорящих имен, прозвищных имен, прецедентных имен. Нас интересует процесс трансляции антропонимической метафоры из арт-дискурса французской лингвокультуры в русскоязычную языковую среду. Как показали наши наблюдения, в процессе трансляции антропонимических метафорических

смыслов возможна транскультурная модификация исходной модели антропонимической метафоры. Это означает, что при переводе антропонимической метафоры, вызывающей соответствующие реминисценции в исходной культуре, в каждой новой принимающей культуре она может вызывать иные ассоциации, обусловленные как личным опытом реципиента, так и социумом, что затрудняет выход реципиента к исходным метафорическим смыслам. Мы предположили, что транскультурная модификация модели антропонимической метафоры может развиваться следующим образом: 1) путем реметафоризации, когда переводчику удастся актуализировать исходные метафорические смыслы, воссоздать прагматический эффект, активизировать те области принимающей культуры, которые понятны и близки реципиенту; 2) нейтрализация — в том случае, если антропонимическая метафора сохранена формально, например, на морфологическом уровне, а прагматическое воздействие текста ослаблено; 3) деметафоризация — в том случае, если антропонимическая метафора не находит языкового выражения, а прагматический эффект исчезает. Мы обозначили эти процессы как позитивные, нейтральные, негативные.

Методология исследования

В основу нашего исследования положена синергетическая концепция переводческого пространства [7; 8; 11]. Концепция переводческого пространства вписывается в современное когнитивное переводоведение и культурно-ориентированные теории перевода, где ключевыми понятиями выступают «когниция», «синергия» и «гармония», которые, в свою очередь, отражают онтологию, методологию и аксиологию переводческой деятельности в ее эпистемическом освещении.

Эпистема перевода выстроена автором концепции на основе понятия эпистемической ситуации, сформулированного М. П. Котюровой, Н. В. Соловьевой [6].

В онтологическом аспекте перевод рассматривается как *когнитивный процесс*, совершаемый в сознании переводчика, который обладает особой переводческой картиной мира, генерируя гетерогенные смысловые поля, вступающие во взаимодействие и формирующие разветвленную систему смыслов, неповторимых для каждой лингвокультуры. Аналитико-синтезирующая деятельность переводчика выражается в следующих полях и смыслах: интенциональный смысл поля автора, индивидуально-образный смысл поля переводчика, рефлексивный смысл поля реципиента, эмотивный смысл энергетического поля, фатический смысл культурологического поля.

В методологическом аспекте перевод рассматривается как *синергетический процесс*, где синергии подвергается вся совокупность анализируемых смыслов. Синергетический эффект проявляется по-разному в разных лингвокультурах, так как каждая из них по-своему проецирует исходные смыслы на родную культуру: то, что естественно воспринимается в одной культуре, может оказаться противоестественным в другой. Задача и миссия переводчика состоит в понимании принимающей культуры и поиске таких способов выражения смыслов, которые свойственны этой культуре. Решение данной задачи осуществляется в синергетическом ключе, то есть происходит синергетическое приращение новых смыслов, которое отличается от одной культуры к другой.

В аксиологическом аспекте речь идет о новой аксиологической доминанте перевода, так как синергетическое приращение приводит к *гармонизации смыслов* текстов/дискурсов оригинала и перевода. Гармоничным признается такой перевод, смыслы которого соразмерны исходным, соотносимы с ними, но не тождественны и не адекватны.

Для нашей темы исследования важно иметь в виду, что в процессе трансляции антропонимических метафорических смыслов из одной лингвокультуры в другую возможны различные пути их воссоздания в переводе, что обуславливает соответствующий прагматический — юмористический эффект. Мы предположили, что наиболее продуктивной является переводческая стратегия реметафоризации как результат синергии и гармонизации смыслов. Вместе с тем возможна и противоположная стратегия — деметафоризация, которую мы соотносим с дисгармонией. Промежуточное положение между ними занимает нейтрализация, означающая, что переводчик ограничивается поиском адекватных или эквивалентных соответствий, в результате которых имеет место

частичное сохранение исходных метафорических смыслов.

Теоретический обзор

Понимание процесса трансляции антропонимической метафоры из одной лингвокультуры в другую не может быть достаточно глубоким без изучения антропонимики контактирующих языков и теории метафоры, которые опираются на собственную методологию.

Начнем с антропонимики, которая изучается в рамках теории имени собственного. Теоретическое обоснование теории имени собственного представлено в трудах В. Д. Бондалетова, В. В. Катерминой, Н. В. Подольской, А. В. Суперанской, О. И. Фояковой и др. Что касается перевода имен собственных, наиболее полную картину закономерностей их преобразования описал Д. И. Ермолович.

В качестве исходного мы выбираем определение имени собственного, предложенное О. И. Фояковой как «универсальная функционально-семантическая категория имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенных для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» [15. С. 21]. Подчеркнем, что мы анализируем не все имена собственные, а лишь антропонимы, выступающие национально-культурным компонентом художественного текста/дискурса.

В центре нашего исследования находятся только те имена собственные, которые относятся к антропонимам, обозначающим человека как языковую личность. Кроме того, мы изучаем не общеязыковые антропонимы, входящие в реальные именники, а антропонимы в пространстве художественного текста и художественного дискурса, обозначаемые как поэтонимы. Их специфика состоит в том, что автором они создаются сознательно или выбираются мотивированно из общеязыковых антропонимов для выражения авторской идеи, придания персонажу определенных коннотаций и дополнительных смыслов, которые в концентрированном виде раскрывают образ. В юмористическом дискурсе благодаря антропониму возникает соответствующий эффект, на который должен обращать внимание переводчик.

В своем исследовании мы опираемся на трактовку когнитивной метафоры, восходящей к трудам Дж. Лакоффа и М. Джонсона, и получившей дальнейшее развитие в исследованиях российских ученых (Н. Д. Арутюновой, А. П. Чудинова,

В. М. Телии, Л. М. Алексеевой, С. Л. Мишлановой и др.). Современными учеными метафора понимается как универсальный когнитивно-языковой механизм, способствующий познанию и моделированию действительности. Ученые неоднократно доказывали эвристическую ценность метафоры как когнитивного средства. Особое значение в ходе нашего исследования приобретает понятие метафорической модели, которая представляет собой понятийную область, элементы которой связаны различными семантическими отношениями.

В нашем случае, применительно к антропонимам, мы выбираем три понятийные области метафорической модели: говорящее имя, прозвищное имя, прецедентное имя, метафорический статус которых доказан, а мы используем этот факт как данность. Нас интересует транскультурная модификация исходных метафорических моделей, то есть то, каким образом исходная понятийная область, обладающая определенным, в нашем случае комическим эффектом, транспонируется в другую культуру и насколько эта понятийная область воссоздается или разрушается. Возможны различные векторы ее преобразования, мы спрогнозировали, что это может быть реметафоризация, деметафоризация, нейтрализация. Кроме того, мы предположили, что процесс реметафоризации неоднороден, что позволило нам выделить полную реметафоризацию как результат синергии и гармонии смыслов в переводческом пространстве и частичную реметафоризацию, соотносимую с выбором эквивалентного способа перевода антропонимической метафоры. Мы ставим задачу рассмотреть именно этот аспект функционирования метафоры в переводном художественном комическом дискурсе.

Результаты и обсуждение

Материалом для анализа стал роман современного французского писателя Оливье Бурдо «В ожидании Божангла», удостоенный престижной литературной премии во Франции и переведенный на несколько языков, в том числе на русский.

Этот роман пронизан языковой игрой автора на примере антропонимов, которые создают неповторимое метафорическое антропонимическое пространство текста, обуславливающее юмористический эффект.

Начиная с главной героини романа — Мамочки, которая в силу своего непредсказуемого характера придумывала себе новые имена чуть ли не каждый день и требовала от мужа — Папы, чтобы он обращался к ней с разными именами, антропонимы в романе играют существенную роль. Интересно

отметить, что при переводе на русский язык переводчики по-разному выражали ее имена. В одних случаях имя русифицировано: *Marguerite* — *Маргарита*, в других акцент сделан на транскрипцию: *Margerit* (с буквой *e*). Имя *Henriette* вместо традиционной формы *Генриетта* принимает форму *Анриет*, что позволяет переводчикам передать особенности иноязычного звучания. По нашим наблюдениям, в тексте романа встречаются все три типа антропонимической метафоры.

Примером говорящего имени является имя ручной журавлихи *Mademoiselle Superfétatoire*, которое переведено на русский язык как *Мамзель Негоди* в силу того, что она ни на что не годилась. Несмотря на то что значение слова *Superfétatoire* — «излишний, ненужный избыточный», мы признаем данный перевод дисгармоничным, утратившим метафоричность. Во-первых, дисгармонично переведен апеллятив *Mademoiselle*, который из формы вежливого обращения перешел в разряд пейоративов, демонстрируя пренебрежительное отношение к журавлихе, которую вся семья любила и оберегала. Во-вторых, антропоним *Негоди* является в русском языке окказионализмом, результатом словотворчества автора перевода. В результате антропонимическая метафора превратилась в антропоним-пейоратив, что позволяет нам констатировать стратегию деметафоризации, выбранную переводчиком.

Переходим к анализу других антропонимических метафор.

Ниже представлен пример прецедентного имени:

Оригинал: *J'avais rencontré une Don Quichotte en jupes et en bottes qui chaque matin les yeux à peine ouverts et encore gonflés, sautait sur son carasson.*

Перевод: *В ее лице я встретил Дон Кихота в юбке и сапожках, который по утрам, едва продрал глаза, спешил вскочить на своего Росинанта.*

В данном случае общекультурное прецедентное имя сохранено в переводе, что мы расцениваем как реметафоризацию. Сравнивая оригинал и перевод, поясним, что антропонимическая метафора во французском языке имеет не только лексическое, но и грамматическое выражение, так как автор предваряет ее артиклем женского рода *une*, что не может быть выражено по-русски. Но приращение смыслов имеет место, так как переводчик добавляет высказывание словами «в ее лице», подчеркивая тем самым, что речь идет о женщине с именем Дон Кихот.

Приведем два примера прозвищ.

Оригинал: *Pendant ses grandes vacances parlementaires l'Ordure venait nous rendre visite.*

Перевод: *Во время своих парламентских каникул Мусор наносил нам визит.*

Оригинал: *Il y avait aussi **Bulle d'air**. C'est moi qui l'avais appelé comme ça parce qu' à chaque fois que je lui demandais son nom, elle ne répondait pas. Donc il fallait trouver un prénom, tout le monde a le droit à un prénom, au mois à un surnom.*

Перевод: *А еще там была женщина, которую я прозвал **Пустышкой**, потому что когда я спрашивал, как ее имя, она не отвечала. Но ведь к ней нужно было как-то обращаться. Каждый человек имеет право на имя или хотя бы на прозвище, это гораздо удобнее.*

Исследованный материал показывает, что процесс реметафоризации может иметь разную степень глубины, раскрывающую идею и интенции автора. В данной статье этот процесс проиллюстрирован на примере перевода прозвищных имен-метафор. В одних случаях реметафоризация отражает эквивалентную стратегию переводчика, в других — гармоничную стратегию. Так, в антропонимической паре *l'Ordure/Mусор* мы констатируем эквивалентный перевод прозвищного имени, который затрагивает исключительно поверхностный уровень текста. Мы констатируем частичную реметафоризацию. В другой антропонимической паре — *Bulle d'air / Пустышка* — мы наблюдаем гармоничный перевод прозвищного имени, сопровождаемый приращением смыслов на глубинном уровне, так как эти два прозвища неэквивалентны. Переводчик переосмысливает исходную метафору и создает новую на русском языке. Здесь речь идет о полной реметафоризации, что мы расцениваем как проявление когнитивной переводческой стратегии.

Заключение

В рамках данной статьи проанализированы когнитивные стратегии процесса реметафоризации антропонимической метафоры при переводе с французского языка на русский на материале фрагментов романа современного французского писателя Оливье Бурдо «В ожидании Божангла», который увидел свет только в 2016 г. и был переведен на многие языки. Этот роман содержит множество комических персонажей и ситуаций, в которые они попадают, хотя его завершение оказывается трагичным для героев.

Мы акцентировали внимание на именах персонажей, которые относятся к антропонимической метафоре и представлены говорящим именем, прозвищным именем и прецедентным именем. Как показал анализ материала, переводчикам удастся сохранить их метафоричность, что связано со стратегией реметафоризации. Мы наблюдали два типа реметафоризации: частичную и полную, что мы соотносим с эквивалентным и гармоничным переводом.

Мы определяем данную стратегию как разновидность когнитивной стратегии воссоздания комического эффекта, обеспечивающей гармоничное восприятие текста перевода потенциальными реципиентами. Именно благодаря реметафоризации русскоязычный читатель способен воспринимать и адекватно понимать заложенную автором информацию: смеяться или грустить, восхищаться героями или насмехаться над ними. Эта миссия возложена на переводчика. Считаем, что при переводе романа О. Бурдо на русский язык она выполнена успешно.

Список источников

1. Алексеева Л. М. Перевод как рефлексия деятельности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 1 (7). С. 45—51.
2. Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Пермская школа метафоры // Вестник Пермского университета. 2016. Вып. 3 (35). С. 22—133.
3. Глаголев Я. Б. Ономастическое пространство текста и перевод // Русистика без границ. 2019. № 4. С. 93—98.
4. Катермина В. В. Номинации человека: национально-культурный аспект. М., Флинта, Наука, 2016. 224 с.
5. Катермина В. В. Имя собственное в художественном тексте (на материале русского и английского языков). М., Флинта 2020. 100 с.
6. Котурова М. П., Соловьева Н. В. Современный научный текст сквозь призму дискурсивных изменений. Пермь, 2017. 204 с.
7. Кушникова Л. В., Криворучко А. И., Ушакова А. О. Когнитивные механизмы перевода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3. С. 85—95.

8. Кушни́на Л. В. Культурная парадигма перевода // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 20. Пермь, 2016. С. 130—139.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
10. Лузина Л. Г. Когнитивная метафора // Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996. С. 55—56.
11. Скрыбина Е. Ю. Варьирование лингвокогнитивной модели метафоры в трэвел-медиадискурсе // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. 2021. № 3-2. С. 169—173.
12. Синъюнь Кан, Кушни́на Л. В. Ономастическая метафора в оригинале и переводе // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2021. Т. 31, вып. 6. С. 1204—1220.
13. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Либроком, 2012. 368 с.
14. Сызранова Г. Ю. Ономастика. Тольятти: ТГУ, 2013. 248 с.
15. Фоякова О. И. Имена собственные в художественном тексте. Л.: ЛГУ, 1990. 103 с.
16. Хакен Г., Хакен-Крелль М. Тайны восприятия. М., 2002. 272 с.

References

1. Alekseeva LM. Translation as reflection of activity. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya = Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology*. 2010;(1(7):45-51. (In Russ.).
2. Alekseeva LM, Mishlanova SL. Perm School of Metaphor. *Vestnik Permskogo universiteta = Bulletin of Perm University*. 2016;(3(35):22-133. (In Russ.).
3. Glagolev YaB. Onomastic text space and translation. *Rusistika bez granic = Russian studies without borders*. 2019;(4):93-98. (In Russ.).
4. Katermina VV. Nominacii cheloveka: nacional'no-kul'turnyj aspect = Nominations of a person: national-cultural aspect. Moscow: Flinta: Nauka; 2016. 224 p. (In Russ.).
5. Katermina VV. Imya sobstvennoe v hudozhestvennom tekste (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov) = Proper name in the literary text (on the material of Russian and English languages). Moscow: Flinta; 2020. 100 p. (In Russ.).
6. Kotyurova MP, Solov'eva NV. Sovremennyyj nauchnyj tekst skvoz' prizmu diskursivnyh izmenenij = Modern scientific text through the prism of discursive changes. Perm; 2017. 204 p. (In Russ.).
7. Kushnina LV, Krivoruchko AI, Ushakova AO. Cognitive translation mechanisms. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*. 2016;(3):85-95. (In Russ.).
8. Kushnina LV. Kul'turnaya paradigma perevoda = Cultural paradigm of translation. In: Stereotipnost' i tvorcestvo v tekste = Stereotyping and creativity in the text. Iss. 20. Perm; 2016. Pp. 130—139. (In Russ.).
9. Lakoff Dj, Djonson M. Metafori, kororymi my zhivem = Metaphors we live by. Moscow: Editorial URSS; 2004. 256 p. (In Russ.).
10. Luzina LG. Kognitivnaya metafora = Cognitive Metaphor. In: Kratkij slovar' kognitivnyh terminov = Concise Dictionary of Cognitive Terms. Moscow: MGU; 1996. Pp. 55—56. (In Russ.).
11. Skryabina EYu. Variation of the linguo-cognitive model of metaphor in travel media discourse. *Sovremennaya nauka. Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Gumanitarnye nauki = Modern science. Actual problems of theory and practice. Humanities*. 2021;(3-2):169-173. (In Russ.).
12. Sin'yun' Kan, Kushnina LV. Onomastic metaphor in original and translation. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya = Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*. 2021;(31(6):1204-1220. (In Russ.).
13. Superanskaya AV. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo = General theory of the proper name. Moscow: Librokom; 2012. 368 p. (In Russ.).
14. Syzranova GYu. Onomastika = Onomastics. Tolyatti: TGU; 2013. 248 p. (In Russ.).
15. Fonyakova OI. Imena sobstvennye v hudozhestvennom tekste = Proper names in a literary text. Leningrad: LGU; 1990. 103 p. (In Russ.).
16. Haken G, Haken-Krell M. Tajny vospriyatiya = Secrets of perception. Moscow; 2002. 272 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Л. В. Кушни́на — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода.

Л. К. Гейхман — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода.

С. Кан — аспирантка кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода.

Information about the authors

Liudmila V. Kushnina — Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation.

Liybov K. Geykman — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation.

Xinyun Kang — PhD student in the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation.

Статья поступила в редакцию 06.01.2022; одобрена после рецензирования 14.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 06.01.2022; approved after reviewing 14.02.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'25

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10315

ДИАЛЕКТИКА СИНТЕЗА КОГНИЦИИ И ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ

Ирина Николаевна Ремхе¹, Лилия Амиряновна Нефедова²

^{1,2}Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹rilinx@mail.ru

²lan2@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются взаимосвязь когнитивной сущности переводческой деятельности и использование технологических переводческих систем в рамках единого интегративного переводческого пространства, предусматривающего совокупность и синергетическую взаимозависимость внутренних (когниция) и внешних (артефакты) компонентов. Понятия «распределенная когниция», «когнитивные артефакты переводчика» трактуются с позиции современного переводоведения, учитывающего антропоцентрический подход наряду с техническими компетенциями переводчика и особую роль интеллектуальных систем, которые влияют на эффективность управления переводческим процессом и создают условия для формирования модели дополненной переводческой реальности, включающей адаптивный машинный перевод, системы управления переводами, нейронные системы перевода и автоматическую обработку контента.

Ключевые слова: когниция, распределенное сознание, артефакты, переводческие системы, нейронный машинный перевод

Для цитирования: Ремхе И. Н., Нефедова Л. А. Диалектика синтеза когниции и переводческой индустрии // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 105—114. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10315.

Original article

THE DIALECTICS OF THE SYNTHESIS OF COGNITION AND THE TRANSLATION INDUSTRY

Irina N. Remkhe¹, Liliya A. Nefedova²

^{1,2}Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹rilinx@mail.ru

²lan2@mail.ru

Abstract. The article examines the relationship between the cognitive essence of translation activity and the use of technological translation systems within a united integrative translation space, providing a set and synergistic interdependence of internal (cognition) and external (artifacts) components. The concepts of “distributed cognition” and “cognitive artifacts of the translator” are interpreted from the perspective of modern translation studies that takes into account anthropocentric approach along with technical competences of the translator and the special role of intelligent systems. These affect the efficiency of translation process management and create conditions for the formation of the model of augmented translation reality, including adaptive machine translation, translation management systems, neural translation systems and automatic content processing.

Keywords: cognition, distributed cognition, artefacts, translation systems, neural machine translation systems

For citation: Remkhe IN, Nefedova LA. The dialectics of the synthesis of cognition and the translation industry. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2022;(3(461):105-114. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10315.

Введение

На современном этапе развития переводоведения отмечается тенденция к изучению когнитивной сущности перевода наряду с постулированием основ антропоцентрического подхода, который возводит переводчика в ранг мыслящего субъекта, носителя «когниции», обладающего способностью создавать собственную сеть когнитивных ресурсов для эффективной реализации переводческих проектов. Появление новых технологий перевода и укрепление когнитивно-эвристического взгляда на переводческий процесс заставляет пересмотреть суть процесса перевода и способ его моделирования. В данной статье мы представим результаты исследования синергетического взаимодействия когнитивной основы переводческого процесса и технологической составляющей переводческой деятельности, что создает основания для изучения новой интегрированной реальности переводчика. Диалектика синтеза когниции и индустрии при рассмотрении переводческого процесса обуславливает совмещение роли переводчика, занимающего центральную позицию в рамках антропоцентрического подхода, с необходимостью учета дополнительных технических компетенций, автоматизации и умения пользоваться технологически продвинутыми компьютерными системами.

1. Распределенная когниция

Гармоничное сочетание и интеграция в когнитивные процессы созданных человеком артефактов давно рассматривается в зарубежной когнитивистике и выражается аббревиатурой DEEDS (Dynamical, Embodied, Extended, Distributed, Situated, что означает «динамический, воплощенный, расширенный, распределенный, расположенный по отношению к разуму»).

В частности, в известной статье Э. Кларка и Д. Чалмерса «Расширенное сознание» (The Extended Mind) исследователи рассуждают в рамках функционалистской теории сознания о возможности вынесения когнитивных функций человека за пределы его тела. В статье приводится пример с Отто, который страдает расстройством памяти и всегда полагается на свой блокнот. В данном случае блокнот Отто является неотъемлемой частью его когнитивной системы и выполняет когнитивную функцию, находясь за пределами организма [9. Р. 16]. В статье авторы задаются многочисленными вопросами относительно связи разума и остального мира. Зачастую речь идет о том, что существуют операции, которые мозг выполняет

непосредственно, а также те, которые требуют взаимодействия с внешними носителями.

В статье Э. Кларка и Д. Чалмерса вводится понятие «активный экстернализм», постулирующее двустороннее взаимодействие (coupled system) между внутренней познавательной средой и окружающим миром, которые создают единую когнитивную сеть. Исследователи утверждают, что внешние элементы системы способны управлять поведением подобно тому, как это делает сознание. В связи с этим в статье рассматривается сущность «эпистемического действия» как действия, которое дополняет такие когнитивные процессы, как узнавание и поиск, и «прагматического действия», которое в контрасте с предыдущим изменяет мир в угоду собственным целям [Ibid. Р. 10]. Любые внешние объекты, такие как, например, ручка и бумага, содержат определенную информацию о правилах их использования, которые активируют в сознании человека ответные действия. При этом характеристики предметов внешнего мира важны не менее, чем внутренние установки и цели человека. Замена правила использования приведет к необходимости его усвоения заново. Данные рассуждения закладывают основу экосистемного подхода в теории познания.

Суть модели экосистемы состоит в том, что человек как субъект — носитель когниции связан с окружающим миром посредством сети-экосистемы, в рамках которой действительность может создаваться и модифицироваться самим когнитивным субъектом. Данные рассуждения присутствуют в работах по социальному конструктивизму [8] и теории ситуативно обусловленного познания [16; 17]. С позиции экосистемного направления расширяется суть реконструирования значения и смыслов в процессе познания. Декодирование речевых стимулов дополняется процессом когниции как получение ситуативно обусловленной информации и активизацией моделей действительности, хранимых в памяти субъекта. Ключевыми понятиями становятся «ситуативность», «совместимость» и «взаимодействие». Модель действительности выстраивается индивидуально для каждого на основе тех явлений и фрагментов реального мира, с которыми он взаимодействует или планирует данное взаимодействие.

Понятие распределенной когниции определяется в исследовании М. Д. Макниза как взаимодействие между когницией, культурой и артефактами, которое развивается динамически наряду с преодолением многочисленных ограничений. Данное определение созвучно идеям экологической

психологии, теории ситуативно обусловленного познания, теории энантизма (воплощенного сознания) и ситуативного обучения [14. Р. 18].

Теория ситуативно обусловленного познания (*situated embedded cognition*) Х. Риску является ярким примером использования концепции экологического подхода в переводоведении [17]. Согласно рассуждениям автора, каждый индивид принимает активное участие в формировании окружающей действительности, ментальная репрезентация которой, по логике коннекционизма, сосредоточена в схемах, скриптах и прототипах. Они создаются и сохраняются когнитивным субъектом для дальнейшего использования в качестве ориентиров в окружающем мире. Познание не имеет локализации, и оно не изолировано в мозге человека. «Поведение не означает только опыт, который мы получаем в жизни, как абстрактная категория, меняющаяся с течением времени. Это динамическая система, включающая в себя деятельность мозга, тела и взаимодействие индивида с окружающим миром». Термин «воплощенная когниция» указывает на органическое сочетание мышления и поведенческих особенностей человека и его ситуативного окружения [Ibid. Р. 99].

2. Когнитивные артефакты переводчика

В современных переводческих исследованиях понятие распределенной когниции используют в рамках определения нового качества познания как результат синтеза внутренней и внешней когниции и часто связывают с применением систем переводческой памяти в работе переводчика, что является «когнитивным артефактом», отвечающим за сохранение информации, которая должна находиться в распоряжении переводческого сознания, несмотря на то что функцию обработки и хранения в данном случае выполняет внешний источник [12]. В качестве артефактов для трансформации и хранения своего сознания можно рассматривать многое — от самых простых вещей, таких как плакаты, блокноты, указательные таблички, до более сложных, например компьютерные программы и автоматизированные переводческие системы.

Следуя логике Х. Риску, то, что мы намеренно выражаем в языке, не является репрезентацией субъективной реальности. Наше поведение, наши мысли и восприятие основаны на осознанной или неосознанной опоре на артефакты окружающей действительности. Это важное заключение касается не только понятия культуры как результата совместного познания и социального поведения, формируемого посредством артефактов,

но и профессионального перевода как многогранной когнитивной деятельности. Значительная составляющая данной деятельности координируется внешними структурами, включая системы переводческой памяти, регламентом переводческих процедур и определенным набором переводческих стратегий [17. Р. 102].

Рассмотрение переводческого процесса как совокупности мыслительных процессов внутри и за пределами переводческого мышления прослеживается также в работах Э. Хатчинса. Исследователь считает, что выполнение когнитивных функций может происходить в том числе за счет артефактов, находящихся вне человеческого сознания. К ним относятся совместная деятельность, различные артефакты, явления окружающей действительности и народные верования, вовлеченные в когнитивные процессы. В работах автора подчеркивается взаимосвязь внутренних и внешних компонентов (*tools*), составляющих единое когнитивное экологическое пространство (*cognitive ecology*) [13. Р. 114].

С точки зрения взаимосвязи процессов познания и перевода артефакты можно отнести к когнитивной действительности переводчика наряду с информацией и знаниями, которые классифицируются и хранятся в глубинах переводческой памяти. При взаимодействии с социальной средой и во время коммуникации с другими участниками формируется определенная сеть, в которой приобретенные знания и навыки генерируются и модифицируются для последующего их преобразования и аккумуляции в сознании. Таким образом, мозг не является единственным средством познания мира, он является частью сетевой структуры сложных когнитивных, социальных и концептуальных взаимоотношений, опосредованных совместной деятельностью и артефактами.

По словам С. В. Серебряковой, А. И. Милостивой, согласно результатам ретроспективных интервью сотрудников агентств, информационное, коммуникационное и программное обеспечение и инструменты не являются единственными примерами артефактов, которые используются в кооперативной переводческой деятельности. Список артефактов намного шире и включает также «все материальные и нематериальные объекты, которые должны ограничить хранение и обработку всей необходимой для осуществления перевода информации исключительно в мозге. Сюда можно отнести мобильный телефон, мониторы и клавиатуру компьютера, принтер, файлы и папки, различные пособия (например, по стилистике

исходного или переводящего языков или параллельные тексты) и словари, компьютерные корректоры орфографии, грамматики и стиля, которые всякий раз избираются на базе автоматизированного итеративного шаблона обработки переводимого контента. Формальные артефакты, в частности верстка, считаются важными аспектами ситуативно-когнитивной переводческой интеракции» [7. С. 24].

В соответствии с классификацией, предложенной Х. Рискю, артефакты переводчика можно разделить на две группы: физические (телефон, факс, письма, словари, папки, ежедневники) и электронные (Интернет, банки данных, системы переводческой памяти и менеджмента). Особое внимание Х. Рискю уделяет рассмотрению физических и электронных артефактов в работе переводчика со специализированными текстами, где для оптимизации когнитивной деятельности и управления переводческими проектами в большей степени используется Интернет. Кроме того, переводчики активно прибегают к интернет-форумам для расширения баз данных и поиска подходящих специалистов. Артефакт в виде автоматизированной системы Translation Memory используется переводческими агентствами в случае работы с большими объемами текста и цен-

трализованной координации проекта, когда важно согласовывать терминосистемы. Эффективность применения данной системы возможна при локализации программного обеспечения и интерфейса пользователя в соответствии со стандартами принимающей культуры [15. Р. 164].

Практический анализ в формате опроса среди международного сообщества переводчиков через специализированные форумы и группы показал процентное соотношение используемых переводческих технологий на текущий момент. В опросе принимали участие 87 человек, 75,7% которых являются действующими переводчиками (рис. 1).

Таким образом, опора на артефакты в виде современных технологических средств в практике переводчика является одним из приоритетных моментов. Инновации и большое количество доступных платформ, как нам кажется, проходят путь органичной интеграции в различного рода переводческие инструменты, не вызывая при этом кардинальных изменений в ходе переводческого процесса, который до сих пор зависит от мыслительных действий самого переводчика. Об этом свидетельствует в том числе развитая практика постредактирования, которая предполагает глубинное понимание текста оригинала и повышенную «когнитивную нагрузку» и «когнитивные

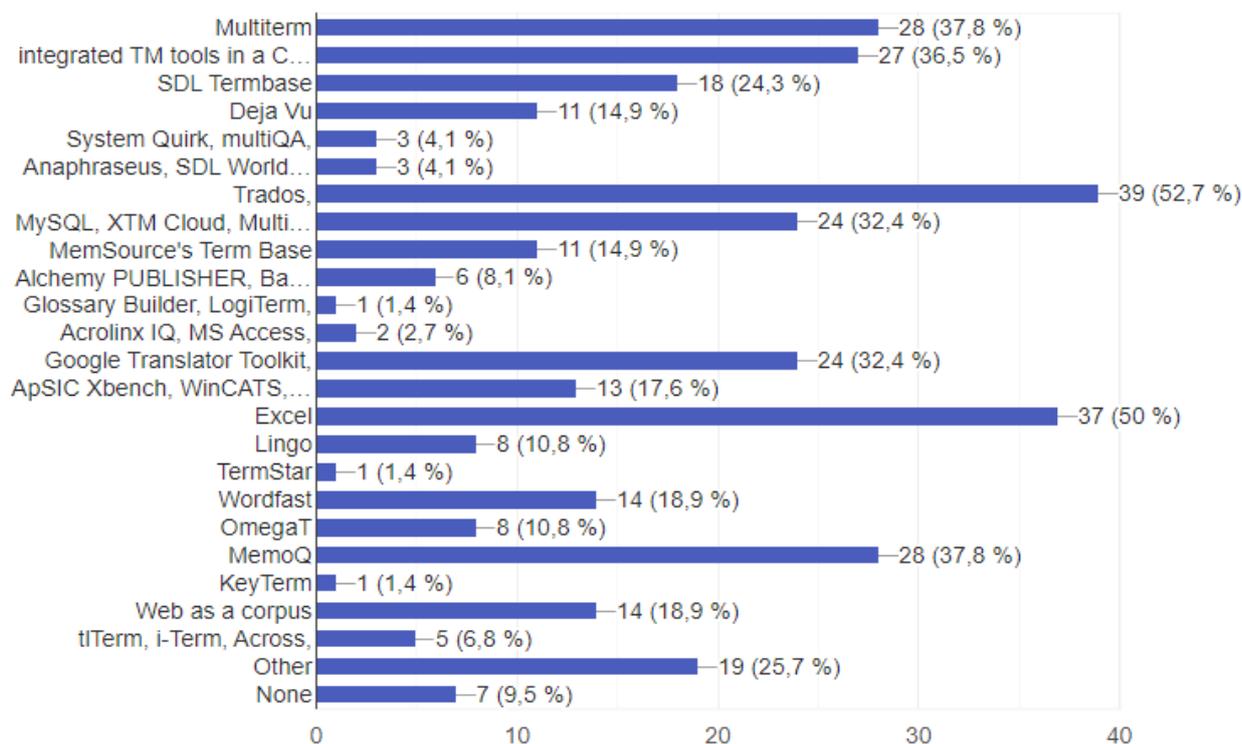


Рис. 1. Результаты опроса об использовании переводческих технологий современными переводчиками

усилия», с которыми справиться пока способен только человек [1. С. 347].

3. Взаимодействие переводчика и интеллектуальных систем

В рамках рассуждения о роли когниции в переводческой индустрии необходимо отметить понятие *распределенной когниции* по отношению к компьютерным ресурсам на основе современных исследований когнитивных распределенных прикладных систем (сетевых приложений) как очередной шаг в изучении взаимодействия человека и интеллектуальных систем в качестве внешних когнитивных ресурсов. По справедливому замечанию М. Д. Макниза, проблемы, рассматриваемые в многочисленных когнитивных исследованиях в мировом масштабе, в сущности, отражают стремление ответить на пять ключевых вопросов: 1. Что такое когниция? 2. Какова специфика существования когниции? 3. Каковы результаты действия когниции? 4. Как структурирована когниция? 5. Как когниция проявляет себя в действительности и распределяется в формате коллаборативной работы (распределенное командное сознание)? [14. Р. 21]. Последний вопрос аккумулирует суть первых четырех и предполагает понимание когниции как неотъемлемой части кооперации, которая может рассматриваться с разных позиций в зависимости от «цели познания (теория распределенного сознания (*distributed cognition*)), обусловленной деятельностью в рамках специфического контекста (теория установленного познания (*situated cognition*)), формируемой в процессе накапливаемого опыта, отражающего индивидуальность, историю, обучение и культуру, основанные на доступности данных, информации и знаний (информационные науки), и дополненной использованием технологий (информационные и коммуникационные технологии, Всемирная паутина, социальные сети и пр.)» [14. Р. 22]. Данное понимание емко отражает интегрированный подход при анализе когниции в деятельностном аспекте, в условиях активации когнитивных структур в режиме реального времени при учете внешних и внутренних факторов.

Приведем цитату из коллективного зарубежного исследования о синтезе человека и машинных систем с точки зрения распределенной когниции: «Когнитивные системы позиционируются как новая технологическая категория, предлагающая использование автоматической обработки естественного языка и машинного обучения для орга-

низации взаимодействия человека и машины посредством расширения возможностей для развития когнитивных способностей человека. Ментальные действия человеческого разума в процессе познания и восприятия окружающей действительности посредством чувств, физического опыта, внимания, памяти, оценочных суждений и рассуждений подвергаются влиянию технологических артефактов извне. Это приводит к расширению собственных когнитивных ресурсов, позволяющих справиться с задачами, которые невозможно решить без применения технологий» [10. Р. 194]. Согласно рассуждению авторов, распределенная когниция ставит на одну линию человека и объекты окружающего мира как «агентов» в системе. В этом случае решения индивидуума основаны на процессах взаимодействия и взаимопроникновения когнитивных процессов человеческого сознания, технологических артефактов и условий реального мира, а значит, понимание и восприятие человека и его действий не являются результатом индивидуальных решений или желаний, необходимо учитывать воздействие «агентов» вне человеческого сознания (рис. 2).

Исходя из предложенной схемы, в традиционном подходе человеческое сознание представлено внутренней моделью без учета влияния внешнего мира (рис. 2a). С позиции распределенной когнитивной системы, действия человека определяют внешние артефакты, характеризующиеся физической формой и временным ситуативным воздействием (рис. 2b) [Ibid].

В современной науке синергическое объединение человека, работающего в команде, и технических инноваций определяется новым термином «распределенное командное сознание» (*distributed team cognition*). В области переводческой деятельности развивается направление «объединенного перевода» (*connected translation*), подразумевающего совместную работу в команде с использованием объединенных человеческих и технических ресурсов на основе единой платформы.

4. Нейронные сети в переводческом процессе

При анализе интеграционных когнитивных процессов переводческой индустрии необходимо учитывать положения коннекционизма, который развивается в рамках когнитивной науки и использует понятия искусственных нейронных сетей для объяснения интеллектуальных способностей. Согласно коннекционистской модели, мозг представляет собой нейронную сеть, состоящую из миллиарда

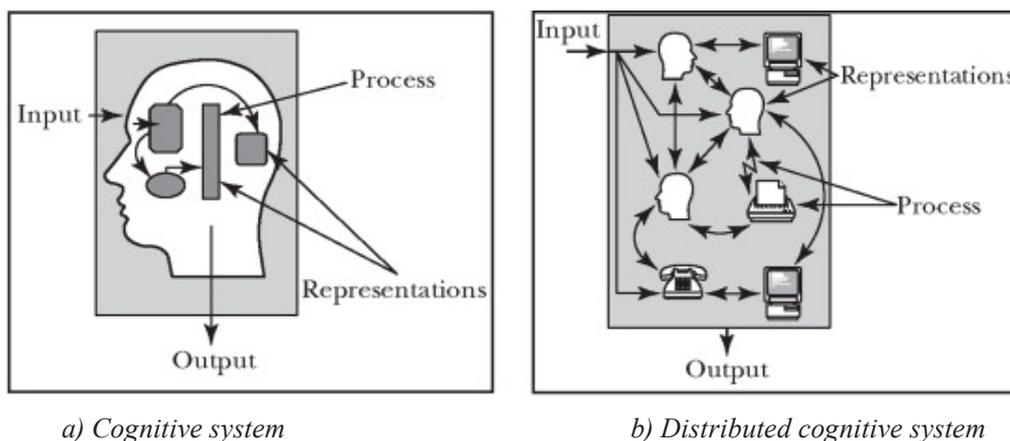


Рис. 2. Модель когнитивной системы человеческого сознания в традиционном и современном представлении

нейронов. Узлы или скопления нейронов представляют знание, а их преобразования отвечают за процесс обучения. Важным замечанием является тот факт, что «наблюдаемые закономерности из окружающей нас действительности перерабатываются в некоторые постоянно меняющиеся динамические образцы активизации сведений. На основе обработки этих образцов система может работать и с неполными данными, дополняя их по уже имеющемуся образцу» [4. С. 208]. Это позволяет провести аналогию с нейронным обучением компьютерных систем.

Специфика нейронного машинного перевода исследуется многими учеными (О. В. Митренина [3], Д. Р. Сафина, Р. Р. Камаев [6], В. В. Котенко [2], М. Б. Раренко [5] и др.). Исследователи сходятся во мнении о том, что на данный момент можно отметить значительные успехи в развитии нейронных систем и их использовании в системах автоматизированного перевода. «Главной особенностью нейронных сетей является то, что они не программируются, а обучаются. Возможность обучения является одним из главных преимуществ нейронных сетей перед традиционными алгоритмами. Технически обучение заключается в нахождении коэффициентов связей между нейронами. В процессе обучения нейронная сеть способна выявить сложные зависимости между входными и выходными данными, а также выполнить обобщение» [6. С. 70].

Архитектура нейронного машинного перевода состоит из двух рекуррентных нейронных сетей, одна из которых используется для ввода исходной текстовой последовательности, а другая — для генерации переведенного текста. Часто отмечается, что рекуррентные сети обладают собствен-

ной памятью. Добавление памяти в нейронные сети имеет достаточно понятную цель: в самой последовательности есть информация, и рекуррентные сети используют ее для выполнения задач, которые сети с прямой связью выполнить не могут. По словам В. В. Котенко, «эта информация сохраняется в рекуррентной сети, которой удается охватить много временных шагов, поскольку она учитывает прошлый опыт, который оказывает влияние на обработку каждого нового примера. ... Подобно тому как функционирует человеческая память, воздействуя на наше поведение, информация циркулирует в повторяющихся сетях» [2. С. 226].

Способность к обучению путем технологии нейронных сетей и имитация когнитивных процессов по аналогии с человеческим мозгом при узнавании и запоминании информации создают условия для признания нейронного машинного перевода инновацией будущего, которая способна если не заменить переводчика, то стать полноправным участником переводческого процесса. Если сравнивать статический машинный перевод с нейронным, то необходимо отметить переход от обучения на основе параллельных текстов к «глубокому» обучению, которое обладает более широким семантическим потенциалом.

В современной ситуации использования нейросетей создаются условия для развития процесса конвергенции, который в отличие от интеграции как технологии использования параллельных данных предполагает индивидуализацию перевода в режиме реального времени. В качестве примеров можно привести встраиваемые приложения, обеспечивающие перевод на каждом экране.

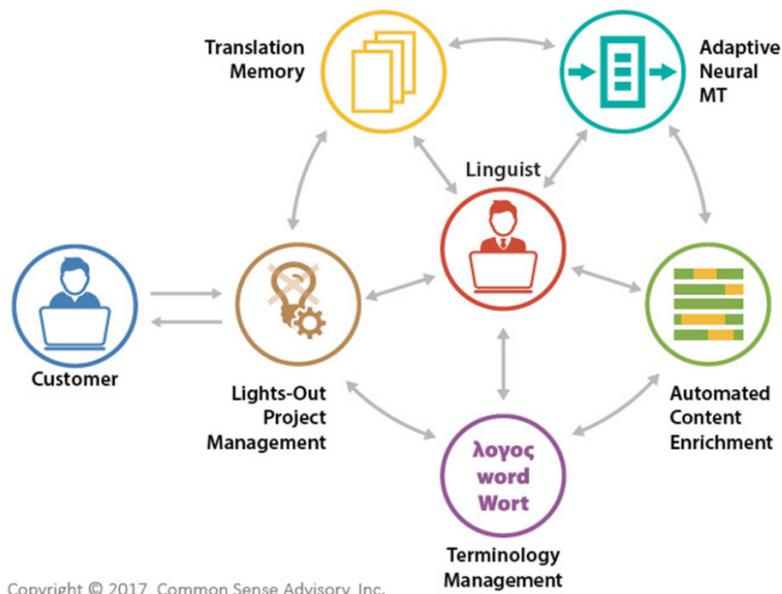
5. Интегрированная (дополненная) реальность переводчика

Указанные выше особенности когнитивной составляющей современного этапа развития переводческой деятельности определяют появление *интегрированной реальности переводчика*, обозначаемой как *augmented translation reality* (дополненная переводческая реальность) (рис. 3).

В одном из исследований научно-исследовательской группой CSA Research описывается модель переводческого процесса с использованием определенных автоматизированных систем. В центре этого процесса находится так называемый *augmented translator*, то есть переводчик-профессионал, который работает в высокотехнологической реальности, эффективно управляя ее элементами. «Подобно тому как в рамках дополненной реальности искусственный интеллект позволяет предлагать варианты, имеющие отношение к индивидууму и окружающей его действительности, данная трансформационная модель помогает обеспечить лингвистов широким контекстом и поддержкой реализуемых проектов» [11]. По словам разработчиков, набор предлагаемых машинных систем позволит профессиональным переводчикам более продуктивно и последовательно справляться с переводческим заданием, концентрируясь на работе с языком, а не на механическом выполнении технических процедур.

Адаптивный машинный перевод включает несколько продуктов, таких как Lilt и SDL BeGlobal, которые являются обучаемыми системами. Работа систем основана на том, что они пытаются предсказать возможный перевод, по мере того как переводчик работает над текстом, и предлагают варианты перевода в форме автоподстановки. Как указано в описании системы Lilt на сайте SmartCat, «движок автоматически обучается на вводимых данных и предлагает на их основе подсказки. Lilt не просто запоминает слова и фразы, он также способен уловить синтаксические и стилистические особенности переводимого текста».

Система управления переводами lights-out management — механизм управления в отсутствие человека на основе автоматизации и дистанционного присутствия по необходимости.



Copyright © 2017, Common Sense Advisory, Inc.

Рис. 3. Дополненная реальность переводчика

Нейронные системы перевода основаны на глубинном обучении нейронной сети и создании так называемого единого «датасета» — базы смыслов слов, используемых в языке. Неопровержимым преимуществом нейронной сети является тот факт, что перевод происходит не пословно, а целиком при учете контекста и многомерной гетерогенной смысловой структуры. В основе технологии обучения машинного перевода лежат параллельные тексты, компиляция которых производится в рамках глобальных корпусов, таких как, например, WikiMatrix и CCMatrix.

Автоматическая обработка контента осуществляется путем аналитической обработки текста и интеллектуального анализа данных для извлечения информации из большого количества неструктурированного контента, в частности имен собственных, организаций, локаций.

Заключение

В современных условиях развития переводческой деятельности когнитивная составляющая приобретает формат живой, саморазвивающейся системы, организация которой происходит за счет внутренних и внешних факторов, находящихся в непрерывном взаимодействии и взаимозависимости. Так, когнитивные артефакты переводчика имеют непосредственное влияние на функционирование когнитивной области и во многом определяют его поведение в той или иной ситуации, что отражается на эффективности управления переводческим процессом.

С концептуальной точки зрения, учет когнитивного взаимодействия с внешним миром, включая интеллектуальные системы и нейронные сети, возводит переводчика в более высокий ранг интегрированного взаимодействия с переводческими технологиями. Он не просто их использует, а обучает, подстраивая под себя, создавая тем самым индивидуализированную технологическую

реальность, которая выстраивается постепенно, аккумулируя переводческий опыт и знания человека, выполняющего переводческие задания. Соответственно, эффективность подобной интегрированной реальности во многом зависит от самого переводчика и созданного им переводческого пространства.

Список источников

1. Коканова Е. С., Пак Н. С. Когнитивный подход в исследовании постредактирования машинного перевода // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 346—351.
2. Котенко В. В. Перспективы развития нейронного машинного перевода в контексте концепции открытого образования // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2020. № 4 (182). С. 225—231.
3. Митренина О. В. Назад, в 47-й: к 70-летию машинного перевода как научного направления // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 3. С. 5—12.
4. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической: пер. с нем. М.: Р. Валент, 2015. 512 с.
5. Раренко М. Б. Машинный перевод: от перевода «по правилам» к нейронному переводу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6: Языкознание: рефератив. журн. 2021. № 3. С. 70—79.
6. Сафина Д. Р., Камаев Р. Р. Использование искусственных нейронных сетей в современном машинном переводе // Информационные технологии в исследовательском пространстве разноструктурных языков: сб. тр. конф. Казань, 2017. С. 70—72.
7. Серебрякова С. В., Милостивая А. И. Ситуативно-когнитивный подход в переводоведении: истоки и эвристический потенциал // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2021. Т. 20, № 3. С. 18—28.
8. Фарман И. П. Конструктивизм как метод и социально-культурная практика // Конструктивизм в теории познания. М.: ИФРАН, 2008. С. 88—116.
9. Clark A., Chalmers D. The Extended Mind // *Analysis*. 1998. No. 1. P. 7—19.
10. D'Angelo G. Cognitive Distributed Application Area Networks // *Security and Resilience in Intelligent Data-Centric Systems and Communication Networks* / ed. by M. Ficco, F. Palmieri. Elsevier Inc., 2018. P. 194—200.
11. DePalma D. A. Augmented Translation Powers up Language Services. URL: <https://csa-research.com/Blogs-Events/Blog/Augmented-Translation-Powers-up-Language-Services> (дата обращения 17.03.2022).
12. Garcia I. Is Machine Translation Ready yet? // *Target*. 2010. No. 22 (1). P. 7—21.
13. Hutchins E. *Cognition in the Wild*. Cambridge, 1995. 395 p.
14. McNeese M. D. Distributed Team Cognition. Integration, Evolution, and Insight // *Foundations and Theoretical Perspectives of Distributed Team Cognition* / ed. by M. D. McNeese, E. Salas, M. R. Endsley. ImprintCRC Press, 2020. P. 1—23.
15. Visual Aspects of Intercultural Technical Communication: A Cognitive Scientific and Semiotic Point of View / H. Risku, A. Riegler, M. Peschl [et al.] // *Meta: Translators' Journal*. 2008. Vol. 53, no. 1. P. 154—166.
16. Risku H. Constructivist Consequences: Translation and Reality // *Understanding Representation in the Cognitive Sciences. Does Representation Need Reality?* York NY, etc.: Kluwer, 1999. P. 247—252.
17. Risku H. A cognitive scientific view on technical communication and translation: Do embodiment and situatedness really make a difference // *Target: International Journal of Translation Studies*. 2010. Vol. 22, no. 1. P. 94—111.

References

1. Kokanova ES, Pak NS. Cognitive Approach in the Study of Machine Translation Post-Editing. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive Studies of Language*. 2021;(3(46):346-351. (In Russ.).
2. Kotenko VV. Prospects for the development of neural machine translation in the context of the concept of open education. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta = Scientific notes of the University named after P. F. Lesgaft*. 2020;(4(182):225-231. (In Russ.).
3. Mitrenina OV. Back, in the 47th: to the 70th anniversary of machine translation as a scientific direction. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2017;(15(3):5-12. (In Russ.).
4. Prunch E. Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya. Ot yazykovoj asimmetrii k politicheskoj = Ways of development of Western translation studies. From linguistic asymmetry to political. Moscow: R.Valent; 2015. 512 p. (In Russ.).
5. Rarenko MB. Machine translation: from translation "according to the rules" to neural translation. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6. Yazykoznanie: Referativnyj zhurnal = Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics: Abstract Journal*. 2021;(3):70-79. (In Russ.).
6. Safina DR, Kamaev RR. Ispol'zovanie iskusstvennykh neyronnykh setey v sovremennom mashinnom perevode = The use of artificial neural networks in modern machine translation. In: *Informacionnye tekhnologii v issledovatel'skom prostranstve raznostrukturnykh yazykov = Information technologies in the research space of multi-structural languages*. Kazan; 2017. Pp. 70—72. (In Russ.).
7. Serebryakova SV, Milostivaya AI. Situational-cognitive approach in translation studies: origins and heuristic. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie = Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*. 2021;(20(3):18-28. (In Russ.).
8. Farman IP. Konstruktivizm kak metod i social'no-kul'turnaya praktika = Constructivism as a Method and Socio-Cultural Practice. In: *Konstruktivizm v teorii poznaniya = Constructivism in the Theory of Knowledge*. Moscow: IFRAN; 2008. Pp. 88—116. (In Russ.).
9. Clark A., Chalmers D. The Extended Mind. *Analysis*. 1998(1):7-19.
10. D'Angelo G. Cognitive Distributed Application Area Networks. In: Ficco M., Palmieri F. (eds.). *Security and Resilience in Intelligent Data-Centric Systems and Communication Networks*. Elsevier Inc.; 2018. Pp. 194—200.
11. DePalma DA. Augmented Translation Powers up Language Services. 2017. Available from: <https://csa-research.com/Blogs-Events/Blog/Augmented-Translation-Powers-up-Language-Services> (accessed 17.03.2022).
12. Garcia I. Is Machine Translation Ready yet? *Target*. 2010;(22(1):7-21.
13. Hutchins E. *Cognition in the Wild*. Cambridge; 1995. 395 p.
14. McNeese MD. Distributed Team Cognition. Integration, Evolution, and Insight. In: McNeese MD, Salas E, Endsley MR (eds.). *Foundations and Theoretical Perspectives of Distributed Team Cognition*. Imprint-CRC Press; 2020. Pp. 1—23.
15. Risku H, Riegler A, Peschl M [et al.]. Visual Aspects of Intercultural Technical Communication: A Cognitive Scientific and Semiotic Point of View. *Meta: Translators' Journal*. 2008;(53(1):154-166.
16. Risku H. Constructivist Consequences: Translation and Reality. In: *Understanding Representation in the Cognitive Sciences. Does Representation Need Reality?* York NY etc.: Kluwer; 1999. Pp. 247—252.
17. Risku H. A cognitive scientific view on technical communication and translation: Do embodiment and situatedness really make a difference. *Target: International Journal of Translation Studies*. 2010;(22(1):94-111.

Информация об авторах

И. Н. Ремхе — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода.

Л. А. Нefeldова — доктор филологических наук, профессор, декан факультета лингвистики и перевода.

Information about the authors

Irina N. Remkhe — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Translation.

Liliya A. Nefedova — Doctor of Philological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Linguistics and Translation.

Статья поступила в редакцию 19.01.2022; одобрена после рецензирования 07.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 19.01.2022; approved after reviewing 07.02.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Original article

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10316

IPSOCENTRISM, ALTEROCENTRISM, LINGUOCULTURAL TRANSFER IN TRANSLATION

Elena V. Shelestyuk¹, Evgeniya S. Yakovleva²

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹shelestiuk@yandex.ru

²evgenia.yakovleva2012@yandex.ru

Abstract. The article discusses the concepts of ipsocentrism and alterocentrism as psychological attitudes to one's own and foreign linguocultures, frequently underlying and determining the already well researched strategies of familiarization/defamiliarization, domestication/foreignization in interpreting. Then the article focuses on the psychological concept of linguocultural transfer, considering it in terms of the following oppositions: 1) local vs. total; 2) conscious vs. unconscious; 3) connected with deep vs. with surface structures of the original and translation; 4) related to the difference of genres and styles in different languages; 5) connected with the social statuses of the original and translation languages.

Keywords: linguocultural transfer, adaptation, lacuna, foreignization and domestication, familiarization and defamiliarization, ipsocentrism and alterocentrism, linguistic and cultural interference, surface and deep structures

For citation: Shelestyuk EV, Yakovleva ES. Ipsocentrism, alterocentrism, linguocultural transfer in translation. *Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(3(461)):115-130. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10316.*

Научная статья

УДК 81'25

ИПСОЦЕНТРИЗМ, АЛЬТЕРОЦЕНТРИЗМ, ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПЕРЕНОС В ПЕРЕВОДЕ

Елена Владимировна Шелестюк¹, Евгения Сергеевна Яковлева²

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹shelestiuk@yandex.ru

²evgenia.yakovleva2012@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются понятия ипсоцентризма и альтероцентризма как психологических установок к собственной и зарубежным лингвокультурам, часто лежащих в основе стратегий приближения/остранения, доместикации/форенизации в переводе и определяющих эти уже хорошо изученные стратегии. Акцентируется внимание на психологической концепции лингвокультурного переноса, который рассматривается с точки зрения следующих оппозиций: 1) локальный vs. тотальный; 2) сознательный vs. бессознательный; 3) связанный с глубинными или с поверхностными структурами оригинала и перевода; 4) связанный с различием жанров и стилей в разных языках; 5) связанный с социальным статусом языков оригинала и перевода.

Ключевые слова: лингвокультурный перенос, адаптация, лакуна, форенизация и доместикация, приближение и остранение, ипсоцентризм и альтероцентризм, языковая и культурная интерференция, поверхностные и глубинные структуры

Для цитирования: Shelestyuk E. V., Yakovleva E. S. Ipsocentrism, alterocentrism, linguocultural transfer in translation // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 115—130. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10316.

1. Introduction

The main objective of the article is to point out the psychological reasons for the strategies used in interpreting/translation. We arrive at such psychological

concepts as alterocentrism/ipsocentrism and linguocultural transfer. In Sections 2-3 the paper describes some strategies (domestication/foreignization, familiarization/defamiliarization) and techniques of adaptation resultant from cultural differences and, particularly, the psychological attitudes of ipsocentrism and

alterocentrism on the part of the reader. The reader is reminded of the problem of the untranslatability of texts created in different languages that arises because of the lacunar differences of linguocultures, and of adaptation as the method used to overcome the lacunarity of text. In Section 4, linguocultural transfer is described from the point of view of the aforementioned translation strategies and the following five oppositions: (1) local vs. holistic; (2) unconscious vs. conscious; (3) deep-structure vs. surface-structure; (4) related to the difference of genres and styles in different languages; (5) related to the difference of statuses of the language of the original and the translation. In Conclusion and Implication, the author makes a general observation on the (negative) role of globalization in making English the dominant code and, therefore, affecting the quality of interpreting/translation when English is either the source or the target language. As the best strategy, balanced adaptation, implying a constant shift from closeness to a foreign environment to closeness to a native one, is named. However, psychologically, ipsocentrism, the focus one's own national culture rather than the Global English culture, is preferred because of the inequality of cultural statuses. More than to "hear" the Global English culture it is necessary for a national culture to be "heard" veraciously, without any serious linguocultural changes.

2. Literature review

From the cultural perspective, scholars distinguish between two interpreting strategies: domestication (adaptation according to the norms of a domestic culture) and foreignization (adaptation according to the norms of a foreign culture) [30; 24]. As a golden mean between the two, traditionalist translation scholars recognize the strategy of balanced adaptation as a factor facilitating the pleasurable ("fluent, smooth") perception of a translated text. L. S. Barkhudarov, V. N. Komissarov, A. D. Schweitzer and others recognize the inevitability of the "smoothing out" of rough, jarring sounding of close-to-literal translation, facilitating readability of a resultant text. The domestication strategy is still largely observed in the Western world when translating from Eastern and other languages of the world (in this case the English linguocultural domestication is meant). Yet there is a growing understanding that domestication detracts from the quality of translation, makes it culturally distorted and is bound to become a thing of the past — used in interpreting practices before the late 20th c. This is consonant with Susan Bassnett and André Lefevere's statement that "neither the word, nor the text, but the culture becomes the operational 'unit' of translation" [22. P. 123]. At present the English-language natural-

izing domestication of national/ethnic texts becomes less frequent, but there appeared a more sophisticated type of it, allowing for the omission of national/ethnic realia, nondisclosure of extralinguistic cultural messages. Some scholars establish a scientific rationale for this. The skopos theories (Ch. Reiss, H. Vermeer, Ch. Nord) support the unlimited adaptation of an original text to particular needs, its free handling dependent on particular functions in a target culture. This approach is ipsocentric (Lat. ipse "he, himself, self"), the attitude to one's own culture as dominant and thence adapting an original foreign text to the target home culture dependent on this or that function the former performs in it.

Foreignization implying preservation of specificity of national/ethnic texts while translating them into major Western languages, including English, is supported by cultural translation theorists [23; 27 31; 31; and others], who advocate the foreign sounding of a resultant text and condemn the smoothness/readability strategy. They also urge the interpreter to show strong presence in a text in the form of their name, foreword, explanations, commentaries and so on. Following this line, foreignization is becoming a growing trend, complete with transliteration of original names of realia, calquing (word-for-word translation) of phraseology and cultural quotes, and even tending to retain original syntactic structures of national/ethnic languages while translating them into, say, English. We agree that foreignization of translated texts for dominant-language receivers (and simultaneously, their domestication for these texts originators) is absolutely topical for national and ethnic cultures who seek to be heard and read in the English-speaking world authentically at their face value, without additions, omissions or changes. National/ethnic cultures can well do it through interpreting their texts into accepted languages of intercultural communication, including English, using their native linguocultural units and linguistic patterns. However, more frequently — and deplorably — foreignization becomes widespread for translations from English into national/ethnic languages. This is so because English is the main language of global media and international communication and Anglo-American linguoculture claims to be the major global linguoculture. Anglicization of translated texts is observed across the board in journalism and media, popular science and culture. Interpreters and translators often do not bother even to shift scripts (e. g. from Latin to Cyrillic) when rendering realia, names, idioms, etc. from English into native languages. They can also freely transliterate realia, idioms, etc., invent new English-based words, translate word-for-word introducing English syntactic and morphological patterns to national/ethnic lan-

guages. We regard this particular development (the Anglicization strategy in English-native translations) as harmful, because it can account for the levelling out of people's conceptual apparatuses and modes of thinking according to native English-speakers' models. There is a constraint on foreignization (the strange, foreign sounding of the translation), though. It is the pleasure of reading, that is the main purpose of and reason for any reading procedure. A reader will not read a text willingly if they do not feel any pleasure from it — unless they have some specific purpose, e. g. a scholastic study or analysis of a text. Excessive roughness, "sharp edges", jarring foreignness can impede the reading, indispose for it, and make both the content and the implications of a text incomprehensible. More often than not a reader likes to be enchanted by reading rather than challenged by it! This is why balanced adaptation, implying moderate changes in the word-for-word to ensure the text "fluency", euphony, readability and pleasantness of reading are significant.

3. Methods

The methods employed by us are definitional and comparative-contrastive.

First of all we would like to clarify the terms used to describe the methodological strategies of translation and psychological attitudes of interpreters to the linguocultures they handle, thus the first method we apply to the above exposition is terminological.

The terms foreignization and domestication are converse, they may reverse provided from what side/party you view them: for the source linguoculture a translation may appear foreignized, and for the target (receiving) linguoculture — domesticated and vice versa. Thus the activity of the interpreter may be viewed as equivocal: for one culture one and the same translation reveals domestication, for the other — foreignization. Familiarization and defamiliarization — the terms introduced by the Soviet writer and literary critic Viktor Shklovsky — accurately and unambiguously express the ideas of adaptation and lack of adaptation in translation/interpreting. The terms familiarization and defamiliarization do not concern the two cultures, but, more precisely, the interpreter's treatment of a text on behalf of the target (receiving) culture.

Familiarization means: 1) minimization of the strangeness of a foreign text for the readers; 2) removal of culture specific units from the resultant text or their substitution with "functional substitutes" of the target culture, accommodation of syntax according to the patterns of the target culture, 3) exposition of the meanings of realia in a half-concealed, unobtrusive way, the "invisible translator", 4) maintenance of a clear,

native-sounding, fluent, readable style, 5) adherence to the conventions and stylistic canons of a target language, change of register, if there is a difference with the source language.

Defamiliarization means: 1) preservation of the strangeness of a foreign text for the readers; 2) retention of culture specific units of a foreign culture, their transliteration, frequently — preservation of the script of the original (e. g. Latin), genuine anthroponyms and toponyms, names of realia, word-for-word translation of idioms, proverbs, turns of speech, and even syntactic patterns, 3) exposition of the meanings of realia in a noticeable way (footnotes, endnotes, commentaries), the "visible translator", or else absence of any exposition, taking the readers' knowledge of foreign realia "for granted", 4) maintenance of "sharp edges" of a foreign text, its jarring sounding, paying little attention to readability, 5) production of a text "which deliberately breaks target conventions by retaining something of the foreignness of the original" [29. P. 59].

There are constraints on familiarization and defamiliarization — the native and foreign sounding of the translation.

In familiarization it is *production of a false picture of the world*, lack of trueness to life, beguiling the reader by the false image of another culture and cultural-anthropological types, a kind of "wishful thinking".

In defamiliarization it is *detracting from the pleasure of reading*, which is the main purpose of and reason for any reading procedure. A reader will not read a text willingly if they do not feel any pleasure from it — unless they have some specific purpose, e. g. a scholastic study or analysis of a text. Excessive roughness, "sharp edges", jarring foreignness can impede the reading, indispose for it, and make both the content and the implications of a text incomprehensible. More often than not a reader likes to be enchanted by reading rather than challenged by it! This is why balanced adaptation, implying moderate changes in the word-for-word to ensure the text "fluency", euphony, readability and pleasantness of reading, is significant.

Close to the above-mentioned dichotomies of strategies (foreignization/domestication, familiarization/defamiliarization), but not identical with them because of the psychological, rather than translation-methodological quality, is the dichotomy *ipsocentrism* (Lat. ipse "he, himself, self") — *alterocentrism* (Lat. alius "other, different").

Ipsocentrism is an attitude placing one's own culture in the center of one's outlook and viewing another culture (or other cultures) from the standpoint of one's own culture, from the internal perspective. It prompts an adaptation of a foreign text to a native

culture dependent on a particular function this text performs in it and preserving an original native text as close to its form and content as possible while translating it into a foreign language.

Alterocentrism is an attitude placing a foreign culture in the center of one's outlook and viewing one's own culture from the external perspective. Alterocentrism prompts preservation of a strange cultural and even linguistic ring of a foreign text, little attention being paid to the reduction of its foreignness for native readers. And vice versa, while translating a native text into a foreign language, this approach prompts making this text more readable and customary for foreigners, allows for omissions and substitutions of native realia.

The dichotomy ipsocentrism — alterocentrism reflects interpreters' psychological preferences of native or foreign linguocultures, their perception of these cultures as dominant or subordinate. Dominance is sensed subconsciously, and it is by far not necessarily one's own, "ipso" culture. Dominant cultures and languages are mostly derived from the economic and (geo)political dominance of their peoples¹.

Both familiarization and defamiliarization can be ipsocentric. Ipsocentric interpreter is focused on a native culture and when they translate a foreign text into a native language, they adapt it, make it familiar for native readers. Ipsocentric interpreter is focused on a native culture and when they translate a native text into a foreign language, they translate it as it is, hardly adapting it, defamiliarizing it for foreign readers.

Also, both familiarization and defamiliarization can be alterocentric. Alterocentric interpreter is focused on a foreign culture, and they translate a native text into a foreign language adapting it to a foreign culture, making it familiar for foreign readers. Alterocentric interpreter is focused on a foreign culture, and they translate a foreign text into a native language as it is, defamiliarizing it for native readers, rather than adapting it.

The best strategy of interpreting appears to be neither pure familiarization, nor pure defamiliarization, but *balanced adaptation*, a continual shift from closeness to the original to adaptation depending on the requirements of a situation and linguistic similarities/differences. Within balanced adaptation there may be some gradations of trueness to the original. Adaptation calls forth the necessity of ensuring *fluency*, i. e. natural sounding and easy readability by adhering to

¹ With that, dominant languages and cultures frequently disguise as universal, "global", "world" (cf. global English, world English), remaining native for the Inner Circle of its speakers and based on this people's history, culture, and mentality.

current usage, maintaining continuous syntax, fixing a precise meaning.

Fluency is highly criticized by the cultural and social translation critics² when applied to National/Ethnic > English translations as a tool to blur cultural differences, attribute Anglo-American values and implications to the translated world literature. We agree that defamiliarization, distinct foreign sounding should be the major strategy for National/Ethnic > English translations. Yet familiarization and fluency are preferable for English > National/Ethnic translations to avoid the levelling out of conceptual apparatuses and modes of thinking, to preserve cultural diversity and national identities.

In the study of balanced adaptation the most suitable method in our view is the comparative-contrastive analysis of original texts and their translations. We will apply it henceforth and later in our discussion of the linguocultural transfer.

Balanced adaptation ensures fluency of the translated text and at the same time preserves its necessary and sufficient foreignness. It is based on several principles.

- 1) smoothing of foreign sounding, creating euphony, harmony, readability;
- 2) rhythmization;
- 3) "rationalization" of syntax, providing its natural sounding and logic, permutations, expansions, reductions;
- 4) refinement or downgrading, simplification or complication of style dependent on stylistic canons of the target (receiving) culture;
- 5) euphemization, censoring dependent on stylistic canons of the target (receiving) culture;

² "By routinely translating large numbers of the most varied English-language books, foreign publishers have exploited the global drift toward American political and economic hegemony in the postwar period, actively supporting the international expansion of Anglo-American culture. This trend has been reinforced by English-language book imports: the range of foreign countries receiving these books and the various categories into which the books fall show not only the worldwide reach of English, but the depth of its presence in foreign cultures, circulating through the school, the library, the bookstore, determining diverse areas, disciplines, and constituencies — academic and religious, literary and technical, elite and popular, adult and child... British and American publishing, in turn, has reaped the financial benefits of successfully imposing Anglo-American cultural values on a vast foreign readership, while producing cultures in the United Kingdom and the United States that are aggressively monolingual, *unreceptive to the foreign, accustomed to fluent translations that invisibly inscribe foreign texts with English-language values and provide readers with the narcissistic experience of recognizing their own culture in a cultural other*" (emphasis added, E. Shelestyuk) [30. P. 15].

- 6) decrease or increase in expressiveness, idiomaticity;
- 7) accentuation and leveling of meanings;
- 8) explication of meanings or taking them into subtext;
- 9) preservation, with permissible changes, of the conceptual semiotic model of the original.

If we view the *lexis* as the most important part of the language, it reveals five basic techniques of balanced adaptation:

- 1) removal of lacunae, omission of untranslatable text units, if they are immaterial for the understanding of a text, distracting the reader's attention from the main ideas. Albrecht Neubert's example: I came to Warley on a wet September morning with the sky the gray of Guiseley sandstone. — В Уорли я приехал дождливым сентябрьским утром. Небо казалось высеченным из серого песчаника. (= The sky seemed carved out of gray sandstone.);
- 2) explication — explanations of the implicit meaning of cultural realia. These are best made as brief intratextual commentaries and rarely as footnotes or endnotes. E.g. It was Friday. So they will soon go out and get drunk (J. Brain). — Была пятница, день полочки. Скоро они пойдут в пабы и напьются. (It was Friday, the day of pay. Soon they will go to pubs and get drunk.);
- 3) functional substitutes, naming lacunae by names of similar realia of the target language or stylistically relevant language/speech units. E.g. You could tell he was very ashamed of his parents and all, because they said "he do not" and "she do not" and stuff like that... (J. Salinger) — Сразу было видно, что он стесняется своих родителей, потому что они говорили "хочут" и "хочете", и все в таком роде. (It was clear that he was ashamed of his parents, because they spoke ungrammatically — "hochut" and "hochete" and stuff like that.);
- 4) calquing, transcription, transliteration and other means of formal adaptation, often with a short explication (for example, Knitters' Frolic — "Проделки вязальщиков", фестиваль вязальщиков в Торонто, выставка-продажа и семинары для мастеров и начинающих) ("Prodelki vyzal'shchikov" — festival of knitters in Toronto, exhibition, sale and master classes for beginners). These translations are applicable to all "onym lexicon", proper names, largely to names of realia, sometimes to idioms, etc.;
- 5) generalization or metonymic translation of lacunar realia. For example, She was what was

called the Walmart mom. — Она типичная мама семьи с достатком ниже среднего, закупающаяся в сетевых гипермаркетах (= mother of a lower-income family shopping in chain stores); I got all dressed and then I packed the two Gladstones I have. — Я оделся, потом сложил оба свои чемодана (= suitcases); The integration plan may include a specific on-the-job training period. — Схема интеграции может включать специальную стажировку без отрыва от производства = on-the-job internship.

The first case of handling lacunae can be called neutralization of realia and the four others are the actual pragmatic adaptation options.

4. Results and discussion

At the core of adaptation lies the phenomenon of *linguocultural transfer* (LT), that is the transfer of interpreter's cultural background knowledge (presuppositions) to the message of an original text prompting a certain interpretation and prioritizing a particular strategy of translation. Linguocultural transfer accounts for the interpreter's inevitable bias (varying in degrees with different translators), reflecting their presuppositions about their native language and a foreign language, respective cultures, a given text, its meanings, its author, recipients' background, etc.

If we talk about the transfer as such, it is ontologically a mental phenomenon. The concept of transfer (*Übertragung*) was introduced by Freud to refer to individual projections of an individual's subjective evaluations and illusions from the world of feelings to the outside world. C. G. Jung connected this phenomenon with the extrapolation of archetypes, symbolic images to objects of reality, or vice versa the interpolation of these objects to one's archetypes. Jung's concept of transfer is associated with archetypes, universal congenital protoimages of the unconscious, the analogy of which are found in alchemical symbols, mythology, art, etc. However, a transfer to newly conceptualized and categorized objects is not only triggered by inborn archetypes, but also by cultural stereotypes — conceptual and behavioral structures, acquired through interaction within sociocultural environment and language.

In describing the manifestations of the linguocultural transfer, in our opinion, the transformational model of translation has large explanatory power [1]. According to it, the translator must deal with the surface structures of an original text, which are rendered using equivalent structures of the language of translation, and with deep structures of the original, which are interpreted and rendered with the help of the deep structures of the host linguoculture. It should be noted

that our understanding of deep structures is psycholinguistic, rather than generative linguistic. By deep structures, we understand the image-verbal complexes, triggered off by thought of the speech producer and by the words heard or read by the speech perceiver. By surface structures, syntactic-semantic complexes are meant.

The linguocultural transfer reveals a number of oppositions, among which the most important are 1) local vs. holistic; 2) unconscious vs. conscious; 3) deep-structure vs. surface-structure; 4) related to the difference of genres and styles in different languages; 5) related to the difference of statuses of the language of the original and the translation. We will describe this phenomenon in terms of these oppositions.

***First opposition:
Local vs. holistic LT***

Local LT means the compensation in translation, when lacunar realia of an original are substituted for by their approximate counterparts in a host linguoculture; or when untranslatable imagery (metaphors, similes, etc.), idioms, comic elements (e. g. puns), idiolect features and other peculiarities are replaced with units of a host linguoculture. Holistic LT means the change of whole conceptual structures of an original, its complete adaptation to the host linguoculture.

Here are some more examples of local LT: He plied her with scones and jam (J. Galsworthy) — Он угощал ее оладьями с вареньем (literally, He treated her to pancakes with home-made jam) (translated by N. Volpin). I did not have a date or anything, so I and this friend of mine, Mal Brossard, that was on the wrestling team, decided we'd take a bus into Agerstown and have a hamburger and maybe see a lousy movie (J. Salinger). — Делать мне было нечего, и мы с моим приятелем, с Мэлом Броссаром из команды борцов, решили поехать на автобусе в Эгерстаун съесть по котлете, а может быть, и посмотреть какой-нибудь дурацкий фильм (literally, I had nothing to do, and we are with my buddy, Mel Brossard of the wrestling team, decided to go to Agerstown on a bus to eat a couple of cutlets, and perhaps watch a stupid movie) (translated by R. Rait-Kovaleva). She said maybe she'd eat a cheeseburger later on. Just what is this cheeseburger business? From what I gather, she's practically been living on cheeseburgers and Cokes all semester so far... Christ lived on cheeseburgers and Cokes. For all we know, he probably fed the mult — ... (J. Salinger) — Она сказала, что попозже, может, съест сырник. Но при чем тут сырники? Насколько я понимаю, она и так весь семестр питалась сырниками и кока-колой. ... Христос питался сырниками

и кока-колой. Как знать, может, он и толпы кормил (literally, She said that later she can eat a cream cheese fritter. But what's in the cheese fritters? As I understand it, she ate them an entire semester and drank Coca-Cola. ... Christ ate them too. Who knows, maybe he fed the crowds with them...) (translated by M. Kovaleva).

It should be noted that the Soviet contemporaries of translators R. Rait-Kovaleva and M. Kovaleva in the 1960s had no idea of the American catering and the assortment of McDonald's, while cheese fritters and cutlets were the usual food of Soviet schoolchildren. Therefore, such an interpreting solution, which did not distract the reader's attention to minor details from the main sense, was understandable.

Another example is the translation from Russian into English. Молдаванка шла толпами, как будто во дворе у Криков были перекидки (Moldavanka came in droves, as if there were perekidki in the courtyard of the Kriks) (Isaac Babel, *Odessa Stories*), the subsequent context — "People sat in the garden and took the treat"). The Moldavanka was arriving in droves, as if a wake were being held in the Kriks' yard. The translation of the polysemous Odessa word "perekidki" — "fair, circus, noise, domestic altercation; a type of attraction at a fair" is made using the word "wake" in its religious meaning — "vigil on the eve of a local feast." This word actualizes the meaning of spectacle, sacred ritual, but ignores the meanings of fair, bustle, and domestic altercation.

Compensation of imagery: Snail, snail, glister me forward, / Bird, soft-sigh me home, / Worm, be with me (Th. Roethke). — Несите ж домой меня, ты, переливчатая улитка, / и птица, взмах крыльев которой легок, как вздох, / и червь дождевой (Take me home, you, iridescent snail / and bird whose flap is as light as a sigh / and rainworm). The verb metonymies "glister" and "soft-sigh", formed by the conversion of nouns, are characteristic of English, but are lacking in Russian, which causes certain difficulties in translation. In our example, the imagery created by these metonymies is offset by an expressive epithet and a simile.

Compensation may be associated not only with the replacement of lacunar realia and transformation of imagery, but also with the replacement of conceptual structures of an original by conceptual structures of a target linguistic culture. This means a different interpretation of a literary work, whereby translation appears different from the original in its implications and inferences.

For example, in J. Brain's novel "Place at the top" a character, contemptuously describing the appearance

of a young man from the bottom, says that he had “the face behind the requests on Forces Favourites”, i. e. face of a person who sends applications to perform in a concert on the radio for the military. As explained by V. N. Komissarov, this situation is unlikely to be accepted by a Russian reader as a pejorative characterization. Therefore, translators (T. Kudryavtseva and T. Ozerskaya) chose to establish the equivalence with a completely different situation, he had “such a face that you can see on posters” [8].

As an example of a holistic conceptual re-interpretation (transfer on text-level) let us cite V. N. Toporov’s interpretation of the second part of W. H. Auden’s “In Memory of W. B. Yeats”, in which there are paraphrased images that do not fit into Auden’s conceptual construal [9]. It is most evident in the actualization of such concepts, typical of the Russian outlook, as Родина (Motherland), отчие места (places of forefathers), держава (Power, Empire, Sway), державный (Sovereign) — instead of the neutral “Ireland”, “valley”, “ranches” in the original. The introduction in the translation of such culturally and emotionally loaded and symbolic concepts results in a conceptual discord between the two texts. The same translation manifests marked stylistic and ideological substitutions: instead of the neutral “Ireland” the lofty archaic “Eire” is used; instead of “executives / would never want to tamper” — “where no one of the main titles bow their heads”, reflecting the substitution of colonial realities with imperial ones and the substitution of pragmatics of reluctance with pragmatics of impossibility, etc. We can say that all aspects of the above-mentioned transfer: conceptual, stylistic, ideological — entail a significant transformation of the deep structures of the original.

Second opposition: Conscious vs. unconscious LT

The transfer may occur if a translator is influenced by their presuppositions, background knowledge and the strategies of “smoothing out” a text for the sake of readability and fluency, in this case we may speak of unconscious linguocultural transfer. Unconscious, unintentional LT may cause inadequate translation.

There is also conscious, deliberate adaptation when units of a text are offset by corresponding quasi-equivalents in a target language with the inevitable transformation of meanings. a translator may also be guided by his own specific intentions, by his individual “interpretation super-task”.

Let us consider a few examples. a translation, leading to a change in the conceptual and interpretive structures of the original, is Heinrich Heine’s *Ein Fichtenbaum steht einsam* — the story of a pine and a palm

tree in the presentation of Mikhail Lermontov. According to literary theoretician I. S. Chistova, “Lermontov made no reckoning of the grammatical gender distinctions: in German *pine* is masculine and *palm tree* — feminine. So his poem is not about separation of lovers, like Heine’s, but about the tragedy of loneliness, about irreversible separateness of people” [4]. We believe this is one of the cases of an unintentional re-interpretation, based initially on the unconscious transfer of Lermontov’s own mental image to the poem.

As another example of an unconscious linguocultural transfer we will cite the transformation of the image of Yossarian, the hero of the novel “Catch-22” by Joseph Heller — a cowardly crew member of a World War II bomber, made by translators M. Vilensky and V. Titov. The translators strengthened the negative and expressive connotations related to the description of the hero. Thus they used “окончательно потерял мужество” (“he lost the rags of his courage”) to render “he lost his nerve”; “душа ушла в пятки”, “в ужасе взмолился” (“his soul was at his heel”, “he begged in terror”) to render “he was unnerved”; “он почувствовал, как к сердцу подступает страх” (“he felt fear creeping into his heart”) to render “in incipient panic”; “спасать свою шкуру” (“to save his own skin”) when it comes to struggle for life. The reason for the change of Yossarian’s image lies in the translators’ linguocultural transfer: they perceive the struggle against fascism as an overall heroic deed and condemn even the slightest signs of cowardice during the war, accordingly, they impose negative moral evaluation on any signs of it.

M. Lorie, translation theoretician, notes: “Yes, in our view, Yossarian is not a decent man. He gets drunk and is given to rowdy debauchery, he is no better than others when placed on furlough in Rome and then at the base. He is not full of high patriotism and noble thoughts about the need to rid the world of fascism. But I think you cannot judge him by our yardstick. ...Heller’s novel is an anthology, which, even with grotesque exaggerations, shows what American generals and colonels behave at war, how the unlimited power, which is given them by the army hierarchy of command, awakens in them the worst instincts — greed, cruelty. And here in front of us is the hero, who really does not want to die in this ‘vile and muddy war’ (this characteristic of war as perceived by Yossarian was altogether left out in translation)” [10].

Another bright example of linguocultural transfer (this time apparently conscious) is a translation of Eleanor Porter’s “Pollyanna”. There are in fact four translations of this novel into Russian: by B. Zakhoder, A. Ivanov & A. Ustinova, E. Yanovskaya and

M. Batisheva — each remarkable for a special idiom and some cases of linguocultural transfer. The most peculiar of them, by talented Boris Zakhoder, is marked by the specific Soviet pathos of proletarian solidarity with the oppressed and exploited, whereas in the original and most of other translations this sentiment is absent or blurred. The scene of Miss Polly telling off Nancy, a kitchen maid, is interpreted by B. Zakhoder with a clear moral denunciation of the mistress (See the Table below).

Perhaps even more frequently linguocultural transfer is observed in translations of Russian literature by English-speaking translators, in what R. Hingley called “the kind of unthinking “translationese” which has so often in the past imparted to translated Russian literature a distinctive, somehow doughy, style of its own with little relation to anything present in the original Russian” [26], quoted in Venuti (1995) [30. P. 4]. Examples of this phenomenon are well demonstrated in the translation theory of K. I. Chukovsky. For example, Chukovsky criticizes instances of emasculation of imagery and neutralization of style that can be found in B. G. Guerney’s translation of Gogol’s works: “Mr. Guerney wraps the laconic proverbial phrases with such a lean but heavy crochet... He deprives them (idiomatic phrases) of all semblance of wingedness. Is it hardly surprising that when reading such a translation, foreigners, much as they would like to, cannot understand why Russian people consider this dull author one of the greatest humorists that existed in Russia, why “The Inspector” is perceived not as a historical mon-

ument, but as a living work of art” [16]. Overlooking stylistic diversity, inadequate rendering of realia/idioms, nearly literal translation even of poetry can often be observed in English translations of Russian literature, it may be attributed to overlooking the balance, to either inappropriate familiarization in the case of prose or queer defamiliarization in the case of poetry used by British and American literary translators.

To date, we note as a trend that in translations of national translators their national cultural and ideological ipsocentrism has been replaced by the cultural and ideological alterocentrism of Global English. And for English-speaking translators, the English national cultural and ideological ipsocentrism has remained unchanged. The ideal situation, in our opinion, would be such an interpreting attitude, when national translators adhere to their national ipsocentrism, and the English-speaking translators of the countries of the Inner Circle — to alterocentrism (also see The Fifth Opposition, Conclusion and Implication).

Third opposition:

LT of deep structures vs. LT of surface structures

On the one hand, the rules of interpreting stipulate that the linguocultural transfers of deep structures, i. e. verbal-image conceptual frames, should preponderate over the literal translation; thus images and concepts of reality of a source linguoculture are rendered with their correlates in a target linguoculture. On the other hand, many types of translation require transfers of surface structures from original to translated texts —

Original in English	B. Zakhoder’s interpretation into Russian	Re-translated into English
<p>Miss Polly Harrington entered her kitchen a little hurriedly this June morning. Miss Polly did not usually make hurried movements; she specially prided herself on her repose of manner. But to-day she was hurrying — actually hurrying... “Nancy!” “Yes, ma’am.” Nancy answered cheerfully, but she still continued wiping the pitcher in her hand. “Nancy,” — Miss Polly’s voice was very stern now — “when I’m talking to you, I wish you to stop your work and listen to what I have to say.”... “That will do, Nancy. I did not ask for explanations. I asked for your attention”</p>	<p>Походку мисс Полли Харрингтон отличала горделивая неторопливость. Как и подобает уважающей себя хозяйке. Но этим июньским утром — небывалое дело! — мисс Полли влетела в кухню как ракета. Если не сказать, как фурия... — Эй, Нэнси! — Да, мэм? — робко отозвалась девушка, поднимая глаза на госпожу и продолжая протирать кувшин тряпкой. — Сколько раз повторять, — раздраженно сказала мисс Полли, — когда к тебе обращаются, не хлюпай тряпкой, а слушай, что тебе говорят!.. — Поговори еще! Мне твоих объяснений не требуется. Ты должна молчать и слушать</p>	<p>Miss Polly Harrington’s gait was distinguished by proud unhurriedness. As befits any self-respecting mistress. But this June morning — an unprecedented thing! Miss Polly flew into the kitchen like a rocket. If not to say, like a fury. — Hey, Nancy! — Yes, ma’am? — the girl responded timidly, raising his eyes to the Mistress and continuing to wipe the pitcher with a rag. — How many times should I repeat, — Miss Polly said irritably — when someone speaks to you, don’t squish with a rag, but listen to what they say to you!.. — Keep talking and... I don’t need your explanations. You must be silent and listen</p>

words, phrases and turns of speech of are translated nearly word for word, unadapted to the target language linguistic norms. This particularly concerns simultaneous interpretation as well as translation of contracts, agreements and official documents. In consecutive interpreting and most written translations of non-rigid structure texts transfers of surface structures from original to translated texts (word-for-word translations) are best avoided.

Let us focus on the faulty surface structures handling in translation/interpreting. It may manifest itself either in circumlocutional explanatory verbiage or literalism. Novice translators often have the unconscious intention of expressing a rendered idea in the best possible way, they resort to explanatory verbiage and use excessively complex turns of speech. On the other hand, the stiffness of a novice translator, their inability to switch codes or their excessive desire for accuracy often leads to literalism.

— Circumlocutional verbiage. For example, the phrase “What do they want to see me about?” instead of a short “Зачем я им понадобился?” is translated as “Что они хотят — увидеть и убедиться, что у меня все в порядке?” (“What do they want — to see me and to make sure that I am in order?”).

— Literalism, word-for-word translation. For example, the phrase “It is absolutely necessary to avoid the technique of keeping this pedal constantly pressed” was translated as the literal and incongruent “Следует абсолютно избегать техники держать постоянно нажатой эту педаль” instead of the adequate “Не следует постоянно нажимать на эту педаль”; “This disease can be cured and most people recover quickly” was translated as the literal “Эта болезнь может быть излечена, и большинство людей выздоравливают быстро” instead of the adequate “Болезнь излечима, улучшение обычно наступает быстро” (“The disease is curable, improvement usually occurs fast”).

In the Soviet times, the basic rule was to translate as accurately as possible, to preserve the “foreign coloring”, combined with neutralization or moderate adaptation of less important cultural lacunae, so as not to distract readers’ attention from the main message of the text. This requirement is emphasized by such Russian classics of the theory and practice of translation as Y. M. Lotman, E. G. Etkind, M. L. Gasparov, A. B. Fedorov, A. D. Schweitzer and others. M. L. Gasparov expressed this idea concisely and clearly: an interpretation must fit into a stylistic perspective of native literature [6].

In the 21st c., a departure from the classical rule of translation and interpreting began. The use of transformations has been reduced, while the percentage of transliteration and calquing, word-for-word translation has significantly increased. That is to say, in English > Other-Languages translations (not in Other-Languages > English translations!) defamiliarization has begun to prevail over familiarization. This trend above all reflects the worldwide domination of the English language, the growing incursion of English cultural-ideological clichés into other cultures and languages, and the convergence of their verbal expression under the dominance of the English-speaking linguoculture. It also reflects such objective things as the massive flow of information, necessity for speed in its transmission and processing, and deprofessionalization of translation.

Since most information on the Internet and in other domains takes place in English, there appeared the predominance of English deep and surface structures. It can also be illustrated by the anglicized dubbing of movies. An advocate of close-to-literal translation of film texts, Russian interpreter Dmitry Puchkov (Goblin) renders them with maximum authenticity, character’s dialogues in his translations are replicas of original dialogues, including profanities. Some translators criticize this not euphemistic rendering of English originals. In response, he indicates the inaccuracy, inauthenticity of the official dubbed versions; so comparing his translation of the film *Snatch* with the official Russian dubbing, he remarks: “Their translation has all that it should have... They observe the lexis and rhythm impeccably. No matter how irrelevantly the heroes talk, they do it so rhythmically. They have even translated Gypsy Mickey’s passages. In the original his speech is hardly comprehensible, and in translation he utters words absolutely distinctly” [12].

So, on the one hand, defamiliarization may detract from fluency for Russian readers, besides the idiolects of heroes with lots of slang and rude jokes are untypical of the Russian cultural tradition of censorship and neutralization of low-register language. It relates to the fact that the perception threshold of lower registers and simplistic modes by Russians is low, it is limited to exclusive, marked use. On the other hand, the euphemistic translation in official dubbings does not convey the specificity of the characters’ speech and significantly modifies the image of reality of the foreign linguoculture.

This dilemma is best solved by observing moderation, balanced adaptation, sometimes neutralization. There should be a continual shift from familiarization to defamiliarization, ensuring trueness to the original and general observation of the canons of recipients’ style.

The interference of surface structures is also found in translations of interpreters who lost touch with current language forms. The translation theorist Y. Y. Yakhnina's in her article *Three Camus* criticizes the translator Georgy Adamovich's rendering of Albert Camus' *L'Étranger*. The main troubles with his interpretation are literalism, interference of the surface structures of the French original on the Russian translation, caused by the loss of touch with the live Russian speech¹. The critic points out a "naïve" vocabulary inconsistency and halting, stumbling rhythm. "Laconic modern phrasing is combined with old-fashioned inversions, colloquial speech is wedged in by obsolete words, and the text falls apart" [21].

Fourth opposition:

LT due to the difference of genres and styles in the source language and the target language

Undue transfer of characteristics of styles of a source language to a target language may be called *stylistic maladaptation*. It is also caused the translator's linguocultural transfer.

Before the late 20th c. the standard practice in interpreting was stylistic adaptation of the original to the norms and standards of a target linguoculture. Translators were subconsciously aware of the significant differences in correlate literary styles across languages and cultures, differences in norms and usual modes of expression.

Let us focus on important differences in Russian and English styles. The manuals and reference-books on styles, e. g. by William Strunk Jr., R. M. Gorrel, Ch. Laird, I. R. Galperin, A. D. Schweitzer, E. V. Breus, T. A. Kazakova and others attempted to bring to light patterns of stylistic expression. Based on these sources, we present below a few observations on the differences in journalistic (publicistic) style in Russian and English — which readily lend themselves to extension to science, official and belles-lettres styles.

Let us focus on Russian first. Throughout the Russian history of literature, communicative persuasiveness was achieved in accord with classical European canons: refined language, elevated tone of speech, rhetorical pathos. To create this stylistic effect, elevated bookish lexicon, Greek-Slavonic calques, Greek and Latin international lexis, words of French origin are used. In morphology and syntax compound words, adverbial prefix-suffixal formations, complex sentences, attribute and adverbial participial phrases are common.

The larger part of the Russian bookish vocabulary, pertinent in formal domains of speech, is formed by abstract

and generalized words, expressing abstract concepts that exist only in the mind: отношение "relation", сущность "essence", сфера "sphere", курс, направление "course", обеспечение "provision", осознание "consciousness", ухудшение "aggravation", ускорение "acceleration", облегчение "facilitation", задача "task", мера "measure", особенность "peculiarity", also spiritual-moral words such as духовный "spiritual", совесть "conscience", мудрость "wisdom", надежда "hope".

There is a nominal structure and organization of Russian written styles, *nomenocentrism* — a trend to substantivize, or objectify, actions and processes [3; 7]. Information is centered round the name, while verbs basically predicate it, relate a certain notion to reality. The consequence of this pattern is a large number of abstract deverbal nouns in the positions of the subject, object and adverbial modifier, e. g. осложнение, урегулирование, преодоление, усилие, возобновление, требование.

Abstract and deverbal nouns in Russian sentences often take the position of the subject, which generally contradicts the norms of the English journalistic style.

Genitive-case combinations of nouns, particularly, abstract ones are widespread in Russian (even more so than attributive combinations of the N+N type in English), e. g. оказание помощи, одержание победы, нанесение поражения, оказание влияния (услуги, давления), совершение преступления, произведение анализа, организация мероприятий, достижение результатов, созыв конференции, реализация программ, заключение договора, предоставление займа (независимости), возникновение опасности (войны), создание предприятий.

The general rule to translate Russian abstract/deverbal nouns and genitive combinations is to verbalize them, to make them into verbal phrases and sentences (since English is verbocentric, when describing processes it prefers verbs, and the use of the infinitive, participle, gerund is restricted by the rules of syntactic compatibility).

Verbal-nominal abstract clichés with the weakened meaning of the verb are common in Russian literary styles (оказывать содействие "render help"; оказывать сопротивление "offer resistance"; предоставлять поддержку "extend support"; принести благодарность "express gratitude"; возбуждать иск, подавать жалобу "lodge complaint", выражать удовлетворение "express satisfaction", находить применение "find employment"; принимать меры "take steps"). They are also recommended to be verbalized in Russian-English translations.

Along with abstract names, Russian journalese is characterized by a wide use of bookish verbs — bor-

¹ Adamovich lived abroad most of his life.

rowings and calques from the Greek and Latin languages: реализовывать(ся) “realize”, констатировать “constate”, гарантировать “guarantee”, обеспечивать “procure”, предназначать(ся) “design”, предусматривать “envisage”, посвящать “devote”, etc.

As for syntax, in Russian written styles long complex sentences, participial and adverbial phrases are normal, speech figures and emphatic constructions are common. The syntax of information materials is bookish with frequent use of complex sentences, participial and adverbial clauses. Complex sentences predominate over compound ones [7].

Typical of Russian is high frequency of complex denominative prepositions and conjunctions in all literary styles (nomenocentrism), while in English they are confined within the domain of officialese (в области; в сфере; на ниве; на поприще “in the field of”; насчет, в части, по поводу, в аспекте, в смысле, в отношении, по отношению, с точки зрения “as regards”; на основе, в контексте, с учетом, в свете, сквозь призму, ввиду “in the light of”; с намерением, с целью, с прицелом, в целях, с перспективой, с расчетом на, в надежде, в расчете на, на предмет, в рамках, для реализации “with a view to”, “for the purpose of”; в связи с, в части, касающейся, по вопросу, в применении к, по поводу, на фоне “in connection with”; посредством, в соответствии с, в силу, за счет, по причине, вследствие, согласно, на основании, опираясь, руководствуясь, благодаря “by virtue of”, в наличии, в отсутствие).

Theorist of interpreting T. A. Kazakova writes: “...Inherent in the Russian literary styles are many linguistic features that are not inherent in similar English domains. Appurtenance of a text to the high functional style imposes special requirements on an interpreter and influences the course and result of the translation process. A peculiar stylistic adaptation should take place: language means of the original are replaced by language means that meet the requirements of this style in the target language” [Ibid.].

Now let us focus on literary styles in English. In the Anglo-American historical development of literature the Puritan trend played a great role. Since the 17th c. in England matter-of-factness, austerity, and lack of pretence superseded the artificial rhetorical-stylistic ornateness and euphuism¹. So the English language solves the problem of expression in a different way than Russian: persuasiveness is achieved not through

¹ This revealed itself even more sharply later in the USA, cf. James Russell Lowell’s collection of objectionable meaning-adumbrating phrases like a great crowd — a vast concourse; came to see — was assembled to witness; great fire — disastrous conflagration, etc.

elevated tone and abstract concepts, but through a personal address to the recipient, to their reason and emotions. In the journalistic and stylistic methodology, pathos is castigated as artificial and officious. It is recommended to avoid bookish lexicon and turns of speech but use lexical units and expressions inherent in conversation — idioms, metaphors, phrasal verbs.

Less frequent than in Russian, is the occurrence of emotional expressive, abstract or “moralistic” words

Bookish and abstract words, for example, *essence, sphere, course, provision, consciousness, task, spiritual, conscience*, do not evoke in English-speaking recipients the elevated stylistic effect, they are perceived as too formal and abstract. The emphasis in English journalistic phraseology is on sensory perception, intimacy, emotional impact. This is achieved using short dynamic words of the Germanic origin, assimilated Romance words, idiomatic phrases, metaphors, etc.

Among them noticeable there are verbs with postpositives: turn down (reject), look up to (admire), put up with (tolerate), make up for (compensate), stand behind (support), stand by (defend), give up, hand in (surrender); “body verbs”: back out (withdraw), stand up to (oppose), head off (prevent), bow to (accept), sniff at (ignore); image-carrying verbs: hound, roar, hammer out, iron out, curb etc.

English is characterized by the predominance of concise sentences with contracted and dense meaning, logical links between parts of utterances are less explicit than in Russian. Simple sentences constitute over 50% of the total number of sentences.

Translation methodologists, as a routine rule, recommend to observe the stylistic canons of languages concerned. With the translation pair Russian-English it is recommended to “raise”, i. e. make more abstract and sophisticated the style in the English > Russian translation and to “lower”, make more concrete and colloquial the style in the Russian > English translation. The former means frequent impersonal and indefinite-personal sentences, abstract and deverbal nouns, bookish vocabulary, Latin and Greek origin words, rhetorical pathos, complex syntax, the latter — personal sentences, idiomatic, vivid vocabulary, concrete figurativeness, actional predicates, few gerundial and participial phrases.

Stylistic maladaptation may result in a communicative failure. Subjectively, a stylistically maladapted translated English text may seem to Russian recipients as not serious, subjective, “lightweight”, superficial or factoid. Conversely, a stylistically maladapted translated Russian text may seem to English recipients as abstract, pompous, stilted, non-essential, not to the point.

However, let us emphasize that in changing styles there should be no “hamming up” and downright familiarization; balanced adaptation, sometimes moderation and neutralization should be the main strategy and tactics.

Fifth opposition:

LT while translating into dominant linguistic code vs. LT while translating into less prestigious linguistic code

One more opposition is the linguocultural transfer due to the social status of the source and host languages and cultures, because the status largely determines the type of adaptation. In broad-brush terms, we can deduce two opposite strategies caused by two different attitudes:

- 1) loose translation from a less prestigious source language into a more prestigious target one, involving explanatory verbiage and free use of target-language functional substitutes for the realia of the source language;
- 2) precise or overrefined translation from a more prestigious source language into a less prestigious target one, literalism — translating nearly word-for-word, continuous calque, including idioms and specific cultural turns of speech of the source language, leaving some units not transliterated or not pronounced according to the phonetics of the target language (esp. proper names, toponyms, names of brands or organizations).

These trends reflect themselves in all functional styles and genres, including the belles-lettres language. The linguocultural transfer English > Other Languages often makes translations foreignized, anglicized. As it stands, given the English-language dominance, the world literature is slowly but surely transforming along the English verbal expression and linguocultural concepts. Standardized anglicized vernacular is now found in written-style translations from English across the board, generating non-native sounding of fiction and journalistic prose.

The written English styles are generally less explicit and logically unravelling. Peculiar to English are compressed syntax, semantic contraction, implicitness of logical subordination, specific collocation and frequency of words. All of this is often overlooked by translators, and English texts are rendered in other languages, including Russian, by means of the above-mentioned continuous calque, which causes an artificial ring of text, missing of connotations or even downright meaninglessness.

Compare some “wooden” translations of J. K. Rowling’s “Harry Potter”: “The Prime Minister had stood

there, quite motionless, and realized that he would never, as long as he lived, dare mention this encounter to a living soul, for who in the wide world would believe him?” — “Премьер-министр стоял неподвижно и понимал, что, пока он жив, ни одна живая душа не узнает об этом случае, потому что никто во всем мире ни за что ему не поверит”; “A little tufty-haired man in plain black robes had got to his feet and stood now in front of Dumbledore’s body. Harry could not hear what he was saying. Odd words floated back to them over the hundreds of heads. ‘Nobility of spirit’... ‘intellectual contribution’... ‘greatness of heart’... it did not mean very much. It had little to do with Dumbledore as Harry had known him.” — “Маленький человечек в обычной черной мантии встал со стула и подошел к телу Дамблдора. Он не слышал, что он говорил. Странные слова доходили к ним через сотни голов: “Благородство духа... умственный вклад... величество сердца...” это все ничего не значило. Это мало относилось к Дамблдору, которого знал Гарри”.

According to our hypothesis, currently the translation reveals a tendency to prefer the actualization of deep (and often superficial) structures of the English linguoculture, regardless of the direction of translation: English > Other languages or Other languages > English. This is due to a frequent perception of English as a dominant code in comparison with native languages.

Let us clarify the above. Say, in English > Russian translations adaptation tends to occur through “gentrification” (improvement) and often complication of deep structures of the original. As for surface structures, they frequently reveal anglicization in translation.

In Russian > English translations basic is the adaptation along the line of simplification, the deep structures of the original are formulated in accessible forms, the content and meaning of the original are adapted according to the deep structures of English-speaking recipients. As for surface structures, they also reveal anglicization: the surface structures of national languages are transformed according to the rules of English, in any case, translation methodology dictates so.

Thus, in both directions there is again anglicization of a resultant translated text. In the first case, the Russian audience is sort of placed in the English-speaking culture, in the second, the Russian author is placed therein.

The translator may flaunt their knowledge of English idioms, which produces an effect of exaggeration, “hamming it up”, or “sounding more English than the English themselves”, and in the long run it often misleads recipients. It must be borne in mind that idioms, proverbs, allusions retain their internal form, usage, culture connotations, place and time associations.

That is why linguists and translation methodologists advise against translation using characteristic language idioms. The tactic often recommended by the Russian school of translation is to pick neutral words and phrases if there are no ready substitutes for some idioms, allusions, imagery. A transparent and less affected interpretation will be better understood by the reader. For example, to translate the phrase “Экономика до сих пор пробуксовывает” as “The economy is still hamstrung” will be too expressive and negative-evaluative, moreover, it involves deliberate degradation of meaning (hamstring — “maim”). The adequate translation will be “The economy is still slow (is still in bad shape, not working properly).” And it is perhaps too flowery to translate the neutral “матч 1971 года — самая яркая страница в шахматной истории города” as “the 1971 match was the most quicksilver page in record logs”, but preferably as “Your match of 1971 is the brightest page in the chess history of the city.”

A recommended translation of the sentence “Спортивный комплекс ‘Мои’ назван в честь того самого диктатора, чуть не доведшего страну до ручки...” would be “The Moi International Sports Centre was named after that very politician, during whose rule the country was close to debacle”, and not the options “who nearly ruined the country”, “plagued the life out of the country”, “took the country down the drain”, “ran the country into the ground” or even “nearly screwed up the whole country.”

Then, the translator sometimes rather loosely manages the cultural realia of their native language and applies modifications that, in their view, adequately describe the situation “as seen by the foreigner.” Such kind of substitution of national realia by the realia of a reference (“etalon”) linguoculture often causes an undesirable comic effect. C.f. the translation of such terms unmatchable in the scope and content as Russian образование, обучение vs. training or instruction, колледж (техникум, училище) vs. college. Similarly inadequate seems the translation of positions, academic titles and degrees differently created and awarded in different countries. E.g. the dictionary multitrans.ru suggests several variants for the Russian university position “старший преподаватель” — senior lecturer, associate professor, senior instructor, and nearly the same variants for the academic title “доцент” — senior lecturer, docent, adjunct lecturer, assistant professor, associate professor.

The translation methodologist Jane Povey analyzes the translation into English of the following Russian sentence: “Высшее образование было у 8 тысяч, из них — 42 кандидата и 11 докторов наук” — “8,000 had higher education and those included 42 candidates

of science and 11 people with doctorates.” The author believes that this interpretation leads to a communication failure: foreign students, unfamiliar with the Russian system of education, may not understand this information. In the absence of exact equivalents the author proposes to resort to cultural adaptation, “42 people were with the equivalent of a PhD and 11 with advanced degrees” (Visson, 2011). However, it is more accurate to translate this sentence with the preservation of the Russian realia and English explanations: “8,000 had higher education and those included 42 candidates of science (the equivalent of a PhD) and 11 people with doctorates (the equivalent of PhD advanced degrees).”

5. Conclusion and implication

The notion of linguocultural transfer is connected with globalization, and to a large extent, standardization and unification of linguocultures. Although these factors may also condition the enrichment of all languages and cultures with each other’s accomplishments, provided they share some language of international communication as a common code, this does not happen. The point is that to become an adequate cross-cultural communication tool this universal code should be *subordinate* and *neutral* in relation to national languages and cultures.

In reality the situation is different: the proliferation and dominance of English-language culture in the world entails that English is often perceived as the dominant code and the English-speaking cultures are often perceived as reference cultures, while other world codes and cultures — as subordinate. In fact, intercultural communication today prevalently takes place with the help of the deep and surface structures of the dominant language. These structures may replace relevant structures of other languages of the world. In its turn, this can lead to the decline of national languages/linguocultures and their gradual oblivion¹.

For the sake of balance and preservation of diversity the best approach for national translators will be balanced adaptation with the ipsocentric bias. It means that when translating from the national languages into English it is necessary to largely preserve the realia and syntactical structures of national languages and transfer them freely to the translated text, and when

¹ We argue that the best solutions to the problem would be either the international adoption of a widespread artificial language as a universal auxiliary language or an agreement upon the conventions on the teaching and use of English as a language of international communication (we elaborate on the issue in [28]). The conclusion and implications of the present article fit into the second solution.

there is interpreting from English as a language of international communication into national languages the English linguocultural transfer should be precluded and the text should be either culturally neutralized or familiarized for the target culture.

Ipsocentric approach should also be central for polyglottic international translators, meaning that they should be focused on the national/ethnic linguocultures in both directions of translations, rather than on the linguoculture of the language for international communication.

Sources of illustrations

Translators forums: <http://www.proz.com/kudoz/>; <http://forum.lingvo.ru/actualtopics.aspx?bid=18>; <http://www.trworkshop.net/forum/viewforum.php?f=25>; <http://forum.study.ru/>; <http://www.vavilon.ru>.

References

1. Barkhudarov LS. On the surface and deep structure of the sentence. *Voprosy iazykoznanii = Questions of linguistics*. 1973;(3):50-61. (In Russ.).
2. Borisenko A. Selindzher nachinaet i vyigryvaet = Salinger starts and wins. 2009. Available from: <http://magazines.russ.ru/inostran/2009/7/bo16.html> (In Russ.).
3. Breus EV. Osnovy teorii i praktiki perevoda s russkogo iazyka na angliyskiy = Fundamentals of the theory and practice of translation from Russian into English. Moscow: URAO; 2004. (In Russ.).
4. Visson L. Praktikum-2 po sinkhronnomu perevodu s russkogo iazyka na angliyskiy = Workshop-2 on simultaneous translation from Russian into English. Moscow: Valent; 2005. (In Russ.).
5. Gasparov M. Ne zasloniat' soboy podlinnik ot chitatelia = Not to obscure the original from the reader. 2001. Available from: http://old.russ.ru/krug/20010626_kal-pr.html (In Russ.).
6. Kazakova TA. Teoriia perevoda (lingvisticheskie aspekty) = Theory of translation (linguistic aspects). St. Petersburg: Soyuz; 2001. (In Russ.).
7. Komissarov VN. Teoriia perevoda (lingvisticheskie aspekty) = Theory of translation (linguistic aspects). Moscow; 1990. (In Russ.).
8. Leontieva KI. Vernost' interpretatsii vs. "neytralizatsiia" pri perevode poezii = Fidel interpretation vs. "neutralization" in the translation of poetry. 2012. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23190602> (In Russ.).
9. Lorie MF. Ulovki perevodchikov = Interpreters' ruses. In: Masterstvo perevoda = The skill of translation. Iss. 7. Moscow: Soviet writer; 1970. (In Russ.).
10. Markovina IY, Sorokin YA. Kul'tura i tekst. Vvedenie v lakunologiiu = Culture and text. Introduction to lacunae study: study guide. Moscow: GEOTAR Media; 2010. (In Russ.).
11. Marova ND. Dialogi o perspektive teksta (na materiale nemetckoiazychnykh hudozhestvennykh tekstov) = Dialogues on the text perspective (based on the German-language literary texts). Almaty: Publishing House of the Kazakh University Press; 1989. (In Russ.).
12. Puchkov D. Professional'nyy perevod kh/f Snatch — Tynu40k Goblina = Professional translation of the feature film Snatch. 2004. Available from: <https://www.oper.ru/news/read.php?t=1051601005> (In Russ.).
13. Sorokin YA, Markovina IY. Opyt sistematizatsii lingvisticheskikh i kul'turologicheskikh lakun: Metodologicheskie i metodicheskie aspekty = Systematization of linguistic and cultural lacunae: Methodological and methodical aspects. In: Leksicheskie edinity i organizatsiia struktury literaturnogo teksta = Lexical units and organization structure of the literary text. Kalinin; 1983. Pp. 35—52. (In Russ.).
14. Antipov GA, Donskikh OA, Markovina IY, Sorokin YA. Tekst kak iavlenie kul'tury = Text as a cultural phenomenon. Novosibirsk: Nauka. Sib. Div.; 1989. (In Russ.).
15. Chistova IS (compilation, comments). Lermontov M. Yu. Compositions: in 2 vol. Moscow: Pravda; 1988—1990. (In Russ.).
16. Chukovsky KI. Vysokoe iskusstvo. Printsiipy hudozhestvennogo perevoda = The high art. Principles of literary translation. St. Petersburg: Avalon, Azbuka-classic; 2008. (In Russ.).
17. Schweitzer AD, Nikolsky LB. Vvedenie v sotciolingvistiku = Introduction to sociolinguistics. Moscow: Higher school; 1978. (In Russ.).
18. Schweitzer AD. Teoriia perevoda: status, problemy, aspekty = Theory of translation: status, issues, aspects. Moscow: Nauka; 1988. (In Russ.).
19. Jung CG. K voprosu ob izuchenii psihologicheskikh tipov = The question of the study of psychological types. Available from: <http://www.yourdreams.ru/biblio/pages/carl-gustav-jung-spt-1.php> (In Russ.).

20. Yakhnina YY. Kazhdy perevod — interpretatsiia = Every translation is interpretation. 2001. Available from: <http://www.elkost.com/authors/kostioukovitch/media/51-russkiyzhurnal2001yulianay> (In Russ.).
21. Yakhnina YY. Tri Kamiu = Three Camus. 1997. Available from: <http://www.vavilon.ru/noragal/yahnina.html> (In Russ.).
22. Bassnett S. Translation Studies. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press; 2012.
23. Berman A; Venuti L (ed.). Translation and the Trials of the Foreign. In: The Translation Studies Reader. Routledge; 2000.
24. Eco U. Saying Almost the Same Thing: Experiences in Translation. Milan: Bompiani; 2003.
25. Fishman J. Language modernization and planning in comparison with other types of national modernization and planning. *Language in society*. 1974;(2-1):79-102. [Ed. by J. Fishman. Hague: Mouton].
26. Hingley R (ed. and trans.). The Oxford Chekhov. Vol. III. London, New York: Oxford University Press; 1964.
27. Lefevere A. Translation: Its Genealogy in the West. In: Bassnett S, Lefevere A (eds.). Translation, History and Culture. London, New York: Pinter; 1990.
28. Shelestyuk E. Exercising Eco-Linguistic Approach in Teaching English: Proposed Conventions for TESOL/TEFL Pedagogy. In: The Third International Conference on Current Issues of Languages, Dialects and Linguistics, 31 January — 1 February 2019, Iran, Ahwaz. Vol. 2. Book of Full Articles. 2019. 1—21. ISBN: 9786008873877.
29. Shuttleworth M, Cowie M. Dictionary of Translation Studies. Manchester, UK: St Jerome Publishing; 1997.
30. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London, New York: Routledge; 1995.
31. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation (2nd ed.). Abingdon, Oxon, U.K.: Routledge; 2008. ISBN 978-0-415-39453-6.

Источники иллюстративного материала

Форумы переводчиков: <http://www.proz.com/kudoz/>; <http://forum.lingvo.ru/actualtopics.aspx?bid=18>; <http://www.trworkshop.net/forum/viewforum.php?f=25>; <http://forum.study.ru/>; <http://www.vavilon.ru>.

Список источников

1. Бархударов Л. С. О поверхностной и глубинной структуре предложения // Вопросы языкознания. 1973. № 3. С. 50—61.
2. Борисенко А. Сэлинджер начинает и выигрывает. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2009/7/bol6.html>.
3. Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М.: УРАО, 1998. 240 с.
4. Виссон Л. Практикум-2 по синхронному переводу с русского языка на английский. М.: Валент, 2005. С. 15.
5. Гаспаров М. Не заслонять собой подлинник от читателя. URL: http://old.russ.ru/krug/20010626_kal-pr.html.
6. Казакова Т. А. Теория перевода (лингвистические аспекты). СПб.: Союз, 2001. 320 с.
7. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
8. Леонтьева К. И. Верность интерпретации vs. «нейтрализация» при переводе поэзии. URL: <http://rgf.tversu.ru/node/642>.
9. Лорие М. Ф. Уловки переводчиков // Мастерство перевода. Вып. 7. М.: Совет. писатель, 1970. 542 с.
10. Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Культура и текст. Введение в лакунологию: учеб. пособие. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010.
11. Марова Н. Д. Диалоги о перспективе текста (на материале немецкоязычных художественных текстов). Алма-Ата: Изд-во Казах. ун-та, 1989. 84 с.
12. Пучков Д. Профессиональный перевод х/ф Snatch — Tynu40k Goblina. URL: <https://www.oper.ru/news/read.php?t=1051601005>.
13. Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю. Опыт систематизации лингвистических и культурологических лагун: методологические и методические аспекты // Лексические единицы и организация структуры литературного текста: сб. науч. тр. Калинин, 1983. С. 35—52.

14. Текст как явление культуры / Г. А. Антипов, О. А. Донских, И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989.
15. Лермонтов М. Ю. Соч. в 2 т. Т. 1 / сост. и коммент. И. С. Чистовой; вступ. ст. И. Л. Андроникова. М.: Правда, 1988. 720 с.
16. Чуковский К. И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода. СПб.: Авалонъ, Азбука-классика, 2008. 442 с.
17. Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социоллингвистику: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1978. 216 с.
18. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
19. Юнг К. Г. К вопросу об изучении психологических типов. URL: <http://www.yourdreams.ru/biblio/pages/carl-gustav-jung-spt-1.php>.
20. Яхнина Ю. Я. Каждый перевод — интерпретация. URL: http://www.langinfo.ru/index.php?sect_id=1540.
21. Яхнина Ю. Я. Три Камю. URL: <http://www.vavilon.ru/noragal/yahnina.html>.
22. Bassnett S. Translation Studies. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2012.
23. Berman A. Translation and the Trials of the Foreign. The Translation Studies Reader / ed. by L. Venuti. Routledge, 2000.
24. Eco U. Saying Almost the Same Thing: Experiences in Translation. Milan: Bompiani, 2003.
25. Fishman, J. Language modernization and planning in comparison with other types of national modernization and planning // Language in society. 1974. Vol. 2, no. 1. P. 79—102. [Ed. by J. Fishman. Hague: Mouton].
26. The Oxford Chekhov. Vol. III / ed. and trans. by R. Hingley. London; New York: Oxford Univ. Press, 1964.
27. Lefevere A. Translation: Its Genealogy in the West. Translation, History and Culture / ed. by S. Bassnett, A. Lefevere. London; New York: Pinter, 1990.
28. Shelestyuk E. Exercising Eco-Linguistic Approach in Teaching English: Proposed Conventions for TESOL/TEFL Pedagogy // The Third International Conference on Current Issues of Languages, Dialects and Linguistics, 31 January — 1 February 2019, Iran, Ahwaz. Vol. 2. Book of Full Articles. 1—21. 2019. ISBN: 9786008873877.
29. Shuttleworth M., Cowie M. Dictionary of Translation Studies. Manchester, UK: St Jerome Publ., 1997.
30. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London; New York: Routledge, 1995.
31. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. 2nd ed. Abingdon, Oxon, U.K.: Routledge, 2008. ISBN 978-0-415-39453-6.

Information about the authors

Elena V. Shelestyuk — Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Evgeniya S. Yakovleva — graduate student of the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Информация об авторах

Е. В. Шелестюк — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Е. С. Яковлева — аспирантка кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Статья поступила в редакцию 13.02.2022; одобрена после рецензирования 23.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 13.02.2022; approved after reviewing 23.02.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

ДИСКУРСОЛОГИЯ И СТИЛИСТИКА

DISCOURSE AND STYLISTICS

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 131—137. ISSN 1994-2796 (print).

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(3(461)):131-137. ISSN 1994-2796 (print).

Научная статья

УДК 1751. 82

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10317

СТИЛЕВЫЕ ДОМИНАНТЫ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО ДИСКУРСА В. ПЕЛЕВИНА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «Т»)

Елена Вячеславовна Пугачева¹, Ольга Леонидовна Янушкявичене²

^{1,2}Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия

¹Lena-1805@yandex.ru

²olgjan@mail.ru

Аннотация. Отражены стилевые доминанты индивидуально-авторского дискурса одного из наиболее известных российских писателей современности. Целью исследования выступало изучение своеобразия стилевых доминант В. Пелевина. Проанализированы современные подходы к пониманию стилевых доминант, что позволяет определить их в качестве основных смысловых точек наррации, формирующих целостность произведения. Выявлено, что основными стилевыми доминантами писателя выступают субъективизм, синтез изобразительного и экспрессивного, крайний индивидуализм, нацеленность на отдельную личность, высокий уровень художественной условности, мозаичность, камерность произведений. В целом можно сделать вывод о том, что творчество Пелевина, с одной стороны, отражает влияние постмодернистской традиции, с другой — выступает наследованием лучшим образцам классической русской литературы.

Ключевые слова: Виктор Пелевин, стилевая доминанта, постмодерн, субъективизм В. Пелевина, постмодернистский дискурс

Для цитирования: Пугачева Е. В., Янушкявичене О. Л. Стилевые доминанты индивидуально-авторского дискурса В. Пелевина (на материале романа «Т») // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 131—137. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10317.

Original article

DOMINANTS IN VIKTOR PELEVIN'S AUCTORIAL IDIOM (CASE STUDY OF THE NOVEL "T")

Elena V. Pugacheva¹, Olga Yanushkevichiene²

^{1,2}St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russia

¹Lena-1805@yandex.ru

²olgjan@mail.ru

Abstract. The article reflects the discourse of one of the most famous Russian writers of our time. It is aimed at revealing Viktor Pelevin's idiom dominants. Modern approaches to the understanding of style (idiom) dominants are analyzed, which makes it possible to define them as the main semantic "points" of narration that form the integrity of the work. It was revealed that the main dominants of the writer's idiom are subjectivism, the synthesis of the visual and expressive, extreme individualism and individual focus, a high level of artistic convention, mosaic, intimacy. In general, we can conclude that Pelevin's work, on the one hand, reflects the influence of the postmodern tradition, and on the other, acts as an inheritance of the best examples of classical Russian literature.

Keywords: Viktor Pelevin, style dominant, postmodern, Pelevin's subjectivism, postmodern discourse

For citation: Pugacheva EV, Yanushkevichiene O. Dominants in Viktor Pelevin's auctorial idiom (case study of the novel "T"). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(3(461):131-137. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-103017.

Введение

Виктор Пелевин — один из наиболее ярких писателей-постмодернистов современной России. В число известных писателей В. Пелевин вошел в 1990-х гг., когда роман «Омон Ра» (1993) принес автору широкую популярность. В это время появляются первые критические отзывы на произведения писателя, а начиная с 2000-х гг. появляются первые научные работы, в которых рассматриваются различные аспекты индивидуально-авторского стиля писателя.

Методы исследования включают методы семантической и прагматической интерпретации, дискурсивный анализ, метод анализа словарных дефиниций. Единицы для анализа отбирались методом сплошной выборки, при котором изучению подвергаются единицы по мере их представленности в тексте.

В качестве *материала для исследования* был выбран роман «Т» [18]. Произведение заняло третью позицию в конкурсе национальной литературной премии «Большая книга» 2010 г., пользуется высокой популярностью у читателей, выступает ярким отражением авторского стиля Пелевина, что позволяет использовать его в качестве материала изучения стилевых доминант.

Обсуждения

В работах ученых подвергаются исследованию самые различные аспекты творчества Пелевина:

- произведения писателя в контексте становления отечественной постмодернистской литературы (Т. Н. Маркова [15]);
- идейно-философское своеобразие произведений писателя (О. В. Жаринова [8], К. В. Шульга [20]);
- художественные средства, особенности формирования неповторимости, уникальности индивидуально-авторской наррации (Д. Н. Зарубина [9], К. В. Кузнецов [12] и др.).

В то же время численность научных работ остается незначительной, авторы, как правило, останавливаются на исследовании отдельных аспектов творчества писателя, фундаментальные труды малочисленны, в результате чего особенности индивидуально-авторского дискурса, стиля Пелевина остаются изученными фрагментарно. Формируется противоречие, обусловленное очевидным ростом интереса читателей и ученых к творчеству

одного из выдающихся писателей современности, с одной стороны, и недостаточной изученностью своеобразия его стиля — с другой.

Теория стиля в российской науке разрабатывалась прежде всего в трудах В. В. Виноградова [5; 6], А. Н. Соколова [19], Б. М. Эйхенбаума [21].

В частности, Б. М. Эйхенбаум определяет стилевую доминанту как «основную, преобладающую тенденцию», которая играет роль организующего элемента, реализует организующую функцию, «господствуя над остальными и подчиняя их себе» [21. С. 362]. Ученый акцентирует внимание на дискурсообразующей функции стилевой доминанты, ее роли в процессе организации наррации, выбора языковых средств, тактик, стратегий воплощения.

Важно добавить, что стилевая доминанта обуславливает выбор языковых средств как в пространстве каждого отдельного произведения автора, так и в процессе создания индивидуально-авторского стиля в целом. Иными словами, именно стилевая доминанта формирует своеобразие, уникальность и неповторимость дискурса писателя. Стилевая доминанта — это такая смысловая «точка», которая ярко отражает целое, «качественная характеристика стиля, в которой выражается художественное своеобразие» [17. С. 167].

В современной научной литературе одним из наиболее распространенных, теоретически обоснованных подходов к выделению смысловых доминант является подход, разработанный в трудах А. Н. Соколова, согласно которому все смысловые доминанты могут быть представлены следующими [19. С. 94—100]:

- 1) субъективность — объективность, соотношение, преобладание субъективного или объективного;
- 2) изображение — экспрессия, изобразительность — экспрессивность: при преобладании изобразительного воздействие на личность реципиента достигается посредством изображения, например описания ландшафта; при преобладании экспрессии — посредством эмоций, чувств автора, направленных на вызов эмоциональной реакции реципиента, на установление своеобразного диалога между автором и читателем. Иногда стилевой доминантой является синтез изобразительного и экспрессивного, в таком случае воздействие «идет, так сказать, из двух источников: от изо-

- бражаемой природы и от эмоционально изображающего ее художника» [Там же. С. 95];
- 3) соотношение общего и единичного;
 - 4) форма, степень художественной условности, реалистичность, фантастичность художественных образов. По словам ученого, степень условности «отражается на таких носителях стиля, как изображение, сюжет, композиция, внешняя форма» [Там же. С. 96];
 - 5) категории камерности, монументальности, которые отражают тяготение автора к созданию простого или сложного, симметричного или ассиметричного произведения, преобладание статики или динамики [Там же. С. 97—98].

Концепция стиля, представленная в трудах А. Н. Соколова, на сегодняшний день является наиболее разработанной, широко используется в научной литературе.

Соответственно, стилистические доминанты определяют все аспекты, особенности создания произведения: характер представленности автора, преобладание субъективного или объективного начала, динамичность развертывания сюжетной линии и развития персонажей, индивидуализированность образа или стремление представить в образе художественного персонажа облик целого поколения и т. д.

Важно добавить, что авторский стиль выступает средством репрезентации авторского миропонимания, мирознания, формируется в рамках отдельной лингвокультуры на конкретном этапе ее исторического развития. Авторский стиль, стилиевые доминанты не являются устойчивыми, стабильными, единожды сформированными образованиями, наоборот, они постоянно эволюционируют, меняются в связи с изменениями лингвокультуры, мировосприятия автора.

Говоря об индивидуально-авторском стиле Пелевина, следует отметить, что в современном научном сообществе единство в оценивании творчества Пелевина отсутствует. Одни исследователи (М. Артемий [1], Д. Бавильский [2], А. Генис [7], М. Липовецкий [13; 14], М. Эпштейн [22]) полагают, что индивидуально-авторский стиль писателя формируется под сильным влиянием постмодернизма, что позволяет рассматривать его как яркого представителя указанного течения в литературе.

Прежде всего следует отметить, что, как было выявлено в трудах О. В. Жариновой [8], К. В. Шульги [20], в основании творчества Пелевина — глубокое идейно-философское обоснование. Своеобразие, органичное сочетание философского и «карнавального», традиционного и инноваци-

онного, национального и универсального позволяют С. Корнееву сделать вывод о том, что Пелевин, безусловно, постмодернист, но при этом постмодернист «формальный», а по сути — «не постмодернист, а самый настоящий русский классический писатель-идеолог вроде Толстого или Чернышевского. Русский классический писатель-идеолог — это человек, который ухитряется выпускать вполне читабельную и завлекательную литературную продукцию, и при этом быть идеологом, то есть завзятым проповедником и моралистом — социальным или религиозным» [11].

Соответственно, рассматривать, изучать пелевинскую прозу исключительно с позиций постмодернистских интенций не представляется возможным, авторский дискурс сложнее, глубже, вариативнее, он не может быть объяснен и понят на основании применения любых упрощенных схем, фреймов.

Результаты

Говоря о стилиевых доминантах Пелевина, хотелось бы остановиться на романе «Т». Произведение заняло третью позицию в конкурсе национальной литературной премии «Большая книга» 2010 г., пользуется высокой популярностью у читателей, выступает ярким отражением авторского стиля Пелевина, что позволяет использовать его в качестве материала изучения стилиевых доминант.

Возвращаясь к стилиевым доминантам, следует отметить, что произведения Пелевина отличаются высоким уровнем субъективизма, детальным описанием субъективных переживаний главного героя. В процессе передачи внутренних состояний, эмоций своих персонажей Пелевин может прибегать к эксплицитному описанию:

«Несмотря на то, что пережитую опасность, Т. ощутил странный покой и умиротворение» [18] — в данном случае Пелевин прибегает к прямой характеристике эмоционального состояния персонажа, кроме того, он прибегает к антонимическому повтору, противопоставляя состояния опасности, связанной с ней тревоги, страха, ощущению покоя и умиротворения, что позволяет глубже, детальнее описать противоречивый характер главного героя, который готов к вызовам, к опасности, для которого преодоление опасности становится источником умиротворенности.

Эффективным средством отражения внутреннего состояния персонажей является описание их внутренних рассуждений:

«Вот так и человеческая душа — она не бывает высокой или низкой сама по себе, все зависит

исключительно от намерений и мыслей, которые ее заполняют в настоящий момент... Память, личность — это все тоже как облака...» [18] — обращение к «философствованию», отражению внутренних рассуждений главного героя, с одной стороны, способствует репрезентации субъективного внутреннего мира персонажа, повышению рельефности его образа, с другой — в данном случае отмечается влияние постмодернистских традиций, стремление автора к повышению интертекстуальности, употреблению аллюзий, которые способствуют индивидуализации главного героя, служат отсылкой к образу Толстого, графа Т., приводят к повышению прецедентности повествования. В целом можно сделать вывод, что творчество Пелевина характеризуется выраженным субъективизмом, идеализмом, который, по словам О. В. Богдановой, Н. П. Беневоленской, является «успешным и продуктивным, эстетически выдержанным и образно целостным» [3. С. 19].

Возвращаясь к стилевой доминанте «изображение — экспрессия», следует отметить, что для произведений Пелевина характерны смешение, синтез изобразительного и экспрессивного. В качестве примера изобразительного можно привести следующий:

«Здание было красивым и странным: оно напоминало не то жилище эльфов, не то замок рыцарей-монахов. Белые шпиль, стрельчатые окна, легкие мраморные беседки, поднимавшиеся из причудливо остриженных кустов парка, — все это казалось нереальным на сквозном российском просторе, среди серых изб, косых заборов и торчащих по огородам пугал, похожих на кресты с останками еще при Риме распятых рабов» [18] — в данном случае автор прибегает к описанию замка, пространства, в котором происходят события произведения. Важно добавить, что замок противопоставляется окружающему пространству, охарактеризован как нереальный, чуждый, реальное и фантастическое сливаются воедино, отсылка к Риму способствует переосмыслению временных категорий, утрате границ между далеким прошлым и текущим моментом, моментом восприятия персонажем: «настоящее вбирает в себя формы прошлого, актуализирует виртуальное прошлое, тогда как само прошлое время не только взаимодействует с настоящим, наделяя его тем самым чертами виртуального (подобная обратимая актуализация прошлого и виртуализация настоящего напоминают эффект двух взаимоотражающих зеркал), но и потенциально включает в себя факты будущего, возможное развитие событий» [16. С. 123].

В то же время произведения Пелевина отличаются выраженной экспрессивностью, что, по словам Т. Н. Марковой, «вызывает широкий приток просторечных, жаргонных, диалектных элементов, в результате чего происходит “образговоривание” книжных текстов» [15. С. 9], например:

— Ну... — Т. замялся.

— Об этом сразу забудьте, — хохотнула княгиня, — шалунишка... Что еще?» [18].

В данном случае Пелевин прибегает к диалогической форме речи, прерванные предложения выступают средством репрезентации хезитаций, обращение к «шалунишка» направлено на характеристику персонажей, представление в качестве человека легкомысленного, несерьезного, вступающего в непродолжительные любовные отношения [4. С. 1489]. В целом особенности вербализации позволяют передать характер живой, звучащей речи, отвечают цели «заселения» романного пространства индивидуализированными персонажами, способствуют повышению экспрессивности наррации.

Говоря о соотношении общего и единичного как о стилевой доминанте, следует отметить, что общее Пелевина не интересует, его внимание сосредоточено на частном, на персонажах, которые отличаются яркой индивидуальностью, не принадлежат «толпе», но чаще всего противостоят ей. В целом создание образа главного героя часто основывается на противопоставлении «главный герой — толпа», например: «А затем толпящиеся в купе люди потеряли отца Паусия [= графа Т., главного героя романа] из вида» [18].

Для произведений писателя характерно философское освоение существующего мира, его занимают вопросы сознания и коллективного бессознательного, роль личности в истории, влияние отдельного человека на движение «колеса истории», в результате чего формируется особая художественная реальность, которая отличается символизмом, интертекстуальностью, многочисленными аллюзиями, метафорами, населена мифическими или мифологизированными персонажами, фантастическими художественными образами (*пророк Иона в чреве кита, пьяные рубенсовские сатиры, Артемиды с ланью, Аполлон, целящийся куда-то из воображаемого лука, божество-гермафродит, оплодотворяющее само себя, Ева, Вавилонская башия, пикирующие ангелы* — лишь отдельные примеры обращения писателя к мифическим, мифологизированным персонажам, образам), что позволяет сделать вывод о высокой степени художественной условности произведений как стилевой

доминанте индивидуально-авторского дискурса Пелевина.

Кроме того, для произведений Пелевина нехарактерна монументальность, статичность изображения. Его произведения отличаются фрагментарностью, мозаичностью, неожиданными, непредсказуемыми поворотами сюжета, его «распаданием» на несколько линий, причудливо переплетенных между собой, асимметрия преобладает над симметрией: например, граф Т. — символический образ выдающегося российского писателя XIX в., но представлять он может в образе «молодого священника в черном клобуке и темно-фиолетовой рясе», выдающегося философа, «типичного персиянина из армии Дария», пространственно-временные категории подвергаются переосмыслению, стираются границы между настоящим, прошлым и будущим, между отдельными культурами. В данном аспекте творчество писателя отражает влияние постмодернистской традиции, следствием чего выступает формирование орнаментального стиля, в качестве отличительных характеристик которого можно назвать сознательно организованный хаос пространства произведения, отказ от рациональности, множественную представленность интертекстов, высокую диалогичность, незавершенность письма, которое инициирует «непрерывный процесс конструирования знаков, формирующий особую модель мира» [10. С. 92—93]. Иными сло-

вами, мы можем говорить о камерности как стилевой доминанте идиостиля Пелевина.

Таким образом, подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что под стилевой доминантой в современной научной литературе понимается основная смысловая точка, которая отражает особенности целого, в которой воплощены основные особенности идиостиля писателя. Говоря об основных стилевых доминантах В. Пелевина, следует отметить, что они формируются под влиянием постмодернистской традиции.

В качестве основных стилевых доминант Пелевина следует назвать высокую степень субъективности, органический синтез изобразительного и экспрессивного, акцент внимания на частном, на индивидуальности, на отдельной личности, часто противопоставленной «толпе», высокую степень художественной условности, мозаичность, камерность стиля.

Важно добавить, что, разумеется, результаты исследования не являются исчерпывающими, не отражают все своеобразие и многообразие репрезентации стилевых доминант писателя, работа в данном направлении должна быть продолжена. В частности, представляется целесообразным обратиться к изучению художественной условности как стилевой доминанты, роли философских нарративов в создании символизма, фантастичности авторского пространства.

Список источников

1. Артемий М. Постмодернистский Апокалипсис Виктора Пелевина // СТАСИС. 2017. Т. 5, № 1. С. 104—122.
2. Бавильский Д. Школа нового романа // Независимая газета. 1996. 7 сент. С. 7.
3. Богданова О. В., Беневоленская Н. П. Социологизированный вариант субъективного идеализма в рассказе В. Пелевина «Спи» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2009. № 2-2. С. 13—20.
4. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2003. 1534 с.
5. Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
6. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М.: Высш. шк., 1972. 601 с.
7. Генис А. Феномен Пелевина. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gen1/1.html> (дата обращения 29.06.2021).
8. Жаринова О. В. Поэтико-философский аспект произведений Виктора Пелевина «Омон Ра» и «Generation 'П'»: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 167 с.
9. Зарубина Д. Н. Универсалии в романном творчестве В. О. Пелевина: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2007. 205 с.
10. Зими́на Н. Ю. Орнаментальный стиль современного постмодернистского художественного текста // Вестник Университета Российской академии образования. 2007. № 4 (38). С. 92—94.
11. Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? Об одной аванюре Виктора Пелевина // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 244—259. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-krn2/1.html> (дата обращения 29.06.2021).
12. Кузнецов К. В. Доминанты поколенческой проблематики современной русской литературы: на материале романа «Generation 'П'» В. Пелевина в актуальном контексте «Generation Икс» Д. Коупленда: дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2008. 191 с.

13. Липовецкий М. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. Екатеринбург: УГПУ, 1997. 317 с.
14. Липовецкий М. Паралогии: трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1990—2000-х годов. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 840 с.
15. Маркова Т. Н. Формотворческие тенденции в прозе конца XX века (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин): дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2003. 379 с.
16. Мельникова А. Ю. Виртуальное пространство и время в постмодернистском тексте (В. Пелевин «Священная книга оборотня») // Вестник Костромского государственного университета. 2009. № 3. С. 123—125.
17. Набокова Н. А. Стилиевые доминанты художественного мира Вирджинии Вульф // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 19, № 45. С. 166—179.
18. Пелевин В. Т. М.: Эксмо, 2009. URL: <http://pelevin.nov.ru/texts/pe-t.html> (дата обращения 29.06.2021).
19. Соколов А. Н. Теория стиля. М.: Искусство, 1968. 223 с.
20. Шульга К. В. Поэтико-философские аспекты воплощения «виртуальной реальности» в романе «Generation 'П'» Виктора Пелевина: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 158 с.
21. Эйхенбаум Б. М. О литературе: Работы разных лет. М.: Совет. писатель, 1987. 544 с.
22. Эпштейн М. Истоки и смысл русского постмодернизма // Звезда. 1996. № 8. С. 166—188.

References

1. Artemy M. Victor Pelevin's Postmodern Apocalypse. *STASIS*. 2017;(5-1):104-122. (In Russ.).
2. Bavilsky D. Shkola novogo romana = The School of the new novel. *Nezavisimaya gazeta = Independent newspaper*. 1996;(Sept(7)):7. (In Russ.).
3. Bogdanova OV, Benevolenskaya NP. A sociologized version of subjective idealism in V. Pelevin's story "Sleep". *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literatura = Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature*. 2009;(2-2):13-20. (In Russ.).
4. Kuznetsov SA (ch. ed.). Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo iazyka = The Great Explanatory Dictionary of the Russian language. St. Petersburg: Norint; 2003. 1534 p. (In Russ.).
5. Vinogradov VV. Izbrannyye trudy. O iazyke hudozhestvennoy prozy = Selected works. About the language of fiction. Moscow: Nauka; 1980. 360 p. (In Russ.).
6. Vinogradov VV. Russkiy iazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) = Russian language (grammatical teaching about the word). 2nd ed. Moscow: Higher School; 1972. 601 p. (In Russ.).
7. Genis A. Fenomen Pelevina = Pelevin phenomenon. Available from: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gen1/1.html> (accessed 29.06.2021). (In Russ.).
8. Zharinova OV. Poetiko-filosofskiy aspekt proizvedeniy Victora Pelevina "Omon Ra" i "Generation 'P'" = Poetic and philosophical aspect of Victor Pelevin's works "Omon Ra" and "Generation 'P' ". Thesis. Tambov, 2004. 167 p. (In Russ.).
9. Zarubina DN. Universalii v romannom tvorchestve V. O. Pelevina = Universals in the novel work of V. O. Pelevin. Thesis. Ivanovo; 2007. 205 p. (In Russ.).
10. Zimina NYu. Ornamental style of modern postmodern artistic text. *Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniia = Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*. Moscow, 2007;(4(38)):92-94. (In Russ.).
11. Kornev S. The Clash of voids: Can Postmodernism be Russian and classical? About one adventure of Viktor Pelevin. *Novoe literaturnoe obozrenie = New Literary Review*. 1997;(28):244-259. Available from: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-krn2/1.html> (accessed 29.06.2021). (In Russ.).
12. Kuznetsov KV. Dominanty pokolencheskoy problematiki sovremennoy russkoy literatury: na materiale romana "Generation 'P'" V. Pelevina v aktual'nom kontekste "Generation Iks" D. Kouplenda = Dominants of generational problems of modern Russian literature: on the material of the novel "Generation 'P'" by V. Pelevin in the actual context of "Generation X" by D. Copeland. Thesis. Vologda; 2008. 191 p. (In Russ.).
13. Lipovetsky M. Russkiy postmodernizm. Oчерки istoricheskoy poetiki = Russian postmodernism. Essays on historical poetics. Yekaterinburg: UGPU; 1997. 317 p. (In Russ.).
14. Lipovetsky M. Paralologii: transformacii (post)modernistskogo diskursa v russkoy kul'ture 1990—2000-kh godov = Paralogy: transformations (post)modernist discourse in Russian culture of the 1990s — 2000s. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2008. 840 p. (In Russ.).

15. Markova TN. Formotvorcheskie tendencii v proze kontca XX veka (V. Makanin, L. Petrushevskaja, V. Pelevin) = Formative tendencies in prose of the end of the XX century (V. Makanin, L. Petrushevskaya, V. Pelevin). Thesis. Yekaterinburg; 2003. 379 p. (In Russ.).

16. Melnikova AYu. Virtual space and time in the postmodern text (V. Pelevin "The Sacred Book of the werewolf"). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kostroma State University*. 2009;(3):123-125. (In Russ.).

17. Nabokova NA. Stylistic dominants of the artistic world of Virginia Woolf. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Herzena = Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*. 2007;(19(45):166-179. (In Russ.).

18. Pelevin V. T = T. Moscow: Eksmo; 2009. Available from: <http://pelevin.nov.ru/texts/pe-t.html> (accessed 29.06.2021). (In Russ.).

19. Sokolov AN. Teoriia stilia = Theory of style. Moscow: Iskusstvo; 1968. 223 p. (In Russ.).

20. Shulga KV. Poetiko-filosofskie aspekty voploshcheniia "virtual'noy real'nosti" v romane "Generation 'P'" Victora Pelevina = Poetic and philosophical aspects of the embodiment of "virtual reality" in the novel "Generation 'P'" by Viktor Pelevin. Thesis. Tambov; 2005. 158 p. (In Russ.).

21. Eichenbaum BM. O literature: Raboty raznykh let = About literature: Works of different years. Moscow: Soviet writer; 1987. 544 p. (In Russ.).

22. Epstein M. The origins and meaning of Russian postmodernism. *Zvezda*. 1996;(8):166-188. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. В. Пугачева — аспирантка кафедры русского языка, литературы и журналистики.

О. Л. Янушкявичене — доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики.

Information about the authors

Elena V. Pugacheva — postgraduate student, Department of Russian Language, Literature and Journalism.

Olga Yanushkevichiene — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy.

Статья поступила в редакцию 04.01.2022; одобрена после рецензирования 10.01.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 04.01.2022; approved after reviewing 10.01.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10318

ДИСКУРС ВИДЕОИГР: К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ

Александр Анатольевич Селютин

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, alexsell@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу терминов, описывающих речевую составляющую видеоигр: сленг, дискурс, текст, коммуникация — в современных научных зарубежных и отечественных трудах. Автором предлагается использование термина «дискурс видеоигр» в качестве наиболее полно отражающего поле исследования. При этом данный тип дискурса понимается как комплексное многоаспектное разновекторное явление, функционирующее в рамках видеоигры и релевантного околоигрового пространства, способное к гибридизации с другими типами дискурса.

Ключевые слова: дискурс, текст, коммуникация, сленг, видеоигра

Для цитирования: Селютин Ал. А. Дискурс видеоигр: к вопросу о терминологии // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С.138—144. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10318.

Original article

THE DISCOURSE OF VIDEO GAMES: ON THE QUESTION OF TERMINOLOGY

Alexander A. Selyutin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, alexsell@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the topical issue of videogame discourse. The author studies the range of terms used in the contemporary scientific Western and Russian works describing the speech aspects of videogaming. The article determines four basic notions for description: slang, discourse, text and communication which enhance a certain area of videogaming speech study. It is outlined that the most appropriate term for describing of what is happening with videogame speech is discourse of videogames which is understood as a complex multi-aspect poly-vector phenomenon functioning within videogames and relevant near-game space, liable to hybridization with other types of discourse. The author draws the conclusion that institutionally the discourse of videogames came to being and needs thorough investigation.

Keywords: discourse, text, communication, slang, videogame

For citation: Selyutin AIA. The discourse of video games: on the question of terminology. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(3(461):138-144. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-103018.

Одной из тем научных исследований, набирающих популярность, является тема видеоигрового дискурса. Достаточно обширный объем изысканий из области психологии, социологии и культурологии, посвященных компьютерным играм, мотивирует осмысление данного явления и с лингвистической точки зрения. Формирование с 2005 г. научно-академического направления, известного на Западе как Game Studies,

распространилось и на отечественную научную мысль, которая признает датой появления «игрологии» в России 2013 г. Несмотря на дальнейшую институционализацию данного вектора исследований (например, создание Лаборатории исследования компьютерных игр при СПбГУ в 2013 г.) и существенный объем соответствующих научных исследований в области философии, культурологии и социологии, выполненных отечественными учеными, лингвистическим исследованиям видеоигр еще только предсто-

ит сформироваться как научному направлению в связи с ограниченным интересом лингвистов и филологов к данной теме.

Научная проблема. Среди имеющихся на данный момент проблем можно выделить отсутствие единого терминологического аппарата, непроработанность концепции и методологии лингвистического исследования видеоигр, слабую междисциплинарную интеграцию, повторяемость научного мышления в виде частотного цитирования (в силу незначительного количества научных трудов на данную тему) и значительное отставание в развитии от западных лингвистических исследований видеоигр. Довольно большое количество вопросов вызывает и определение поля исследования: что можно отнести к дискурсу видеоигр и как называть подобный тип дискурса?

Методы и материал исследования. Для объективного решения данной задачи необходимо обратиться к имеющимся на данный момент научным исследованиям. С помощью метода сплошной выборки нами были отмечены и проанализированы 20 научных работ, посвященных речевым особенностям видеоигрового процесса, для выявления используемой терминологии и определения ее значимости для лингвистического исследования видеоигр.

Несмотря на заключение П. С. Усмановой, что «на сегодняшний день исследователи сходятся во мнении, что речь игроков в компьютерные игры правомерно называть сленгом» [18. С. 634], анализ блока лингвистических научных трудов, посвященных проблематике видеоигр, позволяет выделить четыре ключевых термина, используемых при описании речи и языка геймеров: сленг, дискурс, текст, коммуникация.

В работе М. Г. Ахановой мы находим следующее определение: «...Игровой сленг — особый условный язык, при помощи которого игроки в различных играх обмениваются информацией» [2. С. 82]. Также термин «игровой сленг» используется в трудах Д. В. Мастерова и Е. В. Юрьевой [14], Л. В. Жабиной [8], при этом последняя описывает игровой сленг как «лексику, присущую геймерам — людям, состоящим в игровых сообществах». Л. В. Жабина также отмечает, что игровой сленг можно разделить на два вида: глобальный (корпус сленговых слов, одинаково активный для любых компьютерных игр) и локальный (корпус сленговых слов, использующийся в отдельной игре). Следует отметить, что исследователями могут также быть использованы другие термины, обозначающие то же самое явление (например:

«сленг геймеров» в работах А. М. Зиятдинова [11] и Л. В. Меркуловой [15]; «язык геймеров», понимаемый как сленг, в работах П. А. Горшкова [6] и В. Е. Щербиной [22]). П. А. Горшков также использует синонимичные данным терминам, в его представлении, словосочетания «компьютерный жаргон» и «компьютерный сленг», однако мы вынуждены не согласиться с подобным толкованием, поскольку определение «компьютерный» является достаточно широким и может включать в себя жаргон программистов, хакеров, системных администраторов и прочих IT-специалистов. Действительно, в речи игроков нередко встречаются слова, относящиеся не только к игровой тематике, но и в целом к компьютерной, однако это является результатом использования одной и той же аппаратной техники для решения абсолютно разных задач. Поэтому мы считаем необходимым сузить дескриптивное поле, чтобы конкретизировать область применения.

Описывая использование термина «игровой сленг» в научных трудах, мы находим интересным термин, используемый А. П. Новиковой, — «сленг субкультуры геймеров» [16]. Исследователь описывает геймеров как социально-культурное явление, обладающее всеми признаками сформированности в субкультуру, что подтверждается рядом признаков, в том числе наличием собственного языка. Таким образом, речь игроков видится не окказиональным явлением или не сформировавшейся окончательно языковой игрой, а существенным элементом построения субкультуры геймеров, ее значимой характеристикой.

Несмотря на частотность использования термина «игровой сленг», мы, вслед за В. А. Комаровым, понимаем его как лексико-фразеологическую составляющую компьютерно-игрового дискурса [12. С. 88]. Действительно, понятие «игровой сленг» исключает анализ ведения диалогов и полилогов, способы представления информации, векторы общения и коммуникативные практики, которые выходят далеко за пределы лексико-фразеологического аппарата. Исследование игрового сленга видится нам приемлемым при анализе общения игроков друг с другом, что возможно только в многопользовательских онлайн-играх (MMORPG), однако П. Е. Кондрашов, также прибегающий к термину «дискурс» при лингвистическом анализе видеоигр, подчеркивает, что общение в процессе использования видеоигры возникает не только вдоль вектора «человек — человек», но также и «человек — машина» при прохождении сценария одиночной игры и необходимости выбора

варианта ответа для продолжения программно-сценарного диалога [13. С. 154]. Однако данный вектор исключает использование игрового сленга, поскольку лишен самой возможности словотворчества и креативных действий со стороны игрока. Кроме того, элементы речи геймеров покидают игровое пространство и становятся частью околоигровой сферы (игровые форумы, посвященные играм СМИ, проникновение в литературу (субжанр литРПГ) и кинематограф), что свидетельствует о необходимости анализа дискурсивных практик различных сфер деятельности.

Таким образом, понимая важность и значимость исследования игрового сленга, мы все-таки считаем, что область изучения языка геймеров гораздо шире, чем лексико-фразеологический аппарат, и должна охватывать в том числе те лингвистические процессы, где игровой сленг не используется и не может быть использован. Более убедительным в этой связи нам видится термин «дискурс».

Л. В. Енбаева, Ю. С. Ханжин понимают компьютерно-игровой дискурс (дискурс компьютерной игры) как разновидность компьютерного дискурса, ограниченной сферой виртуальной реальности компьютерной игры [7]. С одной стороны, данное определение очень емко и прозрачно ограничивает сферу использования видеоигрового дискурса, а с другой — упускает из виду переход видеоигровых дискурсивных практик в околоигровое пространство, как описано выше. Описывая дискурс видеоигр, С. С. Вдовиченко называет его особым дискурсом, поскольку он сочетает в себе устную и письменную речь и различные неязыковые средства (например, звуки и жесты) [4. С. 30]. Термином «дискурс видеоигры» также пользуются М. Н. Харлашкин (вслед за Е. J. Aarseth) [20] и К. В. Богданова (вслед за А. Ensslin) [3].

Интересно отметить, что компьютерно-игровой дискурс начинают исследовать не только как самостоятельное явление, но и как основание для гибридизации, что заметно, например, в работе А. Р. Зарипова, который рассматривает комбинацию спортивного дискурса и компьютерно-игрового дискурса — киберспортивный дискурс [10]. Также любопытна точка зрения В. Т. Хосиева, Д. Ф. Мымриной, определяющих видеоигру как жанр компьютерного дискурса [21]. Несмотря на разницу в векторах восприятия, многие исследователи сходятся на том, что рассматриваемое нами явление все-таки следует считать дискурсом.

Обращаясь к западным исследователям игрового дискурса, нельзя не упомянуть Астрид Энслин, профессора университета Альберты, основателя

и главного редактора научного журнала *Journal of Gaming and Virtual Worlds*, которая внесла значительный вклад в цифровую гуманитаристику в целом и в исследования видеоигрового дискурса в частности. А. Энслин, характеризуя дискурс видеоигры, выделяет следующие компоненты, его образующие: совокупность текстов, нарративная среда (*narrative environment*), сленговые слова, которые автор называет «людолектами», метафоризацию, металюдическую коммуникацию, риторические конструкции. Исследователь подчеркивает сложный, многослойный характер дискурса видеоигры, в который вовлечены не только сами игроки, но и прочие заинтересованные стороны (например, критики, журналисты, политики) [1].

Итак, мы убеждаемся, что термин «дискурс», а именно «компьютерно-игровой дискурс», или «дискурс видеоигр» (можно рассматривать данные термины как синонимичные, поскольку они оба охватывают одну и ту же сферу функционирования дискурса), затрагивает все аспекты речевой деятельности игроков, а также околоигровое пространство. Каким же образом соотносятся с этим термины «текст» и «коммуникация»?

Рассматривая нарративный сценарий компьютерной игры, Т. Е. Водоватова предлагает считать его особым типом художественного текста на основании существенного развлекательного потенциала видеоигры [5]. При этом ключевой особенностью данного типа текста исследователь называет семиотическую усложненность, то есть поликодовый характер. Действительно, игра представляет собой комплекс иконического и вербального компонентов, что позволяет отнести ее к креолизованному образованию. Помимо этого, понимание видеоигры как художественного текста подтверждается ранними исследованиями нарратологов в области *Game Studies*. Однако дискуссия между нарратологами и ludологами (см., напр.: Г. Фраска [19]) подчеркнула несостоятельность применения исключительно методов художественного анализа текста при описании видеоигры в силу наличия значительного количества экстралингвистических факторов, а также невозможности включения в данную модель особенностей общения между пользователями видеоигры. Дело в том, что игру невозможно рассматривать исключительно как нарративное повествование, необходимо также обращать внимание на игровые механики, на игровой процесс, который сопровождается в том числе и включенностью игрока с его речевыми особенностями. Следовательно, рассматриваемая сугубо как повествование игра может

быть текстом, но в момент вовлеченности игрока в игровой процесс текст становится частью речевой деятельности игрока, дискурсом. Таким образом, термин «текст» можно использовать при рассмотрении игры как художественного произведения, культурного продукта, но термин «текст», на наш взгляд, неспособен описать разнообразные речевые процессы, которые протекают в игре в момент включенности игрока в игровой процесс.

Изучая видеоигру в рамках теории коммуникации, некоторые исследователи предлагают использовать термин «коммуникация», ориентируясь в основном на функции общения и способность игры переносить определенные типы информации. Так, С. О. Осекин описывает видеоигру как способ коммуникации [17], а Е. И. Жешко считает ее средством массовой коммуникации [9]. Данный подход вполне разумен в рамках медиакоммуникативных исследований, поскольку позволяет воспринимать компьютерную игру как медиа, особую платформу для передачи информации от одного пользователя другому (другим). Однако применимые для исследования в данной области аспекты не затрагивают трансформацию языка и речи, происходящую в общении между пользователями видеоигр. Вместе с этим классификация компьютерных игр Е. И. Жешко, основанная на функции компьютерных игр как средства коммуникации, заслуживает отдельного внимания: исследователь выделяет такие функции, как социализирующая, образовательная, информационно-познавательная, рекламная, коммуникационная, культурно-ценностная, развлекательная, трансляционная, управленческая и идентификационная. Таким образом, коммуникативный подход к анализу видеоигр помогает осознать их ценностный потенциал и функционал, обеспеченный передачей определенного типа информации. На наш взгляд, несмотря на разноразность понятий «дискурс» и «», они тесно коррелируют друг с другом и мо-

гут рассматриваться одно в разрезе другого. Однако термин «коммуникация», как мы считаем, не в состоянии отразить явления, происходящие непосредственно в языке, поскольку ориентирован на особенности социального взаимодействия и обмена информацией.

Таким образом, мы считаем, что каждый из терминов, применяющихся при описании лингвистических аспектов видеоигры, имеет право на существование в связи с тем, что рассматривает лингвистические игровые процессы с разных ракурсов, однако при этом термин «дискурс видеоигр» видится нам предпочтительным, поскольку в силу своей широты позволяет исследовать и лексико-фразеологический корпус видеоигры, и коммуникативные практики игрового процесса, и видеоигру как поликодовый текст.

Итак, рассмотрев используемые в современных научных трудах термины «сленг», «дискурс», «коммуникация» и «текст» применительно к лингвистическим явлениям, происходящим в процессе прохождения видеоигр, мы приходим к выводу, что наиболее полно отражающим различные аспекты термином является «дискурс видеоигр» — комплексное многоаспектное разновекторное явление, функционирующее в рамках видеоигры и релевантного околоигрового пространства, способное к гибридизации с другими типами дискурса. Многогранность и многоаспектность термина «дискурс видеоигр» подтверждается мнением не только авторитетных отечественных, но и западных исследователей, Дальнейшее осмысление дискурса видеоигр нам видится в подробном анализе составляющих его элементов, в установлении точек взаимного пересечения с другими типами дискурсов, а также в воздействии данного типа дискурса на различные сферы социальной жизни, не относящиеся непосредственно к видеоиграм.

Список источников

1. Ensslin A. Discourse of Games // The International Encyclopedia of Language and Social Interaction. Ch. Discourse of Games / ed. by K. Tracy, C. Ilie, T. Sandel. 2015. № 05. P. 406—411. Wiley. ISBN: 9781118611463.
2. Аханова М. Г. Игровой сленг как новая форма коммуникации // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2016. № 2-2 (8). С. 81—85.
3. Богданова К. В. Англоязычный дискурс ролевых видеоигр: интертекстуальный аспект // Rhema. Рема. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/angloyazychnyy-diskurs-rolevyh-videoigr-intertekstualnyy-aspekt> (дата обращения 17.01.2022).
4. Вдовиченко С. С. Фреймовый анализ речевых актов в англоязычном дискурсе видеоигр (на материале видеоигры Dota 2) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8. С. 27—31.

5. Водоватова Т. Е., Кинчаров В. А. Видеоигра: текстовая природа, особенности семиотики. URL: https://www.imi-samara.ru/wp-content/uploads/2019/11/Водоватова_113_117.pdf (дата обращения 19.01.2022).
6. Горшков П. А. Сленг хакеров и геймеров в Интернете: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2017. 21 с.
7. Енбаева Л. В., Ханжин Ю. С. Специфика англоязычного дискурса компьютерной игры на примере League of Legends // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2017. № 13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-angloyazychnogo-diskursa-kompyuternoj-igry-na-primere-league-of-legends> (дата обращения 18.01.2022).
8. Жабина Л. В. К вопросу об игровом сленге // Университетские чтения 2014: материалы науч.-метод. чт. ИГЛУ. Ч. V. 2014. URL: https://pgu.ru/upload/iblock/6e7/uch_2014_v_35.pdf (дата обращения 17.02.2022).
9. Жешко Е. И. Функции компьютерных игр как средства массовой коммуникации // Молодой ученый. 2019. № 26. С. 267—268.
10. Зарипов А. Р. Лексический аспект киберспортивного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2-1 (56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskij-aspekt-kibersportivnogo-diskursa> (дата обращения 20.01.2022).
11. Зияитдинов А. М. Сленг геймеров // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. ст. по материалам III Всерос. науч. конф. молодых ученых с междунар. участием (8 февр. 2013 г.). Ч. 1. Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 77—82.
12. Комаров В. А. Игровой сленг в современном русском языке // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 1 (52). С. 88—90.
13. Кондрашов П. Е. Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 189 с.
14. Мастеров Д. В., Юрьева Е. В. Роль игрового сленга в международной коммуникации. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/thesis/s082/s082-026.pdf> (дата обращения 18.01.2022).
15. Меркулова Л. В. Сленг геймеров как универсальное средство межкультурной коммуникации // Проблемы современного педагогического образования. 2015. № 47-1. С. 164—167.
16. Новикова А. П. Специфика сленга субкультуры геймеров // СМАЛЬТА. 2014. № 6. С. 40—42.
17. Осекин С. О. Компьютерная игра как способ коммуникации // Культура и цивилизация. 2015. № 6. С. 139—147.
18. Усманова П. С. Языковые особенности образования лексики игроков компьютерных игр в киберпространстве // Молодой ученый. 2020. № 22 (312). С. 634—636. URL: <https://moluch.ru/archive/312/71015/> (дата обращения 13.01.2022).
19. Фраска Г. Людологи тоже любят истории. URL: <https://gamestudies.ru/translations/frasca-love-stories-too/> (дата обращения 21.01.2022).
20. Харлашкин М. Н. Особенности дискурса видеоигр // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2016. № 1. С. 92—98.
21. Хосиев В. Т., Мырмина Д. Ф. Видеоигра как жанр компьютерного дискурса (на материале серии игр The lord of the rings) // Коммуникативные аспекты языка и культуры: сб. материалов XV Междунар. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых, Томск, 19—21 мая 2015 г.: в 3 ч. Ч. 2. Томск: Издво ТПУ, 2015. С. 157—164.
22. Щербина В. Е. Язык геймеров как компонента молодежного сленга // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3-2 (81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-geymerov-kak-komponenta-molodezhnogo-slenga> (дата обращения 16.01.2022).

References

1. Ensslin A. Discourse of Games. *Tracy Karen, Ilie Cornelia, Sandel Todd (eds.). The International Encyclopedia of Language and Social Interaction. Ch. Discourse of Games.* 2015;(05):406-411. Wiley. ISBN: 9781118611463.
2. Akhanova MG. Game slang as a new form of communication. *Aktual'nye napravlenija nauchnyh issledovanij: ot teorii k praktike = Actual directions of scientific research: from theory to practice.* 2016;(2-2(8)):81-85. (In Russ.).

3. Bogdanova KV. The English-Language Discourse of Role-Playing Video Games: The Intertextual Aspect. *Rhema*. 2017;(2). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/angloyazychnyy-diskurs-rolevyh-videoigr-in-tertekstualnyy-aspekt> (accessed 17.01.2022). (In Russ.).
4. Vdovichenko SS. Frame analysis of speech acts in the English-language discourse of video games (on the material of the video game Dota 2). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Issues of theory and practice*. 2015;(8):27-31. (In Russ.).
5. Vodovatova TE, Kincharov VA. Videoigra: tekstovaja priroda, osobennosti semiotik = Videogame: textual nature, peculiarities of semiotics. Available from: https://www.imi-samara.ru/wp-content/uploads/2019/11/Водоватова_113_117.pdf (accessed 19.01.2022). (In Russ.).
6. Gorshkov PA. Sleng hakerov i gejmerov v Internetе = Slang of hackers and gamers in the Internet. Abstract of thesis. Moscow; 2017. 21 p. (In Russ.).
7. Yenbayeva LV, Khangin YS. Specificity of the English-language discourse of a computer game on the example of League of Legends. *Problemy romano-germanskoj filologii, pedagogiki i metodiki prepodavanija inostrannyh jazykov = Problems of Romance-Germanic philology, pedagogy and methods of teaching foreign languages*. 2017;(13). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-angloyazychnogo-diskursa-kompyuternoy-igry-na-primere-league-of-legends> (accessed 18.01.2022). (In Russ.).
8. Zhabina LV. K voprosu ob igrovom slenge = On the Question of Game Slang. In: *Universitetskie chteniya = University Readings 2014. Materials of scientific and methodical readings of IGLU. 2014*. Available from: https://pgu.ru/upload/iblock/6e7/uch_2014_v_35.pdf (accessed 17.02.2022). (In Russ.).
9. Zheshko EI. Functions of computer games as a means of mass communication. *Molodoj uchenyj = Young scientist*. 2019;(26):267-268. (In Russ.).
10. Zaripov AR. Lexical aspect of eSports discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Issues of theory and practice*. 2016;(2-1(56)). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskiy-aspekt-kibersportivnogo-diskursa> (accessed 20.01.2022). (In Russ.).
11. Ziaitdinov AM. Sleng gejmerov = Gamer slang. In: *Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka = Topical issues of philology of the 21st century*. Ekaterinburg; 2013. Pp. 77—82. (In Russ.).
12. Komarov VA. Game slang in modern Russian language. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kurgan State University*. 2019;(1(52):88-90. (In Russ.).
13. Kondrashov PE. Komp'yuternyj diskurs: sociolingvisticheskiy aspekt = Computer discourse: social linguistic aspect. Thesis. Krasnodar; 2004. 189 p. (In Russ.).
14. Masterov DV, Yur'eva EV. Rol' igrovogo slenga v mezhdunarodnoj kommunikacii = Role of game slang in international communication. Available from: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/thesis/s082/s082-026.pdf> (accessed 18.01.2022). (In Russ.).
15. Merkulova LV. Slang of gamers as a universal means of intercultural communication. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija = Problems of modern pedagogical education*. 2015;(47-1):164-167. (In Russ.).
16. Novikova AP. Specifics of slang subculture of gamers. *SMALTA*. 2014;(6):40-42. (In Russ.).
17. Osekin SO. Computer game as a way of communication. *Kul'tura i civilizacija = Culture and civilization*. 2015;(6):139-147. (In Russ.).
18. Usmanova PS. Language features of the formation of vocabulary of computer game players in cyberspace. *Molodoj uchenyj = Young scientist*. 2020;(22(312):634-636. Available from: <https://moluch.ru/archive/312/71015/> (accessed 13.01.2022). (In Russ.).
19. Frasca G. Ljudologi tozhe ljubjat istorii = Ludologists also love stories. Available from: <https://gamestudies.ru/translations/frasca-love-stories-too/> (accessed 21.01.2022). (In Russ.).
20. Kharlashkin MN. Features of the discourse of video games. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta = Bulletin of Moscow State Regional University*. 2016;(1):92-98. (In Russ.).
21. Khosiev VT, Mymrina DF. Videoigra kak zhanr komp'yuternogo diskursa (na materiale serii igr "The lord of the rings") = Video game as a genre of computer discourse (on the material of the series of games "The lord of the rings"). In: *Kommunikativnye aspekty jazyka i kul'tury = Communicative aspects of language and culture*. Tomsk; 2015. Pp. 157—164. (In Russ.).
22. Shcherbina VE. The language of gamers as a component of youth slang. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Issues of theory and practice*. 2018;(3-2(81)). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-gejmerov-kak-komponenta-molodezhnogo-slenga> (accessed 16.01.2022). (In Russ.).

Информация об авторе

Ал. А. Селютин — кандидат филологических наук, заведующий лабораторией цифровых гуманитарных исследований, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета.

Information about the author

Alexander A. Selyutin — Candidate of Philological Sciences, Head of the Laboratory of Digital Humanitarian Research, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Faculty of History and Philology.

Статья поступила в редакцию 29.11.2021; одобрена после рецензирования 15.12.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 29.11.2021; approved after reviewing 15.12.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'11

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10319

ГЕНДЕРНЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВОЕННОЙ РЕКЛАМЕ

**Наталья Анатольевна Смакотина¹, Анна Алексеевна Телегуз²,
Елизавета Сергеевна Трофимова³, Андрей Геннадьевич Фомин⁴**

¹ Новосибирский государственный технический университет; Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

² Новосибирский военный ордена Жукова институт им. генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии РФ; Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

³ Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

⁴ Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ tasha_sni@list.ru

² AnnaTeleguz@yandex.ru

³ trofimova.elizavetta@yandex.ru

⁴ andfomin67@mail.ru

Аннотация. Будучи динамичными образованиями, стереотипы, используемые в рекламе, подвержены различного рода изменениям. В русскоязычной рекламе гендерный стереотип является консервативным: военнослужащий позиционируется как молодой энергичный мужчина, профессионал своего дела, гордость общества и опора семьи. Образ женщины-военнослужащего фигурирует только на иконической части рекламных текстов. В англоязычной рекламе в начале XX в. образ военнослужащего также был напрямую связан с гендером: военнослужащий изображался как мужчина, защищающий свою страну, а женщины позиционировались как их «поддержка» — работники тыла и медсестры. Однако на протяжении XX в. данные стереотипы кардинально изменились. В XXI в. в англоязычной военной рекламе существующий стереотип расширился: в иконической части рекламных креолизованных текстов изображены мужчины, женщины, люди, принадлежащие к разным этническим группам, а также к сексуальным меньшинствам.

Ключевые слова: лингвокультура, стереотип, гендер, креолизованный текст, военная реклама

Для цитирования: Смакотина Н. А., Телегуз А. А., Трофимова Е. С., Фомин А. Г. Гендерные и профессиональные стереотипы в русско- и англоязычной военной рекламе // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 145—159. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10319.

Original article

GENDER AND PROFESSIONAL STEREOTYPES IN RUSSIAN- AND ENGLISH-LANGUAGE MILITARY ADVERTISING

Natalya A. Smakotina¹, Anna A. Teleguz², Elizaveta S. Trofimova³, Andrey G. Fomin⁴

¹ Novosibirsk State Technical University; Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

² Novosibirsk Military Institute of the National Guard of Russia; Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

³ RUDN, Moscow, Russia

⁴ Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

¹ tasha_sni@list.ru

² AnnaTeleguz@yandex.ru

³ trofimova.elizavetta@yandex.ru

⁴ andfomin67@mail.ru

Abstract. Advertisement is widely used to attract target audience to serve in the armed forces. But during the last century due to extralinguistic factors stereotypes, functioning in such ads, have changed considerably. The article is the result of the research aimed at tracking the main tendencies of gender and professional stereotypes transformation in the English and Russian languages in military advertisements. Having analyzed the verbal and iconic components of the ads (creolized texts), the authors found out that professional and gender stereotypes are closely related. In Russian military ads gender stereotype is much more conservative: the military is portrayed as a young energetic man, professional in his sphere, the pride of his country, and a breadwinner. The image of a woman, serving in the army, is used in the iconic part of the ads as an assistant, nurse, mother, worker. In advertisements released in English at the beginning of the 20th century the image of the military was also connected with gender: the military was shown as a man, defending his country, whereas women were depicted as men's "supporters", working in the reserve or as nurses. But these stereotypes have changed considerably in English-speaking countries in the 20—21 cc. The existing stereotype has broadened: in the non-verbal part of the ads there are both men and women, people, representing different ethnic groups and sexual minorities.

Keywords: linguistic culture, stereotype, gender, creolized text, military advertisement

For citation: Smakotina NA, Teleguz AA, Trofimova ES, Fomin AG. Gender and professional stereotypes in Russian- and English-language military advertising. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(3(461):145-159. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10319.

Введение

Экстралингвистические факторы оказывают значительное воздействие как на формирование стереотипа, так и на его трансформацию, что всегда находит отражение в языке. Например, снижение количества желающих проходить военную службу по контракту вызвало активизацию военной рекламы, постепенно расширяющей свою целевую аудиторию, что приводит к изменению устоявшихся стереотипов и использованию новых комбинаций вербальных и невербальных средств в военной рекламе. Настоящее исследование проводилось с целью отследить основные тенденции в изменении профессиональных и гендерных стереотипов в англо- и русскоязычной рекламе военной службы, что видится весьма актуальным в современной ситуации. Посредством анализа иконического и вербального компонентов креолизованных рекламных текстов выявлено, что профессиональные и гендерные стереотипы в военной рекламе тесно связаны.

Уточним, что к военной рекламе мы относим рекламную продукцию военной тематики, являющуюся материалом исследования. Методом целенаправленной выборки из сети Интернет было отобрано 242 креолизованных текста военной рекламы службы по контракту (120 на английском и 122 на русском языке). Цель работы — выявление тенденций изменения гендерных и профессиональных стереотипов и способов их репрезентации в языке на материале рекламы военной службы с начала XXI в. до настоящего времени. Актуальность настоящего исследования подтверждается включенностью рассматриваемых вопросов функционирования комбинаций вербальных

и невербальных знаков как средств представления стереотипов в общую проблематику современной лингвистики.

В настоящем исследовании, вслед за Е. С. Гриценко, гендер будет рассматриваться как «конвенциональный идеологический конструкт, в котором аккумулированы представления о том, что значит быть мужчиной и женщиной в данной культуре» [4. С. 3]. На основании данного определения гендерные стереотипы представляют собой стандартные представления о том, в чем состоит разница между женщинами и мужчинами, какие функции они выполняют в обществе, какие правила поведения от них ожидает социум [2], что находит выражение в различных сферах, включая рекламу, продукция которой позволяет проследить изменения не только самих стереотипов, но и средств их репрезентации.

Комбинаторика вербальных и невербальных знаков как ключ к пониманию военной рекламы

Стереотипный образ военнослужащего в русскоязычной военной рекламе

В России военная реклама широко использовалась со времен Первой и Второй мировых войн. Лозунги призывали мужчин добровольно вступать в ряды Красной Армии. Для вербальной части данных креолизованных текстов (разновидность мемов, сочетающих вербальный и невербальный компоненты в их единстве) [3] (рис. 1) характерно использование личного местоимения ТЫ и глаголов в повелительном наклонении. При этом иконический компонент помогает понять, что обращение происходит к мужской части населения, поскольку



Рис. 1. Плакаты СССР времен Второй мировой войны

защитником выступает именно мужчина. Стереотипный военнослужащий на плакатах первой половины XX в. — мужчина средних лет в хорошей физической форме.

Женщины не являлись целевой аудиторией военной рекламы. Им отводилась роль медицинских работников и тружеников тыла (рис. 2). Несмотря на то что женщины принимали активное участие в партизанских отрядах и существовали женские батальоны, какой-либо целенаправленной агитационной работы, призывающей женщин на службу в армию, не было. Женщины добровольно, часто путем немалых трудов вступали в ряды Красной Армии.

«Гендерный порядок», сложившийся в Российской империи и Советском Союзе, предписывал мужчине роль кормильца семьи. Его статус определялся должностью на работе. Женщина также воспринималась как член трудового коллектива, но основная ответственность, возложенная на нее, была связана с организацией быта семьи.

Согласно исследованиям С. А. Ильиных, гегемонная маскулинность традиционно подразумевает всестороннее доминирование мужчин в социуме, власть и силу, что зафиксировано в языке в форме пословиц, поговорок, многочисленных фразеологизмов и других вариантов презентации гендерных стереотипов [7; 15]. Следует отметить, что до сих пор гендерные идентичности, сформиро-

ванные в царские и советские времена, влияют на поведение людей в различных сферах [1].

Г. В. Елохова и Л. А. Романенко подчеркивают, что формирование профессионала находится в тесной связи со спецификой осуществляемой человеком деятельностью и особенностями профессиональной среды, которые обуславливают приоритетные способы концептуализации и категоризации мира и особенности его мышления [5]. В связи с этим происходит формирование профессиональных стереотипов, которые рассматриваются как схематичный, достаточно устойчивый образ человека либо группы лиц, имеющих одну профессию, и который формируется как результат обобщения личного профессионального опыта [10].

Привлечение молодежи в ряды Вооруженных сил России становится приоритетной задачей с началом реформ в армии. Возникает необходимость создания и фиксации в сознании целевой аудитории набора положительных ассоциаций, связанных с военной службой. Одним из самых важных инструментов привлечения целевой аудитории на службу по контракту стала военная реклама. Это становилось возможным благодаря соотношению образа военнослужащего с образами «героя», «простого славного парня», то есть с привычными социальными ролями, которые одобряло советское общество [12]. Происходило активное



Рис. 2. Стереотипный образ женщины во время Второй мировой войны и после нее

распространение информации о положительных качествах данной профессии, ее исключительном, элитарном характере [8].

В русскоязычной рекламе военной службы по контракту социальные роли четко распределены, ярко отражены гендерные стереотипы. Анализ фактического материала позволил определить, что военная служба в России традиционно считается «мужской» сферой деятельности, поскольку ассоциируется с немалыми физическими и психологическими трудозатратами, ненормированным графиком, оторванностью от дома, рисками для жизни. На основе результатов анкетирования И. М. Козина составила список стереотипных «мужских» и «женских» профессий. В своей статье исследователь отмечает, что мужчины-респонденты, участвующие в эксперименте, отнесли профессию военнослужащего к «мужским» профессиям (девятая в списке «мужских» профессий).

Такие результаты исследования являются следствием представлений о «естественном» разделении труда на основе полового признака. Частная сфера (работа дома) прочно связана с женским неоплачиваемым трудом, в то время как публичная сфера (хорошо оплачиваемая работа в какой-либо организации или тяжелый физический труд на производстве) связана с «мужскими» профессиями [9]. Профессиональные и гендерные стереотипы распространяются в обществе посредством социальной среды, а также СМИ [11].

В русскоязычных слоганах стереотип «военная служба — дело мужчин» выражен эксплицитно при помощи местоимений, стоящих в мужском роде, а также имен существительных и прилагательных мужского рода: «Ты сам выбираешь, где служить», «Выбирай мужскую профессию», «Ты готов к военной службе по контракту?», «Ты молод? Силен? Отважен? Считаешь, что рожден для великих свершений? Тогда эта работа для тебя!», «Военная служба по контракту — дело настоящих мужчин», «Военная служба по кон-

тракту — выбор настоящего мужчины», «Крут, как рекрут» (рис. 3)¹.

В креолизованных текстах рекламы военной службы по контракту следует отметить изображение военной техники, что закреплено в русской лингвокультуре как «мужская» сфера интересов. Таким образом, вербальный компонент, органично сочетаясь с иконическим, создает уникальную комбинацию, способную достичь главную цель рекламы — побудить потенциального потребителя к действию.

Примером могут служить военные рекламные слоганы «Хочешь прокатиться?», «Без тебя даже он не сможет постоять за Родину...» в рекламе с изображением БТР или «Моя цель — нести пользу народу, а твоя?», «Ты с нами?», «У нас все реально», «Она бьет без промаха, а тебе слабо?», «Мечтаешь о крутой тачке? Никогда тебе не подойдет! Выбирай любой!». При этом иконическая часть содержит образ мужчины (рис. 4).

Стереотип сильного и выносливого воина создается с помощью использования соревновательного компонента, например: «А тебе слабо?» Подобные слоганы стимулируют целевую аудиторию доказывать, что она на многое способна.

Для усиления эмоционального воздействия в военной рекламе могут использоваться стилистические приемы [13]. Например, в слогане «Месяцами рубишься в Counter Strike? Вооруженные силы предложат вариант лучше!». В данном случае с помощью прилагательного в сравнительной степени служба в армии позиционируется как престижная профессия, способ повышения социального статуса, способ самоутвердиться в обществе. Например: «Привык, что мама собирает тебя каждое утро? У нас это делает президент!» Использование прецедентной личности (президент) помогает подчеркнуть важность и престиж про-

¹ Министерство обороны Российской Федерации (https://contract.mil.ru/enlistment_contract/info.html; дата обращения 11.01.2022).



Рис. 3. Образ мужчины в иконическом компоненте военной рекламы



Рис. 4. Образ военнослужащего с оружием в иконическом компоненте военной рекламы

фессии военнослужащего. Кроме того, в данной рекламе используются два образа, имеющие в русской культуре положительную коннотацию (мать и президент), что подталкивает реципиента сделать перенос и на изображенного военнослужащего, поскольку ни один из задействованных образов не противопоставлен другим. Также следует отметить некую трансформацию гендерного стереотипа. Если в предыдущих случаях военнослужащий изображался как взрослый, независимый, сильный мужчина, то в настоящей рекламе это уже образ более инфантильного молодого человека, который привык чувствовать материнскую заботу о себе и в зрелом возрасте. Таким образом, можно отметить, что под влиянием экстралингвистических факторов (особенности воспитания поколения Z) поменялась и вербальная составляющая части текстов военной рекламы.

Говорить о трансформации гендерного стереотипа женщины, «феминизации» военной профес-

сии в России, пока рано, поскольку реформа армии еще не завершена и система военной службы по контракту в России находится в активной фазе становления, но определенные тенденции уже прослеживаются. В стадии появления находится новый гендерный акцент, феминистический. В настоящее время в высшие учебные заведения Министерства обороны России ведется набор девушек, однако в ограниченном числе. Например, в Военной академии связи им. Маршала Советского Союза С. М. Будённого ежегодно для приема девушек выделяется 20 мест. Уже можно встретить такие слоганы: «Военная служба по контракту в армии, в горячих точках 2018, условия отбора в Вооруженные силы РФ, зарплата для парней и девушек России», «Девушки в Армии России», «Солдаты Джейн: девушки, решившие служить в Российской армии». Но они, скорее, носят информативный характер (рис. 6), и являются немногочисленными.



Рис. 5. Трансформация образа военнослужащего в русскоязычной рекламе. Нацеленность на поколение Z



Рис. 6. Образ женщины-военнослужащего в военной рекламе

Сложившийся в Армии России стереотип «военнослужащий — это мужская профессия» является устойчивым, но вместе с устойчивостью и консерватизмом для него характерна также согласованность представлений. То есть стереотипизирующая общность создает целую устойчивую совокупность представлений, которые формируются в сознании индивидов, с одной стороны, на основе их жизненного опыта, а с другой — под влиянием разных информационных источников, в частности СМИ. О том, что военная реклама находится в процессе трансформации, свидетельствуют примеры, представленные на рис. 7.

В первом рекламном тексте (рис. 7) наблюдается диссонанс между иконической и вербальной частями: «Военная служба по контракту — дело настоящих мужчин!», в то время как на картинке на первом плане изображена женщина-военнослужащий. Таким образом, на данный момент можно говорить о попытках популяризации профессии военнослужащего и среди женщин.

Отдельно необходимо упомянуть сложившийся в русской лингвокультуре профессиональный стереотип военнослужащего. Профессия военного исторически считается благородной, почетной, заслуживающей уважения и восхищения. Однако в России в период афганской и чеченских кампаний был спад интереса к профессии в связи с возросшими рисками для жизни, упадком в экономической и политической сферах страны, отсутствием финансирования и достойного обес-

печения военных. Вместе с тем за последующие 22 года престиж армии неизменно рос, достигнув в настоящее время высокой отметки.

В настоящее время Министерство обороны продолжает предпринимать действия для повышения престижа профессии военнослужащего. В частности, это происходит за счет противопоставления военной и гражданской («обычной») профессии в пользу первой, которая рассматривается, как «настоящая работа», элитная профессия, работа для избранных: «Превосходство во всем!», «Военная служба по контракту. Правильный жизненный выбор», «Закалишь характер. Станешь воином профессионалом», «Военная служба по контракту. Престиж. Честь. Профессия», «Шанс, доступный только лучшим!», «Спецназ — элита вооруженных сил» (рис. 8)¹.

Военная служба по контракту как социальный институт становится некоей референтной группой и воспринимается целевой аудиторией как эталон, образец для подражания. Любая другая, не военная работа представляется обыденной, скучной, далекой от высоких целей, миссий и идеалов.

Особое внимание в военной рекламе службы по контракту уделяется формированию образа стабильности, широким финансовым и жилищным возможностям, возможностям карьерного и личностного роста. В подавляющем большинстве

¹ Министерство обороны Российской Федерации (https://contract.mil.ru/enlistment_contract/info.html; дата обращения 11.01.2022).



Рис. 7. Трансформация стереотипа «военная служба — дело мужчин»



Рис. 8. Стереотип «настоящая работа» в военной рекламе

текстов военной рекламы службы по контракту отмечается достойный уровень заработной платы (денежного довольствия), льготная ипотека, достойное обеспечение, бесплатное образование, социальные гарантии и льготы, перспективы. То есть те ценности, которые становятся одними из приоритетных в современном обществе. Например: «Служба по контракту в мотострелковой дивизии. Твой билет в будущее», «Новая профессия; новые условия службы; новые размеры денежного довольствия», «Военная служба по контракту — твой билет в будущее», «Будешь социально защищен», «Военная служба по контракту. Надежность. Стабильность» (рис. 9).

Такие лексемы, как «стабильность», «достойный», «высокий», являются эмфатичными средствами аттракции целевой аудитории, приближая их к мечте или желаемому, показывая, что если стать частью этой системы, этого социального института, то жизненная и социальная позиции будут утверждены и достигнуты, человек добьется всех высот, всего самого необходимого, не зря будет жить. Таким образом, запускается механизм стереотипизации, когда потенциальная энергия человека направляется в нужное русло — для усиления сверх-Я [13]. Кроме того, подчерки-

ваются новизна профессии и ее связь с будущим. Использование таких языковых средств помогает создать стереотип «военнослужащий — профессия будущего». В проанализированных примерах военнослужащий предстает как воин будущего, в распоряжении которого находятся все последние технические разработки.

Следует также отметить, что в военной рекламе реализуется стереотип «военный — благородная профессия»: «Моя цель — нести пользу народу. А твоя?», «Верю в себя, думаю о будущем, служу России!», «Займи свое место в строю!», «Мир, который мы защищаем...», «Достойный выбор!», «Новая Армия Великой России», «Послужим России вместе», «Люди скажут тебе спасибо!», «Не просто работа, а профессиональный защитник Родины!». Указанные слоганы вызывают, транслируют мысль о сплоченности военного коллектива, апеллируют к духовным и нравственным ценностям и т. д. Кроме того, такие лексические единицы, как «мы», «вместе» и прочие, указывают на то, что стереотип «военнослужащие — это братство» консервативен и изменений не претерпел.

Рассмотренный материал говорит о высоком уровне популяризации профессии военнослужащего в современном российском обществе,



Рис. 9. Стереотип «стабильность и высокий социальный статус»



Рис. 10. Стереотип «военный — благородная профессия»

формировании у целевой аудитории положительного образа профессии военного (рис. 11). Образ «мужчина-военный» твердо ассоциируется с опорой семьи и стабильностью государства:



Рис. 11. Стереотип «военный — опора семьи»

Таким образом, к настоящему моменту в российской лингвокультуре сложился стереотип военнослужащего, указывающий на взаимосвязь профессионального и гендерного стереотипов: это молодой сильный мужчина, профессионал, который может обеспечить стабильность своей семье и защитить свое государство. Современная рекламная продукция указывает на тенденции изменения стереотипов.

Стереотипный образ военнослужащего в англоязычной военной рекламе

В англоязычном военно-рекламном дискурсе можно проследить несколько иные тенденции развития стереотипного образа военнослужащего. В американском военном дискурсе военная реклама, а соответственно, и стереотипизация претерпели три этапа развития, которые были связаны с военными действиями во время Первой мировой войны, Второй мировой войны и войны во Вьетнаме с последующим полным переходом на добровольную систему комплектования Вооруженных сил [13]. В Великобритании периодами применения пропагандистской рекламы в виде постеров также можно считать годы мировых войн. Вплоть до 1957 г., когда была принята Defense White Book (Белая книга 1957 г.), армия Великобритании наряду с наемниками состояла из солдат-призывников, которые призывались в национальную армию. Начиная с 1957 г. вплоть до 16 мая 1963 г. прошла серьезная реформа армии Великобритании, которая привела к возникновению добровольной контрактной службы.

Реклама военной службы в виде постеров активно применялась на всех этапах исторического призыва к военной службе, например: *Then. Now.*

Forever (Тогда. Сейчас. Навсегда. — Здесь и далее перевод авторский), Who's absent? Is it You? (Кто не с нами? Ты?), An appeal to You (Призываем тебя), Don't stay in the crowd and stare. You are wanted at the front (Не стой в стороне. Ты нужен фронту), There's still a place in the line for You. Will You fill it? (В строю еще есть места. Займи свое), Boys! Come along. You are wanted (Парни! Вступайте в ряды. Вы нужны своей стране) (рис. 12).

Военная реклама была обращена исключительно к мужчинам, о чем свидетельствуют как вербальный, так и иконический компоненты рекламы.

В рекламных постерах на начальном этапе женщина в большинстве случаев фигурирует как объект, который нужно защищать, который ждет и молится за победу «*Women Britain say GO!*» (*Женщины Британии говорят: «Вперед!»*), остается хранительницей домашнего очага (рис. 13). В то же время женщина берет на себя тяжелую работу в военное время в тылу, прежде всего обеспечивая фронт продовольствием, обеспечивая бесперебойную работу производств, заводов, правительственных депо, транспортных узлов, помогая медицинскому персоналу в госпиталях. В отношении женщин также разворачивается широкая «призывная» кампания, нацеленная на обеспечение нужд фронта и тыла: *Keep the farms going while men are fighting (Фермы должны работать, пока мужчины воюют), More aero planes are needed. Women come and help! (Нужно больше аэропланов. Женщины, на помощь!), On HER their lives depend (Их жизнь зависит от НЕЕ), These women are doing their bit (Эти женщины вносят свой вклад)*. В слоганах фигурируют распространенные синтаксические конструкции, объясняющие, какая именно помощь требуется от женщин в военное время: нужно больше аэропланов, женщины нужны для работы в полях и на заводах, нужны медицинские сестры, от них зависит жизнь воюющих героев-мужчин, они помогают.

Стремление к независимости во всем не могло не затронуть и военную сферу. Женщина стремится доказать, что она ничем не хуже, в чем-то, возможно, даже лучше, что может наравне с мужчинами выполнять долг перед своим народом и Родиной. В это время проявляется смещение гендерного акцента, начинается процесс феминизации в профессиональной среде. На рекламных постерах появляются улыбчивые женщины в военной форме, молодые, красивые, с целеустремленным выражением лица (рис. 14¹).

¹ Women of World War II (<https://www.womenofwwii.com>; дата обращения 16.06.2021).

Призывные слоганы: *We're On the Same Team — and there's none better* (Мы в одной команде — и лучше команды нет), *In the mainstream... The Woman Officer in the Navy* (В строю... Женщина-офицер на флоте), *Waves Honor Roll. Will Your name be there?* (Доска почета женщин-добровольцев ЧР. Твое имя будет здесь?), *You are needed Now* (Ты нужна СЕЙЧАС), *Join the Marines* (Стань частью резерва флота), *Be a Marine. Free a marine to fight* (Служи в резерве флота. Пусть моряк воюет), *You are a girl with a star-spangled heart? Join the WAC now!* (Если ты девушка с пылающим сердцем, вступи в женский армейский корпус), *This is my war too* (Это и моя война), *Share the Deeds of Victory. Join the waves* (Приблизь победу. Стань добровольцем службы ЧР), *Don't miss your great opportunity... The navy*

needs you in the waves (Не уппусти свой шанс... Флоту ты нужна в ЧР), *She is helping to win... How about you?* (Она приближает победу... А ты?), *Wish I could join too! Serve your country in the waves* (Я тоже хочу воевать! Послужи своей стране в ЧР) — отражают четкую тенденцию к смещению гендерного акцента.

Под действием феминистических установок, распространявшихся в американском обществе, социальный институт Вооруженных сил стал постепенно трансформироваться. Образ защитника больше не фигурирует как исключительно мужской, то есть архетип «Защитник — это мужчина» постепенно наполняется новым содержанием: «Защитник — мужчина и... женщина». Например: *Serve your Country* (Служи своей стране); женщина становится частью команды: *We're on the Same*



Рис. 12. Военная реклама в Англии и США времен Первой мировой войны



Рис. 13. Образ женщины в англоязычной военной рекламе (начальный этап) [22]



Рис. 14. Образ женщины-военного в военной рекламе Англии и США

Team (Мы в одной команде), There's none better (Все равны).

Примечательной в этой связи можно считать военную рекламу с изображением девочки, которая мечтает вступить в ряды ВС и мечтательно всматривается в портрет своей матери, которая изображена в военной форме. Очевидно, что девочка хочет пойти по стопам своей матери и тоже в будущем стать военнослужащей. Таким образом, в военной рекламе о профессии военнослужащего мечтают и девочки, стремясь пойти по стопам своей мамы (рис. 15).



Рис. 15. Расширение целевой аудитории военной рекламы

Эффективность рекламы повышалась и за счет активизации идеи о возможности профессиональной самореализации женщин в армии, получения бесплатного образования в престижных высших учебных заведениях, а также трудоустройства. Например: *Learn a skill, you'll value all your life! (Учись. Никогда не пожалеешь), Join the US Nurse cadet corps (a life time education-Free if you can qualify) (Присоединяйся к женскому кадетскому корпусу), Don't miss your great opportunity... (Непусти свой шанс...)*. Женщины начинают осознавать, что профессиональные возможности их значительно расширяются, появляется возможность трудоустройства в новой среде (рис. 16).

Широко военная рекламная кампания среди женщин в Америке развернулась после 1975 г., когда Конгресс санкционировал прием женщин в академии федеральной службы. В Великобритании прием начинается с 1963 г. С этого времени начинается трансформация сложившегося стереотипа, что война — это дело исключительно мужское, происходит смена гендерных парадигм в результате феминистических движений за права женщин [16].

С 2006 г. вплоть до настоящего момента официальный слоган ВС США — *Army Strong*. Соответственно, в военной рекламе формируется стереотип

сильного, выносливого героя своей страны: *Don't just play hero. BE ONE* (рис. 17).

Рассматривая военную рекламу в Великобритании, необходимо отметить, что с переходом Армии на контрактную основу британская армия использовалась в качестве так называемых миротворческих сил (период с 1969 по 2007 г.). В 1960—80-х гг. английская вербовочная реклама сконцентрировалась на интересах молодежи того времени, увлечениях радиосвязью, фотографией, пилотированием. Невербальный образ манил новобранцев увлекательностью профессии. Слоганы утверждали, что британская армия — это армия профессионалов, но профессионалов любознательных, жизнь которых наполнена многогранным смыслом, к которым обязательно нужно было присоединиться, тоже стать такими (рис. 18).

Кроме того, Вооруженные силы — это залог безбедного существования, достойного денежного содержания, что создавало устойчивый образ безоблачного будущего, перспектив. Вербовочная реклама обещает новобранцам то, к чему стремится любой человек, — благосостояние. И это только начало. Слоганы ориентировались на профессиональные возможности, которые военная сфера могла открыть перед новобранцами: *See what today's Army offers YOU! (Увидишь, что предлагает Армия ТЕБЕ сегодня), The Professionals. Join for 3 years. Start at £17—50 a week, Join the Professionals. Army (Присоединяйся к армии профессионалов)*.

Военная реклама ориентирована как на мужскую, так и на женскую аудиторию, о чем свидетельствует иконическая часть креолизованных текстов военной рекламы (рис. 19¹).

Начиная с 2012 г. наблюдается существенный спад интереса молодежи к военной профессии. Среди новобранцев 47 % разрывают контракты до окончания службы. В попытке популяризации ВС британская армия прибегла к созданию креолизованных текстов военной рекламы, ориентированных на смещение установок молодых людей (юношей и девушек) 16—25 лет. Министр обороны Великобритании назвал такую вербовочную рекламу *powerful call to action (мощным призывом к действию)*. Такие слоганы, как: *Are you a "binge gamer"? Selfie Addict? A "Phone Zombie"? A Class Clown? If so, the British army wants to recruit you* (рис. 20).

¹ Behance. US Army Advertising Campaign (<https://www.behance.net/gallery/25715569/US-Army-Advertising-Campaign>; дата обращения: 18.06.2021).



Рис. 16. Примеры военной рекламы для женщин периода Второй мировой войны. Профессиональные возможности



Рис. 17. Стереотип героя в англоязычной военной рекламе. Современный этап



Рис. 18. Военная реклама в Великобритании (1960—80-х гг.)



Рис. 19. Стереотипный образ женщины-военнослужащей



Рис. 20. Военная реклама Министерства обороны Англии (2018)

На постерах изображены как юноши, так и девушки разных национальностей в военной форме. Реклама призывает: *Army needs You* (*Вы нужны своей армии*). Так как люди поколения Z отличаются от предыдущих поколений, в данной рекламной кампании произошло расширение стереотипного образа военного. В связи с тем что количество новобранцев неуклонно снижалось несколько лет, МО Великобритании было вынуждено обратиться с призывом на военную службу тех категорий лиц, которые ранее вряд ли могли рассчитывать на прохождение службы в армии (неженки, «ми-ми-мишные» девушки, школьные клоуны, телефонные зомби и т. д.): если это «селфи-наркоманы», то армии нужна их самоуверенность (*Your Army needs YOU and your CONFIDENCE*), если заядлые геймеры, то армии нужен их драйв (*Your Army needs YOU and your DRIVE*), если смартзомби, то армии нужен их фокус (*Your Army needs YOU and your FOCUS*), если фарсеры, то армии нужен их боевой дух (*Your Army needs YOU and your SPIRIT*), если неистовые националисты, то армии нужна их вера в погибшую империю (*Your Army needs YOU and your misguided Faith in a DEAD EMPIRE*), если миллениалы, которые привыкли все получать и жить только для себя (мне... мне... мне... миллениалы), то армии нужна их вера в себя (*Your Army needs YOU and your*

SELF-BELIEF), да даже если просто бездельники, то армии нужна их участливость (*Your Army needs YOU and your COMPASSION*).

Внутренняя трансформация гендерных категорий в массовой культуре привела к формированию «новой фемининности» и «новой маскулинности». Как отмечает Е. С. Зиновьева, для данных понятий характерна динамика содержательно-смысловой структуры. «Новый», современный мужчина может успешно совмещать в себе как мужские, так и женские качества личности. К первой группе можно отнести самодостаточность, финансовую независимость и силу, ко второй — так называемые «женские» черты, например чуткость, отзывчивость и эмоциональность открытость [6]. В военной рекламе находит подтверждение мысль о том, что «новую фемининность» воплощает образ современной успешной женщины. Для «новой женщины» одинаково значима самореализация как в семье, так и в карьере [14; 15].

Политика толерантности, равенства находит свое отражение и в таком социальном институте, как Вооруженные силы (рис. 21).

В англоязычной военной рекламе служба в армии репрезентирована как вхождение в новую семью: *Family is not always blood* (*Семья — не только по крови*) (рис. 22).



Рис. 21. Дальнейшее расширение стереотипа военнослужащего в англоязычной военной рекламе за счет включения в иконический компонент фотографий людей различных национальностей



Рис. 22. Стереотип «военнослужащие — сплоченная семья»

Однако некоторые рекламные кампании пошли еще дальше. В 2018 г. Вооруженные силы Швеции

выпустили ряд постеров с изображением представителей сексуальных меньшинств (рис. 23).



Рис. 23. Исчезновение стереотипа «армия — для людей с традиционной сексуальной ориентацией» в англоязычной военной рекламе

Иконический компонент (цвета радуги) помогает расшифровать языковую игру, в которую вовлекается многозначное слово *straight*.

Согласно Collins Dictionary, *straight* — 1. not curved or crooked; continuing in the same direction without deviating; ... 33. (slang) heterosexual.

Среди военных постеров наряду с уже рассмотренными появляются довольно нетрадиционные, с флагами ЛГБТ, под общим девизом *Everyone in the Army* (армия для всех).

Принимая во внимание вышеизложенное, приходим к выводу о том, что гендерные стереотипы в военной рекламе службы по контракту в русской лингвокультуре являются достаточно консерва-

тивными, в меньшей степени подвержены изменению в связи с изменением экстралингвистической ситуации, чем англоязычные. Для русскоязычной военной рекламы характерно задействие стереотипа «армия для мужчин», в то время как в англоязычной военной рекламе данный стереотип трансформируется и в настоящее время используется редко, там в ходу стереотип «армия для всех». Профессиональные стереотипы также подвержены изменениям. Все примеры, показывающие изменения стереотипа военнослужащего, представляют комбинацию иконического и вербального компонентов как знаков единого семиозиса, являющегося ключом к распознаванию смысла рекламы.

Список источников

1. Ашвин С. Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 63—72.
2. Бендас Т. В. Гендерная психология: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2005. 431 с.
3. Голованова Е. И., Часовский Н. В. Интернет-мем как элемент визуализации в СМИ // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5 (360). С. 135—141.
4. Гриценко Е. С. Язык как средство конструирования гендера: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2005. 405 с.
5. Елохова Г. В., Романенко Л. А. Профессиональная языковая личность будущего инженера: теоретический аспект // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 209—214.
6. Зиновьева Е. С. Современные аспекты изучения гендера в языкознании // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 1. С. 74—78.
7. Ильиных С. А. Феномен «нового мужчины», или Снова о гендере // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 14. С. 93—97.
8. Киселев К. В. Политический слоган: проблемы семантической политики и коммуникативная техника. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. 243 с.
9. Козина И. М. Профессиональная сегрегация: гендерные стереотипы на рынке труда // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 126—136.
10. Конюхов Н. И. Прикладные аспекты современной психологии: термины, концепции, методы. 1992. URL: <https://www.psyoffice.ru/slovar-s126.html> (дата обращения 19.01.2022).

11. Мотина А. В. Профессиональные стереотипы современной студенческой молодежи на примере вузов г. Барнаула // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. Сер.: Социология. 2017. № 14. С. 227—230.
12. Мурог И. А. Реализация персуазивной стратегии в военной рекламе: лингвопрагматический аспект (на материале современной англоязычной периодической печати): дис. ... канд. фил. наук. М., 2017. 220 с.
13. Романов А. С. Языковые средства экспликации этнических стереотипов в картине мира американских военнослужащих: дис. ... канд. фил. наук. М., 2015. 215 с.
14. Севелова М. А. Маскулинность и фемининность как ключевые категории гендерной теории // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2011. № 5—6.
15. Шади Мали А. А. Гендерный стереотип как лингвокультурное явление // *Filologos*. 2015. № 24 (1). С. 55—59.
16. Woodruff T., Kelty R., Segal D. R. Propensity to Serve and Motivation to Enlist among American Combat Soldiers // *Armed Forces & Society*. 2006. No. 32 (3). P. 353—366.

References

1. Ashvin S. Influence of Soviet gender order on modern behavior in employment sphere. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2000;(11):63-72. (In Russ.).
2. Bendas TV. *Gendernaya psikhologija = Gender psychology*. St. Petersburg: Piter; 2005. 431 p. (In Russ.).
3. Golovanova EI, Chasovskij NV. Internet meme as a visualizing element in the media. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2015;(5(360):135-141. (In Russ.).
4. Gritsenko ES. *Jazyk kak sredstvo konstruirovanoj gendera = Language as a means of gender constructing*. Abstract of thesis. Tambov. 405 p. (In Russ.).
5. Elokhova GV, Romanenko LA. Professional linguistic person of the future engineer: theoretical approach. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal = Siberian Journal of Philology*. 2015;(4):209-214. (In Russ.).
6. Zinov'eva ES. Modern aspects of gender studies in linguistics. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Vyatka State University*. 2016;(1):74-78. (In Russ.).
7. Il'inykh SA. "New man" phenomenon or on gender again. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta = Buryat State University Bulletin*. 2012;(14):93-97. (In Russ.).
8. Kiselev KV. *Politicheskij slogan: problemy semanticheskoy politiki i kommunikativnaya tekhnika = Political slogan: semantic politics issues and communicative technique*. Ekaterinburg: RAS Ural Department; 2002. 243 p. (In Russ.).
9. Kozina IM. Professional segregation: gender stereotypes on labor market. *Sotsiologicheskij zhurnal = Sociological Journal*. 2003;(3):126-136. (In Russ.).
10. Konyukhov NI. *Prikladnye aspekty sovremennoj psikhologii: terminy, kontseptsii, metody = Modern psychology applied aspects: terms, concepts, methods*. 1992. Available from: <https://www.psyoffice.ru/slovar-s126.html> (accessed 19.01.2022). (In Russ.).
11. Motina AV. Modern students' professional stereotypes, based on the example of higher educational facilities of the city of Barnaul. *Trudy molodykh uchennykh Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sociology = Works of young scientists of Altai State University. Series Sociology*. 2017;(14):227-230. (In Russ.).
12. Мурог ИА. Реализация персуазивной стратегии в военной рекламе: лингвопрагматический аспект (на материале современной англоязычной периодической печати) = Implementation of persuasive strategy in military advertisements: lingvo-pragmatic approach (based on the example of modern printed media issued in English). Abstract of thesis. Moscow; 2017. 220 p. (In Russ.).
13. Романов АС. Языковые средства экспликации этнических стереотипов в картине мира американских военнослужащих = Linguistic means of ethnic stereotypes explication in the American military people's picture of the world. Abstract of thesis. Moscow; 2015. 215 p. (In Russ.).
14. Севелова МА. Masculinity and femininity as key categories of gender theory. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova = Bulletin of KSU named after N. A. Nekrasov*. 2011;(5-6):46. (In Russ.).
15. Shadi Mali AA. Gender stereotype as a lingvo-cultural phenomenon. *Filologos*. 2015;(24(1):55-59. (In Russ.).
16. Woodruff T, Kelty R, Segal DR. "Propensity to Serve and Motivation to Enlist among American Combat Soldiers". *Armed Forces & Society*. 2006;(32(3):353-366.

Информация об авторах

Н. А. Смакотина — старший преподаватель кафедры иностранных языков технических факультетов, старший преподаватель кафедры лингвистики и теории перевода факультета иностранных языков.

А. А. Телегуз — доцент кафедры иностранных языков технических факультетов, доцент кафедры иностранных языков.

Е. С. Трофимова — старший педагог дополнительного образования.

А. Г. Фомин — профессор кафедры переводоведения и лингвистики.

Information about the authors

Natalia A. Smakotina — senior lecturer at the Department of Foreign Languages of Technical Faculties, Senior Lecturer at the Department of Linguistics and Translation Theory of the Faculty of Foreign Languages.

Anna A. Teleguz — Associate Professor of the Department of Foreign Languages of Technical Faculties, Associate Professor of the Department of Foreign Languages.

Elizaveta S. Trofimova — senior teacher of additional education.

Andrey G. Fomin — Professor at the Department of Translation Studies and Linguistics.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 14.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 14.02.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 808.41

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10320

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВРАЧЕ-ХИРУРГЕ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН

Светлана Андреевна Ростовцева¹, Анна Вячеславовна Таскаева²

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

² Южно-Уральский государственный институт искусств им. П. И. Чайковского, Челябинск, Россия

¹ rostovs79@mail.ru

² taskaeva_anna@bk.ru

Аннотация. Цель исследования — выявить национально-культурную специфику представлений о враче-хирурге в языковом сознании россиян на материале отзывов пациентов о работе нейрохирургов. Анализ отзывов, как положительных, так и отрицательных, позволяет сделать вывод, что положительный образ врача-хирурга формируется не только благодаря профессиональным качествам и высокой квалификации, но и благодаря успешной коммуникации. Национально-культурные особенности восприятия врачебной деятельности позволяют трактовать ее как дар, ниспосланный высшими силами.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, врач, хирург, образ врача

Для цитирования: Ростовцева С. А., Таскаева А. В. Представления о враче-хирурге в языковом сознании россиян // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 160—167. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10320.

Original article

IDEAS ABOUT THE SURGEON IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS

Svetlana A. Rostovtseva¹, Anna V. Taskaeva²

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

² South Ural State Institute of Arts named after P. I. Tchaikovsky, Chelyabinsk, Russia

¹ rostovs79@mail.ru

² taskaeva_anna@bk.ru

Abstract. This article aims at the study of the image of a surgeon in Russian linguistic consciousness. It presents the analysis of comments written by the patients or their relatives in response to the surgical treatment. Both positive and negative comments have been considered. The results of the study revealed the features associated with the positive perceptions of a doctor, among them high qualification and proficiency. The ability to communicate is also essential; it is believed to be a key factor of a successful outcome. Moreover, communicative failure at the initial stage is the reason for the patients to search for another doctor. The article also focuses on the cultural and linguistic specifics which promotes the perception of medical proficiency as resulting from a gift granted by divine power.

Keywords: linguistic and cultural image, doctor, surgeon, image of a surgeon

For citation: Rostovtseva SA, Taskaeva AV. Ideas about the surgeon in the linguistic consciousness of Russians. *Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(3(461):160-167. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10320.*

Образ профессионала в языковом сознании является предметом современных лингвистических исследований прежде всего в аспекте теории лингвокультурных типажей. К настояще-

му моменту описаны следующие обобщенные образы профессионалов: британский премьер-министр [8] и британская королева [14], американский проповедник [20] и американский адвокат [4], чиновник [13], политик [6], учитель [9], профессиональный путешественник [21], амери-

канский первопроходец [1] и американский гангстер [12], спортсмен [10], вахтерша [3], журналист [7], политический эксперт [11], руководитель компании [5] и др.

Несколько работ посвящены изучению образов профессионалов из медицинской сферы; авторы выделяют понятийные, ценностные и образные составляющие исследуемых лингвокультурных типажей.

Исследование А. А. Щербасовой [22] направлено на изучение понятийных, образных, ценностных и дискурсивных характеристик врача в рамках индивидуально-авторской репрезентации в произведениях А. П. Чехова. Среди отрицательных концептуализированных характеристик выделены: меркантильность, некомпетентность, лень и равнодушие; к положительным относятся противоположные — компетентность, бескорыстие и увлеченность профессией.

А. А. Рошина изучает лингвокультурный типаж «китайский врачеватель» [16] и описывает культурную специфику и такие ценностные признаки, как милосердие и верность профессиональному долгу, а также амбивалентное отношение к китайским врачевателям со стороны носителей культуры: уважение и высокая оценка профессиональной деятельности и при этом критическое восприятие шарлатанов и корыстолюбцев. Работы Е. С. Степановой посвящены изучению лингвокультурного типажа «земский врач» на материале цикла рассказов М. А. Булгакова «Записки юного врача» [17]. Выделены следующие характеристики земского врача: индивидуальность и ответственность, осознание недостаточности знаний для проведения лечения сложных клинических случаев, а также одобрительное и уважительное отношение пациентов и коллег. Е. А. Чигринова исследует особенности объективации образа-стереотипа «хороший врач» в русскоязычных СМИ [19] и делает вывод о том, что представление о «хорошем враче» ассоциировано прежде всего с его высоким профессионализмом.

Как можно видеть, типаж «врач» находится в фокусе исследовательского внимания лингвистов. Однако лингвокультурный образ врача-хирурга, как специалиста более узкого профиля, никогда прежде не являлся предметом исследований в лингвистике. Выделение в отдельную группу врачей-хирургов обусловлено прежде всего характером их деятельности, которая предполагает серьезное вмешательство различной степени инвазивности, как правило, проводимое с использованием анестезии, местной или общей. Человек, подверга-

ющийся подобного рода манипуляции, либо находится в бессознательном состоянии, либо лишен на определенный период чувствительности части тела. Согласие на подобные лечебные мероприятия должно требовать значительно большей степени доверия к специалисту, их осуществляющему; одновременно с этим и причины, которые приводят пациента в операционную, чрезвычайны, то есть представляют серьезную угрозу жизни и здоровью. Подобное сочетание необходимости и беспомощности, фактически передачи ответственности за свою жизнь в руки другого человека приводит к возникновению уникальных отношений между хирургом и пациентом, отношений, вряд ли сопоставимых с теми, что возникают при посещении терапевта в поликлинике, офтальмолога, мануального терапевта и других специалистов.

Актуальность исследования обусловлена высокой значимостью профессиональной деятельности хирурга для представителей любого сообщества в любой период его развития. Изучение и описание лингвокультурного образа врача-хирурга позволяет увидеть некоторые существенные особенности русской лингвоментальности, выявить национально-культурные ценности.

Теоретическая значимость исследования заключается в дальнейшей разработке теории лингвокультурных типажей, а также в определенном вкладе в развитие лингвистической аксиологии.

Цель исследования — выявить национально-культурную специфику представлений о враче-хирурге в языковом сознании россиян (на примере нейрохирургов). Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- 1) отобрать отзывы пациентов о врачах-нейрохирургах, оставленные в период с 2012 по 2021 г.;
- 2) изучить вербализацию представлений о враче-хирурге на материале отзывов пациентов о работе нейрохирургов;
- 3) выявить национально-культурные особенности представлений о враче-хирурге в языковом сознании современных российских граждан.

Языковое сознание понимается в исследовании как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств — слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [18. С. 24].

В качестве методов в исследовании используются: сплошная выборка, контент- и лингвокультурологический анализ. В качестве источника

исследуемого материала выбран популярный сайт отзывов о врачах, позиционирующий себя как «сайт № 1 в России», согласно исследованиям РБК на сентябрь 2019 г. Сайт содержит информацию о 729 111 врачах, 56 814 клиниках и 2 496 862 отзывах. Нами рассматривались только авторизованные отзывы, содержащие подтвержденную информацию об их авторах. Всего проанализировано 273 отзыва о работе нейрохирургов, осуществляющих как консультативную, так и хирургическую помощь пациентам.

Несмотря на отсутствие каких-либо стандартов или требований к написанию отзыва, можно выделить два основных вида, которые используются пациентами или их родственниками:

1. Отзывы, содержащие фактологическую и эмоциональную части: 1) описание заболевания, которое включает симптомы, первичное обращение, описание лечения; 2) эмоциональная — характеристика врача, слова благодарности (например: *«Хотелось бы выразить благодарность доктору от Бога, потрясающему нейрохирургу, кандидату медицинских наук Д. Н. М. 19.07.2021 в результате травмы на воде я попала в больницу на Костюшко, 2 с переломами грудных позвонков Th9-Th12, L1. На момент обращения в больницу чувствовала онемение в ногах, перелом одного из позвонков был осложненным, с отломком части кости. 22.07.2021 заведующий отделением Д. Н. совместно с лечащим врачом Е. успешно провели операцию и установили металлоконструкцию в позвоночник. Через день после операции я уже могла садиться и вставать. Под чутким руководством заведующего отделением прошла реабилитацию и спустя 2 недели меня выписали домой. Д. Н. — профессионал своего дела, великолепный и очень заботливый врач, которому небезразлична судьба пациентов. От всего сердца рекомендую обращаться именно к нему!»* (здесь и далее сохранена авторская орфография и пунктуация)¹.
2. Отзывы, содержащие только эмоциональную часть, — характеристика хирурга, проводившего лечение, слова благодарности (*«Очень приятный, внимательный врач. Ничего лишнего, все объяснит, разъяснит. Очень долго искала хорошего нейрохирурга, он единственный врач, после разговора с которым становится все предельно ясно и понятно. Очень важно, когда врачу доверяешь. Д. Н., спасибо Вам*

*за вашу компетентность и профессионализм. Если Вы сомневаетесь и ищете хорошего нейрохирурга, просто придите к нему на консультацию, Вы поймете все сами. В наше время стало очень сложно найти хорошего врача, удивляюсь только одному, почему так мало отзывов»*².

С точки зрения пациента, хороший хирург должен обладать как профессиональными навыками, так и общечеловеческими качествами. Про первые фактически в каждом отзыве пишут о «профессионализме, грамотности, высокой квалификации». При этом огромное значение уделено личным качествам: «внимательность, отзывчивость, спокойствие, добрейшее сердце, рассудительность, тактичность, доброжелательность, равнодушие».

Особое внимание во всех отзывах уделено коммуникативной способности хирурга, которая, с точки зрения пациента, имеет не меньшее значение, чем профессионализм. Если речь идет о плановой хирургии и пациент имеет возможность выбрать специалиста, который будет проводить хирургическое вмешательство, то первая встреча происходит во время консультации. Любопытно, что если контакт между врачом и пациентом во время консультации не налажен, то, несмотря на квалификацию, рейтинг, профессиональные навыки врача, пациент уходит искать другого специалиста. Именно поэтому подавляющее большинство отрицательных отзывов — про консультативную помощь, а не про неудачно проведенное лечение. Следующие претензии типичны: *«Слушать меня ему было неинтересно, исследования мои изучать тоже, вопросов практически не было, на меня врач старался вовсе не смотреть»;* *«Вышла от него в ужасном состоянии. Он не давал слова сказать, оборвал сразу с претензией на то, что если всех будет слушать, то до ночи будет сидеть. Сидит вальяжно, нога на ногу, демонстрируя неуважение клиенту. Грубо заявил, чтобы я только четко отвечала на его вопросы, а не перечисляла свои жалобы».* Именно при коммуникативных неудачах отношения между врачом и пациентом воспринимаются последним как услуга, оказание которой не соответствует ожиданиям и цене: *«Это было похоже не на консультацию, за которую я со своей пенсии заплатила 1700 руб., а на допрос полиция. Внушает только негатив, не оставляя надежды на положительный эффект в любом случае»;* *«Я провела в кабинете 5 минут (!) и заплатила ни за что 3000. Что за конвейер?! Не зна-*

¹ <https://prodoctorov.ru/spb/vrach/267050-monashenko/#otzivi>

² <https://prodoctorov.ru/spb/vrach/267050-monashenko/#otzivi>

ла, куда бы выкинуть деньги. Впечатление после посещения отвратительное». В случае удачного контакта вопрос оплаты либо не упоминается вообще, либо пациент выражает удивление, что, как правило, несмотря на ожидания, лечение было проведено безвозмездно.

Примечательно, что в негативных отзывах про неудачно, с точки зрения пациента, проведенное лечение или результаты, не соответствующие ожиданиям, основной претензией также остается недостаточное внимание и отсутствие общения между пациентом и хирургом. Показательны такие отзывы, где наиболее негативную реакцию вызывает не столько отрицательный результат, сколько отсутствие коммуникации или ее несоответствие ситуации: «Врач быстро принял решение об операции, обнадежил хорошим результатом. Операция на пояснично-крестцовом отделе не принесла облегчения. Боли сохранились и со временем даже усилились. Паясничает с пациентами, не всем такое по душе, и не каждый должен понимать и принимать его шутки. Врач общается панибратски, всех на «ты», по фамилии. Странно шутит. Не дает разъяснений о своих манипуляциях. Закончилось все тем, что после операции мы даже не знаем, у кого дальше лечиться. Сам Н. А. перестал выходить на связь» или «Оперировал мою тетю, ей было 80, менингиома. У нее был сахарный диабет. Считаю, врач не объяснил в полной степени все последствия, которых мы могли ожидать после операции и которых мы предвидеть не могли. А он должен был. На следующий день после операции нам сказали, что у нее ишемический инсульт. Через неделю сделали трахеостомию, и месяц она мучительно умирала. Подумайте, стоит ли оперировать ваших близких в таком преклонном возрасте»¹.

Любопытным и нетипичным представляется следующий отзыв, где сам врач, понимая определяющую роль выстраивания контакта с пациентом отказывается от дальнейшего лечения, видя невозможность осуществить взаимодействие. «Хочу написать про хирурга С. Я не знаю, насколько он хорош как специалист, потому как оперировать меня он попросту отказался! Я приехала в больницу издалека, договорилась с ним по телефону. Он говорил, что, когда я приеду, он подробно меня проконсультирует и ответит на все интересующие вопросы. В итоге, никто ничего мне не объяснил, а когда я сама подошла к нему и стала задавать вопросы, это было накануне предполагаемой опе-

рации, мне было очень страшно, так как я никогда в жизни не оперировалась под общим наркозом. Не выдержав, я расплакалась, а он, увидев мои слезы, сказал, что раз я не настроена, он не будет меня оперировать»².

В положительных отзывах успешно проведенное лечение неразрывно связано с налаженной коммуникацией. Можно выделить следующие составляющие, способствующие коммуникативному успеху: достаточное количество времени, подробное и доступное для понимания объяснение, спокойствие и доброжелательный тон: «Все популярно, доходчиво объясняет»; «Огромнейший человеческий фактор: умение поддержать и настроить на положительный результат, ответы на все вопросы, которые возникают в ходе консультации, госпитализации, лечения, реабилитации после лечения»; «Мы общались минут 40 или же час по времени. Все было нормально, без какой-либо спешки. Мы с врачом полностью все обсудили. Говорил врач совершенно доходчиво, на спокойных тонах»; «Манера общения с пациентами у него вполне доброжелательная. Мы общались с ним минут 30—35, то есть доктор абсолютно не спешит, а спокойно решает все вопросы. Я думаю, что уровень его квалификации довольно высок»; «Спокойно, доброжелательно и в то же время честно, открыто он объяснил медицинскую ситуацию, в которой мы оказались, возможности и последствия. Появилась надежда мамы на жизнь».

Считаем, что потребность в качественной коммуникации является особой ценностью в отношениях между врачом и пациентом в связи с особенностями русского национального характера. Так, потребность в искреннем общении закреплена в таких культурно-маркированных единицах русского языка, как «излить душу», «душа нараспашку», «поговорить по душам» и др.

Именно коммуникация способствует формированию образа врача-целителя, выводя его из сформированного архаического представления как о представителе иного потенциально враждебного мира. «Врач — представитель господ, человек другого круга, другого интеллектуального уровня, неспособный вести диалог на языке обывателя, воспринимается как враждебный элемент» [Цит. по: 15. С. 109]. Вызовы новой реальности, такие как, например, эпидемии, вследствие семиотической перверсии приводят к включению образа врача в семантическое поле

¹ <https://prodoctorov.ru/spb/vrach/69522-bushik/#otzivi>

² <https://prodoctorov.ru/spb/vrach/72204-stepanenko/#otzivi>

«смерть». Подобный же процесс можно наблюдать как на уровне социума, так и на уровне одного человека или семьи, столкнувшихся с серьезным заболеванием. Эта новая реальность обусловлена реальной угрозой жизни пациента, страхом неизвестности, а также необходимостью доверить свою жизнь другому, совершенно незнакомому человеку. Успешная коммуникация позволяет на начальном этапе снизить до приемлемого сознанием уровня страх перед неизвестностью. Подробное спокойное и доступное объяснение низводит ситуацию с индивидуально эсхатологического уровня до бытового, на котором оперативное вмешательство представляется рутинной процедурой, требующей от всех участников процесса решения конкретных задач.

Важной особенностью вербализации представлений о враче-хирурге в русском языковом сознании является восприятие хирурга как человека, обладающего Божественным даром. Наряду с такими фигурами речи, как «золотые руки», «Человек/Врач с большой буквы», наиболее часто встречается «врач/хирург от Бога» (в 38 из 273 проанализированных нами отзывов). Мы можем предположить, что в данном случае происходит формирование мифологемы хирурга как средства социальной ориентировки и лучшего понимания сложных явлений [2]. Сам поиск врача представляет собой некий путь, который проходит пациент, где встреча с будущим хирургом является пунктом назначения. Несмотря на то что пациенты зачастую затрачивают значительные усилия на поиск специалиста (интернет-поиск, активное привлечение знакомых и пр.), встреча со «своим» хирургом интерпретируется как вмешательство высших сил: «Бог направил к нужному доктору»; «провидение, которое привело меня к нему»; «к врачу, которого сам Бог нам послал»; «спасибо Вселенной, что привела мою маму именно к нему»; «благодарю судьбу, что мне встретился такой замечатель-

ный врач»; «Это просто щедрый дар Небес, что Ч. стал лечащим врачом». Чудо встречи подчеркивается следующим: а) был длительный неудачный поиск; б) встреча происходит именно в тот момент, когда пациент находится в отчаянном/критическом положении. И в дальнейшем для описания самого оперативного вмешательства и его результатов очень часто используется представление о чудесном преобразовании («о чудо, боль ушла»; «это фантастика»; «это что-то невероятное»; «это волшебство»; «мы видели, какие чудеса он творит»; «сотворил чудо»).

Религиозная интерпретация событий, вера в Божественное проведение являются характерной глубинной чертой русского национального характера, что также находит отражение в паремиологическом фонде русского языка («воля Божья», «в руках Божьих», «Божья рука владыка», «Бог пути кажет», «дай /не дай Бог», «Бог дал, Бог взял», «Бог не даст — нигде не возьмешь»; «Как у Христа за пазухой» и др.). Именно это свойство русского национального характера позволяет воспринимать специалиста как спасителя, наделенного Божественной/чудесной силой («врач — это руки Божьи, исцеляющие людей»; «Вы мой ангел-хранитель»; «Вместе с этим доктором в палату ходили и свет, от него идущий»).

Образ профессионала — врача-хирурга складывается и пребывает в русском языковом сознании под влиянием не только объективных результатов деятельности врача-хирурга. Он обусловлен национально-культурными особенностями восприятия этой деятельности. В результате исследования обнаружено, что положительный эффект лечения объясняется не только профессионализмом и высокой квалификацией хирурга, но и неким присущим ему даром, а его коммуникативная способность представляется пациентами не менее значимым качеством, чем профессионализм.

Список источников

1. Валяйбоб А. В. Образно-перцептивные характеристики лингвокультурного типажа «американский первопроходец» // Гуманитарные исследования. 2012. № 4 (44). С. 021—026.
2. Вепрева И. Т., Шадрин Т. А. Идеологема и мифологема: интерпретация терминов // Научные труды профессорского Уральского института экономики, управления и права. Вып. 3. Екатеринбург, 2006. С. 120—131.
3. Волкова Я. А. Лингвокультурный типаж «вахтерша» // Грани познания. 2016. № 2 (45). С. 147—152.
4. Горшкова А. А., Галимова Э. Э. Лингвокультурный типаж «американский адвокат» // Гуманитарный трактат. 2019. № 57. С. 23—24.
5. Гулевец Н. А. Лингвокультурный типаж «Руководитель компании» в корпоративном дискурсе России, Испании и США // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 2. С. 66—72.

6. Гуляева Е. В. Лингвокультурный типаж «политик» в современном российском дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 184—187.
7. Дидковская В. Г. Лингвокультурный типаж «журналист» в словаре и массовой литературе // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 110—112.
8. Енина Л. А. Лингвокультурный типаж «британский премьер-министр» как предмет лингвистического изучения // Вестник Чувашского университета. 2007. № 4. С. 152—155.
9. Еркович П. С. Лингвокультурные типажи «учитель» и «teacher» в русской и американской лингвокультурах // Ученые заметки ТОГУ. 2018. Т. 9, № 1. С. 116—122.
10. Казарина Н. Б. Лингвокультурный типаж «спортсмен» как основной концепт спортивного дискурса // Материалы научной и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. 2014. № 1. С. 40—41.
11. Карасик В. И. Политический эксперт как лингвокультурный типаж // Актуальные проблемы стилистики. 2019. № 5. С. 87—95.
12. Мещерякова Ю. В. Лингвокультурный типаж «американский гангстер» // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 612—617.
13. Мосьпан С. А., Пономаренко И. Н., Кондратьева Т. С. Лингвокультурный типаж «чиновник» в художественном и медийном дискурсах // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2020. Т. 6, № 1. С. 171—179.
14. Мурзинова И. А. Лингвокультурный типаж «британская королева»: социокультурные характеристики // Грани познания. 2009. № 4 (5). С. 83—87.
15. Прилуцкий А. М. Коронавирусная инфекция и религиозные дискурсы медицинской конспирологии // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2020. № 33. С. 108—114.
16. Рощина А. А. «Китайский врачеватель» как лингвокультурный типаж // Известия ВГПУ. 2011. № 2. С. 35—38.
17. Степанова Е. С. Лингвокультурный типаж «земский врач» в медицинских мифах // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 1 (40). С. 234—243.
18. Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 24—32.
19. Чигринова Е. А. Особенности объективации образа-стереотипа «хороший врач» в русскоязычных СМИ // МНКО. 2018. № 5 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obektivatsii-obraza-steretipa-horoshiy-vrach-v-russkojazychnyh-smi> (дата обращения 20.12.2021).
20. Чигринцева Р. Р. Лингвокультурный типаж «Американский проповедник»: актуальные и дополнительные признаки // Гуманитарные исследования. 2009. № 1 (29). С. 95—102.
21. Чурюмова В. И. Лингвокультурный типаж «профессиональный путешественник» // Достижения вузовской науки. 2013. № 4. С. 138—143.
22. Щербалева А. А. Лингвокультурные типажи «учитель» и «врач»: общекультурные и индивидуально-авторские характеристики: на материале прозы А. П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 22 с.

References

1. Valjajbob AV. Figurative and perceptual characteristics of the linguocultural type “American pioneer”. *Humanitarian research = Gumanitarnye issledovanija*. 2012;(4(44):021-026. (In Russ.).
2. Vepreva IT, Shadrina TA. Ideologema i mifologema: interpretacija terminov = Ideology and mythologem: interpretation of terms. In: *Nauchnye trudy professorov Ural'skogo in-ta jekonomiki, upravlenija i prava* Scientific works of professors of the = Ural Institute of Economics, Management and Law. Iss. 3. Ekaterinburg; 2006. Pp. 120—131. (In Russ.).
3. Volkova JaA, Skrypnikova MA. Linguocultural type “watchwoman”. *Grani poznaniya = Facets of cognition*. 2016;(2(45):147-152. (In Russ.).
4. Gorshkova AA, Galimova EE. Linguocultural type “American lawyer”. *Gumanitarnyj traktat = Humanitarian Treatise*. 2019;(57):23-24. (In Russ.).

5. Gulevec NA. Linguocultural type “Head of the Company” in the corporate discourse of Russia, Spain and the USA. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki = Actual problems of philology and pedagogical linguistics*. 2019;(2):66-72. (In Russ.).
6. Guljaeva EV. Linguocultural type “politician” in modern Russian discourse. *Politicheskaja lingvistika = Political linguistics*. 2011;(3(37):184-187. (In Russ.).
7. Didkovskaja VG. Linguocultural type “journalist” in the dictionary and mass literature. *Problemy istorii, filologii, kultury = Problems of history, philology, culture*. 2014;(3(45):110-112. (In Russ.).
8. Enina LA. Linguocultural type “British Prime Minister” as a subject of linguistic study. *Vestnik Chuvashskogo universiteta = Bulletin of Chuvash University*. 2007;(4):152-155. (In Russ.).
9. Erkovich PS. Linguocultural types “teacher” and “teacher” in Russian and American linguocultures. *Uchenye zametki TOGU = Scientific notes of PNU*. 2018;(9-1):116-122. (In Russ.).
10. Kazarina NB. Linguocultural type “athlete” as the main concept of sports discourse. *Materialy nauchnoj i nauchno-metodicheskoy konferencii professorsko-prepodavatel'skogo sostava Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta fizicheskoj kul'tury, sporta i turizma = Materials of the scientific and scientific-methodical conference of the teaching staff of the Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism*. 2014;(1):40-41. (In Russ.).
11. Karasik VI. Political expert as a linguocultural type. *Aktual'nye problemy stilistiki = Actual problems of stylistics*. 2019;(5):87-95. (In Russ.).
12. Meshherjakova JuV. Linguocultural type “American gangster”. *Gumanitarnye i social'nye nauki = Humanities and Social Sciences*. 2014;(2):612-617. (In Russ.).
13. Mos'pan SA, Ponomarenko IN, Kondrat'eva TS. Linguocultural type “official” in artistic and media discourses. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki = Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philological sciences*. 2020;(6(1):171-179. (In Russ.).
14. Murzinova IA. Linguocultural type “British Queen”: socio-cultural characteristics. *Grani poznaniya = Facets of cognition*. 2009;(4(5):83-87. (In Russ.).
15. Priluckij AM. Coronavirus infection and religious discourses of medical conspiracy. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Politologija = News of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religion. Religiovedenie*. 2020;(33):108-114. (In Russ.).
16. Roshhina AA. “Chinese healer” as a linguocultural type. *Izvestija VGPU = News of VSPU*. 2011;(2):35-38. (In Russ.).
17. Stepanova ES. Linguocultural type “zemstvo doctor” in medical myths. *Teorija jazyka i mezhkul'turnaja kommunikacija = Theory of language and intercultural communication*. 2021;(1(40):234-243. (In Russ.).
18. Tarasov EF. Aktual'nye problemy analiza iazykovogo soznaniia = Actual problems of analysis of linguistic consciousness. In: *Iazykovoe soznanie i obraz mira = Linguistic consciousness and the image of the world*. Moscow; 2000. Pp. 24—32. (In Russ.).
19. Chigrinova EA. Features of objectification of the image-stereotype “good doctor” in the Russian-language media. *MNKO*. 2018;(5(72)). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obektivatsii-obraza-stereotipa-horoshiy-vrach-v-russkoyazychnyh-smi> (accessed 20.12.2021). (In Russ.).
20. Chigrinceva RR. Linguocultural type “American preacher”: actual and additional signs. *Gumanitarnye issledovaniya = Humanitarian research*. 2009;(1(29):95-102. (In Russ.).
21. Churjumova VI. Linguocultural type “professional traveler”. *Dostizhenija vuzovskoj nauki = Achievements of university science*. 2013;(4):138-143. (In Russ.).
22. Shcherbaeva AA. Lingvokul'turnye tipazhi “uchitel” i “vrach”: obshhekul'turnye i individual'no-avtorskie harakteristiki: na materiale prozy A. P. Chehova = Linguocultural types of a “teacher” and a “doctor” and individual author's characteristics: based on the prose by A. Chekhov. Abstract of thesis. Stavropol, 2010. 22 p. (In Russ.).

Информация об авторах

С. А. Ростовцева — старший преподаватель кафедры восточных и романо-германских языков.

А. В. Таскаева — кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и романо-германских языков ЧелГУ, завкафедрой иностранных языков ЮУрГИИ им. П. И. Чайковского.

Information about the authors

Svetlana A. Rostovtseva — senior lecturer at the Department of Oriental and Romance-Germanic Languages.

Anna V. Taskaeva — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Oriental and Romance-Germanic Languages of Chelyabinsk State University, Head of the Department of Foreign Languages of South Ural State Institute of Arts named after P. I. Tchaikovsky.

Статья поступила в редакцию 10.12.2021; одобрена после рецензирования 09.01.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 10.12.2021; approved after reviewing 09.01.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10321

РЕАЛИЗАЦИЯ ФЭНТЕЗИЙНЫХ АРХЕТИПОВ В ФОНЕТИЧЕСКОМ ОБЛИКЕ ИСКУССТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ НА ПРИМЕРЕ TES V: SKYRIM

Глеб Васильевич Урванцев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, punkhoyleb@mail.ru

Аннотация. Рассматривается звуковой облик фэнтезийных антропонимов в видеоигре TES V: Skyrim. Автор анализирует фонетический инвентарь гипотетических искусственных языков и делает выводы о связи между звуками, используемыми в соответствующих антропонимах, и ранжированием игровых рас от «центра» (позиции силы и престижа) к «периферии».

Ключевые слова: исследования видеоигр, картина мира, искусственные языки, звукопись, фэнтези

Для цитирования: Урванцев Г. В. Реализация фэнтезийных архетипов в фонетическом облике искусственных языков на примере TES V: Skyrim // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 168—177. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10321.

Original article

FANTASY ARCHETYPES IN THE PHONETIC SYSTEMS OF CONSTRUCTED LANGUAGES IN TES V: SKYRIM

Gleb V. Urvantsev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, punkhoyleb@mail.ru

Abstract. This article deals with the sounding of fantasy personal names in TES V: Skyrim. The author reviews the phonetic inventories of the hypothetical constructed languages belonging to the playable races in the game through the analysis of the graphemes used in the personal names of the characters in these languages. This allows for some conclusions about what types of phonemes dominate in the game's languages, as well as assumptions concerning the types and classes they may belong to (vocalic or consonantal, synthetic or analytical, etc.). Further on, the author makes some assumptions about the correlations between the phonemes used in the respective personal names and the hypothetical location of the game's race relative to the 'center' (the position of power and prestige) and periphery and concludes that sound inventories in fantasy conlangs are used to express certain character archetypes.

Keywords: videogame studies, world view, constructed languages, sound-painting, fantasy

For citation: Urvantsev GV. Fantasy archetypes in the phonetic systems of constructed languages in TES V: Skyrim. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(3(461):168-177. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10321.

Введение

Фэнтезийные РПГ являются одним из самых популярных жанров компьютерных игр. Для них характерно наличие уникальной альтернативной вселенной, в которой происходит действие игры. Одним из признаков глубоко проработанных фэнтезийных миров является разработка искусственных языков (артлангов) для игровых «рас»: людей, эльфов, орков и других, — которые отличались бы от реальных, естественных языков. Нам представ-

ляется интересным изучить, какими принципами руководствуются авторы/разработчики видеоигр при создании искусственных языков для своих произведений, а также выявить, какие лингвистические явления находят отражение в таких языках.

Методы и материалы

Искусственные языки достаточно редко привлекают внимание исследователей, однако в последнее время, на наш взгляд, ситуация меняется. В частности, нельзя не отметить работу россий-

ского лингвиста А. Пиперски «Конструирование языков», где он пишет о том, что «искусственные языки могут быть полезны для лингвистической теории» [4. С. 11], так как позволяют на практике оценить возможность или невозможность функционирования тех или иных языковых средств и особенностей.

Кроме того, для нас важна его мысль о том, что искусственные языки представляют собой не менее ценный исследовательский материал, нежели предметные области, к примеру, литературоведения или искусствоведения, которые также анализируют проявления свободной воли отдельного человека [Там же. С. 15].

Языки, которые мы рассматриваем в нашей работе, являются гипотетическими (для них нет сводов грамматических или орфографических правил или словарей). Исключение составляют правила создания игровых онимов — имен персонажей и топонимов, — принадлежащих к той или иной «культуре». Очевидно, что данные наборы правил создавались скорее коллективом авторов, а не одним лицом. Вероятнее всего, данные языки являются апостериорными, так как авторы так или иначе опирались на собственный языковой опыт.

Интересно, что в качестве основ и прототипов использовались как естественные, так и искусственные языки. В антропонимах из Skyrim можно выявить следы латыни, итальянского, французского, северогерманских и кельтских языков, не говоря о том, что в целом игра была выпущена американской студией и ее создатели, вероятнее всего, общались между собой на английском языке и разрабатывали игровую вселенную, ориентируясь в первую очередь на англоговорящую аудиторию.

Искусственные языки, оказавшие влияние на формирование антропонимов в Skyrim, без сомнения, включают в себя разработанные Дж. Р. Толкином эльфийские языки квенья и синдарин, а также, вероятно, различные фразы, онимы и прочие языковые и речевые единицы на языках эльфов, орков и прочих рас, известных в популярной культуре (включая литературу, кинематограф и видеоигры).

Конструированию языков, языковым механикам и языковому творчеству посвящена и работа Д. Дж. Питерсона «Искусство создания языков». Этот исследователь пишет о том, что масштабы разработки искусственных языков для вымышленных миров (так называемых артлангов) значительно выросло с наступлением эпохи Интернета, который значительно упростил общение с фанатами тех или иных произведений друг с другом [5. С. 14—15].

Кроме того, Д. Дж. Питерсон предлагает практический подход к созданию искусственных языков и применительно к артлангам пишет, что, «если языки разрабатываются для вымышленной расы людей в условиях, в остальном реалистичных, язык тоже должен быть настолько реалистичным, насколько получится» [Там же. С. 26].

Нередко создатели искусственных языков концентрируются на использовании редких/непривычных языковых компонентов (звуков, грамматических структур и т. п.), что приводит нас к работам по лингвистической типологии. Проблеме языкового разнообразия и лингвистической типологии посвящена работа А. Перелтсвайг *Languages of the World*, в которой автор пишет о том, что «экзотическое» понимается только на контрасте с «обыденным», и такое противопоставление зачастую определяется нашей «системой координат» [9. С. 3].

Н. Б. Мечковская в своей книге «Структурная и социальная типология языков» разбирает различные классификации естественных языков, а также языковые универсалии. Она пишет о том, что цель лингвистической типологии — «понять пределы возможного языкового разнообразия на Земле и найти типичные черты в этом разнообразии, а лингвистика универсалий, перечисляя то общее, что объединяет языки, стремится увидеть язык-эталон — своего рода мысленную модель тысяч языков мира» [3. С. 282]. На наш взгляд, разработка и исследование искусственных языков могут служить той же цели.

Говоря о философских категориях, нельзя обойти вниманием понятие картины мира, которое является фундаментальным для лингвокультурологии. По мнению В. И. Постоваловой, картина мира выражает «специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире» [7. С. 11]. С. А. Питина считает картину мира целостным образом мира, результатом всей духовной деятельности человека [6. С. 115]. М. М. Маковский пишет, что «картина мира представляет собой глобальный образ, репрезентирующий его свойства в том виде, в котором они осмысливаются его носителями, и являющийся интеграцией всех моментов психической жизни человека как представителя того или иного этноса на той или иной ступени их развития» [2. С. 73—74].

Рассматривая языковую картину мира, О. А. Корнилов пишет о том, что она может использоваться «как источник знания о национальном характере и менталитете» [1. С. 79]. Применительно к фэнтезийным вселенным, однако, можно говорить

о том, что соответствующие искусственные языки отражают, скорее, представления их авторов о связях между, условно говоря, «национальным характером» вымышленных народов и звуковым и грамматическим строем, обликом языков, на которых эти народы говорят.

Важно отметить, что, так как TES V: Skyrim была разработана в США и, как следствие, в первую очередь предназначалась для англоязычной аудитории, можно говорить о том, что в основе указанной фэнтезийной вселенной лежит англоязычная картина мира с характерными для нее представлениями о норме, в том числе языковой (например, для английского языка нормой является аналитическая грамматика, наличие большого числа гласных, в том числе дифтонгов, и т. п.).

При этом мы считаем, что сложившиеся традиции высокого эпического фэнтези, к которому можно отнести и серию игр TES, сформировали весьма специфическую жанровую картину мира. Для нее характерно внимание к борьбе героя или народа (в игровом сообществе чаще используется термин «раса», который мы будем использовать далее), который этот герой представляет, против 1) нашествия агрессивных варваров или 2) угнетения со стороны более развитого и сильного народа. Таким образом, в большинстве произведений в жанре классического фэнтези можно выделить следующие группы рас (народов, культур, цивилизаций и т. п.):

- 1) «высшие» — наиболее древние, мудрые и продвинутые. Чаще всего данный архетип реализуется в эльфах, которые могут представлять и как добрые помощники героя, и как угнетатели;
- 2) «средние» — представители этих рас, как правило, могут быть и героями, и злодеями. Чаще всего представлены людьми;
- 3) «низшие» — воплощение агрессии, жестокости, дикости, грубой силы. Сюда, как правило, относятся орки, зверолоуды, дикари.

В TES V: Skyrim роль «высших» рас играют имперцы (сиродильцы) и альтмеры — они имеют наибольшее политическое влияние и являются наиболее продвинутыми и сильными фракциями в игре. Близки к ним босмеры и бретонцы — их культуры в целом похожи на альтмерскую и имперскую соответственно, хотя и имеют свои особенности. Чуть дальше находятся норды и данмеры, которые гораздо меньше зависят от «высших» рас и нередко с ними конфликтуют. На периферии находятся редгарды (чернокожие обитатели мира Skyrim), орки, а также зверолоуды хаджиты (коты)

и аргониане (рептилоиды). Эти расы значительно отличаются от остальных внешне и, за исключением редгардов, чаще подвергаются порицанию со стороны других народов.

Схематически мы представили ранжирование рас в TES V: Skyrim на рис. 1.

В отличие от искусственных языков, видеоигры привлекают несравнимо большее внимание исследователей из различных отраслей знания. Например, Т. Хиггин исследует видеоигры с позиции критической теории рас. Он пишет о том, что «видеоигры являются экспериментальными лабораториями для концептуализации человеческого разнообразия» и что «понимание игр крайне важно для понимания нашего места в мире» [8. Р. 11]. В своей работе данный автор в первую очередь рассматривает репрезентацию реальных рас в играх, что не всегда применимо к фэнтезийным расам. Тем не менее Т. Хиггин затрагивает и такие фэнтезийные игры, как World of Warcraft, справедливо отмечая, что «миры многих ролевых игр... основаны на расовом противостоянии» [Там же. Р. 22].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что игровые расы в фэнтезийных РПГ, таких как Skyrim, представляют собой примеры концептуализации человеческих типажей, культурных архетипов, не связанных напрямую с реальными расами и культурами. При этом соответствующие искусственные языки служат средством реализации авторского замысла и помогают раскрыть определенные культурные особенности и нормы игровых рас.

Г. Тавинор пишет о том, что «визуально-пространственные нарративы современных видеоигр используют различные формы, включая акустические, лингвистические и тактильные, для повышения качества репрезентации вымышленных миров» [10. С. 76]. Под лингвистическими формами репрезентации автор в первую очередь понимает внутриигровые диалоги и прочие тексты (дневники, записки, объявления и пр.). На наш взгляд, сюда же можно отнести и соответствующие арт-ланги в играх жанра фэнтези, так как они тоже помогают игрокам погрузиться в игровой мир и делают его более правдоподобным, а значит, и повышают качество игры в целом.

Принимая во внимание вышесказанное, а также тот факт, что в нашей работе мы преимущественно исследуем онимы, а точнее, их графическую/фонетическую репрезентацию, а не грамматический строй и словарный запас искусственных языков, мы считаем звукопись одним из ключевых понятий для нашего исследования. Под этим термином

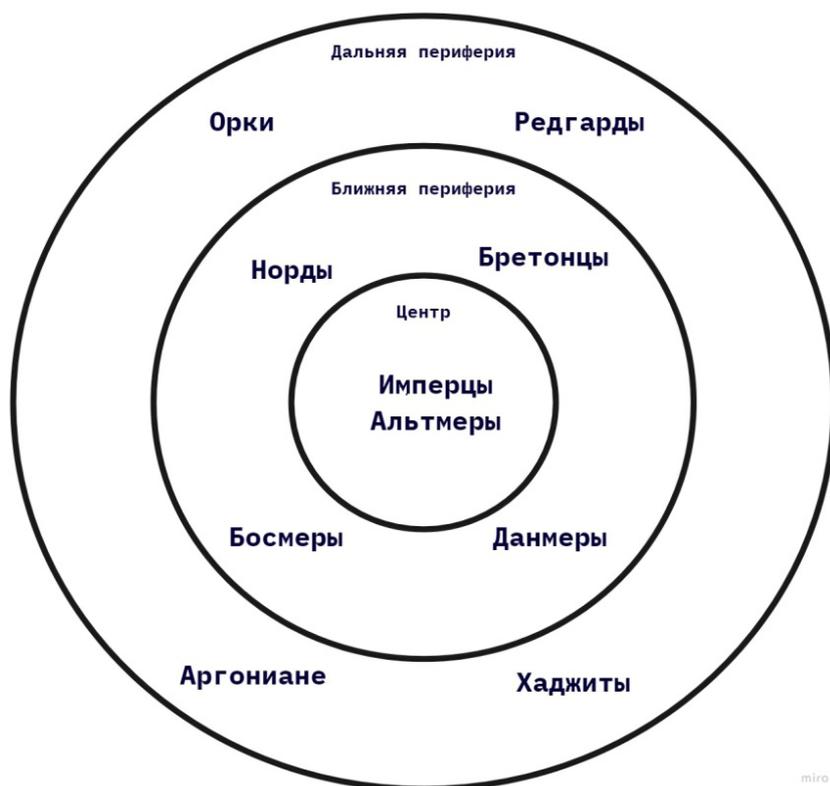


Рис. 1. Распределение игровых рас в TES V: Skyrim от центра к периферии

мы понимаем «выполняющее заранее заданные стилистические функции применение в стихотворном или прозаическом тексте определенных элементов звукового состава языка: согласных и гласных звуков, ударных и безударных слогов, пауз, различных видов интонаций, одинаковых синтаксических оборотов, повторений слов, как правило, рассчитанных на соответствие произносимой фразы изображаемой картине, а также какому-либо действию» [11].

Иначе говоря, мы считаем звуковой облик онимов и, как следствие, фонетический инвентарь искусственных языков в фэнтезийных РПГ мотивированным художественной необходимостью подобно использованию звукописи в литературе. Мы полагаем, что фонетические особенности таких искусственных языков призваны подчеркивать культурные особенности соответствующих игровых рас.

Создание искусственных языков характерно не только для видеоигр, но и для любых других произведений в жанре фэнтези (литература, кинематограф). В некоторых случаях авторы разрабатывают полноценные языковые системы (например, Толкин и его языки Средиземья), тогда как в других произведениях фэнтезийные языки присутствуют лишь в виде случайных вкраплений.

В данном исследовании рассматривается фонетическая организация фэнтезийных языков в игре The Elder Scrolls V: Skyrim. Эта игра в жанре классического высокого фэнтези была выпущена в 2011 г. и до сих пор остается весьма популярной среди игрового сообщества, что говорит о ее непреходящей актуальности, одной из ключевых предпосылок которой была, на наш взгляд, глубокая проработка фэнтезийной вселенной с обилием игровых и неигровых рас и, соответственно, языков.

Непосредственно фэнтезийные языки присутствуют в игре в весьма ограниченном объеме. Специально для нее был разработан «драконий язык». С ним игрок сталкивается лишь время от времени и не использует для взаимодействия/общения с другими персонажами, а потому мы не будем рассматри-

вать его в этой работе. Кроме того, игрок иногда слышит реплики на языках основных игровых рас (например, аргониан и хаджитов), но этих реплик также достаточно мало, а потому мы исключили их из анализа. В итоге предметом исследования стали игровые антропонимы (личные имена персонажей), так как их количество в игре достаточно велико и они, очевидно, формировались по определенным канонам соответствующих (гипотетических) языков, что вполне позволяет исследовать фонетическую организацию указанных языковых систем.

Всего проанализировано 790 антропонимов, или 883 лексические единицы (некоторые имена состоят из нескольких компонентов). Данные единицы сгруппированы в соответствии с гипотетическими игровыми языками. Такое деление в абсолютном большинстве случаев совпадало с игровой расой персонажа. В итоге мы получили следующие цифры:

- сиродильский язык — 87 имен / 133 слова;
- нордский язык — 372 / 372;
- бретонский язык — 90 / 120;
- редгардский язык — 44 / 45;
- альтмерский язык — 37 / 37;
- босмерский язык — 19 / 19;
- данмерский язык — 49 / 77;
- оркский язык — 53 / 66;

- хаджитский язык — 12 / 12;
 — аргонианский язык — 14 / 15.

Далее мы выбирали графемы, используемые в онимах, принадлежащих к одному языку, и подсчитывали их частотность в пределах каждого из вышеперечисленных наборов данных, предполагая, что каждой из графем соответствует определенная фонема. Далее мы анализировали фонемный состав каждого из гипотетических языков.

Значительную трудность представлял тот факт, что мы вынуждены делать вывод о фонетическом строении языков на основе графем, а не собственно звучания слов. Определенную сложность представляло чтение кластеров букв — должны они обозначать один звук или несколько. Одним из наиболее ярких примеров в данном случае является кластер *th* — в английском языке он обозначает межзубный фрикатив (причем как глухой, так и звонкий), в других языках (например, немецком и французском) он может быть равнозначен обычному *t*, но существует и возможность прочтения этого диграфа как смычного согласного с придыханием. Не меньшую сложность представляют кластеры гласных, такие как *ae*, — теоретически это может быть монофтонг, для которого нет подходящей буквы в латинском алфавите, дифтонг или два разных звука.

Данная проблема была решена следующим образом: так как игра была выпущена в США и, очевидно, основным языком ее разработки был английский, мы считали «английское» чтение приоритетным, за исключением случаев, когда форма онима напоминала имена из реально существующих культур, которые стали прототипами игровых рас. Оговоримся, что здесь речь идет только о людских народах сиродильцев/имперцев (Римская империя), нордов (Скандинавские страны) и бретонцев (французы, кельтские народы). Для указанных онимов мы отчасти руководствовались принципами чтения, характерными для соответствующих языков (латынь и отчасти итальянский для имперцев, германские — чаще северогерманские — языки для нордов, и французский/ирландский/валлийский для бретонцев).

Результаты и обсуждение

Проанализировав фонемный инвентарь в онимах из TES V: Skyrim, мы выявили следующие особенности соответствующих искусственных языков:

1. Имперский язык с фонетической точки зрения является вокалическим (доля гласных в «речи» — 48%). Кроме того, в нем довольно много сонорных звуков (178 звуков на 133 сло-

ва, 40,5% всех согласных). Фрикативные в целом встречаются чаще, чем смычные (29% против 26%) при одинаковом количестве фонем. Звонких несонорных согласных меньше, чем глухих. Дифтонгов достаточно много (9 фонем), но используются они в целом не так уж часто. Рекордными по частотности являются фонемы *a* (114), *i* (100), *u* (77), *e* (49), *o* (30), а также *s* (87), *r* (52), *n* (46), *t* (44) и *l* (41). Присутствуют *v* (29), */k/* (22), *d* (19), *m* (15), *ll* (14), *p* (12), */ts/* (10), *g* (10).

2. Рассмотрев фонетические особенности языка нордов, можно говорить о следующем: данный язык имеет ярко выраженный консонантный характер (доля согласных в речи — 65%). Сонорные в речи составляют 51% всех согласных, однако в большинстве случаев это фонема *r* (291 случай употребления на 372 слова). В отличие от языка имперцев смычные согласные в нем встречаются чаще, чем фрикативные (27% против 21,5%). Звонких фрикативных фонем всего 2 (*th* и *z*). Наиболее часто употребляемыми гласными являются *a* (205), *i* (171), *o* (125), ощутимо присутствуют *e* (91), *u* (66), а также дифтонг *ei* (30), встречается *y* (13). Присутствует противопоставление гласных по долготе. Самые часто встречающиеся согласные: *r* (291), *l* (145), *d* (107), *n* (102), *s* (82), *g* (74), *k* (68), *f* (67). Ощутимо присутствуют *v* (50), *h* (49), *b* (42), *t* (38), *j* (38), *th* (25), *ng* (22). Интересно также отметить, что в языке нет аффрикат.
3. Язык бретонцев очень певуч за счет большого количества гласных (43% в речи), в нем активно используются дифтонги (11% всех гласных). По количеству фонем доминируют дифтонги (10) и сонорные (11). Вероятно, есть противопоставление гласных по долготе (выражается диграфами *ou* и *ai*). Также достаточно много фрикативных: глухих 6, звонких 5. Наиболее частотные гласные: *e* (85), *a* (68), *i* (46), *o* (30), также распространены *y* (12) и диграф *ai* (11). Типичные согласные включают: *n* (68), *r* (49), *d* (30), *l* (29), *t* (29), *s* (28), *m* (25), *b* (16), *v* (14), */k/* (11).
4. В языке редгардов согласных фонем немного больше, чем гласных; и в речи согласные также встречаются чуть чаще (56%). Монофтонгов больше, чем дифтонгов (8 против 6), причем следует отметить, что в данном языке гласные различаются по длине (о чем говорит наличие фонем *a/aa* и *e/ee*). Смычные звуки встречаются достаточно редко (всего

- 11 % от всех звуков или 20 % от согласных). Из гласных чаще всех используется фонема *a* (55 случаев на 45 слов), следующая фонема по частотности — *e* (13). Из согласных — *n* (22), *r* (17), *m* (12), *l* (11), *s* (10).
5. Альтмерский язык отличается относительно высокой долей гласных в речи (42 %), при этом монофтонги в нем используются чаще, чем дифтонги (35 % против 6 % всех гласных). Большинство согласных — сонорные (доля сонорных в речи — 42 %). Фрикативы используются заметно реже смычных (11 % против 17 %). Наиболее типичные фонемы — *n* (35), *r* (29), *l* (24), *d* (10), а также *a* (28), *i* (19), *e* (17), *o* (12).
 6. В босмерском языке доля согласных в речи заметно выше гласных (63 % на 37 %). Дифтонги используются чуть чаще, чем в альтмерском. Доля сонорных в речи также высока (42,5 % от всех звуков и 67,5 % от согласных). Доля глухих согласных заметно ниже, чем в альтмерском языке (6 % всех звуков вместо 9 %). Наиболее типичные фонемы — *n* (22), *r* (19), *l* (9), *d* (9), *i* (11), *a* (9), *e* (9), *o* (7).
 7. В данмерском языке вновь высока доля гласных (41 %), при этом крайне мало используются дифтонги (2,5 % от всех звуков и 6 % от гласных). Доля сонорных заметно ниже, чем у других эльфийских языков (34 % от всех звуков и 58 % от согласных). Высока доля фрикативов (16,5 % от всех звуков или 28 % от всех согласных). Наиболее типичные согласные: *r* (53), *n* (46), *l* (38), *s* (27), *d* (25), *v* (24); гласные: *a* (57), *e* (46), *i* (31). Интересно, что случаев использования графемы *y* (15) больше, чем *u* (12) и *o* (9).
 8. Орочий язык имеет выраженный консонантный характер (63 % согласных против 37 % гласных в речи). Дифтонгов практически нет. Сонорные употребляются достаточно редко по сравнению с другими языками (43 % от согласных и 27 % от всех звуков), причем преимущественно это фонема */r/*. Высока доля смычных (24 % от всех звуков и 38 % от согласных). Аффрикаты не обнаружены. Типичные согласные: *r* (51), *g* (49), *l* (29), *b* (24), *sh* (17), *m* (14), *z* (11); гласные: *a* (55), *u* (42), *o* (38).
 9. Язык хаджитов имеет сравнительно высокую долю гласных в речи (41 %), при этом доля дифтонгов незначительна. Сонорных в речи немного (21 % всех звуков) и преимущественно это звук *r*. Доля глухих согласных достаточно высока (24 % всех согласных), как и доля фрикативов (30 % согласных). Высока также доля аффрикат (10 % от всех звуков и 16 % от согласных). Типичные звуки: *r* (7), */dzh/* (5), *z* (3), *sh* (3), *k* (3), а также *a* (17), *i* (4), *o* (3).
 10. Аргонианский язык имеет консонантный характер (55 % согласных в речи), достаточно часто использует дифтонги (5 % от всех звуков или 12 % гласных). Доля сонорных невысока (20 % всех звуков), преимущественно это звук *r*. Часто используются аффрикаты (7 % от всех звуков и 12 % от согласных). Высоки доли смычных и глухих согласных (33 % и 27 % от всех согласных соответственно). Типичные звуки: *r* (6), */dzh/* (6), *d* (5), *t* (4), *l* (4), *n* (4), а также *a* (15), *ee* (10), *u* (6), *ei* (5), *e* (4).
- Исходя из вышесказанного, мы выработали инвентари гласных и согласных фонем, чье присутствие в языке каждой из игровых рас TES V: Skyrim наиболее заметно. Эти наборы фонем приведены в табл. 1 и 2 (соответствующие графемы, кроме случаев, когда в игровых антропонимах наблюдалось несколько способов выражения одной и той же условной фонемы; в таких случаях для краткости мы даем обозначение непосредственно фонемы между косыми чертами).
- Обобщая вышесказанное, можно отметить следующее:
1. Больше всего различных фонем обнаружилось в нордском (50) и бретонском (49), то есть «людских» языках. Меньше всего фонем обнаружилось в хаджитском (21), аргонианском (23) и орочьем (25) (языки «низших» рас).
 2. Наибольшее количество гласных фонем обнаружилось в бретонском (19), нордском (18) и имперском (16) языках; меньше всего — в орочьем (6), аргонианском (6) и хаджитском (5).
 3. Согласных фонем также больше всего найдено в нордском (32), бретонском (30) и имперском (25) языках, а меньше всего — в альтмерском (14), босмерском (15) и хаджитском (16).
 4. Наибольшая доля гласных в речи наблюдается в имперском (48 %), аргонианском (45 %) и редгардском (44 %). Самые консонантные языки — это нордский (64,5 % согласных), орочий (63,5 %) и босмерский (63 %).
 5. По количеству сонорных в речи первые три места занимают эльфийские языки: альтмерский (72 %), босмерский (67,5 %) и данмерский (58 %). Реже всего сонорные встречаются в хаджитском (35 %) и аргонианском (35 %) языках.

6. Смычные звуки чаще всего встречаются в орочьем (38%) и аргонианском (33%) языках, реже всего — в данмерском (13%), альтмерском (17%) и хаджитском (19%).
7. Больше всего фрикативных звуков встречается в хаджитском (30%), имперском (29%) и данмерском (28%), а меньше всего — в альтмерском (11%) и босмерском (11%), за которыми следуют орочий (19%) и аргонианский (20%) языки.
8. Аффрикаты чаще всего встречаются в речи хаджитов (16%) и аргониан (12%), и они не обнаружены в нордском, альтмерском, босмерском и орочьем языках.

Далее нам представляется интересным выяснить, как соотносятся особенности фонетического облика указанных языков со схемой распределения рас в центре / на периферии.

Наиболее развитые фонетические системы получили людские языки, причем в первую очередь те, которые находятся ближе к «центру»: имперский, бретонский и нордский (в случае с последним определенную роль сыграло то, что вся игра посвящена нордам и их стране — Скайриму).

Также достаточно внушительные фонетические инвентари наблюдаются в языке орков, данмеров и аргониан. В случае с первыми, на наш взгляд, это связано с тем, что эта раса является стереотипной репрезентацией архетипа варвара, а также одной из классических фэнтезийных рас, что привлекло к ним внимание создателей игры. Данмерам была посвящена одна из предыдущих игр серии TES III: Morrowind, что также повысило интерес игроков и авторов к данной расе.

Достаточно большое число значимых фонем в языке аргониан объяснить сложно, так же как

Таблица 1

Эффективные инвентари гласных фонем для языков игровых рас в TES V: Skyrim

Имп.	Норд.	Брет.	Редг.	Альт.	Бос.	Дан.	Орк.	Хадж.	Арг.
<i>Гласные</i>									
a	a	e	a	a	i	a	a	a	a
i	i	a	e	i	a	e	u	i	ee — /i/
u	o	i		e	e	i	o	o	u
e	e	o		o	o	y			ei
o	u	y				u			e
	ei	ai				o			
	y								

Таблица 2

Эффективные инвентари согласных фонем для языков игровых рас в TES V: Skyrim

Имп.	Норд.	Брет.	Редг.	Альт.	Бос.	Дан.	Орк.	Хадж.	Арг.
<i>Согласные</i>									
s	r	n	n	n	n	r	r	r	r
r	l	r	r	r	r	n	g	/dʒ/	/dʒ/
n	d	d	m	l	l	l	l	z	d
t	n	l	l	d	d	s	b	sh	t
l	s	t	s			d	sh	k	l
v	g	s				v	m		n
k	k	m					z		
d	f	b							
m	v	v							
ll	h	/k/							
p	b								
/ts/	t								
g	j								
	th								
	ng								

и весьма ограниченный инвентарь частотных фонем у альтмеров.

Интересно отметить, что языки «центра» имеют вокалический характер, тогда как периферийные языки чаще консонантные.

Если рассматривать средние наборы гласных и согласных фонем, можно заметить, что маркерами периферийности являются частотное использование дифтонгов и таких звуков, как *y* и *u*, *r* (*y* у периферийных языков он попадает на первое место, тогда как у центральных — на втором), а также несонорных согласных в целом и аффрикат в частности.

Воинственные расы, такие как норды и орки, а также аргониане чаще других рас используют смычные звуки. Активное использование фрикативов, в особенности шипящих (кроме *s*), также характерно для периферийных рас.

Магические расы — в контексте Skyrim это все эльфийские расы и бретонцы — отличаются частотным употреблением сонорных, особенно *n*, *r* и *l*, а также звонкого смычного *d*.

Имперский язык имеет наиболее разнообразный фонетический инвентарь: среди частотных согласных в нем присутствуют и сонорные, и смычные, и фрикативы, и аффрикаты. Кроме того, он имеет «усредненный» набор гласных: в нем достаточно часто встречаются пять базовых звуков, которые есть практически во всех языках, однако нет редких звуков и дифтонгов. Это, на наш взгляд, связано с тем, что Империя, с одной стороны, занимает положение метрополии в мире игры, а с другой — она является максимально «стандартной» людской расой, обеспечивающей весьма гибкое развитие персонажа.

Далее, используя полученные данные, мы разработали еще одну схему, отражающую следующие языковые характеристики: частотности сонорных, вокалический/консонантный характер, а также соотношение смычных и фрикативных согласных в речи. Эта схема показана на рис. 2.

Очевидно, что данная схема во многом совпадает с распределением, показанным на рис. 1. Главное различие заключается в том, что к центру в данном случае тяготеют

именно языки людей. Поясним также, что имперский и редгардский языки помещены одновременно в категорию вокалических и консонантных, так как при высокой доле гласных в речи они имеют сравнительно небольшой инвентарь гласных фонем.

Далее нам представляется интересным оценить выявленные параметры с точки зрения их лингвистической реалистичности, а также рассмотреть, какие потенциальные характеристики соответствующих языков возможно из них вывести. Для этого мы использовали имплицативные лингвистические универсалии, в частности фонетико-фонематические, что обусловлено спецификой рассматриваемого материала.

1. Минимальное число фонем (хаджитский язык, 21 фонема) и максимальное число фонем (нордский язык, 50 фонем) не выходят за рамки, характерные для естественных языков (от 10 до 81).
2. Минимальный набор гласных (если рассматривать только звуки, которые встречаются достаточно часто) наблюдается в языке редгардов: 2 звука, *a* и *e*, что согласуется с универсалией о том, что «если имеется одна оппозиция гласных, то это оппозиция по высоте, а не по ряду» [3. С. 265].
3. Консонантный минимум (фонемы *p*, *t*, *k*, *s/h*, *j*, *r/l*, *n*) наблюдается почти везде, однако есть оговорки: */p/* отсутствует в редгардском языке, а фонема */j/* не имеет четкого графического отражения в бретонском, редгардском,

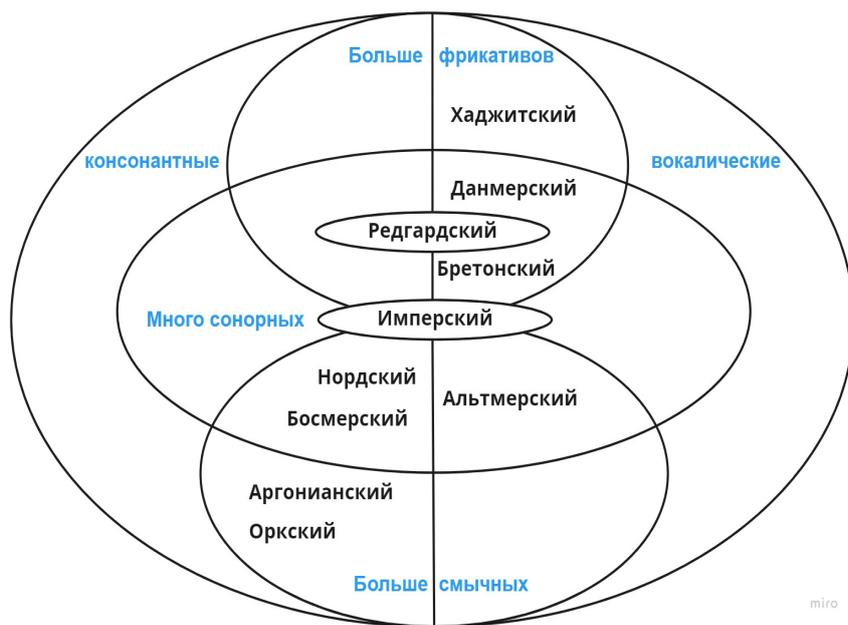


Рис. 2. Распределение языков в TES V: Skyrim по выявленным языковым характеристикам

- альтмерском, босмерском, данмерском, хаджитском и аргонианском языках. Последнее может быть связано как с тем, что сочетания «*j* + гласный» были засчитаны как дифтонги.
4. Редкие звуки, которые мы, вслед за Н. Б. Мечковской, понимаем как «звуки сложной, громоздкой артикуляции или звуки, в образовании которых участвуют наиболее глубокие, внутренние зоны речевого аппарата» [3. С. 57]. К таким звукам, в частности, относятся аффрикаты, носовые гласные и слоговые согласные. В проанализированном нами материале также заметно, что аффрикаты активно используют лишь периферийные языки, дифтонги (очевидно, в силу более сложной артикуляции) также отсутствуют в языках «центра», равно как и шумные согласные с «глубокой» артикуляцией. Помимо вышеупомянутого, для периферийных языков в целом характерно более активное использование графем, состоящих из нескольких символов.
 5. Исходя из того что вокализм в целом характерен для языков с аналитической грамматикой, а консонантизм — для синтетических систем, мы можем также сделать вывод, что языки, расположившиеся ближе в центре наших схем, с большей вероятностью будут аналитическими, тогда как периферийные языки с высокой долей вероятности будут иметь синтетическую грамматику. При этом инвентарь гласных фонем у людских языков, за исключением редгардского, развит куда

сильнее, чем у всех остальных, что также помещает их ближе к центру. На наш взгляд, это вполне соответствует англоязычной/западноевропейской картине мира, так как английский и большинство западноевропейских языков являются аналитическими.

Заключение

В нашем исследовании мы разобрали фонетический облик искусственных языков игровых рас из TES V: *Skyrim* с точки зрения наблюдаемого фонемного инвентаря, наиболее характерных / часто встречающихся фонем и использования фонем в потоке речи. Выявленные особенности использования звуков в тех или иных языках соотносятся с делением игровых рас на «центральные» и «периферийные». Это позволяет говорить о наличии в фэнтезийной картине мира определенных языковых стереотипов, связанных с ролью, которую выполняет та или иная раса в произведении, или с архетипом, который она воплощает. Кроме того, на наш взгляд, указанное распределение языковых характеристик отражает специфику лежащей в основе игры англоязычной картины мира.

Перспективными направлениями дальнейших исследований мы считаем анализ формантов, из которых состоят антропонимы в *Skyrim*, а также сравнение выявленных особенностей искусственных языков в указанной игре с аналогичными параметрами искусственных языков аналогичных рас/типажей в других фэнтезийных вселенных, таких как *Warcraft*, *Sacred*, *Heroes of Might and Magic*.

Список источников

1. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
2. Маковский М. М. Символы жизни и жизнь символов // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 73—74.
3. Мечковская Н. Б. Структурная и социальная типология языков. М.: Флинта: Наука, 2001. 312 с.
4. Пиперски А. Конструирование языков. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 224 с.
5. Питерсон Д. Дж. Искусство создания языков. М.: АСТ, 2018. 320 с.
6. Питина С. А. Реализация пространственно-временных отношений в мифологической картине мира. Гл. 3 // Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира. Челябинск: ЧелГУ, 2002. С. 89—132.
7. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8—69.
8. Higgin T. *Gamic Race: Logic of Difference in Videogame Culture*. Riverside: University of California, 2012. 274 p.
9. Pereltsvaig A. *Languages of the World*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 500 p.
10. Tavinor G. *The Art of Videogames*. Chichester: John Wiley & Sons, 2009, 231 p.
11. Звукопись. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/literary-dictionary/fc/slovar-199.htm#zag-323> (дата обращения 18.01.2022).

References

1. Kornilov OA. Jazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nykh mentalitetov = Linguistic world images as products of national mentalities. Moscow: CheRo; 2003. 349 p. (In Russ.).
2. Makovskij MM. Symbols of life and life symbols. *Voprosy jazykoznanija = Linguistics Issues*. 1997;(1):73-74. (In Russ.).
3. Mechkovskaja NB. Strukturnaja i social'naja tipologija jazykov = The structural and social typology of languages. Moscow: Flinta; 2001. 312 p. (In Russ.).
4. Piperski A. Konstruirovanie jazykov = Constructing languages. Moscow: Al'pina non-fikshn; 2017. 224 p. (In Russ.).
5. Peterson DJ. Iskusstvo sozdaniya jazykov = The art of constructing languages. Moscow: AST; 2018. 320 p. (In Russ.).
6. Pitina SA. Koncepty mifologicheskogo myshlenija kak sostavljajushhaja konceptosfery nacional'noj kartiny mira = The concepts of mythological thinking as a component of the national world-view conceptual framework. Chelyabinsk; 2002. Pp. 89—132. (In Russ.).
7. Postovalova VI. Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: Jazyk i kartina mira = The role of human factor in language: language and world view. Moscow: Nauka; 1988. Pp 8—69.
8. Higgin T. *Gamic Race: Logic of Difference in Videogame Culture*. Riverside: University of California; 2012. 274 p.
9. Pereltsvaig A. *Languages of the World*. Cambridge University Press; 2012. 500 p.
10. Tavinor G. *The Art of Videogames*. Chichester: John Wiley & Sons; 2009. 231 p.
11. *Zvukopis' = Sound-painting*. Available from: <http://niv.ru/doc/dictionar y/literary-dictionary/fc/slovar-199.htm#zag-323> (accessed 18.01.20 22). (In Russ.).

Информация об авторе

Г. В. Урванцев — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the author

Gleb V. Urvantsev — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 25.11.2021; одобрена после рецензирования 10.12.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 25.11.2021; approved after reviewing 10.12.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.